Майкл МУРКОК

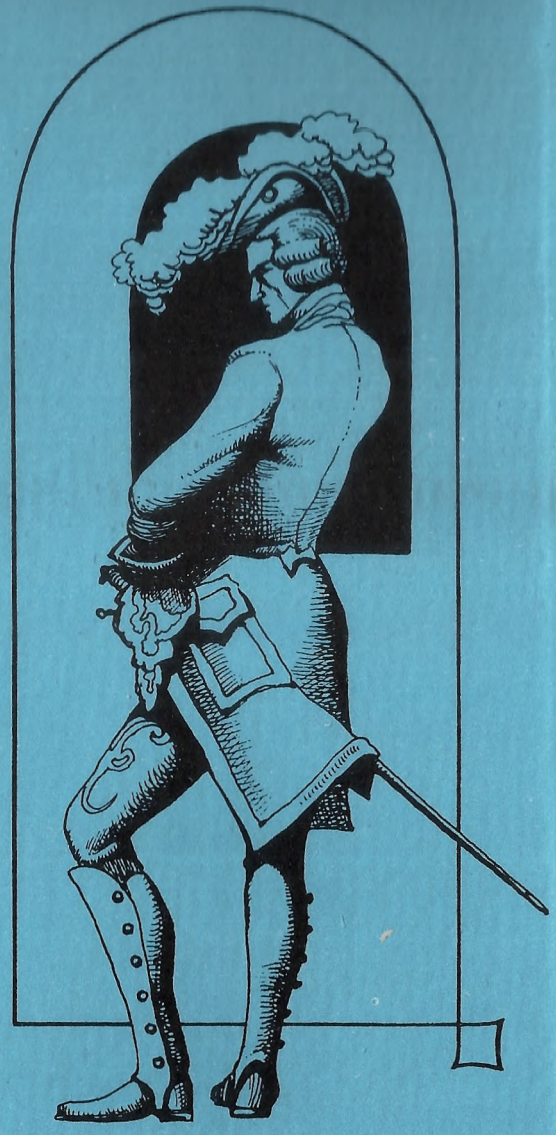
ТОРОС В ОСЕННИХ ЗВЕЗДАХ



Хроники семьи фон Бек

Майкл МУРКОК



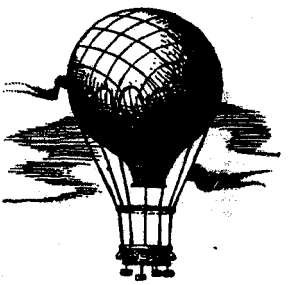




Michael Moorcock

THE CITY IN THE AUTUMN STARS

Chronicles of the
von Bek family

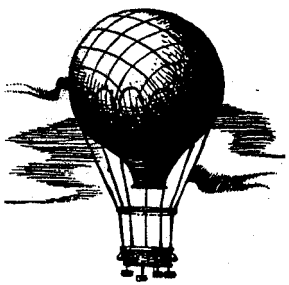


ACE Books
New York

Майкл Муркок

ГОРОД В ОСЕННИХ ЗВЕЗДАХ

Хроники
семьи фон Бек



"СЕВЕРО-ЗАПАД"
Санкт-Петербург
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
М 91

Муркок М.

М 91 Город в осенних звездах: Роман / Пер. с англ. — СПб.: «Северо-Запад», 1997. — 624 с.

ISBN 5-7906-0033-6.

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 5-7906-0033-6

© Подготовка текста, серийное оформление. «Северо-Запад», 1997

ГОРОД В ОСЕННИХ ЗВЕЗДАХ



Посвящается Дэвиду Хатвеллу
с уважением и любовью

ПРЕДИСЛОВИЕ



Эти записки, опубликованные впервые в Хейдельберге в 1840 году, были изданы анонимно. Лишь недавно, изучая архивы семейства Вернонов, мы сумели установить их авторство. Написал их Манфред фон Бек, родившийся в 1755 году в родовом поместье Беков и умерший в 1824 в городе Майренбурге. Его молодые годы проходили в скандальных деяниях и приключениях весьма и весьма сомнительного свойства — в России, Малой Азии и Америке, но большей частью в Европе.

Записки эти (вскользь упоминаемые в труде Карлиля «Германский роман», 1827), похоже, прошли незамеченными у широкой публики; а нынешний граф фон Бек, к которому я обратился за помощью, необходимой для успешного переиздания записок Манфреда фон Бека, особенно подчеркнул, что предок его оставил весьма определенные распоряжения: рукопись эта могла быть опубликована только после его кончины.

Записки Манфреда фон Бека представляют собою повествование в жанре исповеди. Если же читать их как произведение художественное, они могут быть квалифицированы как роман приключений, хотя есть в них немало и от классического плутовского романа, и от готического,— больше, нежели от романа светского. Сам же Грааль на протяжении трех веков хранился среди фамильных доспехов фон Беков, а родовое их имя — невероятно запутанными путями — восходит к имени одного из героев германской версии легенды о поисках Священной Чаши. Например, существует предание,— упоминания о котором встречаем мы во многих источниках,— о том, что семье фон Бек самой судьбой предназначено хранить и беречь Грааль и выйти на поиск его, если Чаша Священная пропадет.

Репутация молодого Манфреда фон Бека,— а он, заметим, имел множество врагов! — неизбежно наводит на мысль, что история эта есть ловкая мистификация, подстроенная либо им самим, либо кем-то, кто весьма хорошо его знал. Пусть рассудит читатель. Тем не менее, прежде чем выносить окончательное суждение, не лишне было бы познакомиться с записками нынешнего графа фон Бека. Они пока еще недоступны широкой публике ни в Германии, ни где-либо еще, но уже в настоящее время готовятся к выходу в свет.

Мы же представляем вниманию читателя несколько модернизированную версию «Исповеди» Манфреда фон Бека, подготовленную по английскому переводу, опубликованному в Лондоне в 1856 году неким Омером Смитом, смотрителем кладбища при соборе Святого Павла, переработанную и подробно изложенную Майклом Муркоком, который желает выразить глубочайшую свою признательность князю Лобковичу и, разумеется, семейству фон Бек за предоставленные документы, охватывающие четыре века истории этого славного рода.

Издатели

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В которой я прощаюсь с Парижем, радикализмом и романтическими устремлениями к великой цели

Если бы не террор, охвативший Францию в 1793 году и в конце концов принудивший меня бежать из Парижа, я, вероятно, так никогда и не узнал бы настоящей любви, не посетил бы Города в Осенних Звездах, где — с помощью хитрости, меча и остатков веры — я сразился за будущее мира и утратил свое будущее.

В тот день, когда Том Пейн был арестован по особому распоряжению Робеспьера, я решил наконец распрощаться с революционными идеалами.

Ублажая прелестную мадам Ф,— чей визит, по случайности, совпал с недобрыми известиями относительно Пейна,— я уже строил планы бегства. Заключение Тома под стражу означало, помимо всего прочего, что я потерял последнего союзника в Конвенте. Теперь имя мое неизбежно должно появиться на бланке ордера на арест, подписанного Комитетом Общественной Безопасности. На самом деле, неистовая толпа разъяренной черни, быть может, сейчас уже приближалась к дому, где я снимал комнаты. А если так, то их намерения были очевидны: они предложили бы мне выбор: я мог или проехать в повозке до гильотины или в прогнившей лодчонке отправиться на дно Сены. Очевидно, что с моей стороны было бы благоразумней всего встретить новый 1794 год где-нибудь за пределами Франции.

Немного выждав, я облачился в костюм, изменивший мой облик,— костюм, который я держал наготове специально на случай внезапного бегства,— упаковал свое имущество в две старые седельные сумки и, наскоро распрощавшись с прелестной дамой, поспешил по пустынным улицам предрассветного Парижа в одно надежное место на рю де л'Ансьен Комеди, где за два франка выкупил у заспанного конюха тощую клячу моего нерадивого слуги. Еще немного серебра — и я обзавелся седлом и упряжью, видавшими, прямо скажем, и лучшие дни. Я оседлал несчастную животину, пока она дрожала и пускала пар из ноздрей,— в конюшне было довольно свежо.

Мне представлялось, что я теперь стал похож на какого-нибудь революционного офицера среднего чина. Мне пришлось отказаться от шелков и кружав или, вернее, надежно спрятать их до лучших времен. Я закутался в старый черный дорожный плащ, расче-

сываться не стал, и на голову нахлобучил мятую кевенкеллерскую шляпу с загнутыми полями. К этой живописной картине я добавил еще кашне грубой вязки из серой шерсти, засаленные штаны, навозного цвета дешевенькие сапоги из поддельной кожи. К шляпе я приколол трехцветную кокарду. Потертые кавалерийские ножны скрывали мою самаркандскую саблю. Ножны с саблей я заткнул за пояс,— сине-бело-красный кушак сомнительной чистоты. В таком одеянии я, безусловно, должен был сойти за какого-нибудь мелкого служащего Комитета, каковым и собирался себя объявить, если кто-нибудь вдруг остановит меня и потребует, чтобы я назвался. В случае, если моя маскировка и доводы не сумеют убедить подозрительного фанатика от революции, я собирался прибегнуть к помощи двух кремневых пистолетов, спрятанных у меня под плащом.

Признаюсь, я все же не мог не испытывать некоторого отчаяния по поводу краха карьеры и крушения политических грез. В прошлом году Франция казнила своего короля и объявила себя Республикой. Мимолетный каприз толпы обратился в закон... Робеспьер скоро поймет, что же он наделал. Я чувствовал себя жестоко преданным: Революцией, людьми, которых я обнимал как братьев, неумолимыми обстоятельствами и — как это бывает всегда — самим Господом Богом.

Не будучи рьяным приверженцем как деспотии, так и дворянских привилегий, я поначалу восхвалял Революцию, а потом стал служить ей, сделался депутатом Учредительного Собрания. Но, когда чрезмерно и несправедливо полилась кровь, я, как и Пейн, поднял голос против разгула лицемерия и лжи, против оргии мести и звериной жестокости! И — опять же, как Пейн,— будучи

иностранцем, я встретил неприятие и даже враждебное отношение со стороны моих соратников и товарищей, права и свободу которых я прежде отстаивал.

Они заявили, что преступления толпы не превосходят преступных деяний аристократов, просто толпа не скрывает лицемерно свои поступки. Для меня это не служило оправданием. Довод сей сам по себе мог стать ярчайшей иллюстрацией к обедненным и извращенным душам, погрязшим во злобе.

Такова была вкратце суть моего заявления соратникам-депутатам, с которым я выступил, когда сомнения мои обратились в уверенность. Это случилось после того, как стал я свидетелем «Дней сентября»,— дней, когда Зверь рыскал по улицам Парижа, нахлобучив на голову шляпу Свободы и вытирая о флаг Свободы окровавленную пасть.

Впервые увидел я этого Зверя под ярким небом позднего лета, когда на рю Дофин вывезли шесть карет с арестованными священниками. Сначала толпа лишь обрубала руки, протянутые в окна,— руки, ищущие Милосердия,— а потом растерзала святых отцов в клочья. В тот же день чернь ворвалась в монастырь кармелитов, неподалеку от рю де Вожирар. Монахи все были зверски убиты, тела их — сброшены в монастырский колодец. Толпа ворвалась в тюрьму и растерзала беззащитных арестантов. Убийства невинных множились с каждым часом. Опьяненные произволом сентябристы вытащили заключенных — жалких безумцев и людей нормальных — на тюремный двор и там насаживали их на пики. Хорошо, если узник погибал после первого же удара в своей же камере, где он ждал суда... Несчастных рубили топорами, раскалывая их черепа как орехи. Я привык уже к

зрелищу изуродованных трупов. Тела бросали на улицах на потеху толпе. Сморщенные старухи волочили на тротуары еще не остывшие трупы молоденьких мальчиков, дергая и тряся мертвецов, словно в чудовищном похотливом танце — в извращенной пародии на несбыточную человеческую мечту. В тюрьме Ла Птит-Форс с герцогини де Ламбаль сорвали одежды, опозорив перед толпою. А потом ее насиловали на глазах черни. Ей отрезали груди, и еще живую, продолжали пытать. При этом мучители благородной дамы то и дело стирали кровь с ее кожи, дабы толпа узрела аристократическую бледность несчастной. Когда бедная женщина наконец испустила дух, тот же самый «кавалер», что вырвал сердце у нее из груди, вырезал аккуратно ее интимные части, насадил их на пику и, поджарив на очаге в ближайшей же винной лавке, съел.

Подобные бесчинства творились в те дни по всему Парижу. Я тогда едва не сошел с ума. Бедный разум отказывался воспринимать этот ужас — это безжалостное крушение всех моих идеалов. Пятнадцать сотен человек было замучено и убито в тот месяц пьяными негодяями и дешевыми шлюхами, которые с гордостью демонстрировали мечи, пики и топоры, обагренные кровью невинных. Но, может быть, я бы и это стерпел, если бы Трибунал заявил о своем возмущении сим произволом. Но нет,— он лишь восхвалял толпу, а Марат с Бийо-Вереннном даже распаляли ее. Они заявили, что, уничтожая врагов народа, толпа якобы исполняла общественный долг. Тогда я оставался еще в Конвенте,— что стоило мне неимоверных усилий воли,— и призывал былых соратников вспомнить о высоких идеалах нашего Великого дела, но возмущенные вопли

толпы заглушали в то время даже французов, решившихся открыто выступить с подобной мольбою!

Саксонец по происхождению, я удостоился приглашения встать в ряды Революции от Анакаса Клутса и от моих друзей из якобинцев. Как и Клутс, я отрекся от своих владений, от дворянского титула и от семьи и последовал за ним в Париж, где нас встретили как братьев и немедленно объявили свободными гражданами. В любом другом государстве Европы энтузиазм мой не был бы принят с таким радушием. Выступающий громогласно за Права Человека и демонстрирующий горячую поддержку жесточайшего из политических переворотов, я, вероятно, был бы немедленно арестован, покинь я тогда пределы Франции.

Я всецело посвятил себя Революции, и даже когда начал понимать, какое страшное зло сотворили мы из-за поклонения жалкой и наивнейшей философии, я все равно продолжал обманывать себя относительно гуманных устремлений Робеспьера. Я ходатайствовал об отмене смертной казни, кто бы ни был приговорен: самый ничтожный из крестьян или сама королева, Мария-Антуанетта. «Те, из властей предержащих,— рассуждал я,— кто никогда не имел власти прежде, будут бояться утратить ее и — неизбежно — станут подозревать всякого в потаенном намерении лишить их сей власти. Заявив о моральном превосходстве нашего Великого дела, мы просто не можем опускаться до методов наших Врагов. Мы должны показать всему миру, что твердо придерживаемся нравственных устоев, за которые ратовали». (Ходатайству сему воспрепятствовал тот же самый джентльмен, который уже очень скоро установил новую тиранию, прикрываясь именем растленного Директо-

рата!) Таким образом, мой отъезд был отнюдь не паническим бегством от внезапной опасности. Не найдя радости в мученичестве, равно как и удовлетворения в том, чтобы произнести предсмертную речь с эшафота, я давно уже разработал тщательный план побега.

Конечной целью я наметил Майренбург. В этом, если так можно сказать, терпимом городе у меня хранились кое-какие деньги. Там у меня были старинные друзья. Для того, чтоб переждать шквал политической бури, места лучше и не найти. Помимо неповторимого своеобразия, присущего кроме него лишь Венеции, Майренбург имеет еще одно преимущество — просвещенного принца-правителя. Но, чтобы добраться туда, мне предстояло пересечь пол-Европы, настроенной весьма и весьма воинственно. Впрочем, выбора у меня не оставалось. В Саксонии мое присутствие являлось более чем нежелательным, в Вене я оставил слишком много долгов, в России меня объявили предателем, в Генуе — заклеймили распутником, отлучили от церкви в Риме (однако, будучи протестантом, я не стал чрезмерно убиваться по этому поводу). Мне, как известному якобинцу и близкому другу Робеспьера, не стоило надеяться на приятное неспешное путешествие...

Я проехал по улицам, где насилие стало уже привычным,— проехал, косясь подозрительно по сторонам. Проезжая, я беззвучно молился, чтобы не столкнуться с кем-нибудь из знакомых.

Париж, погрузившийся в мертвенно-бледный туман, был пропитан призрачной нереальностью, словно сам обратился в обескровленный труп,— величайшая и последняя жертва Террора.

На рассвете холодный свет солнца разогнал туман,— камень города вновь обрел материальность,—

сквозь туман проступили булыжники мостовой, заваленной мерзостными отбросами с копошащимися в них червями. Я с превеликою радостью обнаружил, что городские ворота открыты. Три пьяных солдата национальной гвардии не стали меня расспрашивать, они только весело крикнули мне: «Bonjour, citoyen!», позевывая и икая. Не останавливаясь, я помахал им паспортом и подорожными грамотами (бумагами, составленными не по форме, на большинстве из которых стояли лишь бледные факсимиле надлежащих печатей) и выехал на дорогу, покрытую тоненьким слоем снега. По обе стороны от нее застыли черные, чахлые деревца.

Только когда парижская мостовая сменилась затвердевшими на морозце выбоинами дижонской дороги, я пустил свою клячу быстрой рысью,— под стать ритму биения моего сердца. Мне и раньше доводилось бывать в опасных ситуациях. В прошлом я не раз дрожал от ужаса и рисковал. Самое примечательное из приключений произошло со мною в России, когда императрица Екатерина сослала меня в Сибирь. Однако вскоре я бежал из ссылки и провел целых два года, кочуя с дикими племенами татар, обучаясь их воинскому искусству. В те дни я должен был ежедневно доказывать, что я такой же жестокий дикарь, как и они сами. Все-таки, на мой взгляд, никогда еще добрые христиане не устраивали себе такой зверской потехи, как кровожадная французская демократия, от которой теперь я бежал без оглядки.

Я утратил надежду сделать наш мир совершеннее. В Америке, где служил я вместе с фон Стабеном, Лафайетом и Вейном, меня очень скоро просветили, и я узнал, как пожиратели огня в мгновение ока глушат пламя горящего духа Свободы, если оно

грозит подпалить личные их интересы, и как они при необходимости быстро раздувают его.

После моего бегства дела в первой на свете Великой Республике нашего времени пришли уже в совершенно плачевное состояние, так как половина духовных вождей ее либо были мертвы к тому времени, либо отправлены, кто в тюрьму, кто в изгнание. Я слышал, что некоторые из них, очутившись в Америке, решили избрать монарха и предложили кандидатуру генерала Вашингтона! Неужели, устроив революцию, они в самом деле стремились лишь заменить короля Георга другим королем?...

Мой конь — старый гунтер — повел носом и както даже оживился, едва городское зловоние осталось позади. Я же наслаждался жизнью, чувствуя несказанное облегчение. Хотя радоваться было рано. Людовика, как известно, схватили уже почти на бельгийской границе. А король имел предо мною изрядное преимущество: ему помогал мой хороший знакомый, барон де Корфф, русский посол во Франции. Мы, кстати, прекрасно с ним ладили, пусть даже для московитов я и оставался преступником, объявленным в розыске по подозрению в участии в заговоре против императрицы. Мне же помогать было некому: у меня не осталось друзей во Франции. Кто умер, кто эмигрировал, кто сидел в тюрьме, а кто был слишком уж осмотрительным и осторожным, чтобы поддерживать отношения с явным роялистом. (Вместе с Пейном и некоторыми другими я ходатайствовал о том, чтобы для королевы смертную казнь заменили изгнанием.) Так что я вынужден был полагаться только на собственную, крайне скудную, изобретательность.

Парижская мода на массовые кровопролития распространилась и на провинции, так что я не мог

чувствовать себя в безопасности от демократии, пока не проеду хотя бы парочку областей. Я начал уже сожалеть о том, что надел под грубый костюм рубашку тонкого шелка, шелковые панталоны и изящные туфли. Последние скрывали сапоги из поддельной кожи. Как истинный сын своего века, когда выйти в свет не наряженным так, как требуется, почиталось едва ли не ересью, я чувствовал себя чертовски неуютно. Я всегда хорошо одевался и следил за своим внешним видом, невзирая на общую сумятицу вкусов. В этом я походил на Робеспьера, чей камзол сидел на нем безукоризненно даже тогда, когда он вскидывал руку в кружевном манжете, указывая дорогу потоку босоногих поджигателей и шлюх, превратившихся в разъяренных гарпий... Но вот Париж растворился в тумане и с ним вместе — обломки моих иллюзий.

Руссо, Вольтер, Декарт и даже Пейн теперь казались мне глупыми болтунами, преисполненными радужных надежд, чьи труды не имели никакого отношения к реальности.

Единственное, за что я почитал Руссо, так это за предостережение о том, что если слепо следовать теориям, то тирания королей неизбежно сменится тиранией диктаторов.

Людовик правил по Воле Божьей. Робеспьер верил, что правит по Воле Людской. Это позволяло ему прощать, творить и поощрять деяния, которым — по Библии — не было оправдания. Подобно подавляющему большинству пламенных революционеров, которым не удалось перекроить реальность согласно своим представлениям о ней, он очень ловко приспособился обзывать старые горшки новыми именами, а результат переименования объявлять торжеством Просвещения.

Одно дело — упразднить Бога, совсем другое — поставить на Его место себя! Я мог только догадываться о том, какие еще грядут богохульства, ереси и извращения. Я больше уже не считал упадок христианской веры проявлением просвещенности.

Чтобы четко наметить новое русло своих мыслей в связи с отказом от старых моральных устремлений, уже основательно прогнивших, я воспитал в себе решимость следовать старинному фамильному девизу фон Беков — *Тебе исполнить работу за Дьявола*, переходящему в нашем роду из поколения в поколение, от отца к сыну.

Лишь теперь я понял, как правильно толковать сей девиз, смысл которого прежде оставался мне непонятен. Девиз нашего рода означал, что мне надлежит потакать всем своим импульсивным порывам, которые до этого момента я отвергал как постыдные и низменные проявления своего естества. Уж если моделью для современного мира суждено стать Древнему Риму, то и мне бы следовало отойти от ограниченной стоической философии, приверженность которой и привела к тому, что я вынужден был бежать из Парижа.

Я всегда обладал тонким вкусом в одежде, знал толк в хорошем вине и считался настоящим гурманом как, в пище, так и в услаждении плоти. Теперь я собирался обручить свой гедонизм с беззаветной преданностью своей персоне.

Отрекшись от поиска идеального общества, я решил искать утешения в богатстве: ведь золото — возлюбленная, которая никогда не изменит тебе, и друг, на которого можно всегда положиться.

«Несколько лет я проведу в Майренбурге,— рассуждал я.— Попробую самые изысканные наслаждения и поищу, как честно (а может, и не очень)

увеличить свой капитал. И мне можно будет уже возвращаться в саксонское свое поместье. Я куплю себе доброе имя и устрою так все, что отец возвратит мне то, что принадлежит мне по праву рождения и от чего я так опрометчиво отказался. Но я не явлюсь в Бек с протянутой рукой. Я выкуплю свои владения назад, сделаю их богаче, устрою там все современно... фермы и все такое... чтобы мои подданные были счастливы.

Больше того, став богатым, я снова смогу беспрепятственно разъезжать по Европе. Если бедный радикал в глазах общества — опаснейший негодяй, то радикал богатый — всего лишь эксцентричный джентльмен!

Вся та беззаветная преданность, которую я отдавал свободе, отныне будет посвящена исключительно пестованию Маммоны. У меня еще оставалось немного денег. Хранились они у моего старого друга, швейцарского философа Фредерика-Цезаря де ла Арпа из Во. Я сошелся с ним в Санкт-Петербурге, когда служил секретарем саксонского посольства при российском дворе. Таким образом, перво-наперво мне надо было добраться до Лозанны, а для этого мне предстояло пересечь горный край, кишащий разбойниками, по слухам столь нищими, что они могли убить путешественника и за полгроша. Но еще прежде мне предстояло проехать через местечко под названием Сент-Круа, где обычно стоял гарнизон из солдат национальной гвардии. Им было дано предписание проверять самым тщательным образом всех подозрительных путешественников вроде меня.

Вскоре я обнаружил, что маскировку себе подобрал замечательную; если я и привлекал к себе внимание, то лишь боязливое — почтительное. Еще в

Московии и Татарии я научился тому, как слиться с окружающей обстановкой. Не нужно изображать из себя простолюдина или важного господина. Лучше всего выдавать себя за человека средней руки.

Какой-нибудь мелкий гражданский служащий, писец, курьер, да кто угодно... лишь бы простолюдины к тебе относились с благоговейным страхом, а аристократы и высшие все чины просто не замечали. А если и награждали тебя мимолетным взглядом, то непременно полным презрения. Если плывешь в центре человеческого потока, то всего лучше отдаться течению предвзятого мнения и равнодушной привычки. Тогда течение само вынесет тебя в нужное место. Таким образом, общаясь с простолюдинами, я выказывал нетерпение и снисходительное самодовольство, а важного господина — военного офицера или важного провинциального коммунара — приветствовал с подобострастием и смиренным почтением, чем вызывал к себе тут же презрительное с их стороны отношение. Это мне было на руку: никто не станет приглядываться к тому, чего он не боится или чем не восторгается.

Так я и ехал по Франции.

Ночевал я обычно на постоялых дворах, по возможности отдаленных от городков и местечек. Тут подложные мои документы не вызывали ни малейшего подозрения, и я мог требовать все, что мне нужно, у людей, которые заливались смущенным румянцем, услышав, как я бормочу себе под нос: «Роялисты!» У несчастных при этом тряслись руки, и они лезли из кожи вон, чтобы мне услужить.

Назывался я «гражданином Дидо» и уведомлял всех, что еду по делу чрезвычайной важности и секретности,— вполне достаточно для того, чтобы произвести на людей впечатление, при этом не

рассказав о себе ничего лишнего. Если мне случалось делить столик в трактире со святым отцом, я просто сидел и дулся; с каким-нибудь лейтенантиком вел себя по-приятельски, чем вызывал к себе неприязнь. Капитану же, о чем, вероятно, излишне и упоминать, выказывал я самое что ни на есть подобострастное восхищение.

Зимою плохие дороги Франции становятся буквально непроходимыми. Поэтому путешествовал я медленно. Утешало меня только отсутствие погони. Быть может, стране, занятой внешними войнами и боящейся вторжения, вообще не было дела до какого-то предателя-саксонца. Теперь я уже глубоко сожалел о том, что в те первые дни, опьяненный Революцией, принял французское гражданство. В каждой стране, как известно, есть тайные агенты Революции. Они готовы помочь таким людям, как Клутс, принести странам Европы свободу в облике победоносной армии, которая освободит всех и вся от цепей. Сам Клутс был гильотинирован вместе с другими радикалами-эбертистами, но его замыслам относительно интернационального освобождения предстояло еще воплотиться в жизнь. Французской Империи еще предстояло свершить насилие над Европой. (Так идеалист одного поколения снабдил весьма полезной риторикой алчного прагматика поколения следующего.) Я совсем не хочу сказать, что по пути в Швейцарию я предвидел возвышение Наполеона; но способность семейства нашего к ясновидению известна в Германии, а тогда моего мрачного настроения было вполне достаточно, чтобы придать моим пророчествам определенную точность.

Я уже приближался к швейцарской границе. Деревни здесь встречались редко, постоялые дворы — и того реже.

Чуть не доезжая до Сент-Круа, я нашел наконец приют в каком-то вонючем хлеву, приспособленном под гостиницу,— на раскладной койке. Сквозь щели в полу я видел спины трех худосочных коров, моей собственной клячи, двух тягловых кобылок, поросенка и полночи наблюдал за возней молодого конюха с некой дамой неопределенного возраста, которая не слезала с бедного парня и все стенала, похрюкивая от удовольствия, в то время как юноша громко стонал. Вскоре я перестал уже разбирать: то ли они там визжат вдвоем, то ли к дуэту их присоединился поросенок.

Зловоние, поднимавшееся из хлева, было ужасным. Из-за него-то, наверно, я и уснул, точнее, потерял сознание.

Утром похолодало. Пошел сильный дождь. Хозяин гостиницы, выковыривая вшей из ушей, сказал, что к полудню река разольется. Он посоветовал мне поехать по другой дороге, а не по той, что вела прямиком в Сент-Круа. Но, во-первых, меня не прельщала перспектива провести лишний день во Франции, а во-вторых, мне не хотелось рисковать и возбуждать подозрения, какие непременно возникли бы, если б я стал объезжать гарнизон стороной. Я ответил хозяину, что все-таки попытаю удачи, выбрав прямую дорогу.

Тот только пожал плечами.

«В воде плавают ледяные глыбы,— предостерег он меня,— и если течение будет сильным, то вас может сбить с лошади».

Не обращая внимания на его болтовню, я подписал от имени Комитета какую-то бумажку, заверив при этом беднягу, что государство расплатится с ним сполна, буквально в ту же секунду, как он прибудет в Париж и предъявит мою записку. А

потом я вышел на улицу. Жалящий ветер хлестал ледяным дождем, грозя разорвать на куски и меня, и лошадку.

Вскоре ветер усилился. Ветви обнаженных вязов раскачивались, словно руки утопающих.

Я оглядел небо в надежде обнаружить хоть какой-то просвет среди серых туч. Но они неслись в вышине, громоздясь друг на друга.

Дрожа от холода, пришпорил я свою упирающуюся клячу, всерьез опасаясь, что если она остановится, то она просто замерзнет — застынет как изваяние.

Мы миновали скрипучую мельницу из почерневшего от времени дерева и побеленных когда-то камней. Мельничные жернова медленно вращались, с жалобным визгом перемалывая пустоту.

Часу в двенадцатом проехали мы Сент-Круа, аккуратную миленькую деревушку. К своему несказанному изумлени, я обнаружил, что весь гарнизон состоит из трех вялых, как сонные мухи, солдат. Остальных, должно быть, отозвали. Так что, поздравив себя с удачей, я предъявил им свои бумаги и объяснил, что, находясь на правительственной службе, еду, спешу на важную встречу с нашим швейцарским агентом. Солдаты простодушно проглотили все, что я им наговорил, и пожелали мне доброго пути и удачи. Теперь мне осталось лишь переправиться через реку, а оттуда уже до швейцарской границы — одна-две мили, не больше.

Теперь меня защищали от ветра альпийские предгорья — припорошенные снегом склоны в вечной зелени хвои.

Когда я добрался до переправы, все получилось так, как и было предсказано: в пенящемся потоке неслись глыбы льда, с грохотом наскаки-

вая друг на друга. Они сбились в кучу возле узкой дамбы, по которой я должен был перейти на ту сторону.

С отчаянной руганью и некоторой нерешительностью загнал я свою клячу в студеный поток.

Ледяная вода обожгла мне в ноги, точно когти какого-нибудь разъяренного арктического тролля. Отталкивая саблею, спрятанной в ножны, здоровенные куски льда, я добрался уже почти до середины реки, как вдруг с берега впереди донеслись какие-то выкрики.

Сквозь завесу брызг, дождя и туманной дымки я разглядел среди темных сосен на том берегу группу всадников. Внимание мое отвлеклось, и я не успел оттолкнуть глыбу льда, которая врезалась прямо в грудь моей несчастной лошадки,— та заржала, рванулась вперед и я едва не вылетел из седла.

— Умоляю вас, джентльмены, подождите! — прокричал я, пытаясь перекрыть шум дождя.

Я испугался, что они начнут переправу, прежде чем я доберусь до их берега, Столкнувшись в такую погоду на середине дамбы, мы не смогли бы разойтись.— Я уже скоро выберусь на ваш берег, и вы тогда сможете переправиться. Но если вы испугаете мою лошадь или своих коней, то никто из нас не доедет по назначению!

Они попритихли, то ли услышав меня, то ли просто закончили свой разговор. Однако, похоже, они не имели ничего против того, чтоб подождать, пока я не переправлюсь.

Лошадка моя так и не успокоилась, и вскоре мне пришлось спешиться, иначе мы вместе повалились бы в ледяную воду. Выпрыгнув из седла, я чуть с головой не ушел под воду, но потом нашел мелководье, где вода доходила мне только по грудь.

С несказанным облегчением я выбрался наконец на берег и встал, отплевываясь и задыхаясь, облепленный грязью с головы до ног.

Казалось, что мое дыхание либо застынет в воздухе, либо, затвердев от стужи, вообще не покинет легких. Мы с лошадкой тряслись в ознобе. Лишь через пару минут сумел я поднять голову, чтобы посмотреть на всадников, разглядывавших меня с равнодушною сосредоточенностью.

Судя по внешнему виду, это были солдаты. Когда две страны спорят друг с другом, выставляя Закон против Убийства, но возводя последнее в достоинство как жестокую необходимость войны, на границах частенько шатается всякий сброд из солдат-дезертиров.

Запустив руку в карман, я сжал влажную рукоять пистолета. Разумеется, порох подмок.

Если всадники эти и в самом деле грабители, мне пришлось бы полагаться только на саблю.

Незнакомцы, однако, не проявляли никаких признаков нетерпения, словно бы ждали, пока я не восстановлю дыхание и не расправлю плечи.

Я, естественно, насторожился, пытаясь при этом казаться беспечным, словно бы их присутствие меня нисколечко не встревожило. Потом я заговорил громким голосом, обращаясь к себе и к ним одновременно, обругал паршивую погоду, высказался в том смысле, что давно уже нужно было построить здесь мост. Всадники продолжали хранить молчание.

И только когда я уже собирался вскочить в седло, один из них тронул поводья и, погнав своего громадного коня неторопливым шагом, спустился к воде.

У незнакомца был орлиный профиль, красивые правильные черты лица, бледная кожа, высокий

лоб и густые черные брови. Длинные волосы крупными локонами обрамляли лицо. Широкие поля его шляпы, лихо сдвинутой на затылок, не потеряли формы своей даже под проливным дождем, причем загнуты были они таким образом, что вся вода стекала прямо на плечи кожаной накидки доходившей незнакомцу до колен. Из прорези накидки, выступал только край темного рукава и рука в белой перчатке, сжимающая поводья на луке седла. Отвороты высоких — тоже черных — сапог демонстрировали внутреннюю отделку из мягкой коричневой кожи.

Всадник остановился неподалеку от меня и, поджав свои тонкие губы, оглядел меня сверху вниз.

— День добрый, гражданин! — воскликнул я, притворно выказывая самое что ни на есть замечательное расположение духа.— Думаете переправиться здесь? Это вполне выполнимо, как вы воочию могли убедиться.

— Мы уже переправились, сударь,— отозвался бледный всадник,— и направляемся теперь в Нион. А вы?

— Еду по делу государственной важности, гражданин,— выдал я свой обычный ответ.

— Стало быть, оба мы удостоены этой чести.— Похоже незнакомец, слегка удивился.

Пока мы с ним беседовали, его спутники подъехали ближе и расположили коней своих так, что дорога оказалась перекрытой.

Сосны потрескивали под ударами ветра. В воздухе явственно ощущался густой запах смолы и хвои, смешанный с ароматом лесной земли и теплой вонью вымокших лошадей.

— Гражданин,— я как будто и внимания не обратил на все эти тревожные знаки, и продолжал гово-

рить как ни в чем не бывало,— я вам искренне благодарен за то, что вы так любезно дождались, пока я в целости не переправлюсь на этот берег.

Я уже начал склоняться к мысли, что я в конце концов все же не миновал гарнизона из Сент-Круа. Я стал подниматься на берег, ведя свою лошадку в поводу. Но упрямое животное не хотело идти вперед и только пофыркивал, пытаясь стряхнуть воду с гривы. За спиной у меня с ревом неслась река. Когда я почти поравнялся со всадником, тот спешился и, шагнув мне навстречу, помог преодолеть последние пару шагов, что отделяли меня от дороги. Глаза его, черные, как у дьявола, преисполнены были той потаенной задумчивости, каковая присуща человеку, обладающему либо незаурядным интеллектом, либо хронической близорукостью.

— Ваше имя, гражданин? — Тон незнакомца был достаточно дружелюбным.

— Дидо. Еду с предписанием от Комитета.

— В самом деле? Так мы с вами, выходит, соратники. Позвольте представиться, Монсорбье.

Теперь я узнал его! Мы с ним встречались до этого трижды: один раз в Меце, на каком-то тайном собрании, проводимом Клутсом и посвященном привнесению революционных идей и самой Революции в Пруссию с Бельгией, потом — совсем, можно сказать, недавно,— в Париже, когда Дантон собирал депутатов по вопросу об офицерах национальной гвардии. (Монсорбье этот, замечу, прославился пламенным рвением в выявлении роялистов. Говорили, он их нюхом чует.) Но самая первая наша встреча, которую он теперь уже наверняка и не помнит, случилась в Мюнхене, еще до того, как оба мы объявили себя верными слуга-

ми народа. Будучи членами одного тайного братства метафизиков,— оба инкогнито,— мы посвящали себя тогда умозрительным изысканиям в области эволюции естественного равенства между людьми, а не мерзостной практике переустройства мира, призванной перевернуть этот мир с ног на голову. Тогда его звали виконт Робер де Монсорбье, меня — Манфред, рыцарь фон Бек.

При всем своем — впрочем, достаточно элегантном — яром республиканизме, де Монсорбье в остальном был самым что ни на есть обычным сыном рода человеческого. Таким же, как я. В его жилах тоже текла голубая кровь аристократа и — точно так же, как я,— он от нее отрекся, посвятив себя Революции. Первоначально горячий последователь Лакло, он ныне подпал под чары Клутса и остальных эбертистов экстремистского толка. Робеспьер для него был трусливым консерватором, а Марат — ничтожнейшим слабаком, горереволюционером.

Я мог только молиться о том, что дорожная пыль и двухдневная щетина в достаточной мере изменили мой облик. Когда бывший соратник мой — просветитель — вновь обратился ко мне, я придал своему голосу выражение этакой плаксивой угодливости.

— От кого же у вас предписание, гражданин? — спросил он.

— От Коммуны. Поручение, данное мне гражданином Эбером лично.— Последнее, разумеется, должно было произвести впечатление на Монсорбье.

— Есть у вас документы? — Он протянул руку в белой перчатке. Серебристые капли дождя стекали по черной коже его плаща.— Гражданин,—

в нетерпении пошевелил он пальцами,— я обязан проверить ваши бумаги.

— Кто давал вам полномочия?

— Народ! — напыщенно отозвался он.

Я, однако, не отступал от избранной мною роли.

— Но кем конкретно из представителей народа заверены ваши собственные предписания, гражданин? Прежде чем я покажу вам свои документы, я должен сначала взглянуть на ваши. Мои бумаги секретны.

— Как и мои.

— Граница рядом. Со всех сторон нас окружают враги. Откуда мне знать, гражданин, может быть, вы вообще пруссак.— Мне оставался только стремительный натиск. Нападение, как известно, лучшая защита.

— Это вы, гражданин, говорите с акцентом, не я.— Голос Монсорбье звучал ровно, все еще как бы задумчиво.— Я настоящий француз. Но вот у вас, гражданин, и акцент, и манеры германские.

— Я не приму это как оскорбление. Разве Лоррен германец? Я верный республиканец. Я пришел в Революцию задолго еще до того, как вы, аристократы, стянули сапоги из телячьей кожи и попытались притвориться крестьянами, как при Людовике вы притворялись этакими идиллическими пастушками.— У меня оставалось единственное оружие: риторика и агрессивность.

Монсорбье нахмурился.

— С чего это вдруг вы меня осыпаете оскорблениями? Или, может быть, страх заставляет вас щелкать зубами, точно выдра в капкане, а, гражданин? Почему и чего вы боитесь?

Один взмах руки, и все пятеро людей его тут же спешились, вытащили мушкеты и взяли их наизготовку. Я же, не тратя времени даром, взлетел в седло, вонзил шпоры в бока бедной моей лошадки и пронесся прямиком сквозь их строй. Копыта лошадки скользили в размытой грязи, ноздри ее раздувались, грива летела по ветру. Мушкеты рядом выпалили, и пули со свистом полетели мне вдогонку. Все мимо. Вскоре я съехал с дороги и понесся галопом по густо усыпанному листьями мху в надежде на то, что мне все же удастся спастись от погони и пересечь швейцарскую границу.

Голос Монсорбье, однако, раздавался пока еще слишком близко,— он кричал своим людям, чтобы те прекратили стрельбу и догнали меня. Но первоначальное их смятение все же дало мне преимущество в пару минут, и я собрался использовать это в полной мере. К тому же лошадка моя когда-то была знатным гунтером и привыкла к бешеной скачке по пересеченной местности. То есть у меня был реальный шанс спастись. Даже если меня и загнали бы в угол, я сумел бы выбрать позицию, подходящую для защиты. Рассудив таким образом, я достал саблю из ножен, хотя уникальная ее — татарская — выделка вмиг бы открыла личность мою любому, кто знал меня пусть даже самую малость.

Неожиданно лес расступился. Мне пришлось гнать лошадь вверх по склону холма — по сугробам, мимо валунов и кустов, прямиком через ямы, заполненные водою, такие глубокие, что могли скрыть меня вместе с лошадью. Я несся по девственно белым тропам, разузоренным дождевыми каплями. За спиной у меня стучали копыта и раздавались выкрики погони. Преследователи мои походили на пьяных английских охотников. Они

едва держались в седлах, головы их коней запрокинулись к небу... Всадники во всю прыть палили из мушкетов. Только один Монсорбье летел на полном галопе за мной по пятам, пригнув голову к шее коня. Его длинные волосы развевались по ветру, сплетаясь с конскою гривой, шляпа съехала набок. В левой руке он держал пистолет, правой сжимал поводья,— умелый наездник. И конь у него был под стать всаднику.

Я владел искусством верховой езды на равных с ним, если не лучше. Но моя кляча, к несчастью, не шла ни в какое сравнение с его скакуном. В застывшем воздухе прогрохотал пистолетный выстрел. Пуля просвистела мимо. Увидав, как впереди взметнулся снег и дрогнул камень, я ощутил несказанное облегчение. Теперь, когда пистолет у Монсорбье был разряжен, силы наши более-менее сравнялись. Если бы только он оторвался от людей своих на достаточное расстояние, мне, вероятно, стоило бы сразиться с ним один на один в надежде добыть себе доброго скакуна.

— Фон Бек, я узнал вас! — Крик его доносился уже с расстояния в пару ярдов. Мне хотелось бы знать, далеко ли еще до границы, хотелось бы знать.— Остановитесь, предатель! Да стойте же вы, роялист проклятый! Вас будут судить справедливым судом!

Тон его был едва ли не умоляющим, словно бы Монсорбье предлагал мне сдаться на моих условиях. Однако он знал не хуже меня, что единственным приговором в те дни была смерть. Так что, поставив на карту все, я несся вперед, понукая свою несчастную лошадь, пытаясь удерживать темп, который был явно ей не по силам. Лихорадочно искал я глазами какой-нибудь знак, указующий на

то, что мы уже въехали на территорию Швейцарии, где Монсорбье вряд ли стал бы гнаться за мною с прежней прытью. Не задумываясь об опасности, мы перемахнули замерзший ручей, промчались сквозь заросли молодого кустарника. Раз десять наши скакуны, едва не упали взбираясь по каменным склонам. Все это время я молился, чтобы высох порох в моих пистолетах или чтобы Монсорбье,— теперь он уже на полмили, наверное, оторвался от своего отряда,— на следующей колдобине свалился с коня, но чтобы при этом конь его ничего себе не повредил.

— Фон Бек, вам вовсе незачем умирать! — прокричал тонкогубый охотник за герцогами, и вслед за тем грянул еще один выстрел. На мгновение сердце мое ушло в пятки, и будь я проклят, если порох не опалил рукав жалкого моего камзола.

«Зевс громовержец! — подумал я.— Вот он, худший конец, уготованный человеку: предстать перед Творцом в затасканной одежонке с чужого плеча, да еще с грязным воротничком».

Одной этой мысли хватило, чтобы еще сильней вонзить шпоры в кровоточащие бока моей бедной клячи. С испугу она перемахнула через живую изгородь, так аккуратно постриженную, что я мог бы поклясться: она принадлежала какому-нибудь педантичному швейцарскому землевладельцу, хотя поля за нею выглядели уж слишком богато для нищих горцев, которые жили почти исключительно тем, что поставляли наемных солдат к дворам монархов Европы, и особенно — в Ватикан. Папа римский доверял им охрану своей персоны, поскольку, как и все остальные наемники-головорезы, они питали беззаветную преданность к туго

набитому кошелю. Фанатичная верность идее являлась для большинства из швейцарцев непостижимою тайной. Представители этой нации, как правило, не страдают острыми припадками идеализма. Жизнь у них на протяжении многих веков была столь тяжела, что со временем самым заветным для них желанием,— для богатых ли, бедных, не важно,— стало стремление к теплому очагу и набитому пузу. Из всех известных мне горцев только, пожалуй, друг мой, ла Арп, наделен был хоть каким-то воображением, да и то изрядно разбавленным практицизмом. Безо всяких излишеств...

И тут наши кони заскользили. Прижав уши, согнув задние ноги, будто бы намереваясь прилечь, кляча моя ринулась вниз по пологому склону в долину, заваленную нетронутым снегом. Сквозь пелену снегопада мне удалось разглядеть единственный крытый соломою домик. Из трубы его валил дым. Раздался звук выстрела. Я обернулся и поглядел наверх. Монсорбье остановился на вершине холма. Перезаряжая второй пистолет, он прокричал мне:

— Глупец! — и прокричал это так, словно тем, что не даю ему захватить себя, я оскорбляю здравый смысл и проявляю самый что ни на есть дурной вкус.

Кобылка моя, очутившись на дне долины, поначалу еще пыталась устоять на снегу, но потом, тяжело задышав, завалилась набок и упала, уставившись в серое небо закатившимися глазами. Пара, от нее поднимавшегося, с избытком хватило бы, чтобы привести в движение один из этих чудовищных паровозов Тревитика. Я вытащил ногу из стремени и оглянулся на Монсорбье, который махал мне белым платком и кричал: «Переговоры!»

На фоне общей белизны снега белый платок его был едва различим, так что я счел вполне допустимым сделать вид, что вообще ничего не заметил, и достал одно из своих ружей. Кремневый затвор выбил искру, но порох в полке так и не вспыхнул. Я упустил замечательную возможность избавиться от докучливого недруга.

— Перемирие! — надрывался он.— Нам нужно кое-что обсудить с вами, брат.

Теперь он апеллировал к былой моей верности братству, о котором упоминал я уже. Но его громкие выкрики не смогли меня убедить, и я отнесся к словам его с недоверием, подозревая какую-то хитрость.

— Отныне перемены в социальном устройстве мира меня не интересуют! — прокричал я в ответ.— Дайте мне уйти, Монсорбье. Я не предатель, и вы, как никто, должны это понять.

— Я читал ордер на ваш арест!

Дыхание его вырывалось изо рта облачком пара. На мгновение мне показалось, что вот-вот я смогу разглядеть в них грозные буквы судебного документа, как это изображается на политических карикатурах. Монсорбье явно надеялся задержать меня здесь до прибытия своих людей. И все же, чего я никогда не умел, так это устоять перед соблазном вступить в какой-нибудь диспут. Пусть даже, оставаясь сейчас на месте, я рисковал жизнью, все равно я ответил ему:

— Это перепевы старой песенки, Монсорбье, вот и все. Выбирайте сами, во что вам верить. Я покидаю Францию, потому что Истина стала уже слишком податливой. А я не желаю перекраивать свою жизнь и свои мировоззрения так, чтобы они совпадали с очередной Истиной. Мечты Робеспье-

ра разбились в прах. Им сейчас движет разочарование. Я не хочу стать жертвой его помешательства. Что ж нам теперь, отрубить головы у всех людей лишь потому, что мир не такой, каким мы хотим его видеть?

— Вы покидаете Францию в самый критический момент, подобно всем этим велеречивым модникам, которые думают, что Революцию можно свершить за какие-то пару часов, отрубив головы парочке предателей.

Я, однако, не почувствовал никакого укола вины.

— Я уезжаю, сударь, потому, что Робеспьер хочет обвинить в своем поражении всех и вся, кроме себя самого и своих бредовых мечтаний. Его бред, сударь, едва не стоил мне головы. Так что мне осталось только одно... Кстати, разве мы уже не в Швейцарии?

— Граница примерно в лиге, может, чуть больше, к северу.

Я принялся перебирать содержимое своих седельных сумок.

— Думаю, мне пора, сударь.

— Вы меня сами сделали вашим врагом, фон Бек.

— Честный враг всегда лучше, чем вероломный друг, гражданин Монсорбье. До свидания! Честь имею!

Я повернулся поднять свою лошадку, но, пока мы беседовали, она, бедная, испустила дух. Монсорбье с торжествующим видом ухмыльнулся. Я отцепил седельные сумки, поначалу решил прихватить и седло, но потом передумал, поскольку его состояние было теперь еще хуже, чем тогда, когда я его покупал, и принялся потихонечку вы-

биратьcя из снежных завалов, слыша откуда-то сверху вопли Монсорбье (он отъехал немного назад, и теперь я его не видел).

Шагов через десять за спиной у меня прогремел пистолетный выстрел, но я его проигнорировал.

— Развратник! — надрывался мой бывший соратник по тайному братству.— Распутник! Отступник! Все равно не избегнуть тебе наказания!

А вскоре с холма донеслись конский топот и неясные крики. Люди Монсорбье нагнали его, и теперь они все осторожно спускались в долину.

Так, может быть, я и в самом деле все еще находился во Франции? Предчувствие близкой смерти охватило меня. Против такого количества всадников я был беспомощен. Но я тем не менее продолжал шагать в избранном мною направлении и выбрался наконец на твердую каменистую почву — на тропинку, которая, похоже, вела к тому самому домику, что я видел со склона. Я оглянулся проверить, где там мои преследователи.

Их кони устали, высокие сугробы сильно мешали им, но обольщаться мне все же не стоило: очень скоро они до меня доберутся. Я вынул из ножен татарский клинок и, бросив седельные сумки, бегом пустился к ближайшей роще, где застыл как вкопанный, охваченный внезапной апатией.

По дороге навстречу мне ехал еще один конный отряд,— с полдюжины вооруженных всадников. У каждого был за плечом мушкет, что придавало им вид регулярного воинского подразделения.

Итак, Монсорбье заманил меня в западню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В которой встречаюсь я с юными революционерами и старыми солдатами, приобретаю новых друзей, врагов... И влюбляюсь

Военный отряд перегородил мне дорогу, пока люди Монсорбье взяли наизготовку мушкеты. Я даже было подумал, а не сдаться ли мне им на милость в надежде, что всадники эти окажутся все же солдатами регулярной армии, а значит, и более милосердными, чем поборники прав народа. Но тут же меня охватило искреннее отвращение к самому себе: раз уж мне все равно предстоит умереть, я, по крайней мере, должен встретить смерть с некоторым достоинством. Рассудив таким об-

разом, я упер острие своей сабли в замерзшую землю и, подбоченясь, застыл в картинной позе дуэлянта, ожидающего своего «en garde». Но когда шесть английских кремневых ружей грохнули в унисон, изумился я несказанно. Поначалу тому, что в меня не попали (английские ружья славятся точностью прицела), а потом — что мишенью был вовсе не я. Осторожно я повернул голову.

Четверо воинов национальной гвардии повалились наземь. На снегу бился подстреленный конь. На губах его пузырилась пена. У двоих людей, судя по их громким стонам, были сломаны ноги, еще двое лежали, раскинув руки, в снегу,— убитые наповал. Самому Монсорбье пришлось срочно ретироваться под защиту остатков своего эскадрона, при этом он что-то кричал о «проклятых швейцарских головорезах, мнящих себя джентльменами».

Кстати, это его утверждение могло оказаться и правдой. Все стрелявшие молодые люди были довольно прилично одеты,— хотя и по моде позапрошлого года,— и вооружены одинаково, вплоть до шпаг на поясе. Мне они больше всего напоминали компанию молодых германских землевладельцев, решивших развлечься, предприняв увеселительную поездку в Мюнхен или Нюрнберг. Но будь я проклят, если их кушаки не были красно-бело-синего цвета... цветов Революции!

Я рассудил, что мы, безусловно, уже в Швейцарии. А Монсорбье должно быть не хуже моего известно об уважении правительства Франции к границам Гельвеции. Испорти Республика отношения со швейцарской конфедерацией, и не миновать неприятностей в делах внешней политики. И если уж Монсорбье принял таинственных моих

союзников за швейцарцев, значит, наверняка так оно и есть.

Враг мой был ранен. Он шатался в седле, держась за плечо, а когда добрался наконец до своих, то выпал из седла прямо на руки подоспевшего товарища, у которого вся штанина успела уже пропитаться кровью. Громадный испанский скакун вороной масти, оставшись без всадника, забил копытом и захрипел, выражая свое смятение. Судьба дала мне еще один шанс. Держа саблю свою наготове, я понесся что было сил к бывшим своим преследователям. Один из них преградил мне дорогу, но я поверг его наземь одним взмахом сабли. Прыжком взлетел я в седло вороного «испанца» и развернул его снова в направлении Швейцарии и шестерых незнакомцев.

Элегантные молодые люди небрежно перезаряжали мушкеты, смеясь и переговариваясь друг с другом, как будто они действительно выехали поразвлечься. Они казались слишком беспечными.

— Весьма обязан вам, джентльмены.— Я прикоснулся рукой к полям шляпы.

Один из них — совсем еще мальчик, с раскрасневшимися щеками и волосами пшеничного цвета,— отвесил мне легкий поклон.

— Всегда готовы сослужить службу гражданину Республики.— Его французский, прямо сказать, не вдохновлял, а гортанный акцент изобличал в нем германца.— Для честной битвы этим швейцарским псам не хватает мужества, верно, брат?

— Так и есть.— Меня озадачила его логика, но я был признателен ему за такую ошибку.— Так и есть, гражданин.— Я едва сдержал приступ смеха, когда сообразил, как Монсорбье, решив путешествовать инкогнито, без отличительных знаков и



флагов, сам себя обманул и подарил мне шанс на спасение.

Германцы вновь приложили мушкеты к плечам, но на этот раз дали залп в воздух. Согласованность их выстрелов впечатляла. Монсорбье и остатки его эскадрона ретировались с неприличной поспешностью под укрытие густых кустов на склоне долины. На мгновение мой преследователь-эбертист привстал, расправил плечи и, сердито нахмурившись, помахал мне здоровой рукой.

— Вам все равно от меня не уйти,— выкрикнул он, как какой-то разбойник с большой дороги из сказок *Ritter-und-Rauber*.— Я найду вас, фон Бек!

Тут, я уже захохотал вовсю: из нас двоих только я был при полном революционном параде — трехцветный кушак, ну и все остальное. Монсорбье какое-то время еще был в нерешительности, потом резко повернулся ко мне спиной и зашагал вверх по склону, пока не скрылся из виду.

— Видели, как они побежали! — фыркнул один из этих приятных юношей и засмеялся вместе со мною.— Это Франция, монсеньор?

Смех помог мне скрыть нарастающее изумление, и мне удалось еще выдавить:

— Я полагал, что мы в Во, в Швейцарии!

Краснощекий оратор убрал мушкет и подъехал поближе ко мне.

— Говоря по правде, сударь, мы заблудились. Мы как раз и искали границу, когда так неожиданно встретили вас.

— Искренне рад, что так вышло, сударь. Но, умоляю вас, скажите, почему вы стремитесь во Францию в такие тяжелые для нее времена?

Мой собеседник явно гордился своим благородством. Я узнал в нем себя самого, каким я был несколько лет назад.

— Мы едем во Францию, чтобы служить Революции во имя всемирной Республики.

Я собрал все остатки своей совести, полагая, что за такую немалую с их стороны услугу, как спасение моей жизни, я обязан открыть им,— пусть даже в общих чертах,— что ждет их теперь во Франции.

— Революция примет вас с тем же радушием, с каким приняла и меня.— Лоб мой покрылся испариной, и я судорожно вытер его рукою.— Откуда вы, джентльмены?

Даже ответ на такой простой вопрос обнаружил, как мне показалось, их несомненную гордость своим революционным порывом. Смуглый маленький петушок в треуголке с красным кантом поверх слегка пожелтевшего парика проехал мимо меня.

— Двое из Польши, двое из Богемии, один из Венеции и один из Вальденштейна,— сообщил он мне на ходу, подъехав к брошенным мною седельным сумкам. Он поднял их, свесившись с седла, и столь же неспешно вернулся обратно.— Мы все, монсеньор, члены клуба почитателей Республики и Прав Человека. Братство наше выбрало нас и снарядило во Францию, дабы и мы послужили великому делу. Нас только шестеро, но мы представляем в лице своем всех остальных... больше ста человек. Все снаряжение наше приобрели мы на их пожертвования!

— Не зря потратили золото,— сказал я с нарочитою искренностью и признательностью, ведь они спасли мне жизнь.

— Меня зовут Алексис Красный,— назвался командир отряда и представил мне по очереди всех своих товарищей.— Стефаник.— Лунолицый застенчивый юноша.— Поляков.— Самоуверенный, но, судя по виду, весьма недалекий.— Сташковский.— Хмурый, язвительный, мрачный.— Феррари.— Тот самый смуглый петушок, который поднял мои сумки.— И фон Люцов.— Бледный улыбчивый славянин.— Мы увидели ваши знаки и поняли, что этот швейцарец пытается помешать вам добраться до вашей границы, где вы были бы в безопасности.

— Воистину, гражданин Красный, вы словно в воду глядели! — Я потихоньку осваивался, полагая, что уже очень скоро мне вновь придется спасаться стремительным бегством.— Позвольте представиться — фон Бек.

— Клянусь челюстью девы Марии, сударь! — в восхищении воскликнул Стефаник.— Не тот ли самый фон Бек, который прибыл во Францию вместе с Клутсом?

Я подтвердил радостную его догадку учтивым поклоном.

— Такая честь,— пробормотал Феррари, и петушиной его бравады как-то вдруг поубавилось.

Остальные, явно польщенные сим знакомством, поддержали своего товарища. На самом деле я и понятия не имел о своей громкой славе, и, к несчастью, меня пуще прежнего потянуло на откровенность.

— Хочу вам сказать,— обратился я ко всему отряду,— что я никакой не герой Республики. Пейн арестован, и Клутс, вероятно, тоже. Половина из тех, кто прибыл с нами в Париж, либо мертвы, заключены под стражу, либо бежали. Робеспьер

правит Францией как король, а террор поражает невинных и виноватых без разбору.

— И все же, сударь, вы не сняли со шляпы трехцветный знак,— с мальчишеским простодушием заметил Красный.

— Верно, сударь.

Я не знал, как мне поступить. Если открыть этим юным идеалистам всю правду и указать на их ошибки, не выйдет ли так, что они быстро утратят свое расположение ко мне и арестуют меня с тем же рвением, с каким до этого защищали?

— Получается, сударь, вы все-таки не окончательно разочарованы,— вставил Стефаник. На морозце лицо его раскраснелось.— Я считаю, что если все люди доброй воли посвятят свои силы служению нашей великой цели, то совершенную несправедливость вполне можно будет поправить. Мы проделали долгий путь, сударь, чтобы помочь вам в вашей борьбе. И всю дорогу, от самой Австрии, встречали мы неприятие и подозрительное к нам отношение. Даже здесь, в Швейцарии.— Он прикоснулся к своему трехцветному кушаку.

У меня было такое чувство, что, расписывая Республику с негативных сторон, я тем самым как бы вырываю кусок хлеба насущного из рук изголодавшегося ребенка.

— Во Франции вас встретят с большим подозрением. Почти всех иностранцев ныне почитают предателями. Толпе не нужны никакие доводы. Вы умрете еще до того, как успеете выкрикнуть: «Мы — якобинцы!»

Красный бросился на защиту своего куска пищи духовной:

— Боюсь, в это трудно поверить, сударь. Шиллер, Бетховен, Уайльбфорс, Песталоции, де Пао...

и сам Джордж Вашингтон... они все — почетные граждане Франции. Как и вы, сударь, тоже. Это братство, распростершееся за пределы наций...

— Довольно! — Я умоляюще вскинул руку. Эти знакомые фразы давно наскучили мне, во-первых, и немного пугали меня, во-вторых.— Прошу вас, поверьте мне, джентльмены. Обратите внимание свое на иную благородную цель. Освобождение Польши, к примеру. Вам это должно быть ближе.

— А что нужно Польше? Лишь короля да епископов, вольных использовать в своих интересах территории, на которые нацелились Россия и Пруссия,— заговорил Сташковский.— А Клутс призывает к интернациональному освобождению всего простого народа. Мы много говорили на эту тему и пришли к выводу, что свобода для Польши начнется во Франции.

— А для Клутса свобода во Франции уже закончилась.— Мысленно я отругал себя за глупое упрямство, с каким привязался к опасной теме.— И попомните эти слова, мои юные братья, вы тоже очень быстро разочаруетесь!

Красный, однако, не дал мне так просто вырвать у него духовный хлеб, которым питалось его пламенное сердце. Ответ его прозвучал с твердой решимостью:

— Во всяком случае, гражданин, мы попытаем удачи, хотя ваше мнение мы глубоко уважаем. Можем мы проводить вас немного, сударь? Вы направляетесь в Дижон?

Я указал назад. Там последние из людей Монсорбье еще карабкались по крутому склону к вершине холма.

— Франция там... куда драпают эти гвардейцы.— На мгновение я приумолк в нерешительнос-

ти.— Сам я еду в Лозанну. Революционный мой пыл благополучно иссяк еще в декабре. И с чего это вам, монсеньор Красный, вздумалось покидать Вальденштейн — край, где правит справедливость и здравый смысл? Как я слышал, в тех краях все счастливы...

— Из самодовольного бюргера не выйдет хорошего бунтовщика,— спокойно заметил он.— Она тупа, моя родина, слишком самодовольна и благочестива.

— Теперь, сударь, мне ясно. В революции вас привлекают романтика и приключения. Приключений вам хватит во Франции, возможно, даже с избытком, но, боюсь, романтические ваши порывы быстро иссякнут.

В разговор вступил юный славянин, фон Люцов.

— Но, сударь, если ситуация во Франции такова, как вы нам сейчас ее расписали, тогда получается, что идеалы наши — вообще пустой звук, а миром правят лишь Семь Смертных Грехов во главе с самим Дьяволом!

— Нет, сударь, ваши надежды отнюдь не пустой звук,— сказал я.— Ни в коем случае не стал бы я подвергать сомнению ваши благородные устремления, ваш оптимизм и веру... даже вашу способность привнести в этот мир хоть чуть-чуть справедливости. Но вот представление ваше о грубой реальности жизни имеет существенные изъяны. Именно недостаток здравого смысла наряду с неумением разобраться в побуждениях простонародья в конечном итоге и привели к тому, что я покидаю Францию.

Мой добрый совет они, естественно, расценили как очередную напыщенную нотацию и стали вы-

казывать нетерпение, проявляя его множеством мелких, но явных знаков: теребили поводья, расправляли плечи, нарочито потягивались, поправляли шпоры, натягивали поглубже шляпы свои на лоб. Я понял, что убеждать их бесполезно, и поспешил откланяться.

— Желаю вам, джентльмены, *bon voyage* и *bon chance*. Еще раз спасибо за помощь. И, пожалуйста, сделайте милость, поберегите себя.

С тем я поворотил нового своего коня,— который достался мне вместе со шпагой и пистолетами, притороченными к роскошному кастильскому седлу,— и поскакал к домику; из полураскрытых ворот теперь с любопытством выглядывали две женщины. Одна — молодая, вторая — в годах.

— Но, сударь, если вы покидаете Францию,— выкрикнул мне вдогонку озадаченный Красный,— кто же тогда те солдаты?

— Национальная армия, сударь. Подразделение комитета Общественной Безопасности.

Я сорвал со шляпы своей кокарду и швырнул ее Красному, после чего пришпорил коня и галопом понесся вперед. Поравнявшись с женщинами у ворот, я отвесил им учтивый поклон и выразил свое искреннее восхищение дивным пейзажем долины.

— Миленькое местечко, милей во всем Во не сыщешь.

Они лишь улыбнулись, но зубоскалить в ответ не стали. Итак, я был в Швейцарии! Горы впереди были свободны от политической игры и лицемерия. Там мне нечего будет бояться, кроме обычных опасностей, подстерегающих всадника на крутых горных тропах, да нападения бандитов, которые, если и перережут мне горло, сделают это не ради

великого дела, а ради корки хлеба. Даже воздух здесь был другим — чистым, свежим.

Я был в предгорьях Альп. Дорога, ведущая вверх, стала круче, слой снега толще. Небо вскоре прояснилось, стало ярко голубым, и на фоне его показались вершины гор. Тут царил безмятежный покой. Вокруг открывались величавые, поразительные пейзажи — белизна снега и зелень хвои, переплетенные черными венами камня. Кое-где к скалам лепились домишки, словно съежившиеся на укрытых от ветра уступах. Их соломенные крыши спускались едва ли не до самой земли. Грачи и вороны с криками взлетали с них, потревоженные топотом моего «испанца». Воистину, громадные пики Альп — одно из наиболее впечатляющих зрелищ на земле, превосходящее в великолепии своем даже грандиозное величие американских Аппалачей, единственного хребта, который, кроме Альп, я видел своими глазами. (Уже много позже мне попалась на глаза гравюра с изображением Скалистых гор, которые, на мой взгляд, если только художник не преувеличил, могли бы достойно соперничать с Альпами.)

Красота гор — суровые скалы, пушистые ели, птицы, парящие в вышине, ущелья, исполненные гулким эхом, земля и снег — подтолкнула меня к постижению собственной незначительности и ничтожности всех человеческих битв. Погруженный в философские размышления, я и не заметил, как стали сгущаться сумерки. Восхитительный алый закат окрасил все детали пейзажа кровавым светом. Мне повезло: вскоре я выбрался на проезжий «торняк», как друзья моей юности называли большую дорогу. Дважды меня обогнали кареты. Их возницы любезно мне сообщили, что в пяти милях отсюда есть достаточно чистая и недорогая гостиница.

Когда свет заходящего солнца совсем поблек, я въехал в своего рода темный тоннель, образованный двумя рядами деревьев, чьи ветви сплетались над дорогой так плотно, что почти полностью закрывали сумеречный свет. Запах свежей хвои буквально опьянил меня. Мне казалось, я въехал в какой-то совсем другой мир,— мир, где зима обернулась весною и восторжествовал покой. Но вскоре впереди послышался грохот кареты, запряженной четверкою лошадей,— неслась она, надо сказать, на приличной скорости. Когда мы сблизились, я заметил, с каким яростным остервенением кучер нахлестывает лошадей. Он как будто бежал от погони. Тут мне в голову вдруг пришла мысль, что на этой дороге, вполне вероятно, промышляют разбойники и грабители. Проезжая мимо кареты, я радушно поприветствовал возницу, стараясь тем самым уверить его в своих мирных намерениях, но он мне не ответил, только щелкнул с размаху кнутом, подгоняя четверку коней. Над головой у него на шесте был прикреплен фонарь, но он отбрасывал больше теней, чем давал света. Я сумел разглядеть только сверкающие глаза возницы. Почудилось мне или и вправду он одарил меня неоправданно свирепым взглядом? Но, как бы там ни было, я передумал и не стал просить у него дозволения поехать рядом с его фонарем. Даже кромешная тьма показалась мне привлекательной по сравнению с подобным обществом. Итак, рассудив благоразумно, что будет лучше держаться подальше от таких людей, я выехал из тоннеля в долину, выдержанную в серых студеных тонах, обрамленную со всех сторон черной стеною гор. Одежда моя так еще и не высохла после жуткой переправы. Я понял, что если в скором времени

не доберусь до гостиницы, то замерзну в новом роскошном седле. Хорошо еще, воздух там был сухим, иначе — на такой-то высоте — я бы уже давно завершил свой земной путь.

Наконец за дальним поворотом дороги показалось приглушенное мерцание, которое вскоре обернулось рассеянным светом пламени — свечи и лампы, упрятанные в толстое зеленое стекло. Вывеска на столбе сообщила, что строение это есть *Le Coq D'Or* (в те времена почти все гостиницы в Швейцарии носили такое название; традиция для швейцарцев превыше всего). Проехав под аркой ворот, я оказался на просторном внутреннем дворе. Сама же гостиница представляла собою довольно большое здание, с виду чистое и ухоженное. Первое впечатление было вполне положительным, и оно лишь подтвердилось, когда — почти сразу же, как я въехал во двор,— расторопные конюхи приняли у меня коня и увели его, чтобы покормить и почистить.

Я стряхнул пыль с плаща, перебросил свои сумки через плечо и вошел в общий зал. Там я сразу же встал у камина. От моей влажной одежды повалил пар, как от жаровни уличного торговца, к вящей досаде двух святых отцов, какого-то мелкого землевладельца и парочки вооруженных до зубов ландскнехтов, направляющихся, как они сами уклончиво сообщили, вступить в прусскую армию и — ни много, ни мало — спасти Францию. Я снял кушак и передал его вместе с ботфортами и плащом одноглазому трактирщику, чтобы он отнес их своей жене и та привела бы их в порядок. Но и без этого устрашающего облачения я выглядел настоящим коммунаром: небритый, с незавитыми волосами и в одеянии, абсолютно не подходящем джентльмену.

— Двух швейцарских наемных убийц явно было недостаточно,— объявил я.— Но вы тоже можете попытать счастья. Что до меня, то попытки мои потерпели крах, вот почему в настоящий момент я стремлюсь как можно дальше уехать от границ Франции.

— Стало быть, вы сейчас прямо из Франции, сударь? — проговорил старший из святых отцов с акцентом, который немедленно выдал уроженца Прованса.— Что там сейчас происходит?

Я никогда не питал дружеского расположения к лицам духовного сана, к тому же у меня не было настроения ни клеймить Революцию, ни читать обширные нотации. Я ответил, что нынче во Франции представителей духовенства больше уже не разрывают на части. Это было правдой.

— Но гильотины денно и нощно не прекращают работы. Как в столице, так и в провинциях,— добавил я.— Многие верят, что все это кончится только тогда, когда убьют Робеспьера. Но, как я полагаю, он слишком осторожен, чтобы подставить себя под удар.

— Так он пока остается любимцем народа,— мрачно заключил старший священник.

— Если толпа станет и дальше его поддерживать,— я отхлебнул кисловатого вина,— то он будет править Францией до скончания веков. Но если толпа повернется против Робеспьера... она, знаете ли, тварь изменчивая... тогда ему не устоять.

— Но это вряд ли, не так ли? — Святой отец явно желал услышать опровержение. Но я-то знал, что никакого опровержения быть не может.

— Сударь,— сказал я, вероятно уж слишком жестко,— сие невозможно.

Мое замечание, кстати замечу, не делало чести знаменитому «ясновидению», коим славен наш род.

Тут в разговор вступил юный послушник: угловатое костлявое создание, наделенное мертвенной бледностью и неприятной привычкой брызгать слюной при разговоре.

— Воистину, говорю вам, дьявол пришел на землю. Робеспьер настоящий Антихрист, чье пришествие возвещали многие. И в следующем году он взойдет до высот своей власти.

— Да полно вам, сударь,— слегка охладил я его пыл.— Неминуемое пришествие Антихриста предрекал всякий, кому не лень, притом каждый день, начиная от рождества Христова. Если бы все предсказания исполнялись аккуратно, мы бы давно уже утонули в Антихристах. Их было бы больше, чем обычных людей.— Я вдруг поймал себя на том, что сам улыбаюсь своей же шутке.— Если считать по вашему, то выходит, семеро из восьмерых в этом зале — Антихристы!

Солдаты заржали, но юный священник лишь пуще прежнего распалился. Но он не успел дать мне достойный отпор по той простой причине, что его опередили. Заговорил человек, с виду похожий на конторского служащего,— я заметил, как он проскользнул в общий зал всего пару минут назад. Одет он был в типичный для своего рода деятельности траурно-унылый наряд. Так и не сняв перчаток, он играл стаканом с видом отрешенной, погруженной в себя сосредоточенности,— видом, присущим всем почти без исключения представителям сего ремесла, особой породе людей, которые обладают немалою мудростью, позаимствованной из какого-нибудь весьма авторитетного источника...

— А не французскую ли толпу вы сейчас описали, сударь? Неужели вы будете спорить с тем, что толпа эта и есть сборище прихожан, готовых к мессе Антихристовой? И это сборище — разве оно не могущественней одного человека? Робеспьер, может быть, только гребень на голове черного петуха миллионных толп, а головой его вертят эти самые крестьяне.

— Возможно, сударь, возможно.— Я уже почуял скуку, показавшую свой бледный лик из бесплодной чащи познания. Но слов моих явно было недостаточно, чтобы остановить его. Невозможно даже передать, как он упивался изысканностью своих рассуждений.

— А может, этот петух на самом деле — василиск, чьи когти принесут месть Ада всем последовавшим за Христом... чье огненное дыхание — дыхание проклятия? Не оно ли станет маяком, призывающим души наши на Страшный Суд?

Эти пламенные речения возбудили любопытство лишь в жалком послушнике, который с воодушевлением возразил:

— Вы говорите так, сударь, будто ответы на эти вопросы уже вам известны!

Старший священник уткнулся в какую-то латинскую книжку, всем своим видом давая понять, что никак не желает поддерживать глупый разговор.

— Я лишь рассуждаю вслух, брат,— благочестиво заметил конторщик.— Я не хочу давать оценку событиям во Франции. Я даю вам только пищу для размышлений.

Я твердо решил, что не стану ввязываться в бредовую беседу этой парочки чокнутых, вот почему я зевнул нарочито громко и проговорил с

нетерпеливым раздражением высокого чиновника от Революции:

— Видите ли, господин Схоласт, большинству из присутствующих ваши фантазии вовсе не интересны. Что до меня лично, то я так устал, что меня ноги уже не держат, я сейчас могу воспринимать только самые элементарные вещи, связанные главным образом с потребностями моего тела. Поверьте мне, слишком богатое воображение никогда ни к чему хорошему не приводит. Но мое, уж по крайней мере, имело в свое время хотя бы некоторую самобытность. Ваше же, сударь, родилось в библиотечной тишине. Бога ради... оно так отдает книжной пылью, что раздражает мое обоняние! Как бы ни был хорош ваш табак, увольте меня от подобного угощения, а то я сейчас расчихаюсь.

После столь резкого выговора конторщик умолк, хмуро замкнувшись, но мне пока еще угрожала опасность со стороны его пылкого сотоварища по философским думам, молоденького священника-неофита. По привычке, присущей любому, кто совмещает в себе качества профессионального воина и политика, я набросился на него, предупреждая возможный выпад:

— Что касается Робеспьера...— тут я с изумлением отметил, как неестественно раскраснелся юный святой отец,— то... он обычный человек, которому свойственно ошибаться.— Похоже, мое пренебрежение к философствующему клерку неофит принял как личное оскорбление.— Я неплохо его знаю,— продолжал я.— Он слишком тщеславен. И его непомерное самолюбие уязвлено сейчас тем, что мир почему-то отказывается принимать его чудесное снадобье и не желает становиться про-

свещенным в мгновение ока. А что делает человек тщеславный, когда самолюбие его задето?

Юный священник аж побагровел, как раскалившийся на огне котелок. Он едва ли не шипел на меня. Юноша так и кипел праведным гневом, только что пар от него не валил.

— Он бьет первым, сударь,— объясняю я.— Он ищет тех, на кого можно будет свалить вину. Он пышет злобой. Он нападает. В данном случае... я имею в виду его деспотичную власть... человек этот убивает. Он убивает, сударь. Идет войной на другие народы. Клянусь кровью пречистой девы, бедная наша планета больше страдает от опрометчивых поступков какого-нибудь разочарованного эгоиста, чем от природных... и сверхъестественных... катаклизмов. Да возьмем, сударь, хотя бы историю церкви. По-моему, она вполне может служить иллюстрацией к только что высказанному мною мнению, разве нет? Слишком часто мы попадаем во власть безрассудных детей, которые в гневе крушат королевства, как будто ломают игрушки. Ежедневно по их приказам отправляют на смерть тысячи человек,— так капризные выродки расшвыривают своих кукол! — В запале я, кажется, хватил лишку и вместо того, чтоб закончить дискуссию, по глупости вызвал ответную реплику.

— Те, что чтят Господа нашего, так не поступят,— назидательно проговорил святой отец из Прованса.

Я выдавил краткий смешок.

— В таком случае, сударь, выходит, сам Папа не почитает Господа. Я не хочу умалить вашу веру, святой отец, церковь то и дело предоставляет оправдания деяниям, подобным деяниям Робеспьера. И все это пропитано той же театральною дра-

матичностью и свершено с тем же жестоким самообладанием диктаторства. Разве Ришелье был менее виновен, чем Робеспьер? Гугеноты так не считают. А ведь кардинал тоже действовал, по его словам, на благо Франции.

Святой отец покачал головой.

— Ты познал много страданий, сын мой.

Тут я возмутился.

— Сударь, я вам не сын. Ваш выбор слов предполагает некую власть надо мною, коей вы не обладаете.— Похоже, мой радикализм будет не так уж легко подавить, как мне представлялось сначала.

Поскольку его жалкая вкрадчивость не произвела на меня желанного эффекта, священник тут же обиженно надулся.

— Опыт ваш, сударь, так ничему вас и не научил.— Он поднялся из-за стола, сделал знак юному брату и, прошелестев по полу сутаной, удалился почивать, разочарованный. Видимо, он надеялся найти во мне раскаявшегося грешника, преисполненного благодарности и послушания.

Инцидент этот весьма позабавил двух наемников. Они даже вызвались выставить мне за свой счет вина. Поскольку они оказались единственной компанией, которую я находил более-менее подходящей, я принял любезное их приглашение и согрел себя вином. Младший из солдат — звали его Бамбош — слегка заикался. Впрочем, сей недостаток не слишком его тяготил. Бамбош даже забавно его подчеркивал, тем самым как бы подшучивая над собою. Его приятная мордашка принадлежала к тому типу лиц, которые, как говорится, хранят своего обладателя от петли. Он сообщил мне, что вступил в прусскую армию, чтобы отомстить за брата, казненного Революцией. (Бамбош-старший служил в

Швейцарской гвардии, в личной охране Людовика.) Солдат постарше — приземистый, крепко сбитый мужчина, лишенный всякой фантазии,— производил впечатление отпетого негодяя, вероятно из-за короткой стрижки и многочисленных шрамов, покрывающих все участки открытой кожи. Он сказал мне, что, хотя он и находит французских крестьян отвратительными, женщины во Франции очень даже привлекательны, так что ему лично лучше уж драться где-нибудь на чужбине, чем сидеть дома, где и мужчины, и женщины одинаково неприглядны. Он пробовал как-то заняться земледелием в одном местечке под Женевой, но занятие это вскоре ему прискучило. «Работа-то, в общем, нетрудная,— объяснял он,— усилий особых не требует, но времени отнимает много. Тут много не погуляешь, да и круг общения ограничен — выбирать просто не из кого». Звали его Ольрик фон Альтдорф. Он был мушкетером. Ткнув пальцем в угол, где стояло три зачехленных ружья, он сообщил, что все они «англицкие», от самого Бейкера из Лондона, и прицел у них верный, замечательный просто прицел, хотя «изгиб» не такой широкий, как у некоторых других ружей Бейкера. То, что выигрываешь в дальности, теряешь в меткости.

— Но если бой вести с дальнего расстояния, одно мое ружье стоит целого отряда бойцов.

Политикой он и вовсе не интересовался, но по холодному и стрелковому оружию прочел мне целую лекцию. Я очень устал за прошедший день и слушал его вполуха, а фон Альтдорф, похоже, оседлал своего конька и объехал на нем полмира, детально расписывая мне по странам качество местной стали и мастерство тамошних оружейников... Наконец, напившись, я был готов отойти ко сну.

Два моих собутыльника охотно вызвались помочь мне подняться по лестнице на чердак, где в ряд стояли раскладные койки. На них-то мы и свалились, предприняв разве что самые жалкие попытки раздеться. К счастью, новые друзья мои были не слишком уж привередливы, и воняло от них не хуже, чем от меня самого. Мне снились сны о погоне, о древних чудовищах, которые с яростным рыком рвались из глубоких подземных пещер, об изумительной свежести, вдруг разлившейся в воздухе и преисполнившей все мое существо несказанною радостью, об огне ада и Сатане — в зеленом, как море, плаще и с изысканным шейным платком,— он выуживал из житейского океана невинных, подцепив их крючком за губы, шепчущие молитвы, и с деловитым апломбом швырял их в пышущие жаром печи. Я проснулся в поту, а потом,— отнес эти кошмары на счет дурной, прямо скажем, компании и дрянного вина,— заснул снова, и на этот раз мне приснилось, что я брожу по каким-то тоннелям, вырубленным в скале в поисках источника той самой чудесной свежести, каковая привиделась мне в предыдущем сне.

Утром, пока мы втроем умывались в одной лохани, я расспросил мушкетеров, известно ли им, каково сейчас положение в Богемии, поскольку вскоре мне предстояло проехать по этой стране. Ничего вразумительного я в ответ не услышал. Герр Ольрик сказал только, что Австрия, по общему мнению, проявила себя как беспечный хозяин, и в результате в Богемии царит самоуправство.

— Но если вы, сударь, во всех этих державах гость нежеланный,— заключил он,— тогда вам всего лучше ехать в Венецию.

В рекомендации этой он был непреклонен. Республика Венеция хоть и слишком строга в определенных своих законах, тем не менее не станет карать революционера, искренне раскаявшегося в своих заблуждениях. С благодарной улыбкою я признался ему, что итальянский мой слаб, а латинский — немногим лучше. Больше всего меня беспокоило, чтобы они не узнали, куда я направляюсь на самом деле, и не сказали бы случайно об этом моим преследователям.

— Я хочу разбогатеть,— доверительно сообщил я Ольрику.— Всю жизнь я был бедным солдатом. И вот решился открыть свое дело в Праге, где почти все влиятельные персоны говорят на родном мне немецком.

— Ну и ладно,— задумчиво проговорил Ольрик.— Мне довелось послужить и в Венеции, и в Праге. У Праги, скажу я вам, есть только два преимущества: ближе к Берлину, и улицы там посуше.— Эта незамысловатая шутка привела Бамбоша в неподдельный восторг, который выразился в том, что он облил нас водой.— И шлюхи в Праге милей в обхождении,— добавил герр Ольрик,— если уж не милей на лицо. И дешевле, если мне память не изменяет, хотя я не из тех мужчин, кому приходится прибегать к серебру, чтобы снискать благосклонность дам.

Придержав при себе замечание о том, что поскольку все без исключения мужчины заявляют то же самое о себе, то удивительно, как же тогда бедным шлюхам удается сводить концы с концами (кроме того, я всегда предпочитал упоминать в разговорах прекрасный пол в более вежливой форме), я уклонился от дальнейшей беседы, сбрил усы и облачился в лучшее из своего гардероба:

красный сюртук из китайки и жилет, чуть побледнее оттенком. Они оба были на аметистовых пуговицах. На ноги я натянул белые облегающие рейтузы, которые подчеркивали рельеф каждой мышцы, а поверх — сапоги из прекрасной оленьей кожи. На голову водрузил парик. Его нужно было основательно подпудрить, но он сохранил еще следы старомодной лиловой пудры,— моей любимой. Белье мое оказалось свежее, чем можно было надеяться после того, как я второпях запихал его в сумки. С каким удовольствием застегнул я под подбородком кружевной гофрированный воротничок!

Я снова превратился в денди — стал достойным соперником в изяществе Робеспьеру. На бок я прицепил саблю в ножнах из роскошной голубой кожи с золоченым тиснением и сразу почувствовал себя уверенней. Но, как только я преобразился подобным образом, солдаты сразу замкнулись, и дружелюбия их поубавилось. Я заговорщически им подмигнул, желая успокоить и показать, что я такой же, как они, пусть даже вид мой теперь говорит об обратном. В концов концов, всякий ведь может нацепить на себя платье джентльмена. Я язвительно шаркнул ногою, на что старший оскалился, а мальчишка-заика завыл от восторга.

— Чтоб стать богатым, прежде всего надо вырядиться как богач,— назидательно заметил я.— Впрочем, иную вдовицу, может быть, не впечатляет богатство, но зато она не станет заглядываться на штаны бедняка.

— Ага! — с одобрением воскликнул Ольрик.— Вы, стало быть, намереваетесь жениться на деньгах?

— Только ради того, чтобы получить начальный капитал.

Ольрик положил свою красную лапу мясника на мое шелковое плечо.

— Тогда лучше Праги, брат, места тебе не найти.— Он отступил на шаг и оглядел меня, словно я был картиной в галерее.— Эти венецианские семьи... они сильно приверженны своему клану и чересчур разборчивы, куда и к кому переходит богатство посредством скрепления брачных уз. А богемцы благодарны за всякое изъявление внимания!

Я с самой серьезною миною поблагодарил его за совет и не счел себя оскорбленным даже тогда, когда Ольрик задумчиво заявил:

— В Венеции вам пришлось бы еще доказать, что вы в совершенстве владеете этим старинным клинком, тогда как жителей Праги впечатляет уже один только блеск обнаженной стали.

Как ни велико было искушение призвать наглеца к ответу и заодно похвастаться своим умением фехтовальщика, приобретенным в Татарии, я счел, что это явилось бы проявлением дурного тона, а посему лишь поклонился, еще раз поблагодарил за совет и даже сумел произнести какую-то ответную любезность. Впрочем, я зря старался, поскольку именно в тот момент внимание собеседника моего отвлек шум, доносящийся с улицы.

Ольрик, прислушиваясь, склонил голову набок. Мы услышали топот ног, обутых в тяжелые сапоги, звон конской сбруи. Я узнал эти звуки, характерные для большого кавалерийского отряда, и, догадался, что это за отряд. Подхватив свои сумки, я спустился по лестнице на один пролет. На площадке было окно, и я осторожно выглянул во двор. Карета, с которой я встретился прошлой ночью, готовилась к выезду. В нее садилась миловидная юная

дама; угрюмый возница не ответил на быструю ее улыбку. Впрочем, при свете дня он не выглядел таким зловещим чудовищем, каким показался тогда во мраке. На дверце кареты я разглядел теперь скромный герб, совершенно мне неизвестный. Было в нем что-то неуловимо восточное, азиатское. Я рассудил, что кому бы ни принадлежала сия карета, они прибыли на постоялый двор вскоре после меня и сразу прошли в свои комнаты. У меня появилась надежда, что я все-таки ошибался, полагая, что слышу топот гусар. Несколько крепких парней — вооруженные до зубов, все в темных плащах,— стояли рядом с каретой. Судя по виду, то были французы; вполне вероятно, какие-нибудь роялисты, вынужденные заниматься разбоем. Впрочем, долго гадать не пришлось. Едва предводитель их вышел во двор — из двери как раз у меня под ногами,— я уже понял, что это за люди. Поначалу я видел его со спины: высокий худощавый мужчина с забинтованной левой рукою под полурасстегнутым военным плащом. Тон его был надменным и раздраженным, и я тут же узнал этот голос. Робер де Монсорбье так и не надел свой неизменный трехцветный кушак и, как можно было с уверенностью предположить, на время забыл о своих заявлениях о том, что он представляет правительство Франции. Когда он развернулся, чтобы ответить конюху, я заметил, какое бледное у него лицо, как резко на нем проступают морщины.

— Доказать? Доказать, что мой собственный конь принадлежит мне?! Тьфу ты пропасть! — Он, как вполне очевидно, нашел своего украденного «испанца».

Я приуныл. Без коня спасение мое не представлялось возможным. Но я все же спустился еще на один пролет, проскользнул в кухню,— мне по-

везло, там никого в тот момент не оказалось. Я захватил немного холодной свинины и сыру и снова вернулся на лестницу, чтобы найти удобное окошко, откуда я мог бы следить за Монсорбье. Я добрался уже до самой верхней площадки, как вдруг меня вспугнул нежный голос, доносящийся сверху и буквально искрящийся весельем.

— Что же вы, сударь? Не в состоянии оплатить счет?

Я повернулся на звук,— сердце бешено колотилось в груди. От неожиданности я забыл даже о том, что не надо бы мне прижимать кусок мяса к самому лучшему своему камзолу. Передо мной, наполовину скрытое в тени, наполовину залитое лучами бледного зимнего солнца, стояло самое потрясающее и прелестное существо из всех, что мне доводилось когда-либо видеть. Поначалу я даже и не разобрал, юноша это или девица, пока создание не шагнуло ко мне и я не увидел, что на нем юбка. Большая голова, чуть ли не негроидного типа, но фигурка тонка и стройна; огромные черные глаза, каштановые локоны, обрамляющие очаровательное лицо... Широкие плечи и тонкая талия — черты, свойственные больше мужской фигуре,— вот почему в полумраке ее можно было принять за юношу. Передо мною стояла женщина, в которую я мог бы влюбиться с первого взгляда! Она наяву воплощала в себе идеал, который я до сих пор еще иногда вызывал в сладких грезах!

Я застыл как вкопанный и, медленно пережевывая хрустящую корочку свинины, прямо-таки неприлично вытаращился на юную даму. Потом, взяв себя в руки, я вспомнил все-таки о манерах, поклонился, как галантный кавалер прежних времен, и — татарский жест, который мне очень по-

том пригодился на Западе,— поднес руку ко лбу, подбородку и груди, давая тем самым понять, что я в ее полном распоряжении.

Я надеялся, это произведет на нее впечатление, и действительно — я, похоже, сумел угодить ей, хотя ее проницательный взгляд по-прежнему был переполнен подозрением.

— Может быть, вы мне позволите расплатиться по вашему счету, сударь? Очевидно, что вы человек порядочный, джентльмен, и мне не хотелось бы видеть вас в столь унизительном положении!

Спрятав за спину руку с куском свинины, я покачал головой.

— Вы неверно истолковали мои поступки. Меня преследуют враги... убийцы короля. Они убьют и меня, если я только не скроюсь от них. Будь их меньше хотя бы наполовину, я мог бы сразиться. Но их слишком много.

— Так вы, сударь, мошенник? А эти преисполненные сознанием долга громилы, которые так бесцеремонно заглядывают в мой экипаж, стало быть, полисмены?

— Нет, мадам. Они из Комитета Общественной Безопасности Франции и намерены арестовать меня как роялиста.

Она задумалась над моими словами, медленно застегивая пальто, схожее по покрою с мужским охотничьим камзолом, и натягивая длинные перчатки, словно она действительно собралась на охоту.

— Как зовут их предводителя?

— Робер де Монсорбье, мадам. Он из тех, кого никакими угрозами не запугаешь и никаким золотом не подкупишь. Долг превыше всего, а милосердие... к чему оно?

— Да, я знаю такую породу людей. Кстати, меня зовут Либусса, герцогиня Критская.

Эта фамилия была мне неизвестна, но отныне и навсегда я стал ее рабом! Герцогиня казалась хрупкою женщиной, но кость у нее — это видно сразу — была крепка. Ее кожа, мягкая, точно шелк, излучала здоровье. Весь ее облик дышал той зажигательной целостностью натуры, которая говорит о громадной силе духа и целеустремленности. Лицо ее — такое серьезное в безмятежном спокойствии и такое живое, когда озарялось остроумной догадкой,— отличалось изысканной красотой. Словно богиня мудрости шествовала она по земле. Красота ее и душевные качества потрясли меня так, что я не сразу нашелся, как ей ответить. Учтивые фразы, которые обычно употребляю я в разговоре с хорошенькой женщиной, в данном случае не подходили. При других обстоятельствах я не преминул бы разыграть этакого восхищенного фата и прожженного сердцееда, но блистательная мадонна, похоже, с легкостью превзойдет меня в любой игре. Мне же хотелось добиться ее расположения,— никогда в жизни мне ничего не хотелось так сильно! — вот почему я лишь назвал себя, просто имя и титул, а потом коротко описал свое положение и что я намерен по этому поводу предпринять.

— Я так понимаю, сударь, вам нужен друг, который отвлек бы внимание ваших преследователей, чтобы дать вам возможность уйти незамеченным?

— Да, мадам, это было бы очень кстати.

— Тогда, сударь, постарайтесь подобраться по возможности ближе к конюшням.

Я повиновался. Ничего другого мне просто не оставалось,— я был очарован. Внизу, по присыпанному песком полу, уже застучали тяжелые са-

поги республиканцев. Я проскользнул в комнаты для прислуги, где и укрылся среди всякой разной одежды, от которой несло конским и человеческим потом. Отсюда мне было слышно, как покровительница моя с нетерпеливым раздражением обратилась к французам.

Я не слышал ее слов, но хорошо разобрал ответ Монсорбье.

— Мы ищем конокрада, мадам, вот и все. Если вы вдруг случайно встретили на пути такого низкорослого вспыльчивого малого, этакого бойцового петушка в камзоле, который ему размера на два велик, и в штанах, что на размер малы, я был бы вам очень признателен, если бы вы сообщили нам.

Я не выпрыгнул из своего укрытия и не перегрыз ему глотку лишь потому, что сказал себе: вчера я обошел его и тем самым унизил, и вот он теперь утешается, осыпая меня оскорблениями. Сия здравая мысль, хоть и удержала меня от весьма опрометчивого поступка, успокоения не принесла.

Тон Либуссы сделался умиротворяющим и чарующим:

— В самом деле? Уж не фон Бека ли вы разыскиваете?

— Так он себя величает.

— Ну так я его видела. Он, впрочем, отбыл еще ночью. Выходит, что конь его — вовсе и не его! Прекрасный скакун, сударь, просто прекрасный. И такая чудесная масть. Серый в яблоках, редкой раскраски. Могу поклясться, арабских кровей.

— Свежего, значит, взял,— пробормотал Монсорбье, проглотив приманку.— В каком направлении отбыл этот разбойник, мадам?

— Я теперь уже и не припомню, сударь. Однако, у меня сложилось впечатление, что мы едем в

одном направлении... Ну разумеется... Он еще что-то сказал... насчет какой-то опасности и что лучше ему рисковать в одиночку. Да, верно, сударь. Он отбыл в Лозанну. И поскольку нам с вами, выходит, теперь по пути, вы, я полагаю, будете так любезны и составите мне эскорт. Хотя бы какую-то часть пути, сударь? Эта дорога печально известна своими разбойниками.

— Мы преследуем фон Бека,— отрезал Монсорбье, а потом обратился к кому-то другому, очевидно к трактирщику: — Ты... почему же ты не сказал, что он взял другого коня?

— Но я не заметил, сударь, чтобы какая-то из лошадей пропала.— Голос трактирщика дрожал.— Серый в яблоках, вы говорите, мадам? Может быть, это был конь одного из святых отцов?

Когда топот шагов затих, вся честная компания вышла из помещения, вернувшись во двор, я потихонечку выбрался из вонючей кладовки и осторожно выглянул в окно. Как раз в этот момент во дворе показались два швейцарских «рыцаря без страха и упрека». Внешне они напоминали ходячий арсенал: грозно топорщившиеся ножны, ружья на перекрестных ремнях, куски металла и кожи, как будто налепленные наугад. Ольрик фыркнул и с вызовом уставился на Монсорбье:

— Серая в яблоках, капитан, моя лучшая лошадь!

Трактирщик искренне изумился.

— Но ведь у вас была чалая. Я сам лично отвел ее на конюшню!

— И еще серая, болван! — При такой выразительной жестикуляции Ольрик имел бы несомненный успех на артистическом поприще в каком-нибудь театре пантомимы.— Навьюченная серая

лошадь! Парнишка вел ее под уздцы. Ну как, вспомнил теперь?

Признав свое поражение, бедный трактирщик умолк.

Утихомирив несчастного малого, Ольрик подступил к Монсорбье и, заглянув прямо в горящее гневом лицо француза, проговорил с нарочито оскорбительной дерзостью:

— А кто вы вообще такие? Не кавалерия, судя по вашему оснащению, и не пехота, судя по сапогам и набору оружия. Чую, тут воняет французами. Только вот, что вы за французы? Аристократы? Или, быть может, убийцы короля? Но что не граждане Конфедерации — это точно.

Только сейчас я сообразил, что Ольрик ломает всю эту комедию исключительно ради того, чтобы помочь мне бежать. Видимо, он хотел внести смятение в ряды моих преследователей.

— Я честный швейцарец. Такой же, как и вы сами, сударь,— пробормотал Монсорбье, почувствовав, что здесь кроется некая хитрость, но еще пока не разобравшись, какая именно.— Значит, вы утверждаете, сударь, что этот мошенник увел у вас кобылу — серую в яблоках?

— Лжец! — напыжился Ольрик, при этом ремни его заскрипели, а железные бляхи загрохотали.— Говорю вам: вы, сударь, лжец! Вы никакой не швейцарец.

— Из Берна.— Голос у Монсорбье стал теперь очень тихим и очень зловещим.

Ольрик подбоченился, наградил Монсорбье уничижительным взглядом, склонил голову на один бок, потом — на другой. Все это были знакомые штучки — этими знаками пользовались профессиональные дуэлянты для выражения своего воин-

ственного настроя, и уж, будьте уверены, Монсорбье распознал их не хуже меня, но все же не клюнул на эту приманку, не поддался искушению. Лицо и шея его покраснели. Он застыл в напряжении, точно обагренное кровью копье под черным щитом широкополой шляпы. Монсорбье всей душой возненавидел Ольрика и непременно ввязался бы в драку, если бы только знал наверняка, скольких товарищей может позвать наемник себе на подмогу, а поскольку в Швейцарии он, Монсорбье, пребывал незаконно, ему вовсе не за чем было искать себе лишние неприятности.

— А документ у тебя есть, французик? — с въедливой настойчивостью продолжал мой швейцарец.

— Я здесь сугубо по личному делу, сударь, и у меня нет никакого желания драться с товарищем по оружию.— Монсорбье с такой яростью стиснул зубы, что мне показалось, я слышал, как они крошатся в порошок.— Мы преследуем человека, который украл вашу лошадь. Его разыскивают во Франции как предателя. В России он осужден как убийца. Человек этот — жулик и негодяй. Да еще и вор.

— В Гельвеции нет воров и негодяев, как вам, сударь, должно быть известно, если вы настоящий швейцарец. Что он украл? — Ольрик зловеще склонил голову набок, при этом изобразив на лице искреннее дружелюбие.

— Вашу проклятую лошадь! — Гнев Монсорбье нашел выход, он издал звук, похожий на скрежет стали, вынимаемой из ножен.

— Что?! Мою чалую?!

Монсорбье оглянулся, ища поддержки у своих несколько растерявшихся бойцов. Те, похоже, были слегка озадачены, но при этом сложившаяся ситу-

ация явно их забавляла, хотя они честно пытались это скрыть.

В поле зрения вновь показался юный Бамбош. Он, очевидно, ходил на конюшню.

— Кто-то увел нашу серую!

Громкий возглас его прозвучал с таким неподдельным драматизмом, что я вновь пожалел про себя о том, какой пропадает актерский талант. Этот парень сумел бы сделать себе неплохую карьеру в театре итальянской комедии. Впрочем, то, что для меня было вполне очевидно, для Монсорбье таковым не являлось, поскольку он никогда не служил в регулярной армии и даже ни разу не напивался пьяным в компании тех, кому там служить довелось. Бамбош разыгрывал в данный момент ритуальную прелюдию — в стиле старых вояк — подготовку к шумной уличной потасовке.

— Почему этот германец забрал твою лошадь, земляк? — Взгляд Бамбоша снова остановился на Монсорбье.— Джентльмен этот как-то причастен?

— Он, очевидно, французский стряпчий,— отозвался Ольрик, проявляя притворную терпимость.— Он утверждает, что мою серую увел фон Бек, который нам с тобою как брат!

Бамбош округлил глаза и закатил зрачки, после чего вопрощающе воззрился на Монсорбье.

— Вы утверждаете, сударь, что своими глазами видели, как капитан фон Бек скачет на лошади моего товарища? Когда это случилось, сударь?

— Мое обвинение звучало несколько по-иному,— холодно отозвался Монсорбье.

Бамбош поглядел на Ольрика.

— Ты когда обнаружил, что лошадь пропала?

— Ничего я пока еще не обнаружил. А этот француз говорит, что и чалая тоже пропала! Ты

бы сходил посмотрел.— Ольрик одарил Монсорбье убийственным взглядом.

Говоря по правде, я бы, наверное, испугался за швейцарца, сойдись они с Монсорбье при других обстоятельствах. Но фарс, похоже, продолжался, а моя мадонна Либусса, вместе с горничной, взирала на эту комедию из окна кареты, словно из ложи в опере.

Монсорбье закипал. Еще бы! Ведь его выставляли таким дураком! Он дышал медленно и тяжело, сверлил мрачным взглядом отвороты своих манжет, изрядно пообтрепавшихся на сгибах, тыкал в размокшую грязь каблуком сапога, как будто давил клопов. И все это время все присутствующие прекрасно понимали, что напряжение может прорваться кровавою сечей в любой момент.

Приподняв аккуратно выщипанную бровь, госпожа моя надула губки, продемонстрировав мушку в уголке рта. Казалось бы, что за пустяк, но при виде этой милой гримаски дрожь вожделения вдруг охватила меня, вожделения, которого не переживал я с тех самых пор, когда Екатерина использовала меня как безвольную пешку в своей игре с князем Пушкиным. Тогда, будучи лишь восемнадцати лет от роду, я трепетал от любой поданной мне надежды и обещания. Этот трепет превосходил все испытанное мною доселе, даже эпизод с женщиной из племени делаваров, о котором я упоминал в своих предыдущих записках. Проклятие! Если эта колдунья возбуждала меня одною улыбкой, то какой же тогда экстаз должно вызвать ее прикосновение! Итак, я уже был готов стать покорнейшим из рабов Купидона. Правда, я не осмелился дать себе волю и серьезно задуматься, каковы мои шансы снискать благосклонность

прекрасной дамы. Однако безумие Эроса уже охватило меня. Я ощущал в себе странную двойственность: как будто одновременно испил я любовного зелья и снадобья для усмирения страстного пыла. Мне пришлось напомнить самому себе, что я человек здравомыслящий. Я ведь был циник,— впрочем, не запятнавший доброе свое имя распутством,— я ведь собирался жениться на некрасивой богатой вдовице и составить себе таким образом состояние. И все же я смел надеяться, что мне удалось заинтриговать прекрасную даму. Я приобрел незаслуженную репутацию отъявленного сердцееда, хотя, может быть, менее громкую, чем у Казановы, и сие иной раз привлекало женщин, особенно тех, чье положение позволяло чувствовать себя весьма уверенно. Правда же заключается в том, что мне некоторым образом довелось познать прелести императрицы, а так как я был просто пешкой в каком-то мне непонятном заговоре, «победу» сию я никогда не относил на счет моих личных достоинств. Если бы я в самом деле свершил все те подвиги, каковые приписывает мне молва, я давно бы уже был покойником. Ходили слухи, будто бы Екатерина награждает отвергнутых любовников смертью, казня под своим балконом. Она всегда славилась померанскою бережливостью.

Во двор вернулся юный оруженосец Ольрика. Теперь в его голосе смешались недоумение с обвиняющим возмущением:

— Чалая стоит в стойле! Даже не оседлана!

— Выходит, никто ее не украл,— рассудительно заметил Ольрик.— Вы, сударь, безо всякого на то основания назвали честного человека вором.— Он блистательно сыграл свою роль: весь расцвел, одарив взбешенного Монсорбье лучезарной улыб-

кой.— Ни один швейцарец, тем более благородного происхождения, да вообще всякий швейцарец, кем бы он ни был, к какому бы ни принадлежал сословию, ни один подданный этой страны никогда не допустит, чтобы его обвинили в нарушении пятой — или восьмой? — Заповеди. Вследствие этого вы признаете, сударь, что дело сие улажено? Почему бы вам не вернуться обратно к своей демократии и не уведомить мосье Робеспьера, что вы незаслуженно обвинили доброго человека?

— Он украл мою лошадь,— не отступал Монсорбье. Ему, привыкшему всегда добиваться своего, побеждать во всех спорах, сокрушать любую выставленную против него защиту, не хватило здравого смысла немедленно прекратить все дебаты и не усугублять ситуацию.— Он украл мою лошадь. В двадцати милях отсюда. На самой границе. Они стреляли в меня, сударь. Он и его банда. А теперь хватит со мною играть. Я вижу, вы — человек благородный и действуете из самых лучших побуждений и искренне уверены, что вы совершаете доброе дело. Но, поверьте мне на слово, фон Бек — вор и бандит, по которому плачет виселица.

— Так украли, что ли, вороного гунтера? — спросил вдруг Бамбош, широко раскрыв голубые глаза и имитируя неотесанное простодушие. А я еще раз подумал о том, что ему надо бы не в солдаты наниматься, а играть в театре, в пьесах Мольера.— Вороного, сударь? Большого такого «испанца», сударь? И седло мавританской работы? Мадридского стиля? С медными стременами?

Монсорбье, кажется, раскусил наконец, что именно здесь затевается.

— Ну хорошо... Я знаю, что конь мой здесь.

— Вы, сударь, истинный демократ. Только, видите ли, у святых отцов тоже есть право голоса. Что вы скажете, братья? Вор фон Бек или нет?

Старший из священников — сухопарый с выстриженную тонзурой отец Себастьян — пробормотал что-то нечленораздельное, отступив в тень дверного проема.

— Что-что? — Бамбош сложил ладонь чашечкой и приставил ее к уху.

Святой отец буркнул что-то совсем не лестное насчет «этого безбожника и прохвоста». Несомненно, он тут же поверил — без тени сомнения,— что я именно тот, кем называл меня Монсорбье.

— Его, стало быть, разыскивают как преступника?

— Да, святой отец,— весьма любезно обратился Монсорбье к одному из тех, кого он с легким сердцем дюжинами отправлял на виселицу еще пару недель назад.— Черный след за ним тянется по всему миру. По России, почти по всем странам Европы... и даже в Америке он успел проявить себя как негодяй и предатель. Изменник Саксонии, убийца особ, королевской крови, он — дьявол, воплотившийся на Земле! — Он говорил с неприличным упоением. Я начал уже опасаться, что моя госпожа — новый свет, озаривший мне жизнь,— поверит его пламенным речам, и едва подавил в себе желание выпрыгнуть прямо в окно и со шпагой в руке защитить свою честь.

Впрочем, мастер Ольрик уже ринулся на защиту доброго имени моего.

— Так вы говорите, сударь, его разыскивают во Франции? — Он подступил еще ближе к Монсорбье.— И по какой же причине? За участие в заговоре против Его Величества? За измену вашим

врагам саксонцам? Я, сударь, простой мушкетер, и мне не под силу постичь подобные парадоксы. Буду вам очень обязан, если вы просветите меня.

Монсорбье, любивший командовать и привыкший, что все его повеления исполнялись, вновь был захвачен новым приступом ярости. Он побелел от гнева, пальцы его сами сжались в кулаки.

— Все, сударь, мне надоело.— Он говорил теперь очень тихо, и я бы наверняка не расслышал его слов, если бы не был знаком с его голосом.— Я прекращаю всякие разбирательства и немедленно уезжаю отсюда, поскольку дело мое не ждет.

— Прекращаете разбирательство? У вас, сударь, что, есть какая-то власть здесь — в Во?

Монсорбье сделал движение — не более чем легкое подергивание руки,— но я всерьез испугался за жизнь Ольрика. К счастью, именно в этот момент один из переодетых национальных гвардейцев вывел на двор «испанца», которого давеча я позаимствовал у Монсорбье, и республиканец обратил на него все свое внимание: тщательно осмотрел седло, словно выискивая, нет ли царапин, удостоверился, что пистолеты и шпага на месте, заглянул коню в глаза и зубы, ощупал все сочленения на ногах,— убедился, проявляя при этом явное беспокойство, что вороной его не пострадал, поставил ногу на стремя, взлетел в седло и, с безопасной позиции, одарил Ольрика убийственным взглядом. Тот же спокойно стоял, опершись о плечо Бамбоша, этого лжепростака. Глаза Монсорбье были сейчас холодней всех снегов Швейцарии.

— Искренне уповаю на то, джентльмены, что вы вскоре окажетесь во Франции, где я смогу отплатить вам за теплое гостеприимство.

Тут еще один «персонаж» вышел на сцену, разрядив появлением своим нарастающее напряжение. Это был тот самый схоласт в квакерской шляпе и сером в пятнах чернил камзоле, со связкою книг, завернутых в непромокаемую материю, в руке. Голос его звучал слегка смазанно, словно бы он переспал и еще не проснулся как следует. Кожа его — как я заметил — казалась такой же грязно-серой и шероховатой на вид, как и его одеяние.

— Эта карета едет в Лозанну? — спросил он, указав на экипаж моей госпожи.

— Это карета герцогини Критской.— Монсорбье склонил голову и почтил любезной улыбкой, единственного из оставшихся потенциальных союзников.

Конторщик заморгал, увидел миледи, поспешно снял шляпу, обнаружив сальные волосенки, заплетенные в некое подобие косицы. Он, похоже, узнал ее. По крайней мере — ее титул.

— Позвольте представиться, ваша милость, мейстер Карл Платц.— Он не на шутку разволновался, сообразив, что совершил, по его разумению, очень серьезный *faux pas*, и принялся беспокойно переминаться с ноги на ногу, хлюпая жидкою грязью, равномерно покрывавшей весь двор.

Монсорбье тоже приподнял шляпу — этакий непринужденно галантный, едва ли не елейного обхождения кавалер.

— Почтим за честь сопроводить вас, мадам,— нашел он очень изящный способ выпутаться из затруднительного положения.

Дабы скрыть собственное смущение, схоласт грубо набросился на трактирщика:

— А где тогда карета на Лозанну?! Экое, право, нахальство, ну почему, скажите на милость,

все всегда тут опаздывают? Я уже час как собрался, сижу и жду. А к полудню повалит снег. Вы только посмотрите!

И правда, темные армии туч уже собирались на востоке за барьером горных вершин.

Мейстер Платц тяжко вздохнул.

— И что мне теперь делать прикажете? — Он понуро застыл на месте, готовясь вернуться обратно к себе в комнату.

Но тут к нему обратилась миледи, которая в тот момент о чем-то тихонько шепталась с Ольриком через окошко кареты:

— Вам далеко ехать, сударь?

О если б слова эти были обращены ко мне! Тело мое захлестнула очередная волна огня.

— В Лозанну. Я там служу.— Платц был обижен и мрачен.

— Мне тоже туда. А потом в Ивердон. Прошу вас, сударь.— Она распахнула дверцу кареты, но Платц колебался.

Болван!

— Вы вовсе нас не стесните,— настаивала она.— В тесноте, как говорится, да не в обиде.

Тут только я догадался, что любезная моя союзница старается увезти подальше отсюда всех моих потенциальных врагов.

— А вы, ваши преподобия? — ласково обратилась она к тупоголовым святым отцам.

Юный неофит шагнул было вперед, но отец Себастьян удержал его.

— Спасибо, любезная госпожа, у нас есть свои лошади.— Он с явным сожалением покосился на кремовую с голубым обивку сидений кареты.— Однако, если вы не возражаете, мы поскачем рядом. Безопасности ради.

— Проверьте как следует стойла, святой отец,— посоветовал Ольрик, сам направлявшийся к конюшням.— А то, как я понял, этот французский палач убежден, будто какой-то немчура украл весь табун. Послушать его, так выходит, что даже тот конь, на котором он в данный момент восседает, скачет теперь по дороге на Фрайбург. Может быть, это волшебный конь, сударь? Который чудесным образом един в двух лицах, когда нужно ехать одновременно в противоположные стороны? — Ольрик явно решил, что последнее слово в перепалке его с Монсорбье должно непременно остаться за ним, и, издав победный смешок, исчез из моего поля зрения.

Я понял, что Ольрик сговорился с моей госпожой и что тоже пора потихоньку перебираться к конюшне, где он меня будет ждать. Но мне так хотелось взглянуть еще раз напоследок на мой идеал совершеннейшей женственности!

Монсорбье, давным-давно утративший всякое расположение к добродушной шутке, каковым, может быть, и обладал когда-то, сумел проявить себя только в том, что грубо гаркнул своим людям, чтобы те готовились к отъезду. Они расселись по коням и теперь поправили шляпы, на которых и следа не осталось от трехцветных кокард. (Сняли их, надо думать, в конспиративных целях.) И все же, могу поклясться, Монсорбье крепко задумался. Видно хитроумный мушкетер все-таки сбил его с толку. А что, если и вправду я сейчас мчусь во весь опор на украденном сером по дороге на Фрайбург, в то время как он, Монсорбье, согласился сопроводить до Лозанны прехорошенькую титулованную госпожу, которую он на «своей» территории бросил бы без всякой жалости на повозку, что отвозит несчастных прямо до эша-

фота. А там эта утонченная аристократка голубых кровей, женщина умная и образованная, лишилась бы головы под ножом милосердной машины добродушного доктора Жозе Игнаса Гийотена.

— Сударь, вы же не бросите нас! — воскликнула моя покровительница, умоляюще уставившись на Монсорбье своими огромными восхитительными глазами. Я едва не лишился чувств.— А если на нас нападут разбойники? Без вашего великодушного покровительства, сударь, мы рискуем остаться совсем беспомощными. Подумайте только, что будет со мной и моей горничной, не говоря уже про этого ученого джентльмена и про слуг Христовых! При одной только мысли об этом, сударь, у меня холодеет кровь.

В который раз восхитился я ее умом, и мне вновь пришлось подавить в себе страстный порыв последовать за нею немедля. Казалось, еще немного — и я просто не выдержу буйства страстей, теснящихся у меня в груди! Когда кучер щелкнул длинным кнутом и лошади рванулись с места, гремя упряжью, я от неожиданности отпрянул назад и упал прямо в объятия Ольрика. Карета выехала со двора. Я весь был охвачен восторгом любви. И еще меня душил смех при мысли о том, в каком пренеприятнейшем положении оказался сейчас Монсорбье. О, как мне хотелось быть в карете моей красавицы, возложить голову на грудь... этой необыкновенной, изобретательной женщины, которой никак не могло быть больше двадцати, но которая обладала уже зрелой властностью, позволяющей с легкостью повелевать людьми, и находчивым живым умом, каким может похвастать не всякий боевой генерал. А Монсорбье силою обстоятельств принужден был обеспечивать безопасность тех самых людей, которых он почитал

заклятыми своими врагами! По мне, так зрелище это стоило больше, чем золото, и служило достаточной компенсацией за риск быть обнаруженным. Ольрик встряхнул меня, смачно выругавшись,— я смотрел как зачарованный вслед удаляющейся кавалькаде. Монсорбье, надо отдать ему должное, принял сложившуюся ситуацию с подобающим тактом. Его ярый республиканизм был «моложе» привычки к хорошим манерам. Он держался с достоинством, не проявляя ни идиотской угодливости по отношению к даме, ни хмурого своего недовольства. И, разумеется,— а я уверен, что моя госпожа именно так и задумала,— он прилагал много усилий, чтобы держать под контролем свои противоречивые побуждения. Ему даже в голову не пришло заподозрить, что я, может быть, все еще нахожусь здесь, в гостинице. Да и Ольрик с Бамбошем проявили себя настоящими друзьями. Швейцарский мушкетер начал уже выказывать громогласное и настойчивое нетерпение. Бросив последний взгляд на карету, выезжающую на дорогу, я позволил Ольрику увести себя во двор, где стояла уже наготове гнедая кобыла.

— За все заплачено, друг мой. Можете ехать, куда вам угодно... но есть одна короткая дорога, по ущелью в горах, если только вам охота рисковать разъезжать там верхом.

— Дорога ведет в Лозанну?

— Доберетесь в два раза быстрей, чем по главной. Попадаются, правда, плохие участки, снег там местами рыхлый, да и бандиты встречаются.

— Что ж, я готов рискнуть.

Я был преисполнен решимости как можно быстрей добраться до Лозанны, взять у ла Арпа деньги, которые я передал ему на хранение, и пред-

стать пред светлые очи небесной богини, моего ангела-хранителя, герцогини Критской.

Ольрик рассмеялся.

— А вы, скажу вам, смельчак.

Я пропустил оскорбление мимо ушей, выспросил у него, как добраться до упомянутого ущелья, и немедленно отбыл. Меня гнала вперед мысль о скорой встрече с моею музой, с моим идеалом совершенной женщины,— ни о чем другом я в тот момент думать не мог.

Герцогиня, без сомнения, хорошо заплатила Ольрику: лошадь моя была снаряжена как следует, имелось даже ружье в чехле, притороченное к седлу,— баварское ружье, разве что чуть уступавшее в качестве английским мушкетам Ольрика,— плюс мои собственные кремниевые пистолеты, мешочек картечи, рожок с порохом, пироксилин... Иными словами, все, что может мне пригодиться в путешествии. Я даже начал подозревать, что госпожа моя и в самом деле колдунья или, по крайней уж мере, провидица, наделенная — и весьма кстати — многими дарами.

Узкая тропа привела меня к высоким вершинам. Скалы вздымались предо мной, закрывая небо. Я закутался в старый дорожный плащ, радуясь, что у меня есть хотя бы защита от снега и холода. Но внутри у меня все горело и пело от счастья. Скоро я снова увижу ее... ту, к которой устремлено мое сердце!



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В которой происходит столкновение с разбойниками и приходится немного пострелять. Потревоженная природа в высшей степени драматично откликается на «забавы» наши, в результате чего я встречаю путешественника, чье имя, прошлое и ремесло весьма и весьма сомнительны

Заметно похолодало. Вокруг не было ни души. Пейзаж становился все более диким, и мне оставалось лишь полностью положиться на свою удачу. Меня мучил вопрос: а явилось ли все случившееся результатом случайного стечения обстоятельств? Мне казалось весьма даже странным, что Монсорбье преследует меня с такой

одержимой настойчивостью, а незнакомая дама готова приложить столько стараний, чтобы помочь мне. Может быть, Монсорбье вбил себе в голову, что, предав его дело, я предал и его лично? Сам я себя не считал изменником. Наоборот, я остался верен своим идеалам. Или, может быть, Монсорбье помнит меня еще по тем прежним нашим встречам на сборищах новообращенных иллюминатов? Я «перепробовал» немало подобных братств,— включая братство Креста и Розы и Оранжевую Ложу. В тот период моей жизни я посвятил себя безраздельно изучению сверхъестественного, но все испробованные мною братства оказались чертовски унылыми сборищами, поскольку почти все их «братья» как на подбор отличались острой нехваткой воображения, недостаток которого с лихвой восполнялся неудержимым стремлением достичь Посвящения. Во всяком подобном клубе — взять, к примеру, тех же якобинцев — непременно участвует определенное количество бесхребетных созданий, ищущих отражения своих болезненно мрачных идей в безумных лицах таких же полоумных «адептов». Но Монсорбье-то был не из таких... Я говорю сейчас об одиноких людях, замороченных неудачниках, неприспособленных ни к чему, пытающихся изменить природу, изобретая мертворожденные абстракции, призванные объяснить, почему природные явления ложь, а действительность, нас окружающая,— всего лишь жалкая иллюзия.

Нельзя даже и близко предположить, какие чудовищные фантазии поселились в мозгу этого одержимого революционера. Может быть, он представлял себе революцию как практическое воплощение устремлений духа? Нет опасней умопомрачения, когда

свою светлую голову и доблестное сердце человек ставит на службу нездоровым амбициям,— в конце концов он становится невменяем: предубеждение вытесняет желание понять и познать. То, что начиналось как порыв и желание установить истину,— пусть даже рожденную в жарких спорах,— как подлинный поиск знания в экспериментальном научном сообществе, превращается в сборище презренных трусов, слишком робких, слишком подавленных и малодушных для того, чтобы подвергнуть сомнению символ своей веры. А неоспоримая вера — это петля на шее разума, как однажды сказал мне Клутс. И он теперь мертв, именно потому, что с такой настойчивостью цеплялся за бесполезное и само себя дискредитировавшее дело, которое называл великим. Может быть, отказавшись от этой петли, я отказался — в глазах Монсорбье — признать реальность фантазии, за которую он сам с готовностью продал бы душу?

Лошадка моя поднималась по горной тропе, словно по грандиозному коридору между высоченными соснами и громоздящимися друг на друга утесами, одетыми снегом, по ущельям, змеящимся сквозь отвесные скалы. Несколько раз я услышал, как где-то вверху заскрипел, проседая, затвердевший снег, грозя обвалиться и засыпать меня, но я не задумывался о возможной опасности. Размышления о Монсорбье постепенно отошли на задний план, и все мысли мои обратились единственно к ней... к моей Либуссе, герцогине Критской. У нее было странное, редкое имя, но титул ее указывал на нечто значимое. Такой титул мог бы пожаловать Папа римский или же Император Священного Рима. Сейчас Крит, подпавший под владычество Оттоманской Империи, принадлежал туркам. Впро-

чем, всякий титул может быть унаследован по праву рождения, так как немало знатных фамилий (и особенно тех, чьи родовые древа уходят корнями в балканские королевства) ведут род свой со времен до рождества Христова, когда предки их были властителями полудиких племен, жрецами темных, не ведавших любви религий. Может быть, в жилах ее течет африканская кровь? Кровь тех забытых таинственных цивилизаций, чей расцвет и упадок предшествовали эпохе Царства Египетского... Это бы объяснило ее дар ясновидения, которым она, несомненно, обладала.

Мощь дикой природы, представшей взору моему, наряду с вынужденным одиночеством порождала самые причудливые фантазии. Наконец я был просто вынужден взять себя в руки и напомнить себе о том, что мне сейчас надо беспокоиться о вещах более приземленных. Однако осуществить сие оказалось гораздо труднее, чем может предположить мой любезный читатель. Долго — пока дорога вилась между заросшими лесом холмами — я был так погружен в себя, что не замечал изменений погоды. Грозное скопление туч, громоздящихся в небе, отражало как в зеркале смятение чувств, охватившее мою душу: этот могучий, неуправляемый поток эмоций, которые, перехлестывая друг друга, заглушали глас здравого смысла своим мощным грохотом и словно искали, как заново сотворить меня, но существом, не подобным Богу, а одержимым демоном. К тому времени, когда небо совсем уже потемнело, так что казалось — на землю спустилась ночь, а мелкая изморозь обернулась снегопадом (из-за которого я как будто ослеп и продрог до костей), я был вынужден понукать свою лошадь идти вперед, шаг за шагом, не останавли-

ваясь. Не стоит, наверное, упоминать о том, что дороги я не разбирал совершенно!

Очень скоро мне пришлось спешиться и идти пешком, одною рукою сжимая поводья, а другой отряхая снег, который падал мне на лицо и слепил. Я шел вперед, руководствуясь больше инстинктом, поскольку видеть я ничего не видел. Вскоре я пришел к выводу: моя госпожа, вероятно, решила меня испытать, что я должен не только сыграть до конца в предлагаемую мне игру, но еще и самостоятельно разобраться в ее правилах. Говоря по правде, меня не на шутку встревожила моя же собственная одержимость... было в ней что-то такое... нездоровое, что ли. Я вообще не любитель абстрактных умопостроений, а тут вдруг меня захватили неощутимые, неосязаемые мечтания. Так что даже когда мне пришлось все-таки остановиться и укрыться от непогоды в какой-то заброшенной полуразрушенной хижине неподалеку от тропы, я достал свою походную чернильницу и перо и начал писать, при плохом сумрачном свете, пытаясь хоть как-нибудь привести в порядок свои лихорадочные мысли. Теперь, когда я пересматриваю то немногое, что сохранилось от этих страниц, я понимаю, что тогда уже сделал первый шаг к безумию. Вооружившись трезвою логикой, чтобы объяснить умопомрачение, овладевшее мною, я с готовностью привлекал как свидетельства всякие банальные заключения: *Man fuhlt tief, hier ist nichts Willkurliches, alles ist langsam bewegendes, ewiges Gesetz.* (Строки Гёте всегда пригодятся при подобных умозрительных упражнениях. И пусть сохранившиеся фрагменты моего дневника того времени теперь не дают мне *Befriedige deine naturlichen Begierden und geniesse so viel Vergnugen, als du kannst.* Тогда же я находил в них

немалое утешение.) Многого я не сумел припомнить, многого — записать должным образом, так как строки имеют тенденцию переплетаться и путаться, точно корни в земле, образуя бессмысленный узор, который невозможно расшифровать. Но пока я писал, дрожа от холода и изнеможения, все, ложившееся на бумагу, казалось мне преисполненным глубочайшего — и мучительного — смысла.

Не слишком ли быстро меня охватило жуткое состояние духа, где смешались идеализм и явная эротомания, очарование и любопытство? И это после того, как я призвал на помощь весь свой цинизм, закрыв сердце броней и спасаясь от боли,— боли Утраченных Надежд! Было бы весьма неразумно приписать это проказам маленького Купидона. Должно быть, ужасы Франции, страх быть пойманным, крах моей веры — все вместе и привело меня в мучительное состояние. Похоже, вместо того, чтобы обеспечить себе защиту, я сам сделал свой разум и дух еще более уязвимыми! Но вот что странно: подойдя к самой грани безумия, я в то же время очень четко понимал все безрассудство, всю извращенность и немалую опасность своих деяний, мог подметить любую подробность (тому доказательство — мой дневник) и весьма проницательно прокомментировать каждый свой поступок, подходя при этом все ближе и ближе к краю пропасти полного помешательства.

Откуда взялась эта одержимость? Вновь и вновь задавался я этим вопросом. Мне все казалось зловещим и пагубным в тех ледяных горах. Я уже начал всерьез задумываться о том, что, быть может, и вправду злобные демоны рыщут по древним лесам, где предки мои вырезали суровых идолищ из живых деревьев и поклонялись им, свершая

ужасные языческие ритуалы, проливая жертвенную кровь в черное чрево Земли, ублажая и умиротворяя какого-нибудь ухмыляющегося божка! И разве те из нас, кто полагает себя наиболее защищенным от древнего колдовства, не являются самой легкой для него добычей? Но здравый смысл пока еще сдерживал меня.

Снег наконец перестал, и я продолжил свой путь. Неожиданно солнечные лучи залили все вокруг,— я как раз огибал громадный изукрашенный льдом валун,— но ехать от этого легче не стало: теперь снег блестел на свету, грозя ослепить меня. Когда тени удлинились, протянувшись по белизне снега и зелени хвои, я наткнулся на след тяжелой повозки. Было странно увидеть подобный знак человеческого присутствия в этой необитаемой местности. Может быть, вдруг подумалось мне, то была карета миледи? Что, если и она тоже решила срезать путь? Но я тут же отбросил дикую эту мысль — все-таки хоть какое-то здравомыслие у меня еще оставалось,— пожал плечами и отказался от дальнейших размышлений на эту тему.

Но, как бы там ни было, глубокие следы колес указывали мне дорогу. Теперь снежный покров стал рыхлее. Снег подтаял под теплыми лучами солнца. Впереди на фоне голубого неба резкими силуэтами проступили вершины Альп. Я с благодарностью отметил про себя, что новые тучи не собираются на горизонте. Воодушевившись, я сел в седло, и, поскольку на талом снегу копыта моей лошадки не скользили, скорость наша заметно увеличилась. Деревья вдоль тропы сверкали каплями влаги. Дыхание мое плыло в воздухе струйками пара. Впереди темнели крутые отроги гор, обозначая проход. Я поднялся еще выше. Здесь снег

был рассыпчатым и хрустящим. Видимо, выпал уже давно. Похоже, здесь прошла снежная буря. След стал четче: всего-то две лошади были в упряжке и, вероятно, один возница,— я заметил следы человеческих ног там, где он слезал с козел, чтобы подбодрить животных, которые упирались, не желая подниматься выше в горы.

Я уже почувствовал голод и, пошарив в седельных сумках, обнаружил пару ломтей холодной телятины, большой кусок жареной свинины, немного баранины, каравай черного хлеба и несколько сладких булочек, тех самых, к которым швейцарцы питают такое пристрастие. Перекусив на ходу, я воспрял духом (благодаря фляге вина, которой снабдила меня чья-то заботливая рука) и принялся строить планы, как я стану ухаживать за моей дамой. Итак, я ехал по горной тропе, беззаботно насвистывая себе под нос, а тропа становилась все круче и уже, пока не превратилась в опасную дорожку, по одну сторону которой — далеко внизу,— ревел стремительный горный поток, а по другую — высилась почти отвесная, заросшая лишайником стена гранита. Вновь проявив осторожность и благоразумие, я убрал все, что не доел, обратно в сумку и спешился. Но не прошел я и двух шагов — успел лишь завернуть там, где тропа изгибалась под острым углом,— как в отчаянии обнаружил, что дорогу мне преграждают шесть или, может быть, семь вооруженных мужчин, а грохот и шарканье, донесшиеся сзади, однозначно давали понять, что и за спиной у меня стоят точно такие же молодцы. Я знал, что мне полагалось терпеливо ждать, пока меня не оберут до нитки или не свяжут в надежде получить выкуп, либо же попытаться сразиться. Рассудив, что я все равно

ничего не теряю, я выбрал последнее, и снова взлетел в седло, игнорируя угрожающие взгляды и делая вид, что не понимаю ни слова из местного говора.

Одежда на этих людях — короткие камзолы и бриджи, широкополые шляпы и широкие же пояса — не отличалась ничем от типичного одеяния горцев. Но это были не честные швейцарские поселяне, а самые настоящие разбойники, судя по количеству всевозможного оружия, при них находящегося, включая два арбалета, древнее короткоствольное ружье с раструбом, парочку пистолетов с фитильным замком, самые разнообразные ножи и кинжалы, шпаги и сабли, и даже абордажные гарпуны, острия которых были покрыты либо ржавчиной, либо запекшейся кровью предыдущих жертв.

Не преуспев в попытках заставить меня прислушаться к их арго, они попробовали вразумить меня на итальянском.

— *O la borsa, o la vita!* — завыли они едва ли не хором.

Бороды их давненько уже свалялись и спутались, а зловоние, от них исходящее, не рассеивал даже свежайший горный воздух. Предложенный выбор — кошелек или жизнь — дело достаточно ясное, но поскольку денег у меня с собой было всего ничего, а довериться этим головорезам, в надежде что они пощадят мою жизнь, я, понятно, не мог, я ответил тем, что достал из чехла баварское свое ружье и, взведши курок, нацелил его прямо в грудь того малого, который, как мне показалось, был у них главарем.

— Освободите дорогу, джентльмены,— сказал я на английском, поскольку был абсолютно уверен, что этого языка они знать не могут,— иначе

я буду вынужден переселить ваши жалкие души в иной мир!

Вознагражден я был тем, что головорез снял свою засаленную зеленую шляпу и, отвесив мне насмешливый поклон, заговорил на старом швейцарском (который, я даже не сомневаюсь, они называют романским), потом попробовал по-французски. Я же пожал плечами и помотал головой, делая знак ружьем, чтобы он освободил проход.

Он запрокинул давно не мытую свою голову и громко расхохотался.

— *No, signor! Scusi, per favore. Buona sera.*

Я сразу смекнул, что итальянский его был разве что чуть получше, чем мой, так что я тем более не увидел смысла продолжать попытки завязать разговор,— только время зря тратить. Я снова повел ружьем, обратив внимание на крадущиеся шаги у меня за спиною: те, кто стоял сзади, потихонечку подбирались поближе. Пришлось одной рукой прижать ружье к ребрам, а второй достать пистолет и прицелиться через плечо. Движение у меня за спиною тут же прекратилось. Похоже, теперь мы достигли мертвой точки. Я мог рассчитывать только на малодушие — а у меня на то были все шансы,— хоть и безбожники, и убийцы, молодцы эти явно не отличались храбростью. Легонько пришпорив лошадку, я заставил ее сделать два шага вперед.

При этом раздался щелчок арбалета, и стрела оцарапала скалу прямо у меня над головою. Вторая — подобная «меткость» объяснялась единственно кривым ложем арбалета — просвистела мимо левой моей ноги и ранила разбойника у меня за спиною. Тот смачно выругался, потом закричал и, потеряв равновесие, камнем свалился в бурлящую реку. Я воспользовался моментом и разрядил баварское

ружье свое с таким грохотом, что он мог бы поднять из могил всех мертвецов на земле. В груди атамана появилась окровавленная дыра. Я рванулся прямо на них и, угрожающе размахивая пистолетом и орудуя ружьем как дубиной, расшвырял их в разные стороны, освобождая себе проезд. Все это сопровождалось вспышками пороха и грохотом выстрелов справа и слева. Я даже начал уже опасаться, что все мы свалимся в реку,— лошадь моя в такой свалке с трудом сохраняла равновесие,— но я приготовился к самому худшему, мы прорвались.

Разбойники, впрочем, не отступили так просто и устремились за мною вдогонку, жаждая отмщения, швыряя вслед мне ножи, камни и бесполезные, как оказалось, ружья. Точно стая голодных волков, они жаждали моей крови, и лишь через четверть часа мне удалось положить некоторое расстояние между собой и моими разъяренными преследователями и выбраться на дорогу. Тем временем на землю спустились сумерки.

При каждом скачке из-под копыт летели белые облачка сухого хрустящего снега.

Оказавшись на широкой дороге, я мог пустить лошадь галопом, и разбойники вскоре отстали, только крики ярости и разочарования гремели еще среди безучастных сосен. Постепенно я перешел на шаг. Сумерки сгустились — стало совсем темно. В небе носились грачи. Их хриплым крикам вторило эхо, мечущееся по каменной колоннаде скал, в воздухе пахло свежею хвоей. Угроза смерти осталась далеко позади, и, судя по всему, я был уже где-то на полпути к Лозанне. И дня не пройдет, как я снова увижу свою госпожу. Через час я решил, что мне пора подыскать место для ночлега. Я не хотел рисковать и ехать дальше в кромешной тьме по извили-

стым ущельям, мимо глубоких провалов и стремительных горных речушек, что неслись, грохоча и пенясь, чтобы напитать водой широкий поток, протекавший по дну долины. Закат окрасил снега в нежно-розовый цвет, и я даже приостановился, чтобы насладиться чарующим видом этого величавого творения природы — дикой красотой могучих гор. Пока я стоял, по сугробам на склоне чуть выше тропы пробежал белый заяц. Я так и не выбрал свободной минутки, чтобы перезарядить ружье, так что, похоже, на горячий ужин рассчитывать не приходилось. Впрочем, один пистолет был заряжен. Я прицелился и выстрелил в зайца как раз в тот момент, когда зверек хотел шмыгнуть в заросли рябины.

Эхо от выстрела прокатилось волной по далеким долинам. Когда оно замерло, подстреленный заяц упал. Уже совсем стемнело. Теперь мне пришлось взять на себя роль охотничьего пса и отыскать на снегу свою добычу. Пока я пробирался по сугробам — зайца я нашел быстро, по яркому пятнышку алой крови на белом боку чуть выше плеча,— до слуха моего донеся какой-то странный приглушенный звук, который я не сразу сумел распознать: словно бы что-то шуршало, сдвигаясь. Похоже на шелест ветра в ветвях или на грохот горного потока. Но едва я поднял обмякшее тельце, звук внезапно пропал. Я вернулся на то место, где решил разбить лагерь, разжег костер из сосновых шишек, быстренько освежевал и выпотрошил зайца, жалея при этом, что у меня ничего нет с собой для того, чтобы как следует выделать эту мягкую шкурку. Заячье мясо, зажаренное на углях, оказалось нежным и мягким.

Ночь закуталась тишиной. Все пребывало в том безмятежном покое, которого сам я не знал уже

столько лет. В первозданной черноте неба зажглись мерцающие звезды. Контуры всех созвездий выделялись четкими сияющими рельефами. Сладко зевая, я забрался в небольшую палатку,— усталость обвалом обрушилась на меня, и я принял ее как хорошего друга. Заснул я мгновенно.

Проснувшись наутро бодрым и свежим,— меня разбудили первые солнечные лучи, льющиеся сквозь полотняные стены палатки,— я преисполнился уверенности, что сегодня непременно увижу герцогиню. Я встал, быстро позавтракал остывшими остатками вчерашнего пира, напоил и накормил лошадь, оседлал ее и привел себя по возможности в божеский вид. Теперь можно было ехать. Уже к вечеру, если не раньше, я доберусь до Лозанны, и у меня будет достаточно времени, чтобы встретиться с моим другом, забрать деньги, а потом (если только поблизости где-нибудь не окажется Монсорбье,— а уж в этом я мог быть уверен) предстать подобающим образом пред моей госпожой, выяснить, почему она вдруг решила помочь мне, и выведать — если удастся,— что потребует она от меня за такую услугу.

Насвистывая, я сел в седло. Мне даже показалось, что в воздухе ощущается неизбежное приближение весны. Радостное настроение и величие природы во всех ее проявлениях пробудили во мне былой оптимизм. Я давно уже не испытывал подобного ощущения бодрости и душевного подъема — со времен, предшествовавших Революции. Такое светлое настроение продержалось еще около часа, пока я не свернул за очередной поворот извилистой горной тропы. Там я застыл как вкопанный. Сердце мое оборвалось. Теперь-то я по-

нял, что это был за шуршащий шум, удививший меня вчера вечером.

Мой выстрел потревожил снега над ущельем и вызвал лавину, которая полностью завалила проход. Предо мной возвышалась стена из снега, камней и деревьев, сметенных обвалом. Я закричал от отчаяния, не в силах сдержать себя. Я даже не сразу заметил, что был там не один.

Другой путешественник сидел в полном унынии на деревянной приступочке большой крытой повозки, какими обычно пользуются странствующие лудильщики, цыгане или бродячие актеры. Только это был не какой-то там бедный точильщик, судя по длинному плащу, отороченному горностаевым мехом (заметно было определенное сходство со шкуркой зайца, которого я вчера подстрелил), меховому «треуху» на голове и муфте из белого меха, в которой он прятал руки. Едва он заметил меня, взгляд его тут же метнулся к моему зачехленному ружью, но когда он поднял тонкую руку, в приветственном жесте его не было ни гнева, ни злобы.

— Ну что, мой благородный охотник, надеюсь, выстрел ваш попал в цель и вы славно поужинали вчера... Скажите, к чему так стенать? Вам, может быть, представляется, что это судьба-злодейка вызвала обвал? — говорил он язвительно, по-французски, с почти неуловимым акцентом, который я никак не мог определить.

— Проехать нельзя? — Похоже, чувства мои притупились от потрясения.

— Есть шанс, что эту гору обломков можно будет расчистить за месяц, впрочем... кто его знает, какой она там ширины. Вполне может так получиться, что мы застрянем тут до весны. Де-

лать нам будет нечего, есть тоже нечего, нечем занять себя...— Тут он дружелюбно добавил: — Но, может быть, вы постараетесь все же достойно и радостно встретить свою судьбу, раз уж всему виной, несомненно, ваш злополучный выстрел.

Я тупо разглядывал стену снега, перегородившую дорогу. Ни на мгновение не усомнился я в том, что человек в плаще с горностаевым мехом прав и теперь здесь проехать невозможно. Так что я подъехал к нему поближе и спешился, изо всех сил стараясь держать себя в руках.

Человек, сидящий на приступочке повозки, выглядел истинным джентльменом: худощавый, высокий, утонченный. Он поднял глаза и иронично улыбнулся мне, растянув яркие чувственные губы, слегка изогнутые в уголках.

— Итак, сударь?

— Я искренне сожалею, сударь, что по собственной глупости причинил вам столько неудобств,— сказал я.— Достаточно времени миновало с тех пор, как я в последний раз охотился в горах, а поскольку я страшно проголодался после столкновения с разбойниками, я не подумал как следует. Приношу вам свои извинения, сударь. Позвольте представиться: Манфред, рыцарь фон Бек. Не стоит, наверное, и упоминать, что я полностью к вашим услугам. Как вы считаете, сможет всадник проехать по верху и привести помощь? Это реально?

— Да,— отозвался высокий джентльмен,— попробовать можно. Но я думаю, выйдет гораздо быстрее, если перелететь.— Он рассмеялся (немецкий его, замечу кстати, был так же хорош, как и французский, но акцент так пока и оставался для меня загадкой) и поднялся с приступочки, стряхнув снег с колен и седалища. Я подошел еще ближе. Два его

мула, похоже, чувствовали себя весьма непринужденно и, не жалуясь на судьбу, тыкались носами в снег — вынюхивали траву на краю завала.

Я пожал ему руку.

— Ок из Лохорка,— представился он,— окрещенный Колином Джеймсом Карлом.

Выходит, он был уроженцем Северной Британии. Никогда еще я не встречал британца, который бы так хорошо говорил по-немецки,— я сразу принял его за одного из ландскнехтов, наемных вояк, привлеченных в последнее время «цветной гвардией» Фредерика. А поскольку Пруссия воевала с революционной Францией, он, вероятно, ушел со службы, не желая — подобно многим — участвовать в уничтожении молодой республики. В его манере говорить и держаться явственно проступала военная выправка, равно как и черты, присущие франту и щеголю. Похоже, он был из той породы людей, которые при любых обстоятельствах довольны жизнью.

— Я также известен под именем шевалье де Сент-Одрана. Должен сразу оговорить, дабы не произвести на вас ложного впечатления, что я лаэрд лишь по имени. Несколько акров земли, еще сохранившейся от моих владений, настолько заболочены и бедны, что единственный отличительный признак их — полная неспособность породить жизнь растительную и поддерживать жизнь животную. Ничто не может там выжить, сударь. Даже я.

— Как я понял, вы из Шотландии.

— Да, сударь, оттуда. Батюшка мой, свято блюдя фамильную традицию, провел свою жизнь, совершая паломничество по всяким злачным местам и по более скромным дворам монархов Европы. После известных событий сорок пятого года мало

уже было радости в том, чтоб оставаться на шотландской земле, где ты в любое мгновение мог пасть жертвой диких толп своих же сограждан из южной части страны и англичан, чья жестокость превосходит все мыслимые пределы. Почти всю свою жизнь я провел за границей... я посетил двенадцать стран и множество мелких княжеств, большинство из которых обеспечило меня в свое время вполне комфортным существованием. Взамен я показывал людям чудеса. Я обучился этому, сударь, у великих героев воздухоплавания, под началом которых мне довелось одно время служить, у самих братьев Монгольфье!

Я поглядел на его повозку с новым интересом.

— Авиалодка!

Он похлопал рукой по стенке повозки.

— Здесь, сударь, да. Мой корабль. Моя гордость. Семья моя и моя честь. Моя судьба и, надеюсь, судьба человечества тоже. Да, сударь, как вы, должно быть, уже догадались, я — аэронавт, искатель приключений, но только в воздухе, а не на земле. И в настоящее время я странствую по тихим дорогам этого континента с целью собрать необходимые средства для снаряжения экспедиции... столь дерзновенной, сударь, столь грандиозной... Сокровища лондонского Тауэра выглядят просто жалкими грошами по сравнению с тем, что можно будет получить, если только мое начинание преуспеет. Впрочем, карты у меня правильные, в показаниях компаса я разбираюсь, так что трудностей быть не должно.

— Так вы, стало быть, сударь, искатель сокровищ?

— Я не ищу сокровищ, я продаю *ключ* к сокровищам. Верные способы отыскать золото в са-

мых отдаленных уголках земного шара. Я знаю, где можно будет найти неизвестные миру расы людей, цвет кожи которых вообще нам неведом, или древние города в дебрях джунглей, чьи обитатели почитают как высшую ценность листья простого платана и живут, окруженные золотом, которое у них не имеет вообще никакой цены. Они с охотой обменяют фунт золота на несколько листьев, да еще, может быть, два кусочка коры. Есть страны, сударь,— только их не найдешь на современных картах,— страны, известные древним, но забытые нами, где женщины необычайно красивы, а у мужчин, которых и так немного, вместо лиц — цесьи морды, так что всякий, скажем, невзрачный баварец для женщин той страны будет смотреться дьявольски привлекательным. У Платона встречаем мы упоминания об Атлантиде, о Поляриде — у Сократа. Вот — лишь две из многих земель, которые вскоре начнем мы исследовать, открыв их все заново: страны, сударь, где нет ни зла, ни порока, ни политических переворотов, где человечество будет жить в мире, укрывшись от страшной реальности.

Должно быть, я слишком устал и был слишком расстроен постигшим меня разочарованием, потому что вдруг обнаружил, что говорю ему вялым, подавленным тоном:

— Сократ не упоминал Полярид, сударь.

Шевалье де Сент-Одран нахмурился, словно он уличил меня в проявлении вопиющей невоспитанности.

— Упоминал.

— Нет, сударь. Ни разу.

— Как я понимаю, вы не читали его Тайных Книг.

— Тайных Книг?

— Тех, что хранятся в Лондоне? Их несколько лет назад обнаружили исследователи из Королевского Научного Общества. Они извлекли их из пыльной библиотеки какого-то мусульманского алипаши. Ну теперь-то вы припоминаете, сударь?

— Нет, что-то не припоминаю.

— В Британском музее, сударь... Да... Шесть книг Сократа, все подлинники, на древнегреческом. Они написаны рукой самого философа. Я видел их, сударь, своими глазами. Я их читал.

Тогда-то я и составил себе представление о характере шевалье, причем именно то впечатление, что сложилось о нем у меня, он, по всей вероятности, и хотел на меня произвести. Он совсем не хотел надо мной посмеяться или же обмануть меня; скорее, он демонстрировал мне компетентность свою и профессионализм. Но демонстрация эта выглядела отнюдь не бахвальством. Он искренне стремился заинтересовать и поразить меня своими познаниями.

— Признаюсь вам как на духу,— продолжал шевалье,— у меня есть шар. И на нем можно отправиться в путешествие.

— И через завал этот можно перелететь?

— Здесь мало места. Нужно купол разложить на земле и развести большой костер. Когда баллон наполнится газом — ученые еще называют его горючим,— можно будет лететь. Но газ этот редкий и весьма дорогой. Если уж разжигать костер, то прямо под этим снежным утесом. Быть может, нам удастся растопить его!

— Мое дело, сударь, не терпит никаких отлагательств. Здесь есть другая дорога на Лозанну?

— Думаю, вон та.— Он показал, мне на узкую тропинку. — Она ведет на запад. Только она очень

длинная... Я предложил бы вам карту, но у меня на всех картах еще неоткрытые земли, вы понимаете.— Тут он подмигнул.— А кое-какие, если по правде, еще даже и не придуманы.— И вновь его свежее, румяное, так и пыщущее здоровьем лицо расплылось в широкой улыбке. Лицо у него было вытянутым, под стать худощавой высокой фигуре, и смотрелось весьма привлекательным, даже красивым, когда шевалье проявлял веселое расположение духа.

— Вы, сударь, слишком открытый и искренний для ловкача,— сказал ему я.— Могу я задать вам вопрос: почему вы с такой охотой и видимым удовольствием столь язвительно высмеиваете передо мною все уловки вашего ремесла?

— Вряд ли я их высмеиваю, сударь. Вы их *разглядели*, а это совсем другое.— Он извлек из глубин повозки громадную винную бутыль.— Не желаете выпить со мной замечательного кларета, сударь?

Зажав бутыль между колен, он принялся неуклюже ввинчивать штопор.

— Откровенно признаюсь вам, сударь, поначалу я принял вас за авантюриста, которому не составило бы труда «раскусить» мое ремесло. Впрочем, в одном я могу вас уверить: я действительно достаточно опытный аэронавт-любитель. Я учился у самих Монгольфье. Я знаю все тонкости метода Карлье. Среди прочих, Бланкард и Люнарди признали меня как равного. А поднатореть мне еще и в области воздушных течений, и я смогу даже управлять аэрокораблем. В настоящее время я как раз и работаю над системой, позволяющей сделать воздушный шар полностью управляемым. Но пока никому не нужна эта машина, весьма, кстати заме-

чу, выгодная и полезная штука. Публика почитает науку воздухоплавания за обычное модное новшество, а публика, как известно, очень упорна в своих оценках. А ведь с этого шара, который без дела лежит у меня в повозке, можно было бы обозревать поле битвы и направлять ход сражения. Или исследовать местность, где архитектор наметил большое строительство. Перевозить на нем почту и путешественников из города в город, из страны в страну... и гораздо быстрее, чем в какой-то карете или на корабле по воде. Его можно использовать для различных научных исследований. И без этих дурацких трюков, какие я устраиваю для публики, жадной до чудес и сенсаций. Без этого у меня не было бы ни единого су для продвижения и поддержания моих изысканий в области воздухоплавания. Принцы ли, крестьяне, в этом люди все одинаковы: каждый готов рискнуть всем своим состоянием и вложить его в воплощение какого-нибудь фантастического и заведомо нереального плана, обещающего несказанно обогатить его за какую-то одну ночь, но зато с яростным возмущением наотрез откажется оплатить план реальный, осуществимый, который в поддержку свою может выставить исключительно здравый смысл и никаких буйных фантазий!

Пожав плечами, он вытащил пробку из бутылки.

— Это нас разогреет! Итак, сударь, перед вами находится человек, начинавший как механик и инженер, но волею обстоятельств превратившийся в комедианта, шута. Из человека науки я превратился в сладкоречивого шарлатана.— Он нарочито весело рассмеялся, забавляясь горькой иронией своих слов.— Но, полагаю, я бы не стал занимать-

ся этим, если бы не находил в том своеобразного удовольствия. Начал я на континенте как честный солдат.

Я немного воодушевился,— человек этот помог мне отвлечься от мрачных раздумий о том, что я сам, по собственной глупости, создал непроходимую преграду между собой и предметом моих страстных устремлений. Больше того, манеры этого человека, его простой юмор и хорошее настроение помогли мне вновь прийти в согласие с реальностью и достичь — пусть даже и временного — душевного равновесия. Стильный, обаятельный, я бы сказал, мошенник сумел позабавить меня, пусть даже душа моя изнывала от горчайшего разочарования, побуждая меня броситься на преграду и голыми руками прорыть тоннель на ту сторону. Мечтания его захватили мое внимание, и я, напомнив себе о хороших манерах, признал, что шевалье де Сент-Одран держится со мною весьма любезно, если учесть, что вся ответственность за приключившееся несчастье лежит только на мне. Я причинил ему несказанные неудобства, а он ни единым словом не выразил своего недовольства.

Но, несмотря на все эти разумные увещевания, едва отхлебнув из бутылки вина, я бездумно вскочил и набросился на груду грязного снега и камней, роя, точно барсук, не обращая внимания на холод. При этом я громко выкрикивал ее имя — той, кто взяла мое сердце в полон! Меня вдруг охватил леденящий ужас. Мне почему-то представилось, что если она действительно поменяла курс и решила поехать по этой дороге, она могла оказаться здесь именно в тот момент, когда обвалилась лавина, и карета ее погребена теперь под толщей снега!

— Клянусь вам, я слышал крик, Сент-Одран! Помогите же мне, ради Бога!

С тяжким вздохом — полунасмешливым, полусмиренным — и выражением усталого недоумения на утонченном аристократичном лице шевалье забрался в свою повозку и вернулся с двумя лопатами, одну из которых передал мне.

— Это имущество одного молодого старателя, сударь. Он проиграл их мне в карты, не успев отправиться на серебряные поля Корниша. Впрочем, ладно, карту-то я ему уже продал. А утешением мне послужила мысль, что я избавил беднягу от весьма дорогостоящего путешествия.

Я с размаху вонзил лопату в рыхлую стену снега. Было ясное утро, солнце залило ущелье сияющим светом, радостное щебетание птиц вторило моей отчаянной сбивчивой литании, воспевающей все добродетели обворожительной моей возлюбленной. Шевалье слушал меня с выражением вежливого безразличия, проявляя тем самым благовоспитанную тактичность. Он снял плащ, отороченный горностаевым мехом, аккуратно сложил его, убрал и, перебросив за спину кружева, украшавшие ворот его рубахи, взялся за дело, тихо напевая ритмичные шотландские песни и прерывая работу единственно для того, чтобы вытереть пот со лба желтым шелковым платком. Время от времени он бормотал:

— В самом деле, сударь? — и делал глоток-другой из бутылки с кларетом.

Когда излияния мои иссякли, он продолжил рассказ о своей жизни, начавшейся с нищенского прозябания в грязных трущобах Эдинбурга,— поскольку он не был шотландским лаэрдом, как признался он прежде. Шевалье в возрасте семи лет бежал из

тюрьмы, куда угодил за то, что украл в лавке рулон материи (за подобное преступление мальчика постарше приговорили бы к казни через повешение), и отправился в Лондон, где очень скоро очутился в Нью-Гейте, но уже в более достойной компании возмутителей спокойствия — честных людей и отъявленных негодяев. В тюрьме он завербовался в солдаты Ост-Индийской Компании и отправился в Азию, где участвовал в нескольких боевых операциях и дослужился до офицерского чина, а также сумел снискать расположение одного местного хана, к которому вскоре и дезертировал. Впоследствии он сослужил этому хану хорошую службу, помог ему оттеснить войска Компании от границ его владений, за что был пожалован титулом князя Повджиндрского, но возбудил ярость и злобу в сердцах бывших своих сослуживцев (абсолютно, на его взгляд, необоснованно), и они даже назначили награду за его голову. Последнее, как шевалье мне признался, он нашел весьма для себя лестным и счел, что подобное может служить неплохой рекомендацией для его следующего нанимателя. Путешествуя по Афганистану и перебиваясь мелкой торговлей, шевалье в конце концов добрался до России. И весьма своевременно: он успел записаться в национальную армию и поучаствовать в подавлении казачьих бунтов на Дону и на Днепре. Побывал он в Грузии и даже в Турции — уже в качестве флибустьера,— где принял самое деятельное участие в подготовке восстания армян-христиан против оттоманских хозяев, надеясь, что это даст Московии достаточный повод объявить войну турком и в этом новом походе во имя Святого Креста присоединить к своим владениям по возможности большую часть территории мусульманской империи!

К тому времени, когда он «добрался» до Турции, бутыль опустела, а я окончательно уверился в том, что любовь моя не погибает под снежным завалом, и посему стал гораздо внимательней слушать рассказ шевалье. Вскоре я понял: вот она, родственная душа! У меня было такое чувство, что я обрел брата.

— Но мусульманские султаны,— продолжал шевалье,— как-то прознали о моих происках и разрешили проблему просто: по повелению их в одну ночь были сожжены шесть армянских поселений, и будущие повстанцы сгорели заживо, не успев даже встать с постелей.

Шевалье знал Санкт-Петербург и Москву — гораздо лучше меня,— хотя и не был так близок ко двору. Мы сравнили воспоминания свои о Московии, и мой новый знакомый загорелся желанием узнать поподробнее о годах, проведенных мною в Татарии. Но я настоял на том, чтобы он продолжал свой рассказ.

— Служил я еще и в Одиннадцатом Клинском легком пехотном полку в чине майора. Оттуда меня и забрал к себе герцог де Моссе, пребывавший тогда в Московии на посту во французской дипломатической миссии. С ним я вернулся во Францию, где стал баловнем светских салонов...

Он придумал несколько хитроумных способов, чтобы скопить себе некоторое состояние, которое тут же и растратил за какие-то пару месяцев, но прежде успел получить предложение заняться вплотную разработкой новой национальной финансовой политики.

— Похоже, французы считали меня финансовым гением лишь потому, что у меня были идеи,

как, всего забалансировать бухгалтерские книги. Скромный талант выгодно покупать и продавать потом купленные ценные облигации. Да вы сами знаете, было время, когда у французов вошло в некую привычку останавливать первого попавшегося иностранца прямо на улице и умолять его занять пост министра финансов.

Сей период его жизни продлился лишь несколько месяцев, после чего шевалье оказался на службе у герцогини Люксембургской, организовал военный колледж, став его главным администратором. Именно в Люксембурге ему был пожалован титул, к которому он подобрал потом имя некоего невразумительного святого («Я так думаю, он был возничим святого Патрика! С туманного Острова Людей!»). Титул сей он получил вместе с люксембургским гражданством за выдающиеся государственные заслуги. Но, на беду свою, он вернулся во Францию... Как раз в этот момент начался штурм Бастилии... Не питая симпатии к Революции, он решил долго там не задерживаться.

Однако именно в это время он сошелся с братьями Монгольфье и с увлечением работал под их началом, пока обоих изобретателей не арестовали. Сам шевалье вместе с остальными аэронавтами поспешно перебрался в Бельгию, где им никто уже не мешал заниматься делом. Там-то и началась его карьера воздухоплавателя, демонстрирующего заинтересованным лицам воздушные шары Монгольфье и Карлье. Экспериментировал он и с собственными конструкциями, мечтая изобрести механизм, позволяющий управлять летающими кораблями.

Шевалье развел костер и возился с кастрюльками и котелками, готовя поистине роскошный завтрак — такой можно было бы заказать в лучшей

таверне Парижа до того еще, как публичная вкусная еда стала рассматриваться как измена.

— Поначалу попытки мои обеспечить финансовую поддержку моим разработкам нового типа воздушных лодок — более безопасного для пассажиров и оснащенного самыми утонченными удобствами — были весьма и весьма успешны. Но я неразумно растратил весь свой капитал, поскольку, признаюсь, как-то забыл, что деньги-то не мои. В результате мне пришлось срочно лететь в Германию, спасаясь от назревающего скандала. Но зато уж в Германии, сударь! Какое здоровое, просвещенное отношение к науке, какое доверие к новым механикам

Он демонстрировал свой воздушный шар по всей Пруссии: в Саксонии и Ганновере, Вестфалии и Баварии,— и почти всякий раз люди задавали ему вопрос, намерен ли он строить большие воздушные корабли и предпринимать длительные экспедиции. Шевалье уже начал всерьез задумываться и о том, и о другом, даже вычертил проект корабля, который мог бы поднять целый взвод пехоты вместе с пушкою, чтобы обстреливать неприятеля с воздуха. Проект этот пришелся весьма по душе Фредерику II, и тот повелел шевалье построить для него такой корабль, вследствие чего мой новый друг почел самым для себя благоразумным немедленно отправиться в Австрию. В Вене и Праге он пытался выгодно запродать чертежи своих фантастических кораблей наряду с подробными картами до сих пор еще неоткрытых земель. Но подобная отрасль торговли, как он сам мне признался, пусть даже надежна и прибыльна, но все же не имеет особого размаха. В запасе у шевалье имелись более интересные и значительные планы. Он надеялся воплотить их в жизнь

в Майренбурге, чьи жители, как он слышал, известны широким кругозором и непредубежденностью ко всему новому.

Я насторожился при упоминании им Майренбурга, поразившись подобному совпадению. Сент-Одран направлялся туда же, куда и я! Однако я вовсе не собирался рассказывать ему все свои тайны лишь потому, что нам оказалось с ним по пути. Я не открыл ему своих планов,— все-таки я не совсем дурак.

Заметив, что вино помогло мне расслабиться, мой новый приятель решился задать мне один вопрос личного характера. Имя фон Бек было ему хорошо знакомо. Так вот, шевалье поинтересовался, не прихожусь ли я родственником одному знаменитому генералу армии старого Фрица? Я ответил ему, что принадлежу к весьма почтенной и древней саксонской фамилии, и представители нашего клана занимали нередко достойные — пусть и не слишком высокие — государственные посты.

— Вы, сударь, слишком скромны. Могу поклясться, я припоминаю одну историю, даже, можно сказать, легенду, связанную с вашим семейством. Ведь один ваш предок жил еще во времена короля Артура... или, может быть, Карла Великого?

Тут я смутился.

— Ах, сударь, вы, наверное, имеете в виду все эти истории о Граале. Подобные семейные предания существуют у всякого древнего рода Германии, за редким, может быть, исключением.

Я хорошо помнил, как в детстве мне дали прозвище сэр Парсифаль и постоянно донимали меня вопросом, куда я запрятал Христову кровь. Тогда я бесился по этому поводу и даже мучился.

Но Сент-Одран лишь улыбнулся с явным удовольствием и щелкнул пальцами.

— Когда-то я увлекался такими легендами. Ваш прадед или, может быть, прапрадед сам выступал как герой своего же романа. Разве не он был тем рыцарем, который спустился в Ад и повел войну против самого Сатаны? У него были волшебные карты, и он нашел по ним вход в новый мир, где явился ему Грааль?

— Мой прадед, сударь, призвал к суду негодяя, который без дозволения его обнародовал эту сказку. Книга была уничтожена по приказу самого императора!

— Но существуют копии. История эта известна в Саксонии.

— Сударь,— я встал, опершись о лопату,— у меня нет никакого желания обсуждать эти плебейские россказни.

Только теперь Сент-Одран заметил мою неловкость и снова принялся копать.

Может быть, разговор наш — или настроение, им созданное,— призвало к нам на помощь какую-то странную магию, потому что, когда шевалье пустился в детальные рассуждения относительно того, разумно ли будет открыть бакалейную лавку на улице, где их и так полно, мы вдруг обнаружили, что снежный завал оказался вовсе не таким устрашающим, как нам представлялось сначала: нашим взорам открылась тропа по ту сторону снежной стены! Правда, она была наполовину завалена, но все равно оставалось достаточно места, чтобы проехать повозке. Нужно было только расширить проход, взяв чуть вбок. И, разумеется, никакой кареты, погребенной под толщею снега, мы не нашли.

Мы трудились не покладая рук семь часов кряду, но только теперь почувствовали усталость. На-

конец шевалье отложил лопату и, осмотрев вырытый нами тоннель, преисполнился гордости за проделанную работу.

— Клянусь Богом, сударь, я оказался мрачнейшим из пессимистов! — Сияя, он схватил мою руку и принялся с воодушевлением ее трясти.— Вы сразу отправитесь в путь или отпразднуете со мною бутылкой вина и остатками нашего завтрака? Я хотел бы обсудить с вами возможности делового партнерства.

Я, однако, горел нетерпением ехать дальше, лишь из вежливости я помедлил и предложил Сент-Одрану помочь ему расчистить проезд для его фургона. Но он улыбнулся и покачал головой.

— Теперь я и сам уже справлюсь, сударь. Поскольку ничто меня не торопит, я могу здесь задержаться еще на одну ночь.

Шевалье побрел к своему фургону, а я — не знаю уж, что на меня нашло,— прямо спросил его, почему при всех его многочисленных достижениях он так и не разбогател. Он громко расхохотался и признался мне, что во всем виновата, должно быть, его непоседливая натура.

— Просто я очень легко поддаюсь скуке. Рисковать, бросаться очертя голову в новые приключения — вот что поддерживает мой интерес к жизни. Ну что ж, сударь, не смею вас больше задерживать. Но если мы с вами встретимся снова, то уж непременно обсудим мое предложение! Насчет делового партнерства...

Не теряя зря времени, я направился к своей лошади.

— Я обязательно обдумаю ваше предложение, как только позволят мои обстоятельства. Вы твердо уверены, что вам не нужна моя помощь?

— Да тут работы осталось на час, не больше.— Улыбаясь, шевалье наблюдал, как я залезаю в седло. Я наклонился к нему и еще раз пожал ему руку.

— Я уверен, сударь, мы еще встретимся... В свое время.

— Если вы едете в Вальденштейн, то вы, без сомнения, найдете меня в Майренбурге,— сказал шевалье.— Обычно я останавливаюсь у «Замученного Попа», что на площади Младоты.

— Я хорошо знаю эту гостиницу и ее хозяина, сударь. Искренне благодарю вас за помощь и за то неподдельное удовольствие, каковое доставило мне ваше общество.

Я оставил его в состоянии крайнего изнемождения. Шевалье без сил опустился на приступочку фургона и застыл в той же позе, в какой пребывал он, когда я увидел его в первый раз. И все же он улыбался, явно довольный сегодняшним приключением.

Я же тронул поводья и поскакал в Лозанну, размышляя по дороге о том, какого я встретил приятного человека. Если когда-нибудь я доберусь до Майренбурга (а путь туда был неблизкий), я обязательно разыщу его.

Но постепенно — теперь, когда я вновь остался один на один со своим неуемным воображением,— на первый план выступили размышления о миледи. Я преисполнился твердой решимости ехать настолько быстро, насколько вообще мог осмелиться в этой опасной местности, чтобы застать герцогиню в Лозанне.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Жестокое разочарование. Гонка по всей Европе. Я, похоже, теряю рассудок. Слухи о травле, признаки погони. Красивейший город на свете. Дальнейшие разочарования. «Замученный Поп». Возобновление знакомства. Утешение, которое мы обретаем в прошлом. Несбыточная мечта

Вопреки всем моим ожиданиям, Лозанна оказалась вовсе не метрополией, запруженной толпами народа, а хорошеньким провинциальным городком, где лишь несколько больших зданий както еще выделялись на общем фоне, да и те, впрочем, не отличались особым уродством. Воздух был относительно свежим и чистым (по сравнению, скажем, с Парижем или Вене-

цией)), и жизнь здесь протекала размеренно и спокойно, как и в любом швейцарском местечке, где господствуют закон и порядок. Расспросив стражников у городских ворот и жандармов на улицах, я добрался до гостиницы, которую содержали монахи из ордена денисеацев, как я понимаю, в качестве доходного приложения к своему аббатству. Здесь я узнал, к жесточайшему своему разочарованию, что герцогиня Критская отбыла еще утром сегодня, предположительно в Вену. Монсорбье, судя по всему, ускакал сломя голову во Фрайбург. То послужило единственным мне утешением. И я, и моя бедная лошадь — оба мы слишком устали, чтобы немедленно ехать дальше, так что я отправился к ла Арпу, который встретил меня в высшей степени радушно и тут же набросился с расспросами. (Замечу кстати, что по мере развития событий в революционной Франции настрой моего старого друга становился все более пессимистичным.)

Выслушав мой рассказ, ла Арп выложил мне все, что знал, о критских герцогах и герцогинях. Это оказался весьма интригующий рассказ. Сплетя свои тонкие, едва ли не прозрачные пальцы и задумчиво глядя в окно на залитые светом луны воды озера, ла Арп признался, что и сам питает некоторый интерес к этой фамилии.

— Они испано-французского происхождения с примесью венгерской и греческой крови. В прошлом имя их связывалось с разнузданностью, распутством и бессмысленной жестокостью. Родовое их имя — Картагена и Мендоса-Шилперик. Согласно расхожим легендам, все они были ведьмами и колдунами, и многим из них, как я понимаю, поневоле пришлось войти в ад через огневую дверь, любезно распахнутую инквизицией! Иные же, те,

кто пошел в духовенство, не один век снабжали Рим кардиналами. Среди них был даже один Папа. Его, правда, потом отравили. И еще в их роду множество самоубийц — это у них наследственное. Однако покровительство наукам и изящным искусствам свидетельствует об их искреннем пристрастии к созидательному творчеству и философии. В наше время Прага особо отмечена их благосклонным интересом. Тамошняя Академия существует единственно благодаря щедрым пожертвованиям от этой семьи. Гимназия в Праге — да и немало еще гимназий — также основана была на средства, предоставленные представителями младшей линии рода Мендоса и Шилпериков...

— А нынешняя герцогиня? — Я не мог уже больше терпеть.

Похоже, вопрос мой его озадачил.

— Я слышал только о герцоге. Зовут его Люциан, и последние лет пять он каждую зиму жил в Праге и за пределы страны выезжал лишь в летние месяцы. Отзываются о нем весьма положительно. Насколько мне известно, он покровительствует многим художникам и музыкантам и особенно — ученым, подвизающимся на поприще философии...

— И алхимии тоже?

Ла Арп покачал головой.

— Мне кажется, сей молодой человек весьма печется о том, чтобы имя рода его больше не связывали с чертовщиной. Он пожертвовал столько золота монастырям и мирским школам... Не должно даже сомнений возникнуть в том, что он в высшей степени благочестивый и набожный христианин.

— А герцогиня? — продолжал я свои настойчивые расспросы.— Ты совсем ничего про нее не знаешь?

— Разве что он обвенчался тайно...

— Леди, которую я повстречал, незамужняя дама, могу поклясться. А, может быть, это его сестра... или кузина? Очень умная женщина. И красивая.

На лице ла Арпа промелькнуло выражение мягкой иронии и любопытства.

— Все это напомнило мне те скандальные слухи, что дошли до меня с год примерно назад. Я не придал им тогда никакого значения. Говорили, что герцог имеет обыкновение, переодевшись в женское платье, посещать всякие злачные места, где собираются низкие, порочные люди. Вот я и подумал...— Он не закончил фразы и только пожал плечами.

Я от души рассмеялся.

— Друг мой, то был не мужчина, это был не переодетый мужчина.

Ла Арп, похоже, решил подыграть мне.

— Точно так. Герцог Критский считается нынче самым завидным женихом в Европе. И он — последний в своем роду. Мендоса, знаешь ли, были *conversos* в Испании, а исконно они смешанного происхождения: мавританского и иудейского. Вот почему предки их перебрались за границу во время злополучного дознания *limpeza de sangre*, каковое достигло своего апогея при Торквемаде. В XV веке узами брака породнились они с фамилией Шилпериков во Франции, и, таким образом получается, что теперь они, вероятно, единственные из оставшихся наследников этой линии крови Меровингов. В Праге, как ты знаешь, есть несколько родовитых фамилий, которые могут похвастать такою старинной родословной. Так ты говоришь, эта дама величала себя герцогиней Критской?

— Именно. А до этого случая я ни разу вообще не слышал такого титула и имени.

Ла Арп вздохнул.

— Ничем больше помочь я тебе не могу, мальчик мой. По, полагаю, ключ к решению этой загадки искать нужно в Праге. Там у тебя будет больше возможностей разузнать что-нибудь о твоей герцогине. Она утверждала, что занимается алхимией?

— Разве я это говорил? Впрочем, она вполне может быть ведьмой или каким-нибудь духом бесплотным. Судя по тому, как она испарилась.

Последнее мое замечание привело ла Арпа в явное замешательство.

— Все, что могу я тебе сказать, это что в Праге сейчас собираются, как я слышал, наиболее просвещенные из алхимиков, призванные Корнелием Грутом. Одни считают его ярмарочным шарлатаном... другие утверждают, что он наделен особой сверхъестественной силой. Я, как ты знаешь, далек от всего этого... Грут живет в Брно. Однажды я с ним встречался. Должен признать, он произвел на меня впечатление человека достойного и эрудированного. Но братство алхимиков — тайное братство, так что я даже предположить не могу, что там у них происходит. Я просто не знаю.

— И с какой целью они собираются тоже не знаешь?

— Так... ходят разные слухи. Кое-кто из церковников предпринял попытку изгнать из страны Грута и его товарищей, объявив их собрание богохульным, еретичным и даже противозаконным, но поскольку немало святых отцов нынче и сами посвящены в масонские и иные мистические ордена, Грута все же не стали подвергать гонениям.

Алхимики почитают себя просвещенными, образованными людьми и заявляют, что изыскания их не причиняют Австрии вреда. Очевидно, их заверениям верят, иначе все было бы по-другому. Большинство этих алхимиков, похоже, придерживаются общепринятых политических взглядов и так же рьяно защищают Право Королей, как и всякий Габсбург. Я так полагаю, сейчас наступает какая-то важная дата алхимического календаря. Знать бы еще, какая.— Он улыбнулся.— А ты сам как думаешь? Не грядет ли Второе Пришествие?

— Подобная чепуха давно уже вышла из моды.— Я забавлялся разговором с ла Арпом.

— Да! Как раз перед Новым годом видел я брата твоего приятеля, князя Лобковича. Среди обширных знакомств его есть и астрологи. Ты ведь знаешь его всеобъемлющую любознательность. Так вот, как он мне сказал, сейчас астрологи только и говорят о некоем особом сближении нашего солнца с какими-то другими звездами.— Ла Арп пожал плечами.— Странно только, что именно Прага предоставляет и стойла, и ясли! И это город, отождествлявшийся всегда со здравым смыслом. Город, где плотность агностиков на один акр земли превосходит оную в Париже и Лондоне вместе взятых! Разве что лишь в Майренбурге скептиков может оказаться больше, чем в Праге.

— Удивительно только, что алхимики там не проводят свое совещание. Вот уж где их, без сомнения, приняли бы еще радушнее.

— Принц Майренбурга не особенно жалует лиц, посвятивших себя изучению потусторонних влияний, равно как и адептов алхимии. Он в скором времени даже намерен принять закон, запрещающий тайные общества.

— Опасается зарождения якобинского клуба?

— Меньше, я думаю, чем наследных правителей. Основной его принцип: все открытия и знания должны быть предоставлены в распоряжение широкой публики. Он всегда был противником тайного накопительства научных познаний, полагая, что любая секретность сама по себе порождает ненужные страхи и опасения в умах простых горожан. А страхи эти выражаются в первую очередь в суеверном стремлении разрушить все неизвестное, сомнительное и пугающее. Принц Бадхофф-Фишер считает, что в таких вопросах секретность близка, если не равновесна, лжи, ибо обе они происходят из амбиций одного человека властвовать над другим.

— Стало быть, в скором времени в Майренбурге не будет уже никаких тайных обществ?

— Ну...— ла Арп вновь улыбнулся,— ...во всяком случае, *наименее* из них секретные будут объявлены вне закона. Они, общества эти, уже стали тайными, что вообще им свойственно, и с превеликою неохотою принимают в ряды свои новых людей. Они боятся предательства.

— Но тогда, в конечном итоге они тихо зачахнут.

— В твоей логике есть изъян, дорогой мой фон Бек. Сообщества эти подобны блохам: вроде бы уже испустили дух, и вдруг на тебе — снова живы, здравствуют и жаждут крови! Хотелось бы знать, что вообще привлекает мужчин и женщин в подобных организациях?

Мы обсуждали вопрос этот еще час или два, пока нас обоих не одолели усталость и желание немедленно лечь в постель. Рано утром я распрощался с любезным философом и выехал из горо-

да, направляясь в Вену, а потом, если я и там не сумею найти свою мадонну, в Прагу. В глубине сердца я верил и очень надеялся, что все же увижу ее много раньше — нагоню по дороге. Я непрестанно твердил себе, что один всадник на лошади непременно обгонит карету.

Но реальность не подтвердила пылких моих чаяний. Я провел в седле много дней — бывало, не спал несколько суток кряду,— скакал от города к городу, донимал всех встречных расспросами... но лишь для того, чтобы с горьким разочарованием обнаружить, что разминулся с герцогиней на какие-то считанные часы. Она как будто сама одержима была неутолимой тягой к неведомой мне сверхъестественной цели. От постоянного недосыпания я пребывал в странном состоянии. Иногда мне казалось, что герцогиня моя — некая ослепительная приманка, рукотворное создание, сотворенное исключительно для того, чтобы увести меня в самое сердце Европы. Но какая тому причина? Даже если кто-то и хочет заманить меня в западню,— то зачем? И кто? Явно не Монсорбье, который, наверное, до сих пор пытается разыскать меня (или же если не сам Монсорбье, то один из его агентов,— я давно уже выучился различать эту породу людей). А, быть может, это герцогиня забавляется, играя со мною в кошки-мышки? Но и в это я тоже не мог поверить.

Добравшись до Вены — естественно, я путешествовал инкогнито,— я начал поиски в этом суматошном, явно неренаселенном городе. Из достоверных источников я узнал, что герцог Критский остановился у своего старинного приятеля, Эйленберга, в имении, расположенном в городском предместье. Но приглашения туда раздобыть я не смог.

Это вообще не представлялось возможным. Когда же я явился туда просто так, дальше ворот меня не пустили, сообщив, что посетителей не принимают. Таким образом, не желая раскрывать своего настоящего имени — и тем самым смущать Эйленберга, который был моему дядюшке близким другом и состоял с нами в дальнем родстве,— я сам создал себе дополнительное препятствие. Какое-то время я обивал каблуки по венским мостовым в надежде на случайную встречу с Эйленбергом, или герцогом, или обоими сразу. Но они так и не появились. Ходили слухи, что они поглощены неким важным научным опытом и вообще никуда не выходят. Все расспросы мои относительно герцогини также не принесли никаких плодов. Она как будто исчезла, растворилась в воздухе у самых городских ворот, из чего я заключил, что она решила не задерживаться в Вене и теперь опередила меня на несколько дней, если вообще не достигла уже Праги.

Словно в каком-то оцепенении, сотканном из безумных догадок и неуверенности, я отбыл в Прагу. В последнее время я вообще не мог спать по ночам. Меня донимали кошмарные сны, где я видел себя обнаженным, с мечом в руке... Я бродил по подземным тоннелям в поисках какого-то громадного зверя, источающего зловоние... полузверя-получеловека, наделенного необычайной силой... чудовища, которое явилось на свет с единственной целью — уничтожить меня. Иногда в снах этих со мною была Либусса. Она улыбалась мне. Она дразнила меня, насмехалась. Я никак не мог определить, любила она меня или просто использовала для каких-то ужасных забав, понятных только ей самой. Иной раз она мне являлась не женщиной, а каким-то фантастическим существом. Иногда по-

являлась в мужском одеянии и называлась мужским именем. Так мой смущенный изнемогающий разум пытался извлечь хоть какую-то логику из противоречивых историй, которые довелось мне услышать, преследуя эту прекрасную женщину.

Она стала наваждением, навязчивой идеей. Я, трезво подумав, решил, что мои страдания — большая глупость. Я изводил себя, пытаясь проникнуть в тайну,— а ведь никакой тайны могло и не быть. Но, как бы я ни уговаривал себя, я был просто не в состоянии избавиться от бремени некоей загадки, нависшей надо мною. И я уверился твердо. Решил едва я настигну Либуссу, едва увижу ее опять, я тут же пойму, что гнало меня вслед за нею. Она словно стала частью меня самого, открыв мне новый, неведомый прежде аспект моего естества.

А посему, не стала ли Либусса лишь отражением моего неодолимого устремления к любви? Когда мы наконец встретимся снова, не растает ли этот настойчивый призрак, не отпускающий меня ни на мгновение? Может быть, я охочусь за ней вовсе не потому, что обрел в ней воплотившийся идеал совершенной невесты, моей потерянной половины, но лишь затем, чтобы, заглянув ей в лицо еще раз, понять наконец, что она ничуть не похожа на то небесное существо, которое я ищу!

И была еще одна странность. Мысли о ней в сознании моем неизменно были связаны с алхимией. Когда-то я с презрением отверг это грубое смешение мистики и научного эксперимента, предпочитая ему более современную и просвещенную школу исследований, но — как неожиданно оказалось — влечение к чудесам алхимии, проникнутой духом романтики, все же осталось у меня в душе. Быть может, Либусса олицетворяла мое прошлое...

то время, когда я с готовностью воспринимал все загадочное, страшное, иррациональное?

В смешении выехал я из Вены на первом же утреннем дилижансе, отбывающем в Прагу. Там, убеждал я себя, я наконец разыщу эту женщину и точно узнаю, ее я любил или лишь порождение своих фантазий. Однако с каждой милей я, похоже, все больше и больше терял рассудок. По тому, как ко мне обращались простолюдины — осторожно, с опаской,— я заключил, что смятение мыслей отразилось и на внешнем моем облике. С тех пор я старался следить за своим платьем и выглядеть пристойно и элегантно, как в прежние дни. И еще я старался контролировать свои чувства и выработал привычку обращаться ко всем, встреченным мною в дороге, спокойным учтивым тоном. Но, сколько бы я ни прилагал усилий, я все равно продолжал пугать своим видом честной народ.

Либусса, естественно, была не единственным источником моего смятения. Я до сих пор еще не оправился от удара из-за крушения моих благородных мечтаний. Сумей я тогда подавить гордость и вернуться обратно в Бек, это, вероятно, меня исцелило бы. Еще ни разу с начала Террора не пришлось мне вздохнуть свободно. Даже теперь не обрел я желанного покоя.

К тому времени, когда шпили и башни Праги показались в поле зрения, я привел свои лихорадочные мысли в какое-то подобие порядка и твердо решил: даже в том случае, если я опять упущу Либуссу, я все равно задержусь здесь на какое-то время, передохну и потом только неспешно отправлюсь в Майренбург.

В Праге, так похожей на Майренбург по красоте и запутанности улиц, я сразу направился к дому

барона Карсовина, моего родственника и в прошлом лучшего друга. То был красивый, замечательно организованный дом, отстроенный в стиле барокко и расположенный неподалеку от парка Святого Крилла. Предвкушая приятную встречу, я ехал по улицам в самом прекрасном расположении духа. День выдался ясным. Свет солнца искрился на сверкающих крышах, блестками рассыпался по пляшущим водам реки, башенкам и мостам. В Праге — исконном пристанище всех наук — причудливо соединились мирный дух сонного городка и блистательная история интеллектуального и морального поиска. Одетый в новый, с иголочки, костюм в черно-белых тонах по последней английской моде (я заказал его в Вене), я прошел через парк и постучал в дверь дома моего старинного друга. Не видя никакой опасности, я назвался своим настоящим именем, и уже через пару мгновений Карсовин сам вышел меня поприветствовать.

Когда я увидел его, у меня словно камень с души свалился. Этот милый развратник тут же схватил меня за руку и, лучезарно улыбаясь, справился о полдюжине парижских куртизанок. Некоторых я знал лично, и мне доподлинно было известно, что ни одной из них не коснулась грозная длань Революции. Карсовин нес груз своих лет еще с большим изяществом, чем прежде. (Он был старше меня лет на двадцать.) Непретенциозный парик, весьма сдержанные украшения... В его одеянии, как всегда элегантном, упор теперь делался больше на кружева, чем на кричащие цвета, и сидело оно посвободнее, что очень барону шло и больше приличествовало его фигуре.

В общем, Карсовин напустил на себя важный вид респектабельного дипломата. Голос его стал

тише, манеры — скромнее. Такой серьезный господин в строгих темно-зеленых одеждах. Только камзол его демонстрировал некоторое внимание к моде. Барон провел меня по коридорам, обставленным с безукоризненным вкусом, в маленькую столовую, где он как раз собирался позавтракать. Я спросил, не приносили ли ему писем, адресованных мне. Ни одного, ответил он. Я справился об отце и о матушке. Оба в Беке, живы-здоровы, ответил Карсовин и в свою очередь поинтересовался о моем старшем брате, с которым в свое время дрался на дуэли из-за какого-то пустяка. Тогда Ульрих распалился, почтя оскорбленной какую-то шлюху. Кончилось тем, что они оба дали по выстрелу в воздух и расстались вполне дружелюбно. Ульрих, сказал я, здоров, даже слишком, если учесть все последние обстоятельства. Когда я видел его в последний раз, он отправился на отдых в горы, в имение Лобковича. Смуглое лицо Карсовина с тяжеловесными выразительными чертами изобличало гуляку и мота, но теперь выражало лишь сосредоточенность, подобающую какому-нибудь важному государственному мужу. Я спросил, продолжает ли он волочиться за пражскими дамами, поскольку приехал он в город, в первую очередь привлеченный рассказами о красоте здешних женщин.

В ответ барон улыбнулся — кисло и безо всякого энтузиазма — улыбкой настоящего повесы. Он собрался жениться на молоденькой моравийской княжне. И, имея такое намерение (при этом барон вскользь заметил, что приданое за невестой весьма и весьма приличное), он, как говорится, больше не хочет скандалов, хотя до сих пор еще два раза в год аккуратно наезжает в Майренбург,

чьи мирские монастыри пользуются заслуженной громкой славой.

— Видишь ли, дружище, я спустил почти все свое состояние, унаследованное от батюшки, и теперь должен за это расплачиваться. Если уж я намерен поправить свои дела и обзавестись наследником или даже двумя, то скандалы мне ни к чему. Больше того, я чертовски устал от всех этих девок — будь они хоть самоуверенными вертихвостками, хоть почтенными благочестивыми дамами. Я стольких познал *en masse*, что могу теперь расслабиться и попытаться поглубже узнать как следует какую-нибудь одну! Надеюсь, что любопытство поддержит мой угасающий интерес, когда буйство страсти иссякнет и младенцы начнут вопить по всему дому!

Карсовин предложил поднять тост за всех шлюх и благородных девиц, коих нам довелось узнать. Впрочем, при этом энтузиазм был притворным. Потом мы пили за его славянку, княжну Ульрику-Иментруду из рода Бахвейссов. Хозяин даже не поленился, сходил в кабинет и принес миниатюру, портрет невесты, и я должен был выражать свое искреннее восхищение ее прелестной, хотя и несколько, на мой взгляд, флегматичной мордашкой, изумительным цветом ее волос,— барон предъявил мне каштановый локон,— ее ученостью и эрудицией. (В воздухе мелькнул листок со стихами, однако зачитывать их мне барон не стал.) Поскольку мне показалось, что Карсовин едва ли не всерьез подходит к своей демонстрации, я добросовестно хвалил его нареченную, равно как и ее добродетели, и даже поинтересовался, на какой день назначена свадьба. Точная дата пока неизвестна, ответил он, но событие это свершиться должно до

Рождества. Брачные контракты уже готовятся. Однако ему не терпелось узнать новости, особенно о том, что происходит во Франции, и я первым делом ему сообщил, что те ужасы, о которых рассказывают,— правда. Без преувеличений.

— Но не может же так продолжаться и дальше,— заметил Карсовин.— Иначе Франция просто погибнет.

В ответ на это я пренебрежительно усмехнулся.

— Ее армия вполне жизнеспособна. Пожалуй, она теперь самая сильная в мире.

Карсовин нахмурился.

— Но не сильнее австрийской.

— Да,— согласился я.— И еще, может быть, прусской.

— Все предсказатели и балаганные пророки в один голос твердят о больших переменах, которые потрясут наш мир,— задумчиво проговорил барон.— Но мне что-то не верится, что источником сих перемен будет Франция. Если только она не станет рассадником эпидемии сифилиса.— Он рассмеялся, хорошее настроение вновь вернулось к нему.— Пусть попытают удачи против наших уланов.— Говорил он весьма уверенно. Потом подмигнул мне, и когда мы уселись за стол, позвонил в колокольчик.— Моя маленькая славяночка говорит, что если я женюсь на ней ради приданого, то она за меня выходит ради кухарки моей, фрау Шцик!

Еда оказалась действительно потрясающей, вина — весьма и весьма неплохими, принимая в расчет их относительно молодую выдержку. Мы с бароном вспомнили прежние дни, поговорили о планах на будущее, о политике, как это водится, о религии и прочих подобных вещах. Он, как выяс-

нилось, знал уже о моем бегстве из Франции и о предполагаемом моем недовольстве и желал обменяться со мною мнениями по этому поводу, чего мне, говоря по правде, совсем не хотелось, хотя я и понимал: для него, ярого сторонника просвещения и противника демократии, подобные вещи должны представлять интерес немалый. Наконец я был вынужден прямо ему заявить о своем нежелании обсуждать этот вопрос, и, будучи джентльменом, барон перевел разговор на темы, не столь для меня болезненные. Он заговорил о предстоящем собрании алхимиков и, подобно ла Арпу, выразил искреннее недоумение относительно того, что заставляет людей тратить время занятие подобной ерундой.

Я предположил, что алхимики удаляются в дебри древних философий из-за боязни новых.

— Взять, например, розенкрейцеров. Они посвящают себя отнюдь не научным или же философским исканиям нового. Нет, они ревностно оберегают все то, что давно известно, а посему не представляет для них никакой угрозы. Романтика шествует рука об руку с их *осуществлениями* разума. Мы вступаем в эру революционных открытий, паровых двигателей, летающих кораблей, подвижных кранов и подводных лодок. А алхимики всего боятся. Боятся мануфактур, прокатных станов, железных дорог и рукотворных каналов. Они потрясены, сбиты с толку, и все же в них сохранилось еще естественное человеческое стремление к равновесию и симметрии, которые видятся им лишь в служении отвлеченной Абстракции. Вот и выходит, что возводят они — для примера, в Англии — готические руины и вздыбленные мосты, с единственной целью нестись потом с дикой

скоростью по проезжим дорогам на спинах механических лошадей!

— Ты пугаешь меня, друг мой,— подмигнул мне Карсовин.— Но я преклоняюсь перед обширными твоими познаниями. Мне, вероятно, стоило бы уделять больше времени изучению паровых котлов, вместо того чтобы гоняться за всякими цыпочками. Быть может, когда я состарюсь и налажу дела в своем поместье, я стану изобретателем-оригиналом, построю летающую машину и улечу исследовать мир.— Он явно воодушевился при этой мысли.— Да, кстати, на прошлой неделе я как раз наблюдал одно из этих приспособлений великих Монгольфье, проплывающее над городом.

— Воздушный шар?

— С корзиной для пассажиров, подвешенной к низу. Эта корзина имела форму василиска или, быть может, дракона. Вся золотая и алая. Должен признаться, зрелище потрясающее. Зачем людям летать, как ты считаешь, фон Бек? Или нестись по земле на невообразимой скорости?

— Друг мой, в век расцвета инженерной мысли надо спрашивать не «зачем это нужно?», а «как это сделать?». Неужели ты до сих пор не понял?

Облокотившись о спинку кресла, он отодвинулся от стола. Лакей беззвучно убрал тарелки. Барон мой так и светился от радости, но старался при этом не слишком ее выказывать.

— А, ну да! Должно быть, я кажусь тебе замшелым провинциалом. Впрочем, мне все равно. Мой интерес к тысячелетнему царству Христову убывает едва ли не с каждым днем, сменяясь весьма утешительным убеждением в том, что единственное, что имеет еще реальную ценность,— земля. С помощью нехитрой уловки — погружения старого

друга во влажную щелку на час-другой каждую ночь я в скором времени стану гарантировано обеспечен. Я в том ничего зазорного не вижу; в наши дни к этому способу прибегает немало мужчин. И как я добился сего? Ведя жизнь добропорядочного христианина? Рискуя всем во имя Революции? Нет и еще раз нет. Всего этого я добился исключительно неуемною страстью к наслаждениям плоти, своим тщеславием и эгоизмом.

Я улыбнулся, хотя грубость его выражений была мне неприятна, и полюбопытствовал:

— А ты не слышал случайно имени аэронавта, который летал в тот день?

— Даже если и слышал, теперь не припомню.— Он сказал это едва ли не извиняясь.— Я его принял за одного из алхимиков, съезжающихся сюда со всей Европы.

— Слишком уж новомодный вид транспорта,— заметил я.— Таким, как они, подавай что-нибудь этакое, колдовское... иначе они не ездят.

Барону понравилась моя шутка.

— А я уже и забыл, насколько легко и приятно с тобою общаться. Надеюсь, ты остановишься у меня?

Я с радостью принял его приглашение, а потом, как бы между прочим, спросил, не знает ли он чего-нибудь о герцогине Критской. Но, как я ни старался держаться при этом непринужденно, барон тут же почувствовал мой живой интерес и покачал головой:

— Боюсь, мне придется тебя разочаровать. Во всяком случае, молодой герцог Критский — здесь его называют Мендоса-Шилперик — пока еще в Вене. Но скоро прибудет он сюда. До конца этой недели, я думаю.

— А про герцогиню ты что-нибудь слышал?

— Я знаю только, что герцог, как говорят, время от времени развлекается, прогуливаясь по Градчине обряженным в женское платье... Но все это пустая молва, досужие слухи, не соответствующие действительности.

— Если бы что-то за этим стояло, ты бы, наверное, знал.

— Да, наверное. Что же до герцогини... есть у меня подозрение, друг мой, что повстречался ты с самозванкой. С какой-нибудь проституткой, выдающей себя за благородную даму — титулованную госпожу, чей титул известен и в меру загадочен для того, чтобы ввести в заблуждение кого угодно.

— Я и сам уже начинаю склоняться к мысли, что так оно и есть,— согласился я с ним.— Но она была так красива... просто поразительно.

— И пленила сердце твое, как я понял.

— Хуже. Она пленила мой разум. Я никак не могу отделаться от мыслей о ней.

— Тогда вот тебе мой совет: ищи ее под каким-нибудь другим именем. Вряд ли она осмелится называться герцогиней Критской в городе, пребывающем под покровительством сей благородной фамилии.

С этим предложением я согласился и с сим утверждением тоже.

— У меня есть причины, и причины весьма веские, полагать, что она направляется в Майренбург.

— Авантюристка какая-нибудь? Мошенница? Представляю себе, как она тебя околдовала. В этих женщинах есть что-то такое... независимость духа, возможно... влекущее, роковое для мужчин вроде нас с тобой. Прими еще добрый совет старого

друга — найди себе миленькое безмятежное существо типа моей славяночки.

Я сделал вид, что серьезно задумался над его предложением, но меня занимали и другие мысли. Я был более чем заинтригован. Моя любимая — обманщица, самозванка?! По крайней мере, это объясняет ее странную привычку появляться и исчезать столь стремительно. Тогда вовсе неудивительно, что я не сумел разыскать ее ни в одном из городов.

— Да, кстати,— спохватился Карсовин,— буквально на днях твое имя всплыло в разговорах. Вспоминали тебя у Хольцхаммера, в его загородном имении, куда я был приглашен на охоту.

— Я не знаком с Хольцхаммером. Не он ли состоит министром при майренбургском принце?

— Он племянник принца. У него не хватает мозгов даже на то, чтобы самому нацелить ружье... для этого у него есть слуга! Но человек он весьма приятный. Он как раз возвратился из Вены. Ему известно, что ты — мой старинный друг. Как я понял, какой-то французик был при дворе принца и пытался получить ордер на твой арест, объявив тебя якобинским шпионом.

— Француз?

— Какой-то виконт, если память мне не изменяет.

— Робер де Монсорбье?

— Точно! Он самый!

— Он — офицер Комитета Общественной Безопасности, человек Робеспьера.

— Нет. Хольцхаммер говорит, он — истинный роялист.

— Значит, он выдает себя за такового, чтобы поймать меня. Ты его остерегайся, Карсовин. Ты-

сячи человек лишились жизни из-за изуверского фанатизма Монсорбье.

— По крайней мере, скажу Хольцхаммеру, а он известит двор принца, если сочтет нужным. Однако, насколько я знаю, император весьма серьезно настроен выписать этот ордер. Прошу тебя, будь осторожен. Вполне может быть, что тебя здесь разыскивают как шпиона.

— Тогда, думаю, мне стоит поторопиться с отъездом в Майренбург, чтобы не ставить тебя в неудобное положение, дружище.

— Подумаешь!

Улыбнувшись, я хлопнул его по плечу.

— Мне не хотелось бы расстроить твою женитьбу.

Он рассмеялся.

— Что до этого, то я пока еще весь в сомнениях. Может быть, наоборот, ты удержишь меня от очередного безрассудного шага!

Но я твердо решил отбыть в Майренбург уже следующим утром. Мне совсем не хотелось подставлять под удар Карсовина, которому могли бы предъявить обвинение в укрывательстве опаснейшего шпиона, и еще того меньше хотелось мне угодить в тюрьму и сидеть в какой-нибудь старой крепости среди отсыревших стен, ожидая суда, который наверняка приговорит меня к смерти.

Когда я выезжал из Праги, погода стояла на удивление теплая. Дорога на Майренбург оказалась хорошей. Пролегала она по неглубоким карпатским долинам и охранялась отрядами регулярной армии, а обслуживание в придорожных гостиницах было более чем приличным.

И вот наконец, преодолев приятный и наиболее легкий отрезок пути, я въехал в древний град

Майренбург,— в самое дивное и восхитительное из мест, населенных людьми.

Город раскинулся по обоим берегам извилистой речки Рютт. Если въезжать в Майренбург с северо-востока, то нужно сначала спуститься по кряжу пологих холмов, с вершины которого открывается вид на весь город, похожий на серебристую карту, расстеленную на дне просторной долины. Стены из белого камня переливаются крошечными вкраплениями железа и кварца, так что даже в вечерних сумерках город мерцает собственным светом. А когда подъезжаешь к нему рано утром,— зимнее небо сияет безоблачной голубизной, и от реки поднимается легкая дымка тумана,— кажется, будто бы ты приближаешься к городу-призраку.

При всех шпилях, барочных башенках и романских куполах, при всей благородной готике соборов и античной древности публичных залов, причудливых дворцах родовитых старинных фамилий, мишурных фронтонах и асимметричной кладке стен, которым время и непогода придали естественные очертания,— Майренбург вмещает в себя реалии, отвечающие запросам более прозаических устремлений человеческого духа. Есть там пустынные тихие улочки; где над остроконечными крышами домов возвышаются длинные трубы, где волнистые крыши покрыты серой черепицей, а стены из почерневших от времени бревен побелены известью, где стекла в окнах напоминают по цвету бутылочное стекло, а верхние этажи домов выдаются вперед, образуя едва ли не крытую галерею над бурым булыжником мостовой. В самом же центре — на холме, что вознесся над Рюттом на левом его берегу — замер, устремившись ввысь, пышный ста-

ринный замок — резиденция принца, чья династия зародилась задолго до появления Габсбургов. Они были вождями свитавианских славян, которые вытеснили из долины ее коренных обитателей, когда римляне даже и не помышляли еще о походе на запад. Потомки этих племен много столетий после падения Римской Империи живут в этой тихой долине.

Благодаря запутанным брачным союзам и весьма осмотрительным альянсам этой старинной фамилии на протяжении многих веков, Вальденштейн сохранил независимость, а Майренбург, даже если и подвергался угрозе завоеваний, никогда не был захвачен врагом. Город процветал, и каждый последующий век цивилизации оставлял свои письмена на стенах домов. В городе, благоденствующем под либеральным правлением принцев, в свое время искали прибежища многие из великих людей: от Кретьена Троянского до Моцарта и Фрагонара. Здесь вряд ли отыщется улица, на которой не жил когда-либо какой-нибудь знаменитый философ, скульптор или же драматург.

Столь чарующим и волшебным был облик этого города, столь богатой его культура, что кое-кто из писателей, побывавших здесь, пришли к выводу, что Майренбург ни разу не пострадал от меча завоевателей не из-за решительной воли принцев-правителей и не по случайному совпадению, а потому, что воплощал Майренбург идеал, разрушить который не осмелится ни один — пусть даже самый жестокий и развращенный — из правителей и генералов.

Но, какова бы тому ни была причина, город имел некий мифологический дух. Как всегда, проезжая под аркой городских ворот, я ощутил, как

нарастает во мне то особое чувство, которое возникало в душе моей только здесь, в Майренбурге. *«Я вступаю в легенду,*— сказал я себе.— *Это как будто войти в Камелот».*

Майренбург и был Камелотом, чей двор состоял из философов и астрологов, теологов и историков, драматургов и математиков, большинство из которых заручились благосклонным покровительством просвещенных правителей. Только здесь, в Майренбурге, существовали четыре независимых друг от друга университета, старейший из которых основан был в 594 году от Рождества Христова великим епископом Корнелием Эрулианом, поощрявшим все изыскания философских наук и побуждавшим мирян (впервые в истории святой церкви) трудиться совместно с духовными лицами, дабы проникнуть в загадки природы.

Любому путешественнику, лишь понаслышке знакомому с городом, погруженным в науки и искушенным в изящных искусствах, в первый приезд свой сюда странно будет наблюдать шумные улицы, переполненные народом, слышать крики и гвалт на базарах и верфях. Ведь Майренбург, прежде всего, город торговый, процветающий и богатый. Тут есть посольства стран Дальнего Востока, Нового Света и Оттоманской империи. С последней вот уже три века подряд майренбургские принцы поддерживают самые тесные сношения. Не подверженный религиозному фанатизму, Майренбург всегда уважительно и достойно принимал представителей языческих земель. В то время, как Прага, Киев и Пешт, прилагали массу усилий, умеряя свою эгоцентричную гордыню и неуместную снисходительность, Майренбург, не хитря и не мудрствуя, обзаводился друзьями.

С тех пор, как я — еще в ранней юности — закончил майренбургскую королевскую гимназию, я больше здесь не был ни разу, и то, что я нашел город точно таким, каким помнил его, доставило мне несказанное, хотя, признаюсь, и непредвиденное удовольствие. Мои разочарования и перемены, зримо проявившиеся во всем облике Парижа, помогли мне тогда еще свыкнуться с мыслью, что мир наш неминуемо движется к разрушению, распаду и порче всего величавого и благородного. Но здесь, в Майренбурге, не место было подобным размышлениям. Здесь во всем ощущалась надежда, жизни утверждающее начало.

И все же в какой-то степени Майренбург оставался мечтой и был обрамлением другой мечты — сокровенных моих желаний. С каждым мгновением возрастала во мне уверенность, что моя герцогиня (или же самозванка, мне все равно) должна быть здесь и найти ее не составит уже труда. В этом городе не было ни единой улицы, которую я не сумел бы назвать по памяти. Я знал Майренбург так же, как знал свое тело. На самом деле, меня переполняли необычные ощущения, словно тело мое и мой разум, весь город слились воедино и стали одним существом. Нигде больше я не испытывал ничего подобного. Даже в Беке. Словно я возвращался домой — не под защиту спокойного, безмятежного места, где был я рожден, а в город, где я впервые осознал себя как личность и где сложились основы моего мировоззрения.

В таком радостном расположении духа я отправился прямо в кофейню Шмидта, что на перекрестке Фальфнерсалии и Ганхенгассе, неподалеку от еврейского квартала. Заведение это, поставленное на широкую ногу, занимало несколько этажей боль-

шого квадратного здания, где раньше располагалась лечебница монастыря. Здесь, как всегда, было людно. Столы и скамьи буквально лепились друг к другу, загромождая все пространство. Согласно традиции, на первом этаже собирались дельцы — все те, кто имел хоть какое-то отношение к финансам. Здесь же рождались все городские слухи. Разыскав в шумной толпе своих знакомых, брокеров, нескольких французов и русских, я тут же набросился на них с расспросами. Однако меня вновь постигло разочарование.

Один моравийский ростовщик по фамилии Менкович принял мое приглашение на чашечку чаю. Извинившись перед своими друзьями-банкирами, он прекратил вещать громким голосом и перекладывать с места на место свои бумаги и пересел за мой столик. На нем был старомодный напудренный парик и неизменный темный сюртук, пошитый, как сам Менкович любил повторять, «по квакерской моде». Все это, как он утверждал, придавало ему вид солидный и авторитетный даже тогда, когда он пускался в самые дикие и рискованные предприятия. Так вот, Менкович слышал, что герцог Критский прибудет в город буквально на днях,— если не прибыл уже,— а вот о герцогине ему вообще ничего не известно. Зато в его изложении история этого рода звучала совсем по-иному:

— Картагена и Мендоса-Шилпериков всегда недолюбливали в Майренбурге, фон Бек. Когда-то у них был здесь дворец, и они сделали много хорошего для этого города. Но их род всегда окружали загадки,— колдовство, черная магия, зверские пытки, насилие. Все это наделало много шуму, и принудило тогдашнего принца изгнать Шилпериков из города. Но все это случилось лет сто на-

зад. Им потом вновь удалось снискать благосклонность принца, но с тех пор многие в Майренбурге относятся к ним с подозрением... В герцоге действительно есть что-то странное, хотя он очень даже собою пригож. Я доподлинно знаю лишь то, что верительные грамоты были выданы герцогу — не герцогине — и что они еще не предъявлены.

— Не означает ли это, что он еще не приехал?

— Вполне вероятно, что он уже в замке. У него есть свой замок в Карпатах. В полумили от границы. Оттуда до Майренбурга всего день пути, так что он может явиться в любую минуту.

— У него есть своя резиденция?

Шум и гам голосов за столиком рядом с нами почти заглушили его ответ. За оживленным обменом репликами последовал громкий смех, парики затряслись, а потом дельцы вновь углубились в расчеты. Менкович покачал головой.

— Он хозяин дома на Розенштрассе, но, как правило, предпочитает гостить у кого-то из близких друзей, местных землевладельцев, имения которых расположены за пределами города.

Я сказал Менковичу, что если он еще что-то узнает, то он всегда сможет найти меня у «Замученного Попа» — в гостинице, которую упоминал Сент-Одран. Эта гостиница оставила самые добрые воспоминания. Признаюсь, я слегка упал духом, не получив необходимых мне сведений у всезнающего приятеля из местных брокеров. Он посоветовал мне просмотреть *Майренбургский светский журнал*, где могли появиться какие-то упоминания о герцогине.

Распрощавшись с Менковичем, я отправился на площадь Младоты. Там церкви стояли впритык к постоялым дворам и тавернам, и казалось, что все

здания тянутся к центру, где в старом позеленевшем фонтане плескалась водица. Сам фонтан представлял собою конную статую героя, поражающего копьем устрашающего вида морское чудище. Возле него росло два-три деревца — платана — стояло несколько скамеек. Тут же сидел нищий побирушка и живописная группа уличных торговцев-арабов, продающих цветные ленты, всякие безделушки и лакомства. Пройдя под широкой аркой входа «Замученного Попа», названного, в честь Гуса,— одного из самых заметных на площади зданий, я очутился на просторном внутреннем дворе, опоясанном непрерывным балконом первого этажа. Штукатурка на стенах кое-где облупилась, местами обвалилась, а гипсовые лица Гуса и его рьяных последователей давно пообтерлись и стали совсем неузнаваемыми, хотя вывеску подновляли совсем недавно. На вывеске был изображен монах в нищенской рясе, запрокинувший голову к небесам. Руки его были привязаны к столбу, сверкающие языки пламени лизали его ноги, обутые в сандалии. Крепилась вывеска на железной скобе, вбитой в тяжелую почерневшую балку.

Передав лошадь конюху и распорядившись, чтобы он позаботился о моем багаже, я вошел внутрь, в тесную общую комнату. Время близилось к полудню. Внизу как раз подавали завтрак, и запах жаркого был весьма соблазнительным. В дымной сей комнатенке с низким потолком толпился народ, большей частью — студенты в форменных куртках и подмастерья в средневековых нарядах, так что невольно складывалось впечатление, будто бы я очутился совсем в другом веке. Протискиваясь сквозь толпу и вдыхая изумительные ароматы супа и запеченной на углях курицы — блюда, принесшего зас-

луженную популярность сему заведению,— я вытягивал шею, глядя на стойку, освещенную даже в столь раннее время свечами. За стойкой стоял мрачного вида мужчина в красном кожаном переднике и высоком пудреном парике из тех, что были в моде лет пятьдесят-шестьдесят назад; закатанные выше локтей рукава рубахи открывали волосатые лапищи, изукрашенные примитивными татуировками Южных Морей. Он сосредоточенно разливал в кружки грог и передавал их раскрасневшимся девицам, которые носились по залу, только и поспевая разносить выпивку нетерпеливым клиентам. Хозяин поднял глаза, и его тонкие губы сложились в подобие улыбки, когда он увидел меня.

— Капитан фон Бек! — Лицо его, мрачное, словно туча, вдруг как будто озарилась сиянием солнца.— Мой капитан!

Я почти не сомневался, что найду его здесь, за стойкой.

— Сержант Шустер! Ты же говорил, что покупаешь участок земли где-то под Оффенбахом.

Ветеран сотни боевых кампаний, он был моим слугой и соратником в то время, когда я подвизался на службе в американских войсках. В гостинице этой я одно время снимал комнаты. То было задолго до моих американских приключений, тогда еще, когда всем здесь заправлял отец Шустера.

— Ты же божился, что станешь фермером, что тебе надоела уже городская жизнь!

Он поднял откидную доску на стойке и вышел ко мне. Мы обнялись.

— А я слышал, во Франции вас арестовали.

— Чуть было не арестовали. Но я предвидел подобный поворот событий и опередил их на какие-то считанные часы. Бежал из Парижа тайком,

словно дворняга с украденной отбивной. Ну а ты почему не на пашне? Ты ж говорил, что тебе поперек горла стоит ремесло твоего отца!

— Папаша ушел на покой, когда я еще был за границей. Когда я вернулся, то я обнаружил, что он прикупил себе ферму! А гостиницу сдал в аренду какому-то никудышному венгру-трактирщику, совершеннейшему болвану, который мало того что распугал всех клиентов, так еще и опустошил наш винный погреб, а потом, по дороге обратно в Гесс, его благоверная сбежала с каким-то хлыщом-уланом! Просто позорище, а, капитан? Так что папаша просто-таки умолял меня взять управление гостиницей в свои руки, по крайней мере, пока не удастся восстановить торговлю и доброе имя нашего заведения. Я постепенно втянулся, и мне это даже понравилось. А пару лет назад батюшка передал дело мне. Как говорится, замок, погребок да бочонок вина, и вот теперь я тут всем заправляю.

Сержант Шустер настоял на том, чтобы мы с ним пропустили по кружечке его лучшего пива, а место его за стойкой заняла пригожая блондиночка с длинными косами, уложенными тяжелым узлом на затылке. На вид ей было чуть больше четырнадцати. Одета она была в местный народный костюм.

— Это Ульрика,— с гордостью объявил Шустер.— Моя старшенькая. Вторая на два года младше. Но Мария у нас ленивый котенок, только кликнешь ее, а она уже спит. Ульрика, девочка, мне выпала честь представить тебе капитану Манфреду фон Беку, наследному саксонскому рыцарю, герою Сараготы и Йорк-тауна, депутату Французской Республики. Я рассказывал о нем, помнишь? У него столько же боевых наград, сколько и шра-

мов, и он вполне может стать маршалом чьей-нибудь армии. Он — один из последних солдат на свете, я имею в виду настоящих солдат.

— Ваш батюшка, подобно барону Мюнхгаузену, питает неодолимую склонность к преувеличениям,— перебил его я.— Шустер, фрейлейн Ульрике вовсе не интересны подробности моей военной карьеры. Но я искренне рад познакомиться с вами, сударыня.— Я поцеловал ее маленькую аккуратную ручку, и девочка так и вспыхнула от смущения.

— Благодарю за честь, сударь,— пролепетала она, делая реверанс.

Я похвально отозвался об изящных ее манерах, а потом спросил Шустера, не найдется ли у него для меня свободной комнаты.

— Если бы даже ее не было, я б ее построил немедленно, капитан.

С этими словами он проводил меня наверх по почерневшей от времени деревянной лестнице с расшатанными ступеньками; на побеленных известью стенах висели памятные реалии — символы военной карьеры Шустера. Турецкое знамя, захваченное в бою, прусские эполеты, немецкий барабан, старый французский флаг, боевая кольчуга воина язо вместе с портретами Вашингтона и Лафайета и английским эспонтоном. Были здесь и те самые шпоры, которые Шустер — я это видел своими глазами — снял с изменника Мингавы, индейца-полукровки, чьи соплеменники-дикари устроили нам засаду милях в пяти от Джорджтауна. Шустер болтал без умолку, с гордостью вспоминая былые дни. Я же был только рад поговорить о том, что для меня подходило под определение «старые добрые времена», когда жизнь казалась мне и проще, и благороднее.

Шустер повторил слово в слова речь генерала Стабена, с которой тот обратился к нам после того, как мы взяли Йорктаун, и напомнил мне, как я плакал, когда генерал Вашингтон, объезжая позиции, специально сделал крюк для того, чтобы лично поздравить нас. Мы тогда все буквально с ног валились от усталости.

— Он знал нас всех по именам, помните, капитан? И сказал еще, что дело Свободы стоит превыше всех мелких личных интересов; что он и друзья его, и соратники добиваются права быть хозяевами на своей земле, а такие, как мы, борются исключительно за идею, потому что верят в республику и права человека; и что наибольшую ответственность он чувствует именно перед нами, теми, кто помогает его стране обрести Свободу. Он хотел, чтобы вера наша не поколебалась. Чтобы шесть штатов имели правительство нового качества, которое всякому гражданину даст свободу слова и законы, основанные на неоспоримом праве каждого воззвать к справедливости и получить ее.— Тут Шустер встал перед портретом Лафайета и отдал честь.— Вот тот, кто не изменил ни себе, ни революции, капитан. Великий человек. Вы с ним встречались в Париже?

— Не часто. Он был слишком занят.

Шустер снова остановился, на этот раз — перед посеребренными ножнами с английским клеймом у рукояти. Я улыбнулся, беря его под руку:

— А ты помнишь, Шустер, чьи это ножны?

— Еще бы, сударь, не помнить! Господина Мальдона, капитана мушкетеров Его Величества. Самый почетный трофей!

Мы от души посмеялись, поскольку сержант выиграл ножны Мальдона в карты на следующий день после битвы при Саратоге.

— Но неужели же все, за что мы сражались, теперь потеряно? — спросил он, пока мы пересекали темную лестничную площадку, направляясь к двери в самом конце коридора.— Вот. Мои лучшие комнаты. Здесь всегда останавливается моя замужняя сестрица и другие все родственники, когда заезжают к нам в гости.— Он открыл предо мною дверь. Свеженавощенная мебель пахла пчелиным воском и льняным семенем.— Осталось лишь приготовить постель и так, кое-что по мелочи. Моя женушка обо всем позаботится.— Он распахнул ставни, которые поддались с тихим скрипом, и комнату залил серебристый свет зимнего дня.

Из окна открывался вид на бурлящую площадь с ее побитыми временем зданиями. Слева торговцы устанавливали лотки под симпатичными, изукрашенными навесами,— по какому-то старинному соглашению им запрещено было начинать торговлю свою раньше полудня. Собаки и ребятишки носились, спеша по своим делам — всегда неотложным и весьма таинственным. Старики, обряженные в длиннополые хламиды, время от времени били в гонги и выкрикивали, который час, и прочую всякую весьма полезную информацию:

— Четверг, полдень. Ветер восточный. Ветер крепчает!

В остальное же время, когда они не вопили и не звонили в гонги, старцы обязаны были указывать путь прохожим, в том нуждающимся. За это город платил им определенную сумму. Я наблюдал, как они шныряют туда-сюда, тыча рукой то в одну, то в другую улицу, что разбегались во все стороны от площади Младоты, подобно спицам гигантского колеса, осью которого была площадь. Говорили, что эта площадь расположена точно в центре города.

— Да, капитан,— спохватился вдруг Шустер,— вы уже ели сегодня? Нет? Давайте я вас угощу нашим фирменным тушеным зайцем с клецками. И божественный сладкий крем на закуску... А где ваша лошадь?

— У тебя на конюшне.

— Багаж?

— Там же, вместе с лошадью.

— Я пошлю мальчика, он обо всем позаботится. У нас есть еще конюшни на Коркцерхгассе. Там все поставлено чуть получше. Не желаете ли воспользоваться?

— Оставляю это на твое усмотрение, сержант. Мне нужно лишь забрать свои сумки, мушкет, ну и прочие вещи.

— Я скажу, мальчик все принесет. Не отобедаете ли вы с нами внизу?

— С удовольствием.

— И расскажите мне заодно, что привело вас в Майренбург.— Мы снова спустились в гомон и шум общей залы, и Шустер произнес извиняющимся тоном: — Через пару минут здесь все поутихнет, как только соборный колокол отзвонит час дня.

И действительно, едва я уселся за длинный кухонный стол, рядом с которым булькали на огне очага всякие котелки и кастрюльки, крутились вертела с различной снедью, распространявшей такой изумительный запах, что у меня потекли слюнки, весь шум и гам потонули в оглушительном колокольном звоне, от которого затряслись стены. Всего лишь один удар, но звук еще долго не умолкал. Когда же эхо замерло, раздался скрип отодвигаемых, как по команде, скамеек, топот ног, звон монет... А потом неожиданно воцарилась сонная тишина, наиболее подходящая почтенному воз-

расту достославной гостиницы. Теперь настал черед армии уборщиков и кухарок, которые уже загодя занялись подготовкой столового зала к наплыву вечерних посетителей.

Обслужив меня по высшему классу — обещанный фирменный заяц с клецками,— Шустер тоже уселся за стол рядом со мной, для себя прихватив тарелку холодных отбивных. За едой я вкратце поведал ему о своих последних приключениях. Шустер весь подался вперед и слушал, не перебивая. Его серьезное неулыбчивое лицо выражало при этом искренний интерес.

— Так вы говорите, что герцогиня эта... которая, может статься, и вообще никакая не герцогиня... едет сюда, в Майренбург? И полагаете, что она состоит в родстве с герцогом?

— Это всего лишь догадки, но у меня нет ничего, кроме догадок. Их дела остаются пока для меня загадкой.

— Алхимия,— с убежденностью проговорил Шустер.— Без вопросов.

Его уверенность удивила меня.

— Но почему?

— Герцог очень интересуется ею. К тому же на этой неделе искатели философского камня со всего мира съезжаются в Майренбург. Гостиницы в городе переполнены. Спросите любого трактирщика. Но мне такой бизнес не нужен, уж извините. У меня две молоденькие дочки. Я ничего не хочу сказать, большинство из них — люди достойные, но ведь всякие, знаете ли, попадаются. Многие прибыли буквально на днях из Праги, где и должно было проходить это их совещание.

— Стало быть, никто не гонит их из Майренбурга?

— Вы имеете в виду закон, запрещающий тайные общества? Алхимики весьма хитроумно его обошли, поскольку, как сами они утверждают, они никакое не общество, а просто собрание отдельных лиц. И нету такого закона, согласно которому им надлежит выносить свои внутренние споры на публику. Впрочем, что-то же побудило их столь поспешно переменить место назначенного собрания, и никому не известно, почему они так внезапно покинули Прагу. Никого из хозяев гостиниц не предупредили загодя, как положено. Но здесь к ним, по крайней уж мере, относятся без предубеждения.— Он улыбнулся.— Все, кроме меня и таких, как я.

— Я никак в толк не возьму, с чего ты так на них взъелся.

— А с того, капитан, что половина из них шарлатаны. Ярмарочные трепачи, которые только и ищут, где бы чего утянуть, и молотят языками почище, чем иной рубака — мечом. А если никак не выходит иначе, они пускаются в любовные приключения. Я не рискнул бы связаться ни с кем из них... Все равно что связаться с цыганами.— Он вовсе со мною не церемонился, пересыпая речь всякими бранными словечками, поскольку мы были знакомы с языком негодяев из самых низов.

— Но почему,— размышлял я вслух,— они так поспешно перебрались сюда? Ведь никто их из Праги не гнал.

— Я незнаком с их учением, но, насколько я разумею, наиболее очевидная из причин — какие-нибудь астрологические условия, вроде особого расположения планет,— отозвался Шустер.— Поначалу они, должно быть, рассчитали, что самое

подходящее место — Прага, но потом им явились иные предзнаменования.

— Насколько мне удалось разузнать, астрология, похоже, действительно занимает одно из центральных мест в их доктрине,— согласился я.— И ла Арп, и Карсовин упоминали об этом. Какая-то редкая конфигурация небесных светил.

Шустер отставил в сторону тарелку с костями,— все, что осталось от отбивных,— и со смаком облизал пальцы.

— Мне, сударь, дела до этого нету. Пусть себе там творят, что хотят, лишь бы только меня не трогали. Удивительно, однако, что вам интересна вся эта бредятина.

— К несчастью, дама, которую я разыскиваю, как-то вовлечена во все это. И чтобы разыскать ее... хотя бы узнать, где искать... мне нужно составить себе представление о том, с какой целью алхимики собираются в этом городе. Вряд ли герцогиня сама занимается алхимическими изысканиями, но вот ее друзья — очень даже вероятно. А если она и в самом деле самозванка, находящая удовольствие в том, чтобы дурачить мошенников, тогда, прослышав об этом собрании, она должна прилететь сюда, точно пчела на лужайку, усыпанную цветами.

— Вы ее замечательно описали, капитан. Я расспрошу у своих товарищей по ремеслу, возможно, она остановилась у кого-то из них в гостинице. Если она в Майренбурге, они скоренько непременно вспугнут ее. А вы пока живите у нас столько, сколько вам будет нужно.

Мы выпили за дружбу, а потом к нам на кухню пришли его дочки и девицы с подносами, уставленными доверху грязной посудой. Двое мальчи-

шек осторожно разлили кипящую воду из большого котла по лоханям,— кухня наполнилась паром, таким густым, что я едва различал сержанта Шустера, сидящего футах в двух от меня.

— Даже если она остановится не в гостинице,— продолжал он,— а в каком-нибудь частном доме, мы все равно разузнаем об этом. У каждого из нас есть друзья или родные, которые служат в богатых домах. Как только она прибудет в Майренбург, вы узнаете об этом. А пока что, капитан, давайте-ка выпьем еще по кружечке этого славного эля, вспомним прежние дни, а потом, если у вас нет никаких спешных дел, я бы вам посоветовал лечь в постель и вздремнуть часок-другой, а то вид у вас какой-то усталый.

— С удовольствием последую твоему совету, сержант. Да, и вот еще что. Ты, как я понимаю, ожидаешь прибытия джентльмена по фамилии Сент-Одран. Он очень помог мне в пути и недавно — а я думаю, это был он,— был в Праге. Ты не проследишь, чтобы ему дали хорошие комнаты?

— Мы получили его письмо. Из Праги, как вы и говорите. Вы не волнуйтесь, обслужим вашего приятеля по самому высшему классу. Определим ему комнаты рядом с вашими.

— У тебя доброе сердце, сержант.— Я похлопал его по руке.

— Капитан, это дружба. Мы с вами старые боевые товарищи. Вы всегда были мне настоящим другом. Вы научили меня, что такое закон и права человека. Вы в корне изменили мое мировоззрение.

Я рассмеялся, взмахом руки прерывая его излияния.

— У меня сейчас голова лопнет от твоих похвал. Мы всегда были равны. Ты и сам был капитаном, когда мы встретились!

— Исполняющим обязанности. А буквально на следующий день меня разжаловали.— Его тонкие губы (черта эта, свойственная людям хитрым и злобным, создавала неправильное представление о его великодушной и щедрой натуре) сложились в подобие бледной улыбки.— А все из-за дуэли, вы помните, с этим спесивым павлином-французишкой. Но зато я проткнул в нем дырку прежде, чем нас задержали.

Сам я на упомянутой дуэли не присутствовал, но знал все подробности. Случай этот со временем позабылся, и если бы Шустер не заговорил о нем, я бы, наверное, так и не вспомнил о том давнем поединке.

— Этот спесивый павлин сейчас охотится за мною. Монсорбье стал большим человеком во Франции. Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что он до сих пор еще не оставил намерения заполучить мою голову.

— Он преследует вас?

— Рыскал за мной по всей Австрии. Хотя, кто его знает, может быть, он уже и прекратил погоню. Он постарел за последнее время, заметно сдал, хотя все еще выглядит этаким франтом-красавчиком, даже в революционном своем костюме.

— Я уж узнаю его, если он вдруг заявится сюда ко мне,— сказал Шустер.— Ну, сударь, давайте ложитесь, а то вы давно уже клюете носом. Вам надо как следует отдохнуть... А вот и Марта!

Я поклонился, запечатлев поцелуй на пухленькой ручке цветущей румяной женщины, которая

выглядела разве что чуть постарше своих дочерей. У нее были темно-каштановые волосы. Лицо ее светилось улыбкой. В ответ она сделала мне реверанс и отпустила шутливое замечание насчет того, что хотя бы один из длиннющих рассказов мужа оказался в конце концов правдой. Еще она попросила меня не пускаться в подробные описания всякой пьяной драки, которую милый ее муженек представляет теперь как дуэль, поединок чести, или как историческое сражение, иначе мы никогда с ним не встанем из-за стола.

Заверив ее в своем благоразумии и осмотрительности, я вскоре поднялся к себе и, смыв дорожную грязь, повалился на мягкую чистую постель. Пока я лежал, обнаженный, наслаждаясь соприкосновением кожи с хрустящими свежими простынями, меня постепенно одолели непрошеные, нежеланные мысли. Сумею ли я разыскать Либуссу? И даже если найду ее, примет она меня? Или же оттолкнет от себя? Может быть, у нее есть любовник? Моя неуверенность все возрастала, оборачиваясь чудовищной ревностью, сколько бы я ни твердил себе, что прекрасная дама не давала мне ни малейшего повода рассчитывать на ее благосклонность, а лишь помогла мне спастись от смерти. Уже засыпая, я твердо решил, что я должен во что бы то ни стало разузнать, кто он, таинственный мой соперник. Быть может, сам герцог Критский? Какие безумные, право, мысли приходили тогда мне в голову! Но даже эти тревожные размышления не смогли разогнать одолевавшую меня сонливость. Вскоре я услышал собственное сопение, а затем погрузился в тяжелый сон, поначалу — без сновидений. Помню, когда я проснул-

ся, в комнате было сумрачно. Небо за окном уже потемнело. Потом я снова заснул, и на этот раз мне привиделись сны — самые дикие, самые ужасающие кошмары, которые мне доводилось когда-либо переживать. Омерзительный ужас не шел ни в какое сравнение с предыдущими страхами, мною испытанными. Видения, что осаждали меня, были совсем не похожи на прежние сны, которые мог я припомнить. Коварные воплощения зла и какие-то злобные твари, необычайно уродливые ползучие гады подстерегали меня во тьме, хихикали, фыркали. А когда я оказался в...

Потусторонняя свора, они выжидают удобного случая, чтобы наброситься на меня и пожрать мою душу, разорвать меня на куски. Я бродил по тоннелям, которым нет ни конца, ни начала. Где-то пыхтел, задыхался. Зверь. Он топтал копытами землю и бил по стенам тяжелыми кулаками. Может быть, он и есть — Сатана? Вот он вздымает теперь каменную булаву. Он — Бык, Телец. Он — Телец, и его ярость нацелена на меня. Я обнажен и беспомощен. Я — дитя. Девочка. И выбор мой: либо повиноваться Тельцу, либо погибнуть. Но и повинуясь ему, я погибну.

Я проснулся, дрожа в леденящем ознобе, покрытый испариной. Все простыни были пропитаны моим потом. Ничего еще не соображая со сна, я дернул шнурок колокольчика. Но на вызов пришел не слуга. Пришла Ульрика. Увидев лицо мое, тело мое, сотрясаемое мелкой дрожью, она не на шутку перепугалась. В голове у меня все еще звучали голоса. Злобные твари переговаривались между собою тоном ученых старцев, завидующих моей жизненной силе, жаждущих моей молодости. *Ну вот,* слышал я явственно, словно бы говорящий

стоял у меня за плечом, *я же вам говорил, что он поведет себя именно так. Я вас предупреждал.* Я развернулся, но за спиной у меня не было ничего, только распахнутое окно. Ульрика закрыла его и зажгла свечи. Она хотела сделать как лучше, но дрожащий желтый свет отбрасывал тени, мечущиеся по комнате, и тени эти меня настораживали... пугали... Я попытался взять себя в руки — успокоиться самому и не пугать еще больше Ульрику, которая и так уже разволновалась.

— Что с вами, капитан фон Бек? У вас, может быть, малярия? Другой друг моего отца, который приехал из Индии, тоже сейчас разболелся.

— Дурной сон, дитя. Я здоров. Просто обычно меня не мучают во сне кошмары, вот я и переполошился.— Я выдавил хриплый смешок, но жалкие попытки мои изобразить беспечность не произвели на нее впечатления.

— Но ведь здесь, в Майренбурге, вам ничего не угрожает, да, сударь?

— Ничего.— Улыбнувшись, я поклонился ей.— Благодарю вас, фрейлейн Ульрика, что вы так быстро пришли. Прошу простить меня за мою глупость.

Ее личико оставалось серьезным.

— Здесь, с нами, вы в безопасности, сударь.

— Я знаю. И все же спасибо на добром слове. И за компанию тоже. Прошу вас, останьтесь еще на минутку, пока я окончательно не приду в себя.

Я вновь попытался рассмеяться, но у меня ничего не вышло. Невозможно было притворяться под ее пристальным испытующим взглядом, выражающим искреннюю тревогу. Через минуту кошмарные видения постепенно изгладились из моей

памяти, отступили. Тени, разбросанные по комнате, стали просто тенями, — обычным отсветом дрожащего пламени свечей. Встретившись взглядом с Ульрикой, я улыбнулся, и на этот раз она улыбнулась в ответ.

— Все прошло,— кивнул я и еще раз поблагодарил ее.— Просто легкое нервное возбуждение. Усталость с дороги.

— Тогда, сударь, я могу возвратиться к своим обязанностям.

А мне даже и в голову не пришло, что я отрываю ее от дел!

— Ну конечно. Еще раз прошу прощения.

Видимо, все тревоги и лихорадочные мечтания последних дней отпечатались в моем сознании гораздо глубже, чем я предполагал, и прорвались теперь наружу — все разом — бурлящим напором, которому воображение мое придало причудливый облик леденящего душу кошмара. За время своих многочисленных похождений я узнал, что страх — это одно из тех переживаний, которые поглощают всякий мысленный образ и перекраивают его по-своему. И чем упорнее ты отказываешься проникнуть в истинные источники страхов, тебя донимающих, и признаться себе, что они существуют, тем верней подпадешь под власть беспричинной паники. Однако образ ужасного зверя — Тельца — заинтриговал меня. Он мог быть лишь Минотавром, а я, стало быть, исполнял роль Тезея в Лабиринте. Я так много думал о герцогине, что разум мой, без сомнения, выдал мне самые что ни на есть прозрачные ассоциации с Критом!

Когда Ульрика уходила, я попросил ее передать Шустеру, что я скоро спущусь и присоединюсь к их семейному ужину. Потом я первым де-

лом умылся и, усевшись на край кровати, попытался докопаться до истоков привидевшегося мне кошмара. Одно было ясно: я боялся той власти, которую получила надо мной Либусса. Я боялся уязвимости своего положения. Не уподобляюсь ли я в одержимой своей зависимости курильщику опия, который не может прожить и дня без своего драгоценного зелья? Тут мне в голову пришла еще одна мысль: *может, дурманящее снадобье обратится в противоядие?* Так нам подсказывает здравый смысл. Быть может, преследуя Либуссу, я поступаю неправильно. Не похож ли я в устремлении своем на какого-нибудь пропойцу, который только и твердит, что о своем твердом намерении бросить пить, заявляя при этом, что время от времени он просто обязан наведываться в кабак чтобы разобраться, какой именно сорт вина ему более вреден? В общем, я пришел к выводу, что мне нужно сдержать себя и оставить погоню за женщиной, которой — и это вполне очевидно — я вовсе не интересен, иначе она бы давно уже разыскала меня или как-то дала о себе знать.

К тому времени, как я завершил свой туалет, я преисполнился твердой решимости забыть ее. Я решил обратить все свои помыслы к своим первоначальным планам. Если я так уж жажду плотских утех — к моим услугам все бордели Майренбурга. Но все же я был влюблен — и я это понимал. Пусть даже природа любви моей оставалась пока для меня непонятной. Придется мне как-то смириться с печалью и призвать в утешение весь свой былой цинизм. И чем быстрее, тем лучше. Мне сейчас нужно найти что-то такое, что заняло бы мой разум и, если получится, и эмоциональную сферу тоже. Затеять какое-нибудь деловое предприятие. Поста-

вить себе задачу и добиваться намеченного, не сходя с выбранного пути. А сегодня я одолжу денег у Шустера и отправлюсь ночью в бордель. Я знал тут один. Там я освобожусь от пут Эроса.

Шустер, как я и предвидел, охотно ссудил меня деньгами. Сразу после ужина, уточнив адрес, я отправился вкусить наслаждений, которые предоставлялись любому желающему изобретательными девицами из заведения миссис Слайней. Но в этот вечер случилось еще одно совпадение. И произошло оно как раз в тот момент, когда я, истощив свою похоть, выбирался из отдельного номера наверху, держа в охапке одну половину одежды и путаясь на ходу во второй. Заведение это занимало высокое, но узкое здание, и мне пришлось отступить, вжавшись в стену, на крутой лестнице, чтобы пропустить господина, поднимающегося наверх.

Он отвесил мне замысловатый поклон и широко улыбнулся. Я не сразу узнал его в этом сумрачном свете, но уже через мгновение я вернул ему и учтивый поклон, и улыбку, ибо навстречу мне поднимался не кто иной, как Сент-Одран, разряженный в золотистые шелка и черные ткани. Волосы его были слегка припудрены и стянуты на затылке в косицу. Аристократические черты выражали высокомерную, но в то же время и очаровательную надменность, а глаза были подернуты этакой ленивой поволокой. Он мог бы достойно соперничать с самим Казановой!

— Сударь! — воскликнул он.

— Сударь! — отозвался я.

— Кажется, сударь, мы поселились в одном заведении. Я приехал сегодня вечером, а вы как раз только что вышли.

— Это хозяин вам подсказал, где меня разыскать?

Признаюсь, бестактность Шустера меня удивила.

— Вовсе нет, сударь. Я сам частенько захожу сюда поразвлечься.

— У вас, сударь, отменный вкус.

— Благодарю вас. Ну...— Тут он помедлил, левой рукой опершись о перила, а правую поднеся к подбородку.— Мне наверх.

— А мне вниз.

— Надеюсь, сударь, вы подумаете над моим предложением объединить наши силы и средства,— сказал он, когда мы поравнялись.— Раз уж наши орбиты то и дело совпадают, все, что нам с вами нужно, это одна на двоих карета или хорошая лошадка.

Я улыбнулся удачной его шутке, давая легким кивком понять, что по достоинству оценил ее.

— Подумайте, сударь, прошу вас.— Он прошел в верхнюю комнату. Дверь закрылась за ним, скрыв его фигуру в золотистых шелках.

Встреча наша — подумать только, что за совпадение! — доставила мне несказанное удовольствие. Возможно, Сент-Одран — это сам Дьявол, но компания его обещает много удовольствий. А партнерство, которое он предлагает, пожалуй, наиболее подходящий способ отвлечься от моей страстной одержимости герцогиней.

Я вернулся к «Замученному Попу», наняв карету. И всю дорогу насвистывал, пребывая в самом что ни на есть замечательном расположении духа.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Я начинаю свою деловую карьеру. Перспективы развития военно-воздушного флота. Приближение нового века и наши планы, о том, как использовать это событие с выгодой для себя. Постепенно наш капитал растет

На следующее утро, когда я завтракал в общей зале, в пивную вошел Сент-Одран. Одет он был в домашний халат из голубой ткани, доходящий ему до пят, китайский парчовый картуз и восточные шлепанцы. В этом одеянии он походил на преуспевающего могола, который вернулся из дальних странствий домой владельцем несметных богатств. Манеры его,— манеры приятного во всех отношениях анг-

лийского денди, — весьма подошли бы какому-нибудь обаятельному, но не испорченному излишнею образованностью завсегдатаю салонов Уайта или Гусетри, закадычному другу принца-регента. Мне доводилось уже встречаться с людьми этого типа и их колониальными подражателями. Я давно научился тому, что не стоит недооценивать этих английских денди, поскольку за напускным их фатовством, выдающим на первый взгляд перманентную скуку и глупость, часто скрывался острый ум и непоколебимое мужество. В Америке таких людей шутливо прозывают «франтишками» из-за их пристрастия к континентальной моде. Даже сам Вашингтон в чем-то придерживался этого щегольского фасона.

Итак, благоухая лавандовой и розовой водой, Сент-Одран вышел в общую залу, где фрау Шустер подавала горячий шоколад, сыр, ветчину, жареные колбаски, вареные яйца, имбирные пряники и прочую снедь, какую только не пожелаешь. Сент-Одрану хватило воспитанности воздержаться и не заказывать одно из тех блюд, при помощи которых Англия обеспечивает своим солдатам непреходящее скверное настроение, призванное возбудить их боевой дух. Например, крепкий мед, который пили перед сражением воины древней Скандинавии — неистовые, бесстрашные и неуязвимые на поле брани. А англичане, насколько я знаю, едят для сих целей разваренную рыбу и какое-то острое блюдо из овечьих потрохов. Это гарантирует им несварение желудка и, как следствие, постоянную раздражительность. Англия завоевала полмира исключительно благодаря своей отвратительной кухне.

Новый мой друг представлял собой настоящую ходячую энциклопедию всяких учтивых поклонов,

любезных слов и изящных жестов. Вот он ослепительно улыбнулся, вот кивнул мне и Шустеру, вот расшаркался перед хозяйкой и девицами, отвесил им общий поклон и, усевшись напротив меня за стол, весьма похвально отозвался о трофеях герра Шустера и об акварельных пейзажах, что висели по стенам. Как выяснилось, их написала сама Ульрика. Я поинтересовался, не являются ли места, изображенные на картинах, как и представленные военные реалии, чем-то памятным и дорогим. Когда же старый сержант пустился в пространные воспоминания, Сент-Одран слушал очень внимательно, выражая всем своим видом самый искренний интерес.

Потом он заметил, что странствия Шустера и боевой его опыт весьма и весьма впечатляющи.

— Как я понимаю, большинство вальденштейнцев предпочитают не выезжать без особой нужды за пределы своего графства, может быть потому что они заранее знают: остальной мир, бесспорно, не столь совершенен, как родимый их край.

— Совершенство, герр шевалье, наводит скуку,— Шустер с охотой подхватил эту тему.— Жить, зная все наперед, в довольствии и покое, не испытывая никаких неудобств, я уж не говорю о каких-то серьезных опасностях — такая жизнь весьма дурно влияет на человека, лишая его сил и воли. Мы, майренбуржцы, наоборот, посылаем сыновей за границу так часто, как только средства и обстоятельства позволяют. А дочерям мы стараемся дать по возможности самое лучшее образование. Мы, конечно, гордимся традициями, но в самодовольстве таится немалая опасность. Так что мы уж пытаемся избегать нездорового консерватизма. К счастью, поскольку население города нашего пополняется непрестанно выходцами из-за границы... да и мно-

гие майренбуржцы расселились по всей Европе, нанявшись на службу в других государствах... наша, как говорится, «порода» остается вполне здоровой. И еще у нас есть своя армия, достаточно сильная и обеспеченная. Содержат ее исключительно для защиты, и состоит она из таких же, как я, солдат, которые повидали войну во всех ее злобных, уродливых формах и поэтому не позволяют ей разгореться на этой земле. Мы не ввязываемся ни в какие войны других государств. Ни один из потенциальных наших неприятелей не посчитал экономически выгодным нападать на нас. И в то же время все они знают, что и с нашей стороны для них нет никакой угрозы. Пока никто нас не трогает, мы никого не трогаем.

— Истинное торжество Разума,— вставил я полушутя.

— Государство, кое держится на подобных разумных основах, служит примером для целого мира,— изрек шевалье.— Удивительно только, что почему-то никто не торопится последовать этому примеру. Возьмем ту же Англию!

— Мне кажется, сударь, все дело в размерах,— высказал я свое предположение.— Вальденштейн — идеальное государство, потому что оно идеальных размеров. А когда государство разрослось и стало, скажем, как родная моя Саксония, размеры диктуют не только условия распределения ресурсов, но и методы административного управления. Короли и правительства хотят с помощью завоеваний умножить богатства и обеспечить себе безопасность, но чем больше становятся их владения, тем сложнее управлять ими. Каждый вопрос надлежит урегулировать с этим, интересы одной стороны — согласовать с интересами второй и

третьей, а все это вместе ведет в нагромождению посулов и компромиссов. А вот в маленьком государстве и вопроса вообще не стоит о каких-то там компромиссах, а если вдруг и возникают споры, то их приветствуют, поскольку решение быстрее рождается в споре.

— То есть вы бы порекомендовали всякому большому государству разделиться на несколько малых? Повальное падение империй! — Сент-Одран грохнул свою чашку с шоколадом о блюдечко и покачал головой.— Это ознаменовало бы конец всей нашей цивилизации.

— Или конец кровавым сражениям за территории,— вставил Шустер.

— Только этого никогда не случится,— подытожил я.— Назад уже не повернешь. Для подобного шага нет ни соответствующего желания, ни надлежащих амбиций, ни необходимых материальных предпосылок. А поскольку прогресс человечества, поиск Разумного и Справедливого отождествляются в общественном сознании с постоянным присоединением территорий, мы, даже зная решение, должны будем признать, что пока человечество следует нынешней логике — а подобное состояние может оставаться неизменны еще очень долго,— оно никогда не разрешит своих проблем. А вследствие этого неправедные мерзкие деяния, совершаемых человечеством, будут длиться нескончаемо. А мы станем праздновать завоевание новых колоний и состязаться друг с другом, пытаясь раскрасить карту мира в свои собственные цвета. Что сейчас происходит в Америке? Едва сбросив иго имперского правления, республиканцы тут же установили правление силы и истребляют «ружьем и мечом» коренных жителей страны — индейцев. Какие-то детские игры в фан-

ты... только каждый выигрышный ход отзывался где-то гибелью тысяч людей и порабощением миллионов! Больше скажу: пока мы не перестанем судить о себе с позиций силы и могущества, женщины всего мира так и будут оплакивать своих мужчин, погибших в бою.

— Ага! — воскликнул с восторгом Сент-Одран.— Потом лицо его вдруг омрачилось. Он, без сомнения, задумался о родных своих вересковых пустошах.— Но, сударь, как бы там ни было, все равно никого в Англии не убедишь в правоте ваших доводов.— Он тяжело вздохнул и вдруг выскочил из-за стола.— А если попытаешься воплотить все это в жизнь, как шотландцы полвека назад, так тебя назовут предателем, мятежником и еще кем похуже. Тех, кто пошел за тобою, подвергнут пыткам и казнят. В лучшем случае, отправят в изгнание. А женщины, сударь... с ними обращаются еще гаже. Женщины, дети... грубая солдатня травит их, словно дичь, потехи ради. Их насилуют и калечат, убивают, обрекают на голодную смерть. Ваши дома выжигают дотла. Я вовсе не защищаю Стюартов, но имя Карла Эдварда для меня навсегда уже связано с Нортумберлендом. Красивыми словами битву не выиграешь. Там была гора трупов, у Каллодина... и все равно безоружные мальчики шли на английские ружья. И принц Карл виноват в смерти их точно так же, как и остальные, затеявшие ту бойню.— Сент-Одран так распалился, что позабыл о манерной медлительности, присущей его речи, и, хотя говорил он, понятное дело, на немецком, теперь в произношении его явственно проступал переливчатый акцент Ирландии. Наконец, он сел на место, обмахнул лицо длинным рукавом своего халата, всплеснул руками и очаровательно улыб-

нулся.— Прошу прощения.— Самоуничижительный поклон, адресованный дамам, легкий наклон головы — нам с Шустером. А потом беспечная изящная легкость вновь вернулась к шевалье.— Вот проклятие! Но так уж устроен мир: большой кормится за счет малого, сильный — слабого, и не нам подвергать сомнению волю Господа нашего и милосердие Его.— Теперь в тоне его явственно слышалось некая насмешливая монотонность, словно бы он передразнивал какой-то параграф из детского учебника по Закону Божьему. Шевалье улыбнулся и положил в рот кусочек сыру.— Погожий сегодня денек, замечательный.

— А что ваш воздушный корабль, герр шевалье? Не намерены ли вы сегодня подняться в воздух?

Мне не терпелось подняться в небеса. Это приключение наверняка развлекло бы меня и помогло окончательно прийти в себя, к чему я весьма и весьма стремился, поскольку непрошеный образ — госпожи моего сердца вновь вставал перед мысленным взором моим, грозя поколебать мою решимость. Посетив бордель, я добился лишь того, что тело мое приготовилось и теперь жаждало истинного наслаждения, которое я мог познать лишь в общении с Либуссой. Я до сих пор был уверен в том, что час, проведенный с нею, будет прекраснее стократ целой ночи в жарких объятиях весьма искусных потаскушек из заведения миссис Слайней. Иными словами, то направление, которое принимали теперь мои мысли, грозило опять завести меня в западню, но Сент-Одран очень вовремя заговорил:

— Я уже все устроил. Сегодня я подниму в небо свой шар. Местные власти не возражают. Так

что в два часа пополудни я представляю свой «Монгольфье» на Малом Поле... знаете? Публичный сад сразу за Западною Стеною, у Мирошних Ворот. Я хочу продемонстрировать «ограниченный» подъем, или подъем «на привязи».

Таким образом, Сент-Одран спас меня от болезненного самокопания.

— Весь Майренбург увидит, как наш корабль поднимается в воздух,— продолжал он, сопровождая свои слова грациозным взмахом руки.— И общественность будет знать , что мы серьезные аэронавты. Пробный полет послужит верительной грамотой. А если нас примут достаточно благосклонно, тогда уж нам без труда удастся заинтересовать богатых горожан нашим проектом по учреждению Компании, каковая займется строительством нового корабля, больших размеров.

— Герр шевалье,— заговорил я, позабавившись его речью.— Я ведь, насколько мне не изменяет память, не давал своего согласия?

С видом искреннего изумления он откинулся на спинку стула и схватился рукой за подбородок.

— Черт возьми, сударь! Я-то думал, что мы партнеры и ваше желание поучаствовать в демонстрации нашего корабля вполне очевидно.

— Но мы еще не заключили соглашения. Не оговаривали условий.

— Верно, сударь. Но я полагаю, мои предложения вам известны.

— Вы говорили мне о своих планах еще в Хакмесшерском ущелье.

— И вчера ночью на лестнице.

— Всего лишь пару слов, сударь.

— Я предлагал объединить наши силы и средства.

— Да, вы намекали о чем-то подобном.

— Вот я и подумал, что все уже решено...

Тут я рассмеялся.

— Боже мой, Сент-Одран, я знаю всю подноготную ваших трюков, но они все же имеют успех. И, признаюсь вам, я обдумал ваше предложение и решил, что оно мне подходит. Так что давайте, как говорится, ударим по рукам и тем самым скрепим наше соглашение.

Мы с ним свершили этот ритуал, и Сент-Одран просиял.

— Прежде всего, капитан, нам потребуется прибегнуть к вашему литературному дару. Нужен хороший текст для листовок, которые мы разбросаем с воздуха. Новые земли. Золото. Богатство, что само плывет в руки.— Он нахмурился.— Вот только я сомневаюсь, стоит ли сразу упоминать о ваших тайных навигационных картах. И о Граале. Это могут счесть ересью.

— Сударь, попридержите коней. Вы о чем говорите? Что-то я не пойму.

— Я говорю о фамильном предании рода фон Беков. О немалых деньгах, проистекающих из подобного смелого предприятия. И, разумеется, об уважении к имени фон Беков, небезызвестному и в Майренбурге, как вы должны уже знать. Имени, сударь, весьма почтенному и добропорядочному. Я бы сказал — безупречному.

— Сударь?

Он улыбнулся мне искренне и открыто.

— Что, сударь?

— Я правильно вас понимаю: вы намерены эксплуатировать мое родовое имя? Сент-Одран, вы слишком многого хотите. А что касается этой дурацкой легенды...

— Поскольку легенда дурацкая, то какой будет урон вашей чести, если вы ею воспользуетесь к своей выгоде?

— Вообще-то верно...— Я колебался.

— Но эту сторону дела мы можем обсудить и потом,— великодушно заметил он.— Сейчас нужно просто состряпать афиши, но с этаким поэтическим, знаете ли, размахом. А дальше уже поглядим, как пойдут дела.

Поскольку тут я ничего не терял, я согласился с этим его предложением.

Сент-Одран ушел в город. Но перед этим он оделся подобающим образом, и весьма, надо сказать, элегантно. Я же остался в «Замученном Попе», чтобы набросать текст для афишек, которые будут сброшены с борта воздушного корабля. Мне вовсе не требовалось изобретать какие-то особые изыски, однако я промучился целый час, выбирая между Зевсом и Юпитером,— кому из них быть номинальным возничим небесной нашей колесницы. В конце концов я отказался от них обоих и остановил свой выбор на Донаре как божестве, наиболее соответствующем местному нордическому климату, хотя можно было бы предположить, что свитавианские боги были еще даже суровее и мрачнее, поскольку происходили из славянских верований и имели имена типа *Граака* или *Кога.* Сержант Шустер проявил к нашей затее самый искренний интерес. Он спросил меня, видел ли я полеты парижских аэронавтов, и мне пришлось признаться, что я пропустил их все, хотя, разумеется, в ходе разыгравшихся там боев к услугам воздушных шаров прибегали не раз. Сам Шустер видел воздушный корабль в полете только однажды. Шар должен был совершить перелет из Зальц-

бурга в Базель, но ветер переменился. Аэронавтов нашли потом в болгарских горах. Разбойники растащили по кусочкам весь яркий шелк воздушного шара, да и сами аэронавты дрожали от холода, сидя в чем мать родила в своей корзине.

— Так что, выходит, познания в области отклонений течений ветра, кои даже коварней течений морских, могут весьма и весьма пригодиться.

Я согласился с его заключением. Но Сент-Одран, очевидно, придумал способ управления воздушным судном, пусть даже еще не успел его опробовать.

— Большой корабль, который мы думаем построить, будет снабжен необходимыми механизмами.

Тут я понял, что уже выступаю как этакий рупор идей британского жулика, а ведь я пока даже не знал, насколько небылицы, рассказанные Сент-Одраном, близки к реальности. И мне нужно было еще дождаться подходящего момента, чтобы это выяснить. К тому же я не мог особенно распространяться о планах шевалье, иначе бы вышло, что я предал его доверие. Так что я прикусил язык. Сержант Шустер, однако, не заметил в поведении моем никакой странности и принялся вслух рассуждать о том, что французский военно-воздушный флот может в любую минуту атаковать их город.

В то время все, разумеется, полагали, что французы стремятся стать Властелинами Воздуха, хотя при этом никто не имел ни малейшего представления о том, как вообще можно построить подобный воздушный флот и как, если он все-таки будет построен, противостоять ему. Мне пришло в голову, что мы с Сент-Одраном сможем неплохо сыграть на этих домыслах. Разве создание воздушного флота не сделает вечный Майренбург еще сильнее?

Сент-Одран вернулся из Статс-хауза в приподнятом настроении и продемонстрировал мне лицензию,— внушительный манускрипт, оформленный весьма красочно (пять цветов, включая и золотой), с добавлением печатей и каких-то непонятных значков — разрешение на демонстрацию нашего шара.

— Теперь,— сказал он,— нам осталось лишь сагитировать богатых бюргеров и собрать толпу любопытных горожан.

Я заметил, что на это у нас мало времени.

— Вовсе нет,— возразил Сент-Одран,— у нас есть чернила и кисти. Короткие объявления смотрятся лучше всего на стенах. Например, вот такое...— Он схватил перо и написал размашистым почерком с витиеватыми завитушками: *Сегодня на малом поле! Подъем воздушного корабля! В три часа пополудни!* Все — прописными буквами.— Напишите его столько раз, сколько сможете!

Через час у меня онемела рука, но зато на столе выросла стопка афишек — около сотни листков. Сент-Одран давно умчался на Малое Поле, чтобы приготовить все необходимое. Время близилось к полудню. Марта заварила нам огромную кастрюлю клею. С этой кастрюлей и стопкой афишек мы с верным Шустером вышли в город, где атаковали каждую свободную стену, которую только сумели найти. Церкви, школа, публичные здания — ничто не укрылось от нашего энтузиазма. В половине второго за нами неслась уже по пятам стайка уличных мальчишек, лишь на пару шагов опережая толпу любопытствующих горожан. Народу все прибывало. Мне, признаюсь, польстило подобное проявление внимания. Сент-Одран уже давно был на Малом Поле, и как только мы с Шустером завершили рабо-

ту, мы со всех ног помчались туда. В суматохе приготовлений полдня пролетело как-то совсем незаметно. Если бы только мне удалось поддерживать такой темп хотя бы в течение месяца, тогда я мог быть уверен: мысли о Либуссе уж наверняка прекратят искушать меня. Болезненная привязанность к ней была отвратительна мне самому. Она была просто-таки унизительна. В своей готовности бросить и честь, и достоинство, и амбиции в пламя бессмысленной страсти я уподобился какой-нибудь восторженной гимназистке, истомившейся в мечтаниях о мужчине, который первым запечатлит поцелуй на ее невинных губках. Но это неправильно. Так не должно быть. Мы с сержантом спустились по лестнице Младоты на Грюнгассе и понеслись со всех ног, точно какие-нибудь школяры на каникулах, по самой короткой дороге, по газонам, тенистым аллеям и закоулкам, к западным городским воротам, «Бычьим» воротам Аларика III, Воротам Мирожни, а оттуда уже вниз по склону холма туда, где пылала раскаленным рубином жаровня из железа и меди, где вздымались ввысь клубы дыма, а пламя ревело, точно глас дракона. Два паренька в шерстяных сюртуках, шляпах, выделанных из овчины, и плотных перчатках держали широкий медный обруч — «горлышко» купола шара,— подставляя его под поток горячего воздуха. Шелковая оболочка морщилась и пузырилась, медленно наполняясь. Наверху на городской стене уже толпился народ. Присутствовали все чины и сословия. Кое-кто из горожан позажиточнее прихватил бинокли, и их теперь быстро передавали по кругу.

Я умел обращаться с речами к подобным собраниям, но не привык к тому, чтобы меня разглядывали — точно какую-нибудь обезьяну на яр-

марке,— вот почему я немного смутился, не зная, стоит ли мне выступить с краткою речью или хотя бы поприветствовать публику. Но это, как я в конце концов рассудил, явилось бы вопиющей бестактностью, поскольку гвоздем представления был воздушный шар, выпестованный, если так можно сказать, и подготовленный Сент-Одраном. Сейчас шотландец следил, как шар наполняется горячим воздухом. Из толпы доносились возгласы. Горожане выкрикивали вопросы, выражая несомненное любопытство. Несколько мальчишек побойчее и непременные спутники их, собаки, отважились подойти поближе, но суровый Сент-Одран, напустив на себя важный вид, тут же прогнал их прочь. На другой стороне разрастающегося купола крепилась на прочных веревках разукрашенная кабина из дерева и плетеной лозы — позолоченная, увешанная разноцветными кистями по слегка поистертым бокам и оформленная в виде сказочного чудовища с головой, крыльями и хвостом. Это, без сомнения, был тот самый василиск, которого друг мой, Карсовин, видел над Прагой, но мне он больше напоминал грифона. Разукрашен он был весьма ярко, хотя местами краска облупилась. Он походил на те роскошные штуки, каковыми индийские принцы украшают свои алтари либо же водружают оные на спины церемониальных слонов.

Когда шар наполнился, Сент-Одран махнул нам с Шустером рукой, приглашая присоединиться к нему.

— Я весьма впечатлен, джентльмены, вашей сноровкой в области сбора почтеннейшей публики,— весело проговорил он, раздувая мехи под жаровней.

Пламя взметнулось с могучим ревом. Эта демонстрация показалась мне излишней, но привела

зрителей в бурный восторг. Они засвистели и захлопали в ладоши. Дыхание их разносилось в морозном воздухе облачками пара. Небо оставалось безупречно синим. Не было ни единого облачка, грозящего снегопадом. Неподалеку стоял выпотрошенный фургон Сент-Одрана. Его мулы тихонько щипали траву на лужайке. Фургон охраняли двое солдат из войска города Майренбурга. Они теребили свои мушкеты и приставали к шевалье с наивными расспросами.

Один из стражников этих — убежденный атеист и к тому же весьма шумный тип — пустился в пространные рассуждения о том, что обязательно нужно вычертить карты течений ветра, который, как известно, меняет скорость свою на различных высотах. Тогда люди смогут плавать по воздуху точно так же, как ездят по дорогам. Однако же основной темой его излияний оставался вопрос относительно Бога, пребывающего якобы в заоблачных высях... Если люди, поднявшись на летающих кораблях, не обнаружат на небесах никакого божественного присутствия, то изобличат тем самым вздорность религиозных доктрин, под тиранией которых человечество изнывает уже почти двадцать столетий.

— Вот почему церковь сейчас выступает за то, чтоб уничтожить все воздушные корабли,— заключил он.

Купол шара раздулся и заплясал беспокойно, наполняясь горячим воздухом. «Карлье», как объяснил Сент-Одран, несложно наполнить, и летать на нем очень просто, но «горючий газ», водород, который поднимает шар,— вещество опасное, поскольку воспламеняется от малейшей искры. Грифон рвался ввысь, натягивая веревки. Толпа зрителей, сгрудившихся на городской стене, среди которых

были и люди науки, и городские чиновники, взрывалась ликующими воплями всякий раз, когда шелковый купол вздрагивал, раздаваясь еще на один-два дюйма. Не хватало лишь муниципального оркестра и приветственной речи мэра! Зрители между тем все прибывали, располагаясь и на стене, из-за нехватки места, и у подножия ее. Зрители были всех мастей, от состоятельных дам в шляпках и кринолинах до капитанов речных судов в непромокаемых костюмах.

Эта капитанская братия явилась разом. Все как один пребывали в хорошем подпитии и делали вид, что сегодня у них законный выходной. Они запаслись, взяв с собой, по крайней мере, по одной бутылке джина или чистейшего спирта на брата. Солдаты городской гвардии с прохладцей взирали на веселых матросов, словно бы подстрекая их совершить некое антиобщественное деяние, но те лишь почтительно сняли шляпы и послушно уставились на разбухающий воздушный шар, причмокивая губами и тараща глаза столь комично, что даже Сент-Одран не выдержал и от души рассмеялся. Подняв глаза к шару, он склонил голову набок, прищурился, пробежал пальцами по тугому шелку, продолжая свободной рукой раздувать мехи. Наконец лицо шевалье озарилось довольной улыбкой. Либо течи, из-за которой он так волновался, не было вовсе, либо она была не такой уж значительной, чтобы вызывать какое-то беспокойство.

А народу все прибывало. Я даже начал подозревать, что в Майренбурге не так уж много развлечений для публики, как мне представлялось сначала. Я разглядел проституток из борделя миссис Слайней. Они смотрелись весьма респектабельно, как благородные дамы из *beau-monde*, в шляп-

ках с вуалями и дорогих шалях. Издали вполне они сошли бы за титулованных леди, если бы не смущенные взгляды некоторых джентльменов, которые трясли головами, когда жены их принимались настойчиво расспрашивать насчет этого необычного, прямо скажем, скопления дам, явившихся на люди без сопровождения кавалеров. Тут купол воздушного шара дернулся и, развернувшись уже окончательно, рванулся ввысь, но веревки, натянувшись как струны, сдержали его порыв. А под шаром качалась гондола, точно какой-нибудь мифический зверь, пойманный в сети.

Сент-Одран быстро проверил веревки, чтобы убедиться, что все они закреплены хорошо, и поклонился почтеннейшей публике на манер укротителя львов, завершившего благополучно какой-то особенно дерзкий трюк. Шелковый купол вознесся над моею головой, и я, подобно зрителям на городской стене, замер в благоговении. Я даже представить себе не мог, что на свете бывают вещи таких исполинских размеров. Шар сверкал в бледном свете зимнего солнца, переливаясь зелеными, алыми и золотыми бликами.

У меня было такое чувство, что я стал свидетелем подлинного чуда, и я проникся искренним уважением к Сент-Одрану, в котором увидел уже не очаровательного негодяя, надувающего доверчивых простаков, а инженерного гения, поскольку действительно очень немногим удавалось овладеть технологией, разработанной злополучными Монгольфье. Один из братьев был уже мертв к тому времени, а второй продолжал еще «наслаждаться» в застенках революционного правительства Франции, которое прочно связало его имя с королем, ибо Людовик покровительствовал братьям.

Потом меня вдруг переполнило чувство гордости за свой родимый край, тоже внесший свой вклад в осуществление этого чуда. Ведь Монгольфье всегда весьма высоко отзывались о работах Альберта Саксонского, монаха, жившего в XIV веке. Именно его трактат о воздушных полетах вдохновил их и побудил заняться собственными экспериментами в этой области. А с Альберта Саксонского, согласно семейным нашим преданиям, начался род фон Беков.

Сент-Одран весь извертелся. Он снимал шляпу, принимая аплодисменты зрителей, то кланялся по сторонам, то проверял механизм, то дергал колышки, за которые крепилась веревка, которая должна была удержать шар в полете. Наконец, он повернулся и подал мне знак.

В гондоле хватило бы места, как минимум, четверым, но Шустера мне соблазнить не удалось. Он лишь попятился, побледнев от ужаса. Я улыбнулся и, похлопав его по плечу, поспешил присоединиться к Сент-Одрану, который ждал меня у веревочной лестницы. Шотландец посмеивался, весьма довольный собою. Я с энтузиазмом пожал ему руку. Над головой у нас сверкал, стремясь вверх, шелковый купол. Колеснице Донара пора уже было отправляться в полет — встретить завтрашний рассвет!

Сент-Одран первым поднялся по раскачивающейся веревочной лестнице. Я последовал за ним, стараясь скопировать быстрые и проворные движения шевалье. У меня это выходило весьма неловко, но мне все-таки удалось не посрамить себя и, кое-как удержав равновесие, забраться в гондолу, которая, как мне представлялось, должна была походить изнутри на огромную лодку, качающуюся на волнах, но оказалась, на удивление, устойчи-

вой. Она вообще мало чем напоминала кабину воздушного корабля! Под сиденьем я заметил большую корзину с крышкой, какие обычно берут на пикник. Еще тут были книги в стеклянном ларе; какие-то научные приборы, пледы, стеганые одеяла, одежда, оружие — все содержимое, вероятно, его фургона, аккуратно уложенное и закрепленное. Когда я влезал, Сент-Одран отошел в дальний конец кабины, чтобы должным образом сбалансировать ее. Корма воздушного нашего судна снаряжена была огромным веслом наряду с внушительных размеров мехами и даже якорем, что придавало всей этой штуковине некое пародийное сходство с морским кораблем.

— Отпускайте! — крикнул Сент-Одран паренькам внизу, и я почувствовал легкий толчок, но — никакого ощущения полета, так что я рассудил, что мы пока еще не поднимаемся. И, только заглянув через край гондолы я увидел, как земля уносится вниз с ужасающей скоростью, тогда я понял, что мы возносимся ввысь, и, не сдержав изумления вскрикнул. Желудок мой взбунтовался, и меня чуть не вырвало. Но я быстро пришел в себя и уже мог смотреть вниз, не испытывая головокружения.

Минуты через две, когда шар наш поднялся на высоту в три сотни футов, мне открылся изумительный вид на городскую стену и улочки Майренбурга. Я видел белые лица людей — такие маленькие, если смотреть на них с высоты,— все запрокинутые к небу. Можно только представить себе, какое могущество ощущал бы человек, командующий большим кораблем, о котором мечтал Сент-Одран. С одной пушкой и командой удальцов на борту он смог бы добиться большего, чем иная армия. Тут мне пришла в голову мысль о воздуш-

ном пиратстве. Можно было бы захватить целый город подобно тому, как флибустьеры захватывают галеоны!

Быть может, это были греховные мысли, но, признаюсь, я ощущал себя полубогом, по меньшей мере, когда мы с Сент-Одраном стояли словно на балконе Дворца Небес, а снизу до нас доносился ликующий рев толпы. Ничто не может противостоять воздушному флоту, закрепившемуся на высоте и сыплющему бутыли, а то и целые бочки с порохом на крыши домов. Под предводительством нового Атиллы, какого-нибудь Бича Божьего, несущего миру огонь очищения,— который придет не с Востока, а из царства самих Небес,— мировая революция действительно станет возможной! Ибо вот оно — орудие неумолимого правосудия и неумолимого разрушения!

Мои раздумья много позже навели меня на мысль, что мой первый подъем на воздушном шаре — на высоту в триста футов, то есть, насколько позволяла длина веревки — помог мне впервые осознать в полной мере, что мир радикально поменял курс развития и теперь человеческие теории и мечты действительно могут воплотиться в реальность. И не умозрительным убеждением или же недостижимым образцом, а средствами техники и механики! Мы стоим на пороге нового тысячелетия, в котором господство наше над миром природы будет множиться и набирать силу. Погода и все элементы стихий скоро станут подвластны воле человека.

Опьяненный наплывом философских мыслей и острых ощущений, я помахал рукой этим маленьким, запрокинутым в небо лицам. Сент-Одран тем временем распустил разноцветные флаги, точно

какой-нибудь ловкий фокусник. Мне представлялось, что я — настоящий владыка воздуха, принимающий восхищение толпы. Восстань из мертвых сам Фредерик Прусский, сие чудесное воскрешение, я уверен, произвело бы на зевак меньшее впечатление. Я, поднятый в воздух, наслаждался отдаленными воплями ликования и был преисполнен незаслуженной, если по правде сказать, гордыни, в то время как я был простым пассажиром, с важным видом стоящим на деревянной платформе, которую подняли высоко в небо несколько квадратных ярдов шелка, горячий воздух и, что самое знаменательное, приложение научной теории, что зародилась четыре столетия назад. Я был весьма горд и доволен собою, точно символ (пусть — лишь для себя) грядущего завоевания, но не земель и народов, а нового мира. Хотя в то же самое время, глядя в ближайшее будущее, я видел несметные сокровища, монеты из золота и серебра, кои выплатят нам как дань. Нам, пророкам, предрекшим торжество грядущего века науки... Вот, облеченный такой ответственностью перед всем человечеством, я согласился участвовать в *жульничестве* и *обмане*, мошенническом трюке, дутом предприятии самого низменного пошиба! Кажется, я наконец-то открыл для себя секрет финансового процветания: как, сохраняя свои идеалистические устремления, без особенных противоречий с ними, заработать немалые барыши. Будущее не «Царством Природы Руссо» и даже не «Утопией» Пейна. Будущее создадут люди, которые трудятся в чугунолитейных цехах, отливая в плоти металла мечты Аркрайта, Смейтона, Уатта, Тревитика и остальных инженеров, которые станут для века грядущего, девятнадцатого, тем же, кем были для на-

шего восемнадцатого столетия Вольтер, Берк и Кант. Здесь я прервал размышления и обратился к своему ликующему компаньону с вопросам, когда мы собираемся возвращаться на землю.

Шевалье почесал затылок, осмотрел горизонт. Послюнявил палец, подставил его под ветер, шагнул к краю гондолы, неожиданно пошатнулся, отчего задрожал весь корабль, извинился, когда я вцепился в какую-то веревку, чтобы удержать равновесие, уставился задумчиво в темнеющее небо, осмотрел горы на западном горизонте, провел рукой по подбородку, нахмурился, поглядев на часы, потеребил пальцами ворот рубахи, постучал каблуком по доскам пола и пожал плечами.

— Все зависит от погоды.

Похоже, нам нужно было дождаться, пока воздух в шаре не остынет и мы не начнем постепенно снижаться. Шевалье, пребывающий в некотором недоумении, начал оправдываться в том смысле, что знает не один верный способ, позволяющий контролировать высоту воздушного корабля, но у него не было времени подготовить к сегодняшней демонстрации все необходимое снаряжение. Он также пообещал, что объяснит мне все это поподробнее, когда мы спустимся на землю.

Таким образом, мне выпал случай увидеть потрясающий заход солнца с борта воздушного корабля. В сумеречном небе чисто и ярко засияли звезды. Студеный ветер пригнал облака. Пошел снег. Постепенно, дюйм за дюймом, корабль наш опускался вниз... и вот мы выбрались наконец из гондолы и ступили на твердую землю, где нас встретили сержант Шустер, двое замерзших мальчишек, их шелудивый пудель, разобиженные солдаты, какая-то старуха, желавшая уступить нам по сходной цене амулет

против хищных птиц, и худой длинноносый клерк из компании Ойхенгейма, Плейшнера и Паляски.

— Мы едва не заиндевели, сударь,— проговорил шевалье, растирая руки.— У вас очень спешное дело?

— У нас адвокатская практика, сударь,— проговорил клерк, а когда Сент-Одран в недоумении уставился на него, поспешил пояснить: — Легальная практика, сударь. Закон, знаете ли. Мы — адвокаты!

— Ну да.— Сент-Одран прямо-таки агрессивно выхватил у него из рук визитную карточку и сощурился в бледном свете жаровни, огонь которой все то время, что мы провели наверху, поддерживался солдатами-стражниками, явно заботящимися о своих удобствах.— Слишком темно, чтобы читать. Судебный исполнитель, да? Вы нам оставьте карточку.

— Завтра в десять утра вас ждут, сударь,— пробормотал озадаченный клерк.— Насколько я понял, готовится весьма для вас выгодное предложение.

— Выгодное, говорите? — Манеры шевалье изменились мгновенно. Обняв нас с Шустером за плечи, он вперил задумчивый взгляд в кружевной силуэт Майренбурга. Луна поднялась уже высоко. Сент-Одран тихо шепнул мне: — Клюнуло, я уверен. Вы только молчите.— А потом громко добавил: — Пойдемте, друзья, и отпразднуем наш успех чаркой вина.

Клерк, окончательно сбитый с толку, простонал из темноты:

— Так вы, сударь, придете?

Шевалье выдержал паузу. Он был напыщен и важен. Он был надменен.

— Хорошо. Стало быть, завтра. Но только в одиннадцать.— Казалось он читает нотацию невоспитанному ребенку.

— Да, сударь.

За спиной у нас купол воздушного шара, охраняемого теперь только мальчишками, качался, потрескивал и вздыхал, морщась и пузырясь, постепенно сдуваясь.

— Тут все дело в нагрузке и противовесах,— пустился вдруг в объяснения Сент-Одран,— да и в обычном балласте тоже. Если бы шар у нас был побольше или, к примеру, гондола была металлической, то нам бы пришлось брать с собою жаровню и подкачивать в шар горячий воздух по мере надобности... понимаете, чтобы удерживать его в воздухе. Но сегодня в том не было необходимости. Мы просто поднялись, для облегчения использовали балласт, а потом, когда воздух остыл, опустились. Ну что вы скажете, фон Бек? Вам понравилось? Мы будем сотрудничать?

— Мы уже все решили, сударь. Но я, признаться, до сих пор еще не пойму, чем я могу быть полезным для вашего предприятия.

— Полезным? Черт возьми, да вы просто незаменимы! Кто даст наличные деньги вперед какому-то там шотландскому солдату? Но саксонец... к тому же, фон Бек... это же совсем другое дело.

Мы вернулись в «Замученный Поп». Пока сержант Шустер ходил объясняться с супругой по поводу своего продолжительного отсутствия, мы с Сент-Одраном уселись у камина, раскурили по трубочке замечательно табака и, выставив ноги поближе к огню, продолжили разговор о наступлении нового века и о способах обогатиться в связи с этим знаменательным событием.

После ужина мы немедленно разошлись по своим комнатам — отправились спать. Я спал как убитый и проснулся лишь перед рассветом, разбуженный шумом, что доносился с площади Младоты. Встав с кровати, я подошел к окну, погасив предварительно лампу, которую, засыпая, оставил горящей. Сквозь стекло я разглядел пустынную ночную площадь. В бледном свете луны мне представилась еще одна сторона майренбургской жизни. Две темные фигуры прошли быстрым шагом с восточного угла площади в западный. У обоих мужчин были шпаги, а их манера придерживать на ходу ножны изобличала людей военных. Парочка эта, без сомнения, направлялась на дуэль. Скорее всего, к мосту Радоты — традиционному месту для таких столкновений. Признаюсь, я позавидовал этим двоим. Их конфликт разрешится так просто, за какой-нибудь час или два, и обжалования не случится.

За окном плясали снежинки, а из-за темной линии остроконечных крыш уже пробивались бледные лучи рассвета. В окно сквозило. Зимний холодный ветер старался пробраться в комнату... Я поспешил вернуться в постель. Какое-то время я лежал без сна, погруженный в меланхоличные грезы и драматичные измышления — закономерное следствие моей суетности и тщеславия. Как я томился желанием вновь увидеть Либуссу!

Наконец, потеряв всяческое терпение, я снова встал, торопливо умылся, оделся, спустился на кухню и, точно домашний кот, устроился рядом с теплою печкой в самом тихом уголке, чтобы не смущать своим присутствием прислугу и фрау Шустер. Обычно я появлялся часа на два позже, меня не привыкли здесь видеть в такую рань. Я попросил

только чашку подогретого молока и бокал бренди, объявив, что у меня страшно болит голова.

Я сидел и наблюдал за людьми, которые занимались повседневной работой, разжигали огонь в печах, готовили завтрак, чистили то, что должно быть как следует вычищено на процветающем и приличном постоялом дворе, составляли длинные списки того, что надлежит закупить. Они все делали ловко и весело, и я вдруг почувствовал себя оторванным от простой повседневной жизни. Я позавидовал их очевидной безмятежности. Вся моя юность прошла в служении делу просвещения (за исключением лет, проведенных в России). Я посвятил себя политике и войне — «всеобщему благоденствию»,— я оказался неподготовленным, даже где-то наивным, в любом вопросе, касающемся повседневных дел, которые этими женщинами воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Есть что-то гипнотическое для человека в великих замыслах, может быть потому что они позволяют отвлечься от повседневных драм, каковые уже начинают казаться мелкими и незначительными. Я представил себя на месте Ульрики Шустер. Будь я ею, разве я испытал бы хоть половину всех разочарований, что уготованы человеку жизнью? Разве стал бы я терзаться чувством обиды и негодования? Размышления эти, хотя и помогли мне немного приободриться, боли моей не уняли.

Наконец и Сент-Одран спустился вниз. Одет он был как зажиточный егерь или провинциальный землевладелец, в зеленый охотничий костюм, бурого цвета камзол и высокие ботфорты с отворотами. В точно таком же костюме батюшка мой захаживал в гости к местному пастору по будним дням. И действительно, как признался мне шева-

лье, он оделся подобным образом для того, чтобы видом своим произвести впечатление скромного аристократа и землевладельца. У Сент-Одрана, как я уже убедился, был прямо-таки выдающийся актерский дар. Он держался всегда в соответствии с тою личиной, которую надевал на себя. Заметив мое изумленное выражение, он улыбнулся.

— Мне потребуются только услуги плотника и кузнеца, но нужно как-то склонить богатеев к тому, чтобы они открыли мне кредит. А почтенному землевладельцу кредит откроют скорее, чем какому-то хлыщу в щегольском одеянии.

— Стало быть, имя фон Бека пока не понадобится.

— Еще как понадобится, но злоупотреблять им мы не будем.— Тут шевалье подмигнул.

— То есть, как я понимаю, мне нету надобности идти сейчас с вами.

Он покачал головой.

— Вы займетесь другим, друг мой, а именно: подготовкой проспектов нашей компании. Нужно, чтобы все звучало.— Он вытащил из кармана какие-то свернутые в трубочку бумаги.— Вот тут у меня все заметки о воздушном военном судне со всеми подробными характеристиками. Просто перепишите, только корабль пусть будет торговым. Добавьте немного литературных красот и фантазии. В общем, займитесь, пока я буду улаживать все дела. А в одиннадцать встретимся у адвокатов на Кенигштрассе.

— Вы хотите, чтобы проспекты были готовы к одиннадцати?

— Уж сделайте мне одолжение.— Быстренько опрокинув рюмку горячего грога — необходимая подготовка перед выходом на улицу, Сент-Одран

поднялся из-за стола, сгреб в охапку свой теплый плащ, трость, перчатки и широкополую шляпу.— Я хотел бы сегодня же отдать их в печать, чтобы завтра мы взялись за дело. Оденьтесь так, как сочтете нужным. Поскольку вы происходите из старинного рода, вам позволительны всякие модные новшества. Мы же... из новой, так сказать, буржуазии... не имея возможности апеллировать к древнему имени, вынуждены следить за тем, чтобы камзолы наши отдавали классической древностью! — Заговорщически мне подмигнув, Сент-Одран вышел на улицу...

Поздоровавшись с Шустером, я вернулся к себе наверх. На лестнице я повстречал Ульрику. Она любезно со мной поздоровалась и справилась, намерен ли я утро сегодняшнее провести у себя. А когда я ответил ей, что собираюсь писать, она сказала, что сейчас же растопит печь у меня в гостиной, не то придется мне думать и одновременно стучать зубами — уж слишком сегодня холодно. Меня очень тронула ее заботливость. Интересно, что бы я делал здесь, в Майренбурге, один, без друзей, одержимый герцогиней.

Нежась в тепле от растопленной печки, я без особенного труда сотворил следующий опус:

ВОЗДУШНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ.
НОВЕЙШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОЛУМБОВ

По сообщениям английской прессы, возвращение выдающегося аэронавта, ле шевалье Колина Джеймса Чарльза Гордона Ковье Лохорка Сент-Одрана, дворянина Шотландии и Люксембурга, подвизавшегося до недавнего времени на службе у императора Пруссии Фредерика, после продолжительного его отсутствия в экспедиции, совершенной им на борту летающей шхуны «Данос», отмече-

но было великою радостью в Лондоне и Эдинбурге. Доклад шевалье Королевскому Обществу Научных Исследований в Гринвиче целиком посвящен был новым землям, которые он открыл за антарктическим континентом, и поразительному разнообразию обнаруженных им существ и туземных народов, до той поры еще не известных миру. В конце доклада шевалье предъявил уважаемому собранию привезенные им образцы драгоценных камней уникальных размеров и чистоты. Представленные каменья были переданы впоследствии доверенным лицам короны. По сию пору экспертами не определена ценность их в денежном выражении, поскольку до сих пор подобных сокровищ никому еще видеть не приходилось.

Шевалье де Сент-Одран — герой Ост-Индийской кампании, кавалер ордена Святого Леопольда — уведомил королевское Общество о своем намерении учредить воздушно-навигационную компанию с целью снаряжения большого летающего корабля, чтобы осуществить продолжительную экспедицию в открытые им новые земли и вернуться с образцами флоры и фауны, равно как и образцами различных полезных руд и минералов, которые он видел своими глазами в изрядных количествах.

КОРРУПЦИЯ В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Сей благородный прожект, однако, оказался под угрозой срыва, поскольку правительство Англии заявило — невзирая на гневный протест самых широких слоев общественности,— что половину всякого груза, доставляемого для подобного рода исследований, забирает Корона. В результате шевалье де Сент-Одран отбыл из Англии на своем воздушном корабле. Ходят слухи, что он отпра-

вился в свое африканское поместье, куда можно добраться только по воздуху.

ЦЕЛЬ ВИЗИТА ЕГО В МАЙРЕНБУРГ

Накануне отъезда из Англии шевалье выразил надежду встретить больше доверия и меньше алчности у жителей континента. Также он заявил о своем намерении посетить просвещенный город Майренбург, столицу Вальденштейна, чьи жители славятся своею щедростью и любознательностью и где он ожидает добиться большей заинтересованности в учрежденной им

ВОЗДУШНО-НАВИГАЦИОННОЙ КОМПАНИИ

Признаюсь, я был весьма своим горд литературным измышлением. В последние годы я не писал ничего, кроме речей, и их высокопарная риторика, как неожиданно выяснилось, подходила вполне и для коммерческого объявления. Во времена Революции и разлада, продолжал размышлять я, человеку, владеющему капиталом и желающему мудро им распорядиться, выгоднее всего вложить свои средства в исследование новых далеких земель, где рьяные радикалы еще не устроили жизнь по-своему.

«Шевалье де Сент-Одран владеет картами земель, еще не обозначенных на привычном глобусе, составленными как им самим, так и другими исследователями. Он намерен построить большой воздушный фрегат, оснастить его вооружением новейшего образца, собрать команду из бывалых солдат с уживчивым нравом и, отправившись к этим землям, объявить их собственностью Компании или любой страны, которая выделит средства для снаряжения такой экспедиции. Всякое лицо или группа лиц, пожелавшие финансировать упо-

мянутую Компанию, заслужат тем самым почет и славу как учредители одного из благороднейших предприятий современности — дерзновенного и рискованного,— и, больше того, у них будет реальный шанс обогатиться, ибо прибыль превысит во много раз первоначальные их вложения».

Я сотворил еще пару пассажей в подобном духе, сослался на уже готовые, превосходные чертежи фрегата с овальным куполом и деревянным корпусом, который будет оборудован системой парусов и воздушных весел, равно как и усовершенствованным балластом.

«Настоящим директором учреждаемой Компании,— продолжал я,— является рыцарь Манфред фон Бек, происходящий из древней и благородной саксонской фамилии, имя которой на протяжении многих веков связывалось исключительно с предприятиями стабильными и заслуживающими безоговорочного доверия. Приключения его во Франции, где рыцарь фон Бек нашел в себе мужество открыто выступить против Робеспьера и бросить вызов толпе, защищая приговоренного короля и его семью, получили теперь широкую известность. Упомянутые события и побудили Манфреда фон Бека обратиться в исканиях своих к новым колониям, где не должны повториться ошибки прошлого. Дабы удостовериться в безусловной честности шевалье де Сент-Одрана, рыцарь фон Бек лично сопровождал исследователя в последней его экспедиции в земли, не знающие ни разладов, ни бедствий, которые шевалье де Сент-Одран назвал «Квази-Африкой». Рисунки в бортовом журнале сделаны были рукой самого фон Бека, и представляют они удивительный мир тропиков во всем многообразии минеральных, растительных и

животных форм. Имеются также изображения туземцев, людей приветливых и радушных, чье одеяние состоит лишь из замысловатого головного убора и набедренной повязки, усыпанных изумрудами, алмазами и сапфирами. Целые россыпи этих драгоценных камней без дела пылятся в одной долине, расположенной милях в двух от столицы туземцев. Что же касается жизни растительной и животной, поражающей, как отмечалось уже, многообразием форм, то большинство растений пригодны в пищу, а животные в массе своей неопасны. Самого крупного, некую разновидность страуса с разноцветными перьями, туземцы используют для того, чтобы возить колесницы и тянуть плуги на пашнях. С тою же целью приручают они и зверей, обликом походящих на оцелота, а мехом — на горностая, но с розоватым оттенком».

Опасаясь зайти слишком уж далеко, я придержал буйный полет фантазии и заставил себя остановиться. Часы на Соборе как раз отзвонили десять. Выбрав самые чистые копии, я свернул свои манускрипты, перевязал их лентою, надел пальто и отправился в адвокатскую контору, расположенную на Ралоской авеню, завернув по пути к портному, где заказал себе новый костюм. Головокружительные посулы сочиненного мною проспекта, кажется, произвели впечатление и на меня самого.

У господ Ойхенгейма, Плейшнера и Паляски меня проводили в приемную, хорошо освещенную комнату с огромным окном, выходящим на шумную Фальфнерсалию. Река за нею была так запружена лодками, что вода едва-едва виднелась между бортами судов. Сдержанную обстановку приемной составляли несколько неудобных стульев с высокими спинками, карта Майренбурга, красующаяся на стене,

длинная, до блеска отполированная скамья, изразцовая — синяя с белым — печка, дающая экономное, если вообще не скупое тепло, и заключенный в рамочку под стеклом сертификат, удостоверяющий, что в 1732 году Исаак Ойхенгейм успешно выдержал высший экзамен перед Майренбургским Королевским Советом по праву и получил разрешение на практику. В комнате пахло воском и старым пергаментом. Фирма явно была богатой, с солидной клиентурой. На полу лежал дорогой турецкий ковер. Лакей в форменной ливрее справился, не нужно ли мне чего. Я сказал, что не нужно. Мне хотелось просто побыть здесь, подышать пылью богатства.

Вскоре лакей вернулся. Он сопровождал моего партнера. Сент-Одран выступал точно этакий занятой землевладелец, с превеликою неохотой приехавший в город по неотложным делам. Передавая свой верхний сюртук слуге, маячившему за спиной у лакея, шевалье незаметно мне подмигнул. На пару минут мы остались одни. За это время Сент-Одран успел просмотреть мои сочинения, при этом он одобрительно хмыкал, хвалил, зачитывал вслух особенно, на его взгляд, удачные пассажи. Потом снова вернулся лакей, и мы прошли по коридорам — мимо библиотек, заполненных книгами, мимо кабинетов, где у конторок на высоких стульях, точно фламинго в клетках, сидели клерки. Они дружно скрипели перьями по пергаменту. А потом мы вступили в святая святых, в тронный зал Закона, огромный кабинет с круглым окном под самым потолком. Сквозь окно это сияющим столпом изливался солнечный свет, пронзая вездесущую пыль и обрушиваясь на мраморный бюст какого-то законодателя, должно быть, века сем-

надцатого, в гофрированном парике и наряде, отделанном каменным кружевом, таким тонким, что, казалось, оно должно раскрошиться от малейшего прикосновения. Его белое сосредоточенное лицо никак не вязалось с претенциозным обрамлением, и у меня создалось впечатление, что кто-то сыграл с ним ловкую шутку и обрядил его в сие одеяние, пока он мирно спал. Но сей достойный муж, похоже, не замечал обмана.

Из сумрака в дальнем конце комнаты навстречу нам выступил человек, одетый в кремового цвета шелка. Его лицо не только поразительно походило на сосредоточенный лик вычурного бюста, но было еще и таким же бледным. Только глаза его, ясные и лишенные всяческого выражения, имели цвет. Тонкие губы с усилием выдавили:

— Доброе утро, джентльмены,— после чего он представился герром доктором-адвокатом Ойхенгеймом-Плейшнером, младшим партнером фирмы (и это в возрасте лет шестидесяти как минимум!) и попросил нас назваться.

Мы поклонились, произнесли все своих титулы и уселись по его приглашению на стулья перед его рабочим столом. Сам он устроился в кресле, где, судя по тому, как идеально тело его подходило под форму сиденья, провел большую часть своей жизни.

— Я, джентльмены, представляю одного своего клиента и прежде чем изложу вам суть дела, мне хотелось бы получить подтверждение того, что вы сохраните все услышанное в тайне.— Говоря это, он теребил шейный платок, глядя куда-то вниз, но когда складывал руки, готовясь слушать, взгляд его немигающих бирюзовых глаз, которые сами уже по себе могли бы убедить любого в честности адвоката, буквально пригвождал собеседника к месту.

Мы с шевалье дали ему слово чести, что будем молчать. Удовлетворенный, он взял какую-то папку и, справляясь время от времени с содержимым ее, продолжил неспешную свою речь:

— Мой клиент, житель этого города, принадлежит к самому высшему обществу. По причинам, каковые пока что не могут быть разглашены, клиент мой желает подготовить ваш воздушный корабль к плаванию.

— Вы хотите сказать, полностью снарядить его, сударь? — Похоже, Сент-Одран удивился.— Тот корабль, который поднимался вчера над городом?

— Да, сударь.

— Но мы планируем построить новый, больших размеров. И оснащенный более сложными механизмами.

— Я проинформирую своего клиента. Благодарю вас, сударь.

Сент-Одран нахмурился.

— Так какой же из кораблей мы сейчас обсуждаем?

— Оба, сударь. В данном конкретном случае это не так уж и существенно.

— Чтобы как следует оснастить корабль, потребуется немало наличных средств,— заметил Сент-Одран.

— Я уполномочен проинформировать вас, что наличные деньги скоро поступят в ваше распоряжение. В необходимых количествах.

Должен заметить, что адвокат вел себя с нами весьма осторожно, избегая давать слишком уж щедрые обещания, но при этом дал понять, что клиент его не стеснен в средствах. Мы с шевалье едва сдерживали свою алчность! Планы наши осуществлялись быстрее и легче, чем мы смели надеяться!

— И больше мы ничего не узнаем о вашем клиенте? — осторожно спросил Сент-Одран.— Как вы, сударь, наверное, понимаете, мы сами люди принципиальные и...

Адвокат поджал свои бледные губы.

— Вам, сударь, вовсе не предлагают участвовать в каких-то тайных махинациях.

— Конечно нет, сударь.

— Мой клиент предлагает взять на себя все расходы, связанные со снаряжением вашего корабля. При этом он ставит Компании вашей одно только условие.

— Сударь?

— Мой клиент сам выбирает, куда лететь кораблю и с какой целью, причем исключительно — в первом рейсе, после чего корабль поступает уже в ваше полное распоряжение.

Сент-Одран, который и не собирался переоснащать свой корабль, сделал вид, что серьезно задумался над полученным предложением.

— И нам даже не скажут, куда мы летим и зачем? — наконец спросил он.

— Пока корабль не будет готов к отплытию — нет.

— Единственный рейс? А потом корабль всецело наш?

— Всецело ваш.

— Весьма заманчивое предложение, сударь. Хотя во всем этом есть тайна и риск, должен признаться, это предложение заинтересовало меня. Однако нам нужно заранее получить определенные сведения относительно места назначения, ведь при подготовке шара к полету мы смогли бы учесть и климатические условия, и некоторые другие необходимые параметры.

— Мой клиент предусмотрел подобное требование... Итак, джентльмены, вы принимаете предложение или же мы пожимаем друг другу руки и на сем расстаемся?

— Велико искушение принять предложение, сударь, но существует одна проблема... Мы сейчас ведем переговоры с инвесторами, заинтересованными вложить свои средства на паях в строительство нового корабля. Уже готовится объявление о создании акционерного общества. Быть может, клиенту вашему стоит подождать, пока объявление это не будет готово? Он бы прочел его, может быть, даже внес некоторые замечания, предложения? Иначе могут возникнуть проблемы с держателями наших акций, которые уже поместили свои средства в учрежденную нами Компанию. Поскольку часть денег акционеров уже вложено в дело...

— Я уверен, что мы без особых трудов достигнем финансового соглашения. Клиент мой не предъявляет никаких особых претензий, он желает лишь распорядиться по своему усмотрению первым рейсом вашего корабля. Так мне сказать своему клиенту, что вы собираетесь строить новый корабль и пришлете мне все проспекты, как только будут они готовы?

— Если это вас не затруднит.

— Где вы остановились, сударь? — Адвокат Ойхенгейм-Плейшнер записал над адрес.— В скором времени я свяжусь с вами.

— Замечательно, сударь! — ответил ему Сент-Одран.— Очень вам благодарен.

— Надеюсь, сударь, мы еще встретимся,— вставил я.

Ойхенгейм-Плейшнер поднялся из-за стола. Вид у него был немного смущенный.

— Прошу прощения, сударь, но имя фон Бек хорошо мне знакомо. Те Беки, которых я знаю, происходят из старинного саксонского рода. Несколько лет назад я имел честь вести дела графа Рихарда фон Бека.

— Мой дед, сударь.

Ойхенгейм-Плейшнер вдруг стал в десять раз внимательнее и любезней. Его мрачной чопорности чуть поубавилось. Он преисполнился самого искреннего восторга, насколько подобная личность вообще способна выражать это чувство. Едва ли не сердечно пожал он мне руку, бормоча всякие обходительные слова. Я вновь поразился проницательности Сент-Одрана. Фамильное имя, как оказалось, действительно стоит наличных денег.

— Я говорил уже моему клиенту, что вы, должно быть, и есть фон Бек из саксонских фон Беков. В деле нашем я не предвижу никаких трудностей, глубокоуважаемый господин фон Бек!

Покинув адвокатскую контору, мы с Сент-Одраном направились вверх по Влецштрассе. В воздухе ощущался морозец. С востока надвигались тучи, и, по всему судя, скоро должен был пойти снег. Сент-Одран ликовал. Утром сегодня он как нельзя лучше уладил дела с кузнецом и плотником и теперь настроен был очень оптимистически, поскольку богатство, похоже, само плыло нам в руки.

— Ойхенгейм-Плейшнер, весьма осмотрительный, надо сказать, дед, и тот поддался на нашу приманку! Если уж мы сумели произвести впечатление на такого, как он, дальше дело пойдет как по маслу. Как у новичка Билли!

Я заметил уже, что, пребывая в состоянии бурного энтузиазма, Сент-Одран частенько употреблял

в своей речи какие-то непонятные броские выражения, бытующие то ли в Глазго, то ли в Ньюгейте.

Я же терзался сомнениями. Имя фон Беков пользовалось всегда безоговорочным доверием. Когда-нибудь во главе нашего клана встану и я. На протяжении многих веков слова: Бек и честь были синонимами. И я опасался, что уже запятнал свое имя, позволив вовлечь себя в весьма сомнительное предприятие, где одна ложь громоздилась на другую. Хотя, с другой стороны, почему одно имя само по себе должно что-то значить? Лучше уж изменить ему, убеждал я себя, и тем самым дать миру понять, каким он бывает подчас наивным и недалеким. В конце концов, сам я давно уже научился не доверять ни догмам религии, ни политическим лозунгам и обратился верой своею к реальности металла, пара и дерева — к практике инженерного искусства, законы которого невозможно ни изменить, ни сделать предметом политической спекуляции, так с чего бы теперь мне выказывать уважение какому-то древнему анахронизму?

Сент-Одран развеял тяжкие мои раздумья. Он настойчиво зазывал меня в одну харчевню неподалеку от моста Младоты, где мы смогли бы и вкусно поесть, и посидеть спокойно, наблюдая в окно за городской суматохой. Сам мост был запружен волами и лошадьми, дилижансами, кэбами и каретами, тележками с запряженными в них ослами и, конечно, людьми, что называется, всех мастей.

— Черт возьми, да здесь толпа еще больше, чем даже снаружи,— воскликнул я, когда мы вошли наконец в трактир.

Пока мы пробирались к свободному столику, пару раз нас с шевалье едва не сбили с ног официанты,

что носились как угорелые между столами с подносами, уставленными дымящейся снедью: всякие экзотические мясные блюда с труднопроизносимыми названиями, отбивные котлеты, моченая капуста, горшочки с картофельным супом и караваи черного хлеба. Сент-Одрана здесь знали, и обслужили нас очень быстро. Мы подняли тост за будущий наш успех, и, осушив целый бокал крепкого майренбургского портера, я все же высказал некоторую неуверенность относительно использования в предприятии нашем моего родового имени.

Сент-Одран отмахнулся от моих опасений деликатно, словно вытер рот рукавом, и подался вперед, опершись локтями о стол.

— Видите ли, фон Бек, богатство — вполне достаточная замена для добродетели. Только сегодня утром упомянул я ваше имя в разговоре с одним старым знакомым, хитроумным пройдохой по фамилии Проц, который средства на жизнь добывает тем, что составляет развесистые родовые древа для *nouveaux rishes*. Так вот, он мне сказал, что род ваш прославлен не только тем, что когда-то сыны его вышли на поиск Святого Грааля, но и тем еще, что ими наследуется титул стражей Христовой Чаши.

— Что?! Фон Беки — преемники Петра-апостола? — Тут я не выдержал и от души рассмеялся.— Право же, Сент-Одран, мы не имеем никакого отношения к этому мифу! Половина из предков моих, если уж на то пошло, были самые что ни на есть убежденные атеисты, а оставшаяся половина — убежденные лютеране. Так уж сложилось, что мы — по фамильной традиции — приверженцы скорее интеллектуальных, чем религиозных методов. Гораздо больше оснований полагать нас дьяво-

лопоклонниками, нежели хранителями Святой Чаши!

— И все-таки многие здесь полагают, что предки ваши явились из неких таинственных запредельных земель или, по крайней уж мере, имели самое тесное с ними соприкосновение, с землями, что граничат с миром реальности, но невидимы для большинства из нас. Их еще называют Срединным Пределом. Проц утверждает, что в книгах, прочитанных им за последнее время, он нашел пятьдесят доказательств того, что фон Беки — не просто мелкопоместный дворянский род, но и наделен некоторыми сверхъестественными способностями.

Я почувствовал себя неуютно.

— Как вам, Сент-Одран, должно быть, известно, сочинители прежних времен привлекали к писаниям своим всякое имя, более-менее им известное. И, без сомнения, имя фон Бек по чистой случайности всплыло в каком-то из древних рыцарских романов, а остальное довершило бурное воображение романистов следующих поколений. Если верить всякой вырожденческой германской легенде, то выйдет, что в каждом старинном замке хранится Грааль, а под каждым курганом покоится сам Карл Великий или король Артур! В Германии нет ни единого благородного дома, в котором не было бы отпрыска-оборотня, или всеми обиженного младшего сына в роду, запродавшего душу дьяволу, или мрачного дядюшки, практикующегося в нечестивом искусстве алхимии, или дедушки с явными наклонностями вампира, или полоумного монаха, посещающего в ночь полнолуния шабаши ведьм на каких-нибудь зловещих развалинах старой часовни. В каждом древнем семействе есть свой сумасшедший наследник, заключенный в са-

мую высокую башню замка или в самое глубокое подземелье, а не наследник, так наследница или же оба разом. Также непременно присутствует парочка детоубийц или отцеубийц, и обязательное фамильное привидение. Я сам рос в окружении подобного бреда, хотя батюшка мой всегда отвергал этот вздор.

Понимаете, Сент-Одран, мне бы очень хотелось, чтобы в Германии наконец прекратились все эти бессмысленные суеверия. Это отрава, подтачивающая реформы, пусть даже бредни сии весьма популярны среди юных романтиков, воспевающих благородство тевтонского прошлого, за что, как я думаю, надо благодарить возродившуюся популярность *Песни о Нибелунгах* и сумасбродства Шиллера, Гёте — всех этих *штюрмеров* и *драгеров!* Бредни эти не только мне не интересны, дорогой мой Сент-Одран, они прямо противоречат моим позитивным инстинктам, я имею в виду свою приверженность здравому смыслу и отвращение ко всяким легендам, и мифам, и к этому чисто германскому благоговению пред стариною. Что касается литературы, тут мои вкусы достаточно старомодны, сочинения Николая как раз по мне. Но в жизни — увольте. Именно это почтительное восхищение гобеленами, побитыми молью, и прогнившими гробницами предков в первую очередь и побудило меня в свое время спешно покинуть Саксонию. А ведь она считается наиболее просвещенной из многих германских провинций!

Скептицизм мой, похоже, весьма разочаровал Сент-Одрана.

— Вы говорите сейчас, как какой-нибудь фарисействующий методист,— хмыкнул он.— Какой

будет в том вред, если немного подкрасить унылую нашу жизнь фантазией? Если предания вашего рода известны и здесь, в Майренбурге, почему бы нам не использовать их к своей выгоде? Часть моих карт может происходить, например, из коллекции вашего предка. Для определенного сорта людей — а в городе этом полно глупых юных аристократов, всегда готовых вступить в какое-нибудь ведовское сообщество или составить рецепт эликсира жизни,— это будет иметь значение едва ли не первостепенное. А если добавить еще к нашим планам немного романтики, то мы продадим вдвое больше акций.

Тут как раз принесли наш заказ, и мне не пришлось придумывать ответ. Признаюсь, я приуныл. На меня вдруг спустился густой туман меланхолии, и я, хмуро глядя на мост за окном, все пытался понять, как же так получилось, что я настолько отдалился от курса, который наметил себе, когда покидал замок Бек, направляя стопы свои на восток. Мой радикализм тех лет был вовсе не изощрен, а весьма даже прост, и складывался исключительно из веры моей в торжество здравого смысла, из устремления к некоему умозрительному идеалу общей для всех справедливости и из честной уверенности в том, что достаточно одного только пламенного воззвания, подкрепленного, может быть, личным примером, и тогда все поймут, что интересы каждой отдельной личности вовсе не противоречат рациональному альтруизму. Опыт приобретенный при дворе Екатерины,— где многие выдающиеся умы того времени вели долгие споры относительно упомянутых мною предметов,— больше сбил меня с толку, нежели просветил, а два года, проведенные мною в Татарии, также мало способствовали фило-

софским исканиям. Лишь в Америке начал я постигать, что не все в жизни так просто, как мне представлялось сначала. И более сложное представление о реальности, преобразовавшее Штаты в новое государство, попытался воплотить я на практике в революционной Франции. Тогда мне казалось, что я обрел наконец, что искал: слово мое не расходилось с делом. И вот теперь обнаружилось, что, если мне это нужно, я могу быть искусным лжецом. Я, понятное дело. не слишком гордился таким откровением.

— Снова хандрите, фон Бек? — участливо поинтересовался Сент-Одран.— Не из-за той ли дамы, о которой вы мне говорили? Критянки? Она сама еще будет гоняться за вами, когда имя ваше прославится в Майренбурге... а так, как теперь продвигаются наши дела... вы уже очень скоро станете знаменитым.

Он честно пытался унять мою боль. А потом заказал еще портеру, настоятельно порекомендовал мне поесть, пока горячее, и принялся излагать свои планы на ближайшее будущее, упоминая при этом некоторых знаменитых людей, которых он надеялся заинтересовать нашим проектом, и строя догадки насчет того, кем может быть тот таинственный «клиент», пожелавший субсидировать снаряжение нашего корабля.

Он попросил у меня черновик проспекта, сочиненного мною сегодня утром, и принялся изучать его, закусывая мясным пудингом, одобрительно кивая и время от времени восклицая:

— Да вы просто гений, фон Бек. Истинный литератор. Прелестно. Замечательно. Звучит в точности так, как нужно. Вы раньше писали для публикаций?

Я ответил, что нет, хотя к тому времени я был уже автором нескольких плакатов и парочки трактатов, обличающих рабство в Америке. Я надеялся, оно будет упразднено, но, поскольку Вашингтон выступал за его сохранение, я понял, что должно пройти еще немало лет, прежде чем Права Человека распространятся и на тех, чья свобода никак не способствует экономической выгоде набобов и землевладельцев, которые пару лет тому назад с воодушевлением кричали: «Свободу для всех!» Но, как впоследствии оказалось, свобода была им нужна для того, чтобы умножать прибыли и не платить налогов в казну английской Короны. Я выпустил также томик проникнутых радикализмом виршей, один роман в стихах, единственное издание которого давно уже кануло в Лету. Назывался он *Чикенапу, или Утопические Пасторали* и был запрещен в Америке. Разумеется, я продолжал аккуратно вести дневник, отрывки из которого были опубликованы как мемуары. Но я решил для себя, что больше не буду настолько глуп, чтобы обнажать меч или браться за перо, когда дело касается выгоды для богачей. Когда благотворный портер поднял мое морализаторское настроение, я заявил Сент-Одрану, что я устал уже оттого, что меня постоянно обманывают, и теперь — хотя бы единственно для разнообразия — стану обманывать сам. Так успокоил я свою совесть и сделал еще один шаг на пути накопления капитала.

В скором времени гнев мой, который я приписал своим прошлым разочарованиям, окончательно испарился, и, улыбнувшись Сент-Одрану, я горячо согласился на все его предложения и с устрашающей яростью набросился на свою остывающую отбивную.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В которой заключаются сделки и начинаются работы. Мои юные радикалы появляются снова. Таинственные пожертвования. Я принимаю вызов. Ночные гости. Неудобства фургона, предназначенного для перевозки мясных туш

Моя красавица-герцогиня так и не появилась в Майренбурге, хотя время от времени до меня доходили слухи о том, что герцог Критский появился в городе и ведет какие-то таинственные дела с адептами алхимии и даже иной раз принимает сомнительных гостей. Но я не сумел разузнать ничего больше ни о герцогине, ни о герцоге. Все это время мы с шевалье вплотную занимались учреждаемой

нами Компанией. Адвокат Ойхенгейм-Плейшнер получил наш проспект, разработанный до мельчайших деталей, передал его своему анонимному клиенту, после чего попросил нас о новом деловом свидании. Слухи о нашем таинственном покровителе (молва утверждала, что это не кто иной, как сам принц) вдохновили многих почтенных майренбуржцев. Они буквально настаивали, чтобы мы взяли их золото, и вскоре у нас уже был целый ларец золотых монет, спрятанный в гондоле воздушного корабля на тот случай, как говорил Сент-Одран, если нам вдруг придется спешно отбыть из города. Шевалье пребывал в состоянии эйфории. Он даже признался мне, что борется с одолевающим его искушением и в самом деле построить воздушный фрегат, который он расписывает нашим инвесторам с таким воодушевлением. Мне пришлось даже ненавязчиво ему напомнить о том, что мы все-таки замышляем Большое Мошенничество, а не реальную экспедицию и что даже если мы и построим такой корабль, нам все равно никогда не найти тех сказочных земель, которые, как шевалье утверждает, были им открыты и всесторонне изучены!

Наши акционеры были либо жадны, либо до неприличия романтичны. Одна средних лет дама, ландграфиня Тереза-Вильгельмина Красная-Бадехофф-Мирошницки, приходящаяся кузиной супруге принца, выразила надежду, что своими — весьма, кстати, щедрыми — пожертвованиями на наше предприятие она подвигнет нас слетать в Миттельмарх и отыскать там пропавшего ее супруга. Мы, разумеется, приняли ее деньги, хотя оба мы знали, что ее благоверный — пусть даже ходили упорные слухи, что исчезновение его как-то связано с его

любительскими занятиями Черной Магией,— на самом деле отдал Богу душу прямо в жарких объятиях одной из шлюх миссис Слайней. Дабы избежать скандала, ландграфинин племянник, как утверждает молва, лично позаботился о том, чтобы перепоручить тело дядюшки стремительным водам Рютта. Также дошли до нас слухи, что, поскольку племянник сей значился единственным наследником тетушкиных богатств, он был весьма недоволен щедрым пожертвованием ландграфини на поиски пропавшего ее супруга. Но по иронии судьбы он не мог открыть правду и объявить своей тетке, что дядя его умер давно! Однако в основном наши инвесторы были людьми прозаичными, без романтических завихрений,— из породы жадных до денег дельцов.

В адвокатской конторе в тот день было сумрачно. Солнце скрывалось за тучами, обложившими небо. Густой пеленой валил снег. Ойхенгейм-Плейшнер устроил нам с Сент-Одраном этакий контрольный опрос по списку вопросов, подготовленному его таинственным клиентом. Поскольку мы не особо нуждались теперь в дальнейшем субсидировании, то отвечали охотно и бодро, зная, что при удачном стечении обстоятельств мы можем удвоить богатства, каковые мы увезем с собой из Майренбурга, когда наш воздушный корабль отправится в дальнее плавание. Где-то на середине этого вполне дружелюбного допроса бледный наш адвокат показал нам какой-то древний фолиант в потертом растасканной переплете.

— Ван Брод подтверждает все то, о чем вы говорите. Я также нашел еще несколько доказательств, которыми подкрепляются ваши притязания, хотя, честно признаюсь вам, джентльмены, сам

я полагал их несколько фантастичными. Но я, разумеется, здесь ничего не решаю.

— А что это за книга, сударь? — полюбопытствовал Сент-Одран.

Адвокат молча передал фолиант через стол. Я прочел титульный лист: *Трактат об открытии оккультных миров и овладении оными.* Должно быть, книгу сию предоставил доктору-адвокату его клиент.

— В этом труде, джентльмены, Ван Брод дает описание запредельного мира, называемого им Срединным Пространством. По утверждению автора, этот мир находится между вышними Небесами и миром нашим. Также агент наш сумел раздобыть листок одного старинного журнала, который находится теперь у меня и содержит подробнейшие инструкции относительно того, как войти в этот запредельный мир. Существует еще одно описание, сделанное Августом из Ньюрштейна, монахом, жившим в XIV веке. Там он приводит разговоры свои с некою ведьмой и одним чернокнижником, побывавшими в месте, называемом им «Миром между мирами».

Краткая речь юриста несказанно меня позабавила. Складывалось впечатление, что он, собрав доказательства для некоего судебного разбирательства и удовлетворившись тем, что доказательства эти имелись, готов был теперь поверить безоговорочно всякой лжи, каковую бы мы ни измыслили! Он даже как будто разволновался. Я почувствовал укол вины.

— Есть также записки,— продолжал он,— Генри Аламинуса из Данзига, знаменитого алхимика XV века, в коих упоминается интересующий нас предмет: отрывок письма некоего неизвестного к своей

супруге, в котором он описывает поход в одно странное место, каковое он называет «Geistwelt».

Я слушал, не выказывая нетерпения, но при этом испытывая некую смесь беспокойства и скуки. Поскольку старый адвокат явно впервые столкнулся с таким предметом, он не знал еще, с какой легкостью создаются подобные «доказательства». Вопрос только в том, как именно подходить к отбору фактов из безграничного количества информации, накопившейся в мире. Ойхенгейм-Плейшнер вдруг сделал паузу, и восторг его относительно наших прожектов проявился яснее.

— И есть еще кое-что, капитан фон Бек, интересное для вас лично. Быть может, факт сей уже вам известен? Я имею в виду письмо брата Вильгельма из реншельского монастыря к своему товарищу монаху в Ольмиц. Письмо датировано июнем 1680 года. Вы знакомы с его содержанием?

Я покачал головой, и он протянул мне нижеследующую современную копию со старинного пергамента, который, по признанию адвоката, хранился у его клиента и являлся, как мне дали понять, основной из причин интереса вышеназванного клиента в нашем с шевалье предприятии:

«В настоящее время исполняю я наистраннейшее из послушаний, а именно: делаю копию с исповеди покровителя нашего и господина, графа фон Бека, прославленного благочестивыми своими деяниями. Разумеется, я не могу изложить тебе содержание исповеди, скажу только, что граф весьма поразил и смутил добрую братию нашу речами о землях неведомых, что лежат за пределами

человеческого восприятия, не являясь, однако, ни Небесами, ни Преисподней. Он называл их Миттельмархом, то есть Пределом Срединным. Принимал исповедь брат Оливер, мне же поручено лишь ее переписать. Но и при том иной раз дрожит у меня рука, держащая перо, и вынужден я часто прерывать работу, чтобы осенить себя животворящим крестом.

Остается лишь молиться, чтобы случилось так, что граф бредит в жару, либо же вводил нас в заблуждение обманом умышленным. А может случиться так, что он вовсе сошел с ума. Но вот только он не похож на безумца и владеет собой, хотя и ослаб после недавней болезни. Говорит он о землях, населенных сказочными зверьми и необычными людьми, но говорит о них как о тварях привычных ему и известных. Звучат его речи более странно, чем в древних сказочных романах. И эти речи очень пугают нас. Молись за всех нас, добрый мой брат, и особо молись за меня, чтобы разум мой не помутился от этой работы».

Еще одно нежеланное напоминание о семейном нашем предании — буквально за последние несколько дней! Но когда адвокат одарил меня многозначительным взглядом, мне пришлось напустить на себя умный вид, хотя я чувствовал себя по-дурацки. Однако я вошел уже в роль, которую мне навязал Сент-Одран.

— Вы, разумеется, знаете, о котором из ваших предков идет речь в письме,— весьма уважитель-

но проговорил адвокат, аккуратно складывая бумагу, которую я передал ему обратно.

— О предке моем со стороны отца. О прапрадеде моего деда, если не ошибаюсь.— Я себя чувствовал дураком и негодяем одновременно.

— Я полагаю, сударь, вам должно быть известно, где именно он путешествовал. Как я полагаю, вы и сами посещали те земли, вместе с вашим партнером.

— Разумеется, сударь,— вставил Сент-Одран.— Вы же видели карты и все остальное.

— Что и убедило моего клиента. Остальные вопросы, как вы сами поймете, составлены мною и касаются юридической и финансовой сторон дела. Мы, адвокаты, осторожное племя... гораздо осторожней, чем искатели приключений. Такие, как вы.— Мне показалось, что он попытался выдавить краткий смешок.

Предприятие наше, основанное на обмане и лжи, с каждой минутой нравилось мне все меньше и меньше. Я не знал, что мне делать: признаться во всем и тем самым предать Сент-Одрана или хранить молчание. Не стоит, наверное, и упоминать о том, что я промолчал. При этом я себя чувствовал гнуснейшим из трусов. Какой-нибудь недалекий вельможа собрал целую кучу старинных книг, начитался до одури и придумал некую теорию, которую можно опровергнуть первым же рациональным доводом. Но, с другой стороны, кто я такой, чтобы разбивать их грезы? Они и сами сполна осознают всю свою глупость, когда я бесследно исчезну вместе с их золотом!

— Ну да! Да! — Сент-Одран надрывался, точно соборный колокол.— Миттельмарх. Он самый. Вот почему для успешного завершения экспеди-

ции необходимо построить новый корабль. Наш старый корабль — воздушная лодка, в которой мы поднимались на прошлой неделе,— недостаточно прочен и вместителен для подобного путешествия!

— Я понимаю, сударь. Я как раз собирался сейчас перейти к вопросу о капиталовложениях. Прежде всего мне хотелось бы знать, сколько времени вам потребуется на строительство этого корабля?

— Это, сударь, зависит от того, каких мастеров нанять. Для строительства корпуса всего лучше будет подрядить умельцев из Бремена. Купол всего лучше делать в Лионе. Все остальное можно сработать и здесь, в Майренбурге. Но, как вы сами должны понимать, это займет не один месяц.

— Скажем, к сентябрю этого года будете ли вы готовы?

— Вполне вероятно, герр доктор-адвокат. Но мастера из Лиона и Бремена потребуют денег вперед, как доказательство наших честных намерений.

— Я понимаю. Как будет лучше всего перевести эти деньги за границу? Чеком? Долговой распиской?

— Я еще не справлялся, сударь, но могу получить всю интересующую вас информацию в течение нескольких дней.

— А действительно ли бременцы лучшие мастера?

— Лучше их только мои земляки, шотландские корабелы. Но нанимать их теперь было бы несколько непрактично. Разумеется, раньше бременцы строили лишь корабли морские, но корпуса их судов идеально подходят и для воздушных лодок. Ведь тяга должна идти...— таинственный взмах

обеими руками,— ...так. Весла — так...— что-то вроде загребающего движения.— А паруса надо крепить на наклонных мачтах. Под углом минимум в 45 градусов. Вот так...— Тут Сент-Одран изобразил ладонями некую геометрическую фигуру.— И потом, существуют еще всякие хитрые инженерные приспособления, но, к счастью, с этим проблем не возникнет. Нам удалось заполучить одного выдающегося корабельного инженера, подвязавшегося на службе в британском и датском военном флоте. Он буквально на днях вернулся из Америки, где консультировал правительство по вопросам конструкции кораблей.— Сент-Одран продолжал изливаться соловьем в знакомой уже тональности, ведя свою музыкальную тему, основанную на простейшей мелодии, возбуждающей воображение слушателя. Иными словами, картину, каковую внимающий Сент-Одрану рисовал себе в воображении, шевалье раскрасил сияющими цветами, и слушатель видел не только то, что хотел видеть он сам, но и то, что хотел показать ему шевалье.

«Все обыватели — оркестр,— как-то сказал он мне,— а я лишь дирижер».

Наконец шевалье завершил свое представление, каковое, признаюсь, меня впечатляло едва ли не наравне с угрюмым законоведом. Сент-Одран заверил нашего доктора-адвоката, что мы не только доставим наш корабль в Миттельмарх, перебравшись через преграды — непреодолимые, если идти по земле или плыть по морю,— но и снарядим этот корабль так, что он будет готов к любым непредвиденным неожиданностям. Он застенчиво упомянул «сиятельного господина» и «вашего титулованного клиента», так же, как я, полагая, что

таинственным нашим инвестором выступает сам принц майренбургский. Я не стал задаваться вопросом, почему принц, запрещающий тайные общества, каковые занимаются, если разобраться, теми же безобидными действами, рассчитанными на дешевый эффект, что и мы с шевалье, покровительствует нашему предприятию. Я рассудил, что иногда человек с энтузиазмом хватается за какую-нибудь одну явно нелепейшую идею, но зато с яростью обличает другую, не менее нелепую. Настроен я был весьма цинично, а в таком состоянии я все всегда сваливаю на низменную человеческую природу.

Когда мы вернулись на площадь Младоты в наемной карете, Сент-Одран выглядел словно утомленный актер, который только что отыграл — и успешно — трудную роль перед чуткой и благодарной публикой.

— Начать нашу кампанию, как выясняется, будет легче, чем я полагал,— сказал он.

Во мне все же росло беспокойство. Одно дело — обвести вокруг пальца парочку бюргеров, совсем другое — дурачить сиятельного принца. Именно с того дня и вернулись мои кошмары.

Вновь во снах по ночам стала являться мне герцогиня, и человек-Телец, дышащий жаром мне в лицо, и Лабиринт. С каждым разом он становился все больше запутанным. Со всех сторон раздавались угрожающие шепчущие голоса. Сент-Одран же тем временем продолжал собирать свою «коллекцию» подложных документов: рекомендательные, ясное дело — хвалебные, письма, различные благодарности и другие бумаги, вполне убедительно свидетельствующие, что бременская корабельная фирма Линдер и Линдер подрядилась исполнить заказ —

а именно, строительство корпуса воздушного корабля — для Общества Воздушных Исследований на общую сумму 27 000 талеров, с предоплатою 9000 талеров, выплатой 9000 талеров по завершении строительства корабельного корпуса и 9 000 талеров по окончании всех работ. Господа Винглер и Пьемонт берутся за 10 000 талеров выделать шелковый купол воздушного шара по типовому проекту. Они исполняли подобные заказы и для Монгольфье, но требуют предоплаты в размере половины от общей суммы. Они обязуются также изобразить на куполе любой герб, флаг либо же отличительный знак, каковой будет включен в список представленных инвесторов Компании, поданный до последней лакировки материала. Мистер Маркесс, корабельный инженер, завершил уже все чертежи и горит нетерпением взяться за дело. И все в том же духе. Чем сложнее и изощреннее становился обман Сент-Одрана, тем неотвязней — мои угрызения совести. Кошмарные сны донимали меня все сильнее. Если этот обман раскроется, в лучшем случае нас изгонят из города... но всего вероятней — казнят. За мошенничество в особо крупных размерах. Но даже если изгонят, нас после этого не примут больше нигде в цивилизованном мире. Я рассчитывал изначально составить себе состояние малою ложью, более, скажем так, традиционною тактикой, но теперь я завяз глубоко и не мог уже пойти на попятную, не предав при этом Сент-Одрана и не обнаружив участия своего в мошенничестве.

Имея стойкий иммунитет ко всяким моральным терзаниям и угрызениям совести, друг мой продолжал погружаться в трясину иллюзии. В очередном разговоре нашем с доктором-адвокатом ше-

валье сокрушенно посетовал на острую нехватку «горючего газа», необходимого для того, чтобы поднять в воздух наш новый корабль, и справился, словно бы между прочим, нельзя ли будет закупить и его тоже. Адвокат сделал пометку в своем блокноте. Контракты были уже готовы, и мне пришлось наконец поставить свою подпись. При этом я себя чувствовал так, словно запродавал свою душу Сатане. Мне даже не верилось, что Сент-Одран может с такой легкостью ко всему этому относиться. Уж слишком большие деньги оказались у нас в руках. А ведь я вовсе не стремился заполучить богатство всей нации, мне хватило бы денег какой-нибудь милой вдовицы!

Так проходило время. Я стал много пить,— больше, чем стоило бы. Выпив, я бродил по улицам не разбирая дороги, в смутной надежде встретить герцогиню. Зима потихоньку брала свое. С каждым днем становилось все холоднее. Я чувствовал, как мужество покидает меня. Дух мой умирал. Никогда еще в жизни я не был настолько несчастен. Иной раз меня посещала мысль взять коня и уехать из Майренбурга, таким же нищим, каким я приехал сюда. Я начал скучать по Беку, мирному тихому Беку, и по домашним своим, рядом с которыми я бы почувствовал себя увереннее. И все же гордыня моя — упрямая, пагубная, бессмысленная — удерживала меня в столице Вальденштейна. И еще — моя дружеская привязанность к этому шотландскому мошеннику, не заслуживающему, говоря по правде, вообще никакого доверия.

Наш большой корабль потихонечку обретал форму — на бумаге. Сент-Одран дошел уже до того, что начал пописывать весьма цветистые статейки относительно продвигающегося строительства вы-

шеуказанного корабля, успокаивая тем самым наиболее нервных клиентов. Я не отваживался произвести даже примерный подсчет всех денег, осевших в нашем заветном ларце, и с большой неохотою — только по настоянию шевалье — пошел с ним в наш сарайчик на Малом Поле, выстроенный специально для того, чтобы хранить там старый воздушный шар. Там, смеясь про себя, Сент-Одран предъявил мне очередной кошель с талерами. Источник моего мрачного настроения, как очевидно, оставался для шевалье непонятным.

— Вы так подавлены из-за холодной погоды? — участливо поинтересовался он.— Ну да ничего. Пусть золото это согреет вам руки в то время, как мы на нем руки нагреем!

Когда мы собрались уже возвращаться в город, Сент-Одран весело крикнул охране:

— Джентльмены, берегите корабль этот, как если б то было сокровище Эльдорадо!

Снег покрыл все Малое Поле, лег толстым слоем на ветви деревьев, на плечи мраморных статуй, на крышу сарая. Бледный свет солнца был цвета слоновой кости.

Белые стены и башенки Майренбурга не сливались с белизной пейзажа и неба. Сент-Одран был в алом плаще и такого же цвета шляпе, я — во всем черном. В последнее время мне весьма полюбился сей мрачный цвет. Когда мы уже подошли к городским воротам, навстречу нам выехала карета, в окне которой разглядели мы закутанную в меха фигуру ландграфини Терезы-Вильгельмины. Вся — кричащие румяна и безумные, отчаянные голубые глаза. Она помахала нам и посоветовала быть осторожнее,— такой гололед! Мы с Сент-Одраном давно уже знали, что во всех своих действиях она

руководствуется прежде всего предсказаниями ее «домашних» астрологов и ясновидцев. Как видно, все их семейство подвержено одной болезни. Покойный супруг ландграфини, когда еще не увлекся походами по борделям, любительски занимался тайными изысканиями. Ее матушка была скандально известна — ее называли ведьмой, сестра — как безудержная нимфоманка, а племянник ее, происходящий из молодой, австрийской, линии рода, поговаривали, поклоняется Сатане. Впрочем, наша ландграфиня, кажется, не стремилась к безбрежным далям океана сверхъестественного. Когда карета ее проезжала мимо, мы сняли шляпы и поклонились. В конце концов, большая часть золота в сундуке нашем пришла из сундуков ландграфини.

Когда мы повернулись, провожая глазами ее карету, я с изумлением обнаружил, что к нам приближаются четверо всадников. Вид у них был такой, словно они гнали коней всю ночь напролет. Я почти сразу узнал их: то были те самые юные радикалы, которые спасли меня от Монсорбье. Я был рад снова встретиться с ними. Только вот интересно, что стало с остальными двумя из их сплоченного отряда.

— Доброе утро, джентльмены! Вы меня узнаете?

Все четверо были настолько измотаны, что едва смогли поднять головы. Стефаник поглядел на меня ввалившимися глазами.

— Да, сударь. Конечно, я вас узнаю.— Голос его звучал чуть громче, чем шепот.

Да тут еще стая ворон взметнулась в небо, и крики их едва ли не заглушили его слова. Сейчас явно было не время вести беседу. Я просто направил их к «Замученному Попу», а заодно предложил

отобедать там вместе. Они очень обрадовались и сказали, что будут весьма польщены разделить со мной трапезу. Компания их теперь уменьшилась, а одежда их и оружие были не так уже аккуратны, как прежде. Лишь у одного из поляков — у самого Стефаника — сохранилось еще его кремниевое ружье. Ему хватило буквально нескольких недель, чтобы растерять весь свой простодушный энтузиазм — преимущество пылкой юности. Они, безусловно, побывали в Париже и обнаружили там, что все, о чем я предупреждал их,— чистая правда. Когда они ускакали, Сент-Одран нахмурился, напустил на себя весьма озабоченный вид и выразил опасения, хорошо ли будет, если нас увидят в компании радикалов теперь, когда все бараны на майренбургской бирже только-только заблеяли, ища возможности получить право выпаса на тучных лугах нашего дутого предприятия. Я лишь небрежно отмахнулся от его страхов.

С каждым новым удачным обманом Сент-Одран становился все бодрее, все увереннее в себе, ибо размеры богатства, им добытого, вполне соответствовали размеру его таланта водить всех и вся за нос. Я же не уставал поражаться тому, как же скоро мужчины и женщины забывают о всяческом благоразумии. Пообещайте кому-нибудь верную выгоду с лесопильного завода, и он тут же выкажет подозрение. Но пообещайте ему бессмертие, вечную верность его возлюбленной, блеск Эльдорадо, и предательская надежда заманит его в западню. Именно так умненькие девицы облапошивают стариков, а красавчики-негодяи разбивают сердца сердобольных вдовиц. А ведь есть и такие, что пересчитывают всякий раз сдачу в мелочной лавке, проверяют счета своих слуг до последнего пфен-

нинга, сомневаются в существовании соседней долины, не говоря уже о каких-то там запредельных мирах, и не понимают нужды слепого нищего, побирающегося на улицах. Вот уж действительно: чем осмотрительнее и скареднее человек, чем легче вовлечь его в какое-нибудь безрассудное предприятие, рассчитанное исключительно на глупость клиента.

По настоянию шевалье мы завернули в одну харчевню на берегу реки, дабы отпраздновать наш успех бокалом-другим разбавленного джина, и оттуда отправились прямо к «Замученному Попу». Четверо моих юных друзей уже поджидали нас в пивной — отогревшиеся и не такие измученные, какими предстали они пред нами у городских ворот. Я прокричал им: «Салют!», поелику уже пребывал в некотором подпитии, и вытолкал Сент-Одрана вперед, дабы представить его. Держались мои знакомые уныло и даже как будто застенчиво, что вовсе было неудивительно. Ведь они потеряли двоих товарищей, и восторги их перед коммуною несколько поунялись. Они даже признались, что предостережения о Париже оказались верны, но в остальном юные мои радикалы остались столь же отважны и рьяны. Они отыщут еще вожделенную Утопию, пообещали они.

— Где? — спросил я.

— В Южной Америке,— ответил мне Красный, коренной майренбуржец.

— В Перу? — уточнил Сент-Одран.— Или, может, в Колумбии? Только что вы надеетесь там найти?

— Мы хотим основать новую цивилизацию, сударь, построенную на принципах справедливости.

— Все, что вы там найдете, друзья, это гниение и болезнь. И еще — вымирающих индейцев, к

тому же этот континент не богат золотом. Такая земля вообще не должна существовать на свете.— Мой компаньон говорил с таким жаром, что можно было подумать, что вся Южная Америка сговорилась однажды предать его.

— Золота нам не нужно, сударь,— проговорил светловолосый фон Люцов, весьма исхудавший и помрачневший за время своих похождений.

— Еще понадобится, не пройдет и года,— заверил его шевалье, чавкая свиной ножкой.— Разве может Сильвания, или Золотой Век человечества, расцвести посреди иссохшихся побегов и ядовитых змеюг, непроходимых болот и несудоходных рек, посреди лесных дебрей, кишащих зверьми невообразимых размеров... когда индейцы крадутся в тени твоего частокола, готовые прикончить тебя за цветной носовой платок. Таким маленьким, знаете ли, обмазанным ядом дротиком, которого ты не увидишь, не услышишь, не почувствуешь, пока не падешь сраженный ядом!

— Вы говорите красиво, сударь, но только не по существу,— обиделся фон Люцов.

— Очень даже по существу,— пробормотал Сент-Одран.

— И как вы намерены добираться до Южной Америки? — спросил я.

— На корабле. Вероятно, из Генуи или Венеции. Мы бы зафрахтовали ваш воздушный корабль, но я сомневаюсь, что мы можем это себе позволить,— ответил мне юный Стефаник.

— Вы уже слышали?!

— Еще в Праге. И, разумеется, здесь. Весь город только об этом и говорит.

У меня давно уже начали возникать весьма настойчивые опасения в том, что чем больше станут

о нас говорить, тем быстрее раскроется наше мошенничество. Путь к отступлению,— дорога в Бек,— становился все у́же и у́же. Еще немного, и он будет вовсе для меня закрыт. Я пытался хоть как-то унять эту боль, поселившуюся у меня в сердце. Я был точно хирург, которому нужно вскрыть свое тело и вырезать скальпелем донимающую его болезнь, оставаясь при этом бесстрастным и отстраненным. Что же толкало меня в том направлении, против которого восставала душа моя? Наверняка нечто большее, чем могло бы показаться на первый взгляд. Или меня захватила грандиозность великолепной выдумки, и я оказался околдован этим потоком, уносящим меня к гибели?

Вскоре в пивной появился Шустер и тут же сделал мне знак рукой, явно желая что-то сообщить в конфиденциальном порядке. Извинившись перед собеседниками своими, я подошел к его стойке. Сержант протянул мне письмо, адресованное мне и Сент-Одрану. Я спросил, кто доставил его.

— Уличный мальчишка,— ответил мне Шустер.— Я сам не видел, письмо забирала супруга.

Почерк, выдававший руку человека образованного, был мне незнаком. И все же мне показалось, что где-то я его уже видел. Быть может, это писала нам ландграфиня. Я сломал печать. Записка внутри оказалась весьма лаконичной. Подписи не было.

Горючий газ, потребный вам для воздушного корабля, теперь имеется в городе и может быть вам доставлен в любое удобное для вас время. Никакой платы не требуется, за исключением согласия вашего обеспечить проезд дарителя и слуги его на принадлежащем вам

корабле в назначенное ими время. Посыльный придет за ответом завтра.

Подошел Сент-Одран. Весь его вид выражал раздражение юными идеалистами.

— Что там такое?

Прочитав записку, шевалье насупил брови.

— Водород! Какая удача, фон Бек.

Разумеется, он имел в виду то, что теперь у нас есть возможность отбыть с награбленными деньгами еще раньше, чем предполагалось сначала, поскольку газом сим с тем же успехом можно было наполнить и старый воздушный шар, не дожидаясь знаменательного дня, когда будет построен новый. Я, конечно, был посвящен в эти планы, но только в общих чертах, не вдаваясь в подробности. Мы предполагали совершить как-нибудь демонстрационный подъем и неожиданно «потеряться» в небесных высях.

— Надо принимать предложение,— продолжал шевалье.— Хотелось бы только знать, от кого сие предложение исходит? Сейчас в Майренбурге алхимиков не меньше, чем блох на собаке. Тут уж не угадаешь. Любой может быть.— Он повертел письмо так и этак.— Только магистр имеет в своем распоряжении и оборудование, необходимое для производства такого объема горючего газа, и резервуары для хранения его. Так что вычислить его, вероятно, будет несложно. Скорее всего, это Иоганнес Каритиан. Он к тому же богат и владеет землею в десяти милях от города вверх по реке. Или, может быть, Маркус ван дер Гит, который переехал сюда из Нидерландов лет двадцать назад. Подобно многим, он избрал Вальденштейн из-за того, что это государство покровительствует изыс-

каниям в области различных наук. Или это один из тех, кто приехал на это таинственное совещание...

— Кем бы он ни был,— перебил я своего компаньона,— вам бы следовало написать ответ. Я поступлю так, как вы сочтете нужным. Но мне не нравится сама мысль о заключении каких-то таинственных сделок с анонимным алхимиком.

— Сделка эта меня устраивает, фон Бек, поскольку газ будет доставлен прежде, чем нас призовут дать отчет о деятельности нашей Компании. Это дает нам немалое преимущество.

Я лишь пожал плечами. Шотландец был у нас рулевым в этом плавании к иллюзии и проклятию. Моя же воля осталась где-то на полпути между Парижем и Прагой, а то, что еще сохранилось от моей решимости, уходило на то, чтобы не дать мне сойти с ума под натиском ночных кошмаров. Я опасался, что восторженное решение Сент-Одрана приведет к крушению всех наших планов. Я был преисполнен страхов, но в то же время какая-то часть меня ликовала, словно бы я всей душой желал скорейшего наступления неотвратимых последствий деяний наших,— отмщения, которое обрушит на нас судьба.

Пока мы с Сент-Одраном обсуждали полученное письмо, четверо юных идеалистов продолжали беседу, обсуждая безнравственность войны и естественные добродетели человека, которые исказило и притупило изобретение денег и частной собственности на землю. Я едва ли не завидовал им, но к сожалению по утраченной мною невинности и юношеской восторженности примешивалось еще и сожаление о том, что в их годы я не обладал пусть даже малою частью того прагматиз-

ма, который имелся в избытке у Сент-Одрана. Тогда, может быть, я не бросался бы из одной крайности в другую, пока наконец не оказался в таком затруднительном с точки зрения морального выбора положении, в каком пребывал я теперь. Я осознал вдруг, что меня всего трясет, что я близок к обмороку. Ощущение было такое, точно меня отравили. Однако, вероятнее всего, я просто пал жертвой бессонницы и потревоженной совести. Я решил, что мне надо как следует отдохнуть — лечь в постель и попытаться заснуть. Я собрался уже пожелать доброй ночи своим юным друзьям, как вдруг взгляд мой случайно упал на входную дверь. То, что я там увидел, не на шутку меня испугало: я решил, что и в самом деле схожу с ума, проецируя в явь фантомы, терзающие воображение мое.

Обрамленная на мгновение белым сиянием, окутанная серым дымом, что тут же рванулся из пивной наружу, отряхивающая снег с воротника и шляпы и топочащая сапогами по полу, явилась мне высокая худощавая фигура моей Немезиды!

Неужели Монсорбье следил за четверкою юных романтиков от самого Парижа? Или, быть может, он прочел сообщение о нашем предприятии, промелькнувшее в иностранной прессе? Или, подобно мне, тоже бежал от предательской тирании, установление которой так рьяно поддерживал?

Я поднялся из-за стола — настороженный, точно какой-нибудь подозрительный хулиган из среды молодежи,— и смотрел на Монсорбье, пока он шел через зал, как всегда элегантный и притягательный. Его походка напоминала волчий шаг. Он бросал быстрые взгляды на лица сидящих за столиками и поправлял попутно поля своей смятой шляпы. Потом он изящным движением скинул плащ и перебро-

сил его через руку, обнаружив при этом на поясе шпагу и единственный пистолет с длинным прикладом. Тонкие, красиво очерченные его губы сложены были в подобие улыбки, а проницательные глаза светились обманною доброжелательностью. Волосы его были зачесаны назад и стянуты на затылке шнурком; сюртук безукоризненного покроя, брюки и сапоги — как всегда щегольские и изысканные. Отрекся ли он от былых политических взглядов, остался ли верен им — внешне Монсорбье во всем оставался сановником Революции. Я вдруг обнаружил, что близость опасности придала мне сил. Я поклонился своему врагу и громко осведомился о его здоровье.

— Спасибо, гражданин, теперь уже лучше. А ваше как? — Голос его прозвучал очень даже язвительно.

— Так, простудился немного. Зима, понимаете ли... Но в остальном я себя чувствую замечательно. Что-то вы далеко заехали от Парижа, сударь. Может быть, климат республики суров слишком?

— Там дьявольски холодно и промозгло, но климат меня устраивает, гражданин, и всегда устраивал.

— Однако средства к существованию там теперь добывать несколько затруднительно, не так ли?

— Не так чтобы и затруднительно, гражданин. Мои потребности весьма скромны. Я доволен своим нынешним положением.

— Стало быть, я ошибаюсь, сударь. Мне показалось, что вы существуете исключительно разбоем.

При этом замечании глаза Монсорбье вспыхнули гневом,— точно внезапный шквал пробежал по

морю,— но потом вновь преисполнились обманным спокойствием.

— Как вы узнали, что я сейчас в Майренбурге?

— Я и не знал. Я здесь совсем по другому делу. Прибыл по официальному приглашению как посланец Франции. Но, разумеется, я только рад этой возможности возобновить нашу старую дружбу. Я два дня уже в Майренбурге. Как поживает ваша приятельница, та дама, что величает себя герцогиней какого-то отдаленного мыса в Адриатическом море?

— Вы меня очень обяжете, сударь, если станете говорить со мной прямо, не напуская туману. Вы собираетесь арестовать меня?

— Здесь у меня нет на то власти, фон Бек. И на что вы, собственно, тут намекали? — Он в искреннем недоумении приподнял бровь. Я, однако, не мог поверить что он так вот вдруг перестал ненавидеть меня. Даже теперь в манерах его ощущался намек на то, что он собирается с силами перед ударом. И последующие его слова подтвердили мою догадку: — Речь, как я понимаю, идет о личных наших разногласиях, и вопрос сей надлежит разрешить немедленно. Надеюсь, у вас сохранились еще представления о чести с тех пор, как вы занялись частным предпринимательством. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Разумеется, сударь.

— Выбор оружия я оставляю за вами.

Я пожал плечами.

— Место?

— Я слышал, что традиционное место таких разбирательств — Двор Руна у причала Младоты. У моста.

— Я выбираю клинки,— проговорил я, понизив голос, не желая, чтобы меня услышали мои друзья.

— Шпаги?

— Как вам угодно.

— Стало быть, шпаги. Теперь время, сударь?

— Я, сударь, во времени не стеснен. Но, согласно традиции, споры такие решаются на рассвете. Встретимся у моста часов в семь утра. Завтра — воскресенье, и нас никто не потревожит.

Майренбургские власти к поединкам такого рода относятся крайне неодобрительно, и были случаи, когда дуэлянты, застигнутые на месте «преступления», подвергались весьма суровому наказанию.

— Думаю, это у нас не займет много времени,— проговорил Монсорбье, делая знаки сержанту Шустеру, занятому на дальнем конце стойки.

— Надеюсь, сударь, что нет. У меня много дел.

Монсорбье едва ли не улыбался от удовольствия, предвкушая сатисфакцию. Я в последнее время забросил все упражнения в фехтовании, но все же надеялся, что мы с Монсорбье будем сражаться на равных. Ни я, ни он не выстояли бы и пяти минут против настоящего мастера, но все же мы оба неплохо владели шпагой. Это будет не первая его дуэль. Да и моя, разумеется, тоже.

Сей вызов, честно признаюсь, мне пришелся весьма ко времени. Я испытал несказанное облегчение; обещание такого незамысловатого разрешения проблемы весьма меня воодушевило. Заметив наконец, что Монсорбье подзывает его, сержант Шустер направился к нам. Француз прищурился. Он явно узнал лицо Шустера, но никак не мог вспомнить, кто он и где они с ним встречались.

Сержант же насупился и помрачнел. Монсорбье почувствовал себя несколько неуютно. Он вдруг отвернулся от Шустера и, отвесив мне любезный поклон, быстрым шагом направился к двери.

— Значит, до завтра, сударь!

Мне нужны были секунданты, поэтому я сообщил Сент-Одрану и Шустеру, что я принял вызов своего преследователя. Сент-Одран тут же принялся обрисовывать способы, как побить Монсорбье посредством различных хитрых уловок, припомнил одну дуэль в Пруссии, которую выиграл именно так, а Шустер — опытный фехтовальщик — предложил мне поупражняться с ним в качестве партнера, за что я был очень ему благодарен.

— Я помню еще его стиль,— сказал мне сержант.— Вы ведь знаете, я однажды с ним дрался. Все, что я потерял в той схватке,— свой офицерский чин, но вы, похоже, рискуете потерять жизнь.

— Но если он вас убьет, как же мне быть без партнера?! — искренне огорчился Сент-Одран. Грубая реальность так неожиданно пробила брешь в ярко-красочных облаках, давно уже затянувших мысли шевалье.

Я улыбнулся.

— Быть может, покончив со мною, Монсорбье пожелает присоединиться к вам?

— Мне нужно имя,— резонно возразил шевалье.— Ваше имя, а не его.

— Тогда, прежде чем я отправлюсь на договоренную встречу, я отпишу письмо брату и изложу ему ваши планы.

Тут Сент-Одран неожиданно проявил искреннюю сердечность.

— Я, друг мой, говорю серьезно.

— Я тоже серьезно. Может так получиться, что завтра меня не станет. Я, однако, рассчитываю победить. У меня все же побольше опыта, чем у Монсорбье. А почему вы не отвечаете нашему таинственному поставщику горючего газа?

Он заколебался, покосился на Шустера, потом направился вверх, к себе в комнаты. Я же, хотя и принял вызов Монсорбье с некоторым облегчением, преисполнился теперь леденящего страха, который придает человеку ложное — как часто оказывается — ощущение полной своей беспристрастности к происходящему. Однако именно страх сей и пробудил во мне решимость.

В тот вечер пивная опустела рано. Мои юные друзья очень устали с дороги, и все вчетвером отправились спать к Красному, у семейства которого в городе был свой дом. Шустер распорядился, чтобы из центра зала убрали столики и скамьи, и, закатав рукава, мы с ним взялись за шпаги. Сент-Одран спустился, уселся в уголке, грызя ногти. Ульрика и матушка ее, фрау Шустер, со встревоженным видом наблюдали за нами с верхней галереи. Я был очень доволен тем, что мне представился случай заняться физическими упражнениями. Шустер тоже улыбался, пока мы фехтовали, и моя былая сноровка восстанавливалась очень быстро.

Но и на этом тот долгий день не закончился. Забегая вперед, скажу, что он явился как бы поворотной точкой в нашей дальнейшей судьбе. Впереди нас ждало еще много событий. Едва мы с сержантом покончили с нашими выпадами и гамбитами, как в наружную дверь постучали. По знаку мужа фрау Шустер пошла открывать.

— Вряд ли это патруль,— успокоил меня сержант, но, предосторожности ради, мы все же спрятали шпаги под стойку и схватились за кружки.

Фрау Шустер неспешно прошла к двери, подняла засов и отшатнулась назад. Дверь резко открылась внутрь, едва не сбив ее с ног, и в пивную «Замученного Попа» ввалилась дюжина здоровенных зловещего вида мужчин. Лица их были скрыты шарфами. Я сначала подумал, что это вернулся Монсорбье со своими людьми, но одеты они были вовсе не на французский манер. Эти громилы вынули из-под широких пальто громадные пистолеты и угрожающе наставили их на фрау Шустер и Ульрику, которая так вся и пылала от возмущения.

— Будете сопротивляться, мы убьем женщин.— Шарф заглушал хриплый голос их вожака, но в тоне его явственно слышалось раздраженное нетерпение профессионала, спешившего поскорее исполнить свою работу. Неужели Монсорбье сыграл труса и нанял шайку головорезов, дабы избавить себя от неудобства и не вставать завтра чуть свет. Я не мог в это поверить. Но тогда кто же послал их? Какие еще враги есть у нас в Майренбурге?

— Это вы Сент-Одран? — спросил предводитель, тыча в меня пистолетом. Я ничего ему не ответил. Тогда он поглядел на моего партнера, который по-прежнему сидел в углу, разыгрывая небрежную беспечность.

— Это я,— протянул он.— Чем могу быть полезен вам, джентльмены? — Шевалье встал и поглядел на них как бы сверху вниз. — Боже ты мой, вы здоровые парни. Нам что, нужно подраться с вами?

— Значит, это второй,— объявил предводитель банды, кивнув в мою сторону. Он резко выдохнул

воздух через плотную повязку, что скрывала его лицо,— Хорошо.

Нас окружили. У меня была под рукой только шпага, которую я убрал под стойку. На сержанта и семейство его рассчитывать не приходилось. Шустер незаметно указал взглядом туда, где лежали спрятанные наши шпаги, но я покачал головой. Мы не могли рисковать жизнью женщин. Пришлось ему удовлетвориться гневной тирадой:

— Чего вы хотите? Денег? Их нет в доме. Патруль пройдет здесь через десять минут, и если я не отвечу им на условный сигнал, вам придется сразиться с десятком солдат! На вашем месте, будь у меня хоть немного ума, я поспешил бы убраться отсюда!

Но эта речь не впечатляла мрачного предводителя шайки.

— Мы пришли за этими двумя джентльменами.— Он повел дулом своего пистолета.— Тебя мы не тронем, если ты только не вздумаешь нам помешать.— Голос его оставался зловещим и хриплым.— И не говори ничего дозорным, если не хочешь, чтобы к утру твоих милашек приготовили для жаркого, освежевали, выпотрошили и положили им в рот по яблочку.— Ни один из шайки не рассмеялся и никак вообще не отреагировал на отвратительную шутку. Тишина накрыла всех нас, точно саван.

На мгновение все застыло в немой сцене; потом вожак подал сигнал. Нас с шевалье грубо схватили и потащили во двор, где в снежной тьме стояла повозка с распахнутыми дверями — крытый фургон, в которых возят коров на базар или развозят мясные туши со скотобоен по бакалейным лавкам. Судя по страшной вони, фургон совсем недавно использовали по назначению.

— Не подвергайте опасности ваше семейство, сержант,— выкрикнул я на ходу.— Мы сообщим о себе, если сможем.

— Заходите,— коротко приказал предводитель.

Сент-Одран колебался.

— Черт возьми,— проговорил он по-английски, растягивая слова и театрально закатывая глаза.— Я так понимаю, парень не шутил. Нас захватили, дружище, не за какие-то личные наши заслуги. Просто у мясников не хватает в последнее время свинины! Нам предстоит стать начинкой пирога!

Он вошел в вонючий, залитый кровью фургон и прокричал на манер раздражительного вельможи:

— Эй ты там, трогай! Сегодня холодная ночь, а мы с другом не захватили пальто!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В которой мы обнаруживаем, что и у Майренбурга есть свои тайны. Опасный фарс. Имя Люцифера, произнесенное всуе. Разговор о пришествии в мир Антихриста. Предполагаемые знакомства славного моего предка. Приглашение отобедать в Аду... И я его принимаю

Мы были одеты легко, и к тому времени, когда повозка въехала, судя по гулкому эху, во внутренний двор, мы с шевалье так замерзли, что казалось, еще немного — и мы совсем заиндевеем. Ворота за нами закрылись на засов, из темноты снаружи донеслись приглушенные голоса.

— Ну и воняет же здесь! — простонал Сент-Одран.— Они что, хотят, чтобы мы задохнулись?

В то же мгновение, как будто жалоба была услышана, дверцы фургончика распахнулись и мы с благодарностью глотнули воздуху посвежее. В повозку запрыгнули трое мужчин. Двое приставили нам к вискам пистолеты, а третий тем временем скрутил нам руки за спиной и завязал глаза, словно мы были преступниками, которых ведут на казнь.

А может быть, так оно и есть, и все это подстроено Монсорбье. Интересно, у него есть своя гильотина? Разве не может он в гневе своем решить, что уж машину-то я не одурачу? Но к чему простирать свою мстительность и на бедного Сент-Одрана, который ничем его не оскорбил, разве что титулом и аристократической картавостью, пусть даже и то и другое приобретено им совсем недавно?!

И вот нас вывели из фургона, и мы заковыляли по выщербленной мостовой к какому-то дверному проему. Миновав его, мы почувствовали, что воздух здесь, хотя и сырой, был заметно теплее. Потом начался долгий спуск, плечом к плечу, по узенькой скользкой лестнице. Мы шли ворча и спотыкаясь, но уже не протестуя, поскольку на все предыдущие возмущенные наши тирады ответа так и не получили. Вскоре мы услышали раскатистое эхо звонких капель, падающих с высокого потолка на залитый водой пол, и еще ниже, а чуть позже — шорох какой-то тягучей жидкости. Воняло так, словно где-то поблизости прорвало сточную трубу.

— Умоляю вас, джентльмены, закройте мне лучше нос, а не глаза,— в отчаянии взмолился Сент-Одран, может быть, шутки ради. Но мерзавцы подталкивали нас, спотыкающихся, и мы спустились, еще на один уровень. Неужели под сточными тру-

бами может быть что-то еще? Или это, возможно, и есть катакомбы Свитавиана, где сначала христиане скрывались от преследования язычников, а потом — наоборот? Где спит рыцарь Игорь фон Миров, чтобы проснуться, когда город, названный его именем, покорится владычеству тирании? Сам я всегда считал, что эти пещеры — легенда, порожденная прихотливой фантазией, позаимствованная у Рима или Константинополя. Я убеждал себя, что никто вовсе не собирается убивать нас на месте, иначе мы бы давно уже были мертвы. Эти Белые Душители, похоже, слишком ленивы для того, чтобы соблюдать чрезмерную предосторожность или прибегать к каким-то хитроумным уловкам. Стало жарко. Я ощущал на лице дыхание пламени, мысленным взором угадывал рядом мерцание горящей головни. Звук шагов удалился. Закрылась дверь.

В воздухе чувствовался запах серы. Зловоние наводило на мысль о химических изысканиях и ретортах. Может, это так своеобразно принимает нас тот, кто прислал нам записку относительно горючего газа? Благодетель с извращенным чувством юмора.

Настойчивые невидимые руки оттащили нас к стене. Камень стены оказался гладким. Что-то коснулось моей лодыжки, звякнула цепь. Нас приковали. С глаз наших сняли повязки, но руки так и остались связанными. Поначалу я сумел разглядеть только слепящее пламя, потом — корзины с тлеющими углями, покачивающиеся под потолком, потом — расплывшееся обрюзгшее лицо... И внезапно все части шарады сложились и ответ пришел сам собой!

Нас окружали банальные сценические декорации. Такие встретишь сегодня в любом современ-

ном театре, где прибегают к помощи всевозможных механических приспособлений, чтобы воздействовать на чувствительность уважаемой публики: заставить народ падать в обморок от ужаса, если уж невозможно растрогать его высокой поэзией истинной драмы. Здесь же, если я только правильно понял, готовилась постановка настоящего сатанинского шабаша! Несомненно, мужчины и женщины, что стояли в сумраке этого грота, были облачены на монастырский манер. Лица их скрывали капюшоны и маски. Теперь я убедился, что никакие это не происки Монсорбье.

Из-за громадной ширмы с намалеванной на ней козлиной мордой вышел тщедушный косолапый аббат в алых одеждах. Как и все люди подобного сорта, вместо того, чтобы заговорить нормально, он заунывно забубнил. Речь его, архаичная и какая-то явно неумеренная в плане употребления прилагательных, хлынула, как из отхожего места, где внезапно чего-то прорвало.

— Гнусные, дерзкие, нечестивые негодяи! Как осмелились вы пренебречь предостережениями нашего Зловещего Короля?! Теперь предстоит вам претерпеть безжалостное его отмщение! Мерзостные, корчащиеся в пыли черви, стали вы ненавистны ересью вашей пред лицом Преисподней и Нечестивого Духа! — Оратор явно испытывал трудности в произнесении «р» и повсеместно заменял его на «в».— Чем оправдаете извращенность вашу? Или неведомо вам, что преступления ваши повлекут за собой праведный гнев Люцифера?

— О Господи! — проговорил по-английски Сент-Одран.— Худшей судьбы и представить себе невозможно, верно, фон Бек? Похоже, мы угодили в лапы безумного подростка со склонностью к де-

шевым аллитерациям. Боюсь, нам с вами при всем желании не найти во всем этом здравого смысла.

— Вы, сударь, будете говорить на цивилизованном языке,— пропищал захвативший нас разбойник,— иначе вообще языка лишитесь!

Теперь я узнал говорящего. Я с ним однажды встречался у любезной нашей ландграфини. Это был ее племянник, дьяволопоклонник-любитель, который так возмущался ее щедрыми дарами, а сам, без сомнения уже подсчитывал размеры наследства.

— Любезный барон,— сказал я,— нетрудно было бы догадаться, что вы сейчас уязвлены, поскольку тетушка ваша предпочла ожиданиям вашим нашу смелую инициативу. Но тем не менее, не кажется ли вам, что ваши друзья, собравшиеся здесь, вероятно, почтут вашу реакцию несколько чрезмерной...

— Не насмехайся над нашим трибуналом, иначе суд над тобою свершится безотлагательно и ты будешь приговорен без предъявления обвинений и слова защиты. Мы собрались здесь, жалкий ты человечишка, чтобы судить тебя за неповиновение повелениям нашего Темного Господина, Повелителя Окаянного Царствия, Владыки Владык, Предводителя бессчетного легиона Проклятых, Его Сатанинского Величества, князя Люцифера! Ты открыто презрел повеления Ада, дерзостно вторгшись на спорную воздушную территорию, в царство, право на которое предъявлено было уже господином нашим — царство, запретное для Человека. Что Иегова, архиузурпатор, провозгласил пространства сии своими, то всем известно, но чтобы и люди еще привносили стремления гордыни своей в давний сей спор — это неприемлемо

ни для Ада, ни для Небес. Ибо грядет уже Битва, которая разрушит Противостояние. Уже смещаются Звезды!

Сент-Одран приподнял аккуратно подбритую бровь.

— Примите мои поздравления, герр барон! Какая блестящая и хитроумная маскировка! — произнес он достаточно храбро.— Но должен заметить, что нахожу вашу речь несколько странной.— Слова его звучатли не совсем четко, смазанно, голос слегка дрожал. Он не хуже меня понимал, что мы с ним оказались в руках недоумка-дегенерата. Этому барону нужен был только предлог, чтобы обречь человека на самые изощренные пытки и смерть. Таких, как он, умолять бесполезно, в чем мне пришлось уже убедиться во Франции. Осталось лишь только взывать о милости к Господу Богу, а во вселенной моей Господь Бог был давно упразднен. Но Сент-Одран, несмотря ни на что, будет призывать на помощь любые вышние силы, независимо от того, верит он в их существование или нет. Тут он как раз запрокинул голову и завопил:

— О, заступник мой и покровитель! О, Люцифер, Князь Утра, просвети сих невежественных подданных, коих подвергают они гонениям!

Барон на мгновение пришел в замешательство. Стушевался. Прочистил горло. По рядам конгрегации пронесся ропот. Сколько из них прибегли к сатанизму исключительно для того, чтобы дать волю похотливым своим вожделениям, сколько, хотя бы частично, верят в могущество Люцифера? Много ли среди них правоверных обращенных пути Его? Я не знал. Но Сент-Одран безошибочно отыскал наш единственный довод, и я снова, в который раз, был поражен гибкостью его ума.

— Люцифер! Услышь меня! — надрывался хитроумный шотландец.— Ибо имя твое, господин, произнесено было всуе и обращено против Сына твоего!

«Красный плащ» в возбуждении совершил разворот к толпе и воззвал к ней:

— Он лжет! Он не адепт!

— Адепт? — завопил Сент-Одран, наращивая темп наступления и продвигая тем самым скромные свои достижения.— Воистину, я не «адепт». Я — Тог-Могох, граф Огненной Бездны, и Люцифер мне отец! Я — эмиссар его на Земле, сосуд единственный для вместилища мощи Его и мудрости! И назовут меня Зверем!

Он уже полностью завладел вниманием аудитории, зрители только тихонечко перешептывались между собой. А наш барон оказался зажатым где-то посередине — болтающееся меж Землею и Солнцем светило.

— Теперь вы узнали меня, вы, безмозглые профаны! — продолжал надрываться Сент-Одран.— *Теперь вы узнали меня!* — Эхо в катакомбах многократно усилило его голос. Он умело воспользовался этим их свойством для своего представления. Выдал весь арсенал лицедейского своего мастерства. Случись мне оказаться на их места, я бы наверняка запросто поверил в то, что он Сын Люцифера! — *Освободите меня!*

— Да, освободите его! — выкрикнул кто-то из братства обряженных в рясы.

— Шарлатан! — не унимался Сент-Одран.— Невежда! Если и есть среди нас еретик, так это вы, сударь! Я пришел, дабы открыть вам истину! Тело священно. Если убьете его, я восстану во всей своей славе, и требующий мщения Ад выйдет на Землю

во всем своем воющем ужасе! Вы же лишите себя привилегий, и гнев отца моего падет вам на головы!

Коротышка-барон — его звали фон Бреснворт — попытался удержать свою паству, завизжав совершенно неблагородным образом:

— Он не Зверь! Уверяю вас, он не Зверь!

— Я есмь Зверь! Я — Владыка Града Мира! Я — Мститель. Я — Огонь, коим разрушены будут сокровища Человека! Я — Меч карающий, коим исполнится судьбой предначертанная мне работа. Я — Косарь, жнущий смерть...

— Ты самозванец! — заверещал барон.— Ты обманул мою тетушку и теперь ищешь, как обмануть учеников моих. Ты дважды достоин кары!

— Нет, сударь... Проклятие падет на вас! — Это уже вступил я, заговорив таким голосом, каким обычно призывают к сплочению бегущее в панике войско.— Внимайте мне, люди. Клянусь в том душою своею, вот он: Тог-Могох. Он лишь позволил привести себя сюда, чтобы иметь возможность обратиться к вам. Убейте его, и навечно будете прокляты, ибо назначено было ему прийти в этот мир, чтобы стать в нем Антихристом! — Я нес всю эту чушь, не видя никакого вреда в том, чтобы продвинуть наши претензии еще на шаг-другой.

— Вы лжете, сударь! — вконец разъярился миниатюрный барон. — Это — шевалье Сент-Одран, шарлатан и обманщик. Вор, приговоренный в Англии к смертной казни, изгнанный из Берлина, объявленный вне закона в Вене. А вы, сударь, сын графа фон Бека, отвергнувший свой титул и наследие и ставший приспешником убийц короля Франции!

В это мгновение на свет выступил высокий худощавый мужчина. Никогда прежде не встречал я

такого лица. Одет он был во все черное, точно квакер; седые локоны его покрывала квакерская широкополая шляпа. Человек этот не имел возраста, но его горящие, исполненные мукой глаза, видели кажется все, от сотворения мира до, возможно, его конца. Белоснежное кружево на воротнике подчеркивало бескровную бледность его лица, обшлаги рукавов также были украшены кружевом.

— Никак невозможно, чтобы вы были Антихристом,— резонно заметил он, обращаясь к Сент-Одрану,— ибо Антихрист уже избран и скоро начнется его правление.

Я был склонен поверить этому говорящему скелету. В каждом слове его ощущалась весомая властность, какой доселе ни разу в жизни мне слышать не приходилось. Голос его, древний, как само Время, пусть и лишенный всяческих чувств, был отягощен ужасающей мудростью. Он не облачился ни в какой маскарадный наряд. Его одеяние было привычным ему. Он как будто сроднился со своей одеждой. И каждый раз, когда я смотрел на него, где-то внутри у меня что-то шевелилось, словно он был созданием из сокровеннейших моих снов, представшим взору моему во плоти.

— Вы утверждаете, сударь, что знаете нас,— сказал я.— Но мы вас не знаем.

— Да, я вас знаю, фон Бек. Я знаю всех ваших предков. Первым был Ульрих, он... причина величайших моих несчастий. Его я знал хорошо. Безусловно, в ваших семейных архивах есть упоминания обо мне.

Барон потерпел окончательное поражение. Незнакомец явно превосходил его во всех отношениях и был признан главой всему собранию.

— Прежде чем я отвечу вам, сударь, вам следует назвать себя. Кто вы?

— Когда-то я был тем, кем объявил себя Сент-Одран. В хрониках вашего рода имеется упоминание обо мне? — Похоже, вопрос этот очень его волновал.— Имя мое Клостергейм. Я — тот, кто восстал против могущественного своего господина. Есть ли там упоминание о Клостергейме, который почти овладел Граалем? Вот кто я такой, сударь. Выводят ли там меня как воплощенное зло, фон Бек? Не сложили ли обо мне страшную сказку, чтобы пугать детей темными вечерами? Я — Клостергейм, и теперь я противостою обоим — и Господу, и Сатане. Теперь я служу Человечеству. И известен я как посланец будущего, которое украдено, и прошлого, которое забыто. Не рассказали о Клостергейме наводили ужас на ваши сны, а, фон Бек? — С каждым очередным вопросом он делал еще один шаг по направлению ко мне. Сент-Одран, бледный и озадаченный, переводил взгляд с его лица на мое, с моего — на его.

Ответил я ему вовсе не остроумно, ибо ноги мои подгибались, а все тело покрылось испариной:

— Никогда даже не слышал о вас, сударь. И ничего не читал о Клостергейме.

— Неужели же нет ни единой книги, где меня называют прислужником Сатаны? Вообще ничего в библиотеках фон Беков?

— Ничего, сударь, уверяю вас.

Глаза его стали почти печальны.

— Итак, и имя мое тоже исчезло из этого мира,— вздохнул он.— Все проходит.— Он поглядел на меня, и во взгляде его я прочитал страдание.— Лютую ненависть я питаю к роду фон Бе-

ков. Даже если убить вас, ее не насытишь. Кроме того, судьбы наши сплетены слишком тесно, даже теперь. И еще: у меня не хватит на это мужества. Известно вам, сударь, в каком облике может явиться проклятие? Оно может явиться в виде трусости, и тогда ты уже не способен рисковать. Ты прозябаешь и чахнешь.— Он простер перед собой свои мертвенно-бледные руки и вперил в них взгляд.— Я вас ненавижу, фон Бек.— С задумчивым видом он подался вперед и, к моему ужасу, провел по моей щеке холодными пальцами.— И все же иногда мне кажется, что я должен и любить вас тоже. По крайней мере, вы мне небезразличны. Порой я уже задаюсь вопросом, не были ли мы с вашим предком невольными союзниками. Частями единого замысла. Станете вы мне союзником, фон Бек? Полюбите ли меня?

Я повернул голову.

— Сударь,— процедил я сквозь стиснутые зубы,— вы пытаетесь меня запугать, а мне это не нравится. Что вам от меня нужно?

Он, похоже, пришел в замешательство и скинул руку.

— Ничего. Пока ничего. Фон Бреснворт просто болван. Я поселился в этих катакомбах лет пятьдесят назад... Вы мне верите?

— В таком случае, вы хорошо сохранились, сударь. Должно быть, воздух подземелий помог вам обрести бессмертие.

— Точно так.— Ответ его прозвучал серьезно, без тени юмораон произнес с особой неторопливой тщательностью подбирая слова: — Граф Ульрих фон Бек отнял у меня все, что мне принадлежало по праву рождения. Он согласился пойти в услужение к Люциферу.

Тут только я сообразил, что бедняга не в своем уме.

— Сударь, мне ничего не известно об этом.

Он мне не поверил.

— И о Граале, который Ульрих передал Сатане?

— Прошу вас, герр Клостергейм, отпустите нас. Мы ничего вам плохого не сделали.

— Я служу человечеству,— объявил он.— Никто не станет устраивать бессмысленные кровопролития потому только, что мелкий барон пребывает в расстроенных чувствах. Он злоупотребил своей властью.— Клостергейм перешел на ледяной шепот.— Теперь я служу человечеству,— повторил он.— Вы верите мне?

— Верю.— Я решил потакать ему во всем.— Что же до остального, относительно моего предка...

— Жаль только, что я не видел, как он умирал. Знаете, молодой человек, как душа фон Бека искала себе воздаяния?

Я вновь ответил ему без обиняков:

— Я ничего об этом не знаю. По-моему, предок мой умер естественной смертью.

Он медленно кивнул. Определенно, Клостергейм — сумасшедший, но сумасшествие его было более возвышенным и впечатляющим, чем у любого из собравшихся в этом подвале.

— Не отобедаете ли со мною? — прошептал он, а затем, не дожидаясь ответа, развернулся и обвел взглядом присутствующих.— Несите ключи. Господин мой выносит глупость только в смиренных. А вы обуяны гордыней, вы все! На колени... все, кроме того, у кого ключ! — И все как один упали на каменный пол.

Так Клостергейм продемонстрировал мне свою силу, в то время как женщина в белых одеждах,

которые распахивались, обнаруживая скабрезную нагую плоть, открыла замок на одних оковах, потом на других. Взяв нож, она перерезала веревки.

— Ну как, фон Бек? Вы отобедаете со мною?

— А мой друг? — спросил я.— Сент-Одран?

— Он волен уйти. Прямо сейчас.— Безумец, возвысил голос, обращаясь к коленопреклоненным своим служителям: — Проследите, чтобы шевалье был доставлен домой.— Он положил мне на руку свою холодную ладонь.— Прежде чем вы уйдете, отобедайте со мной.

Человек этот пугал меня, но все же мне было любопытно. Не знаю только почему, но я едва ли не симпатизировал ему. Я колебался.

— Сударь, сегодня ночью я должен как следует отдохнуть, на рассвете я дерусь на дуэли...

Он отвернулся с таким безнадежным вздохом, что я не успел даже подумать как следует, а губы мои уже произнесли:

— Хорошо, герр Клостергейм. Я принимаю ваше приглашение.

— Весьма вам признателен.— Он шагнул по направлению к почтительно склонившемуся перед ним «алому плащу». Острым носком сапога приподнял трясущийся подбородок барона.— Никогда больше не станешь ты что-либо предпринимать без прямых моих указаний. Ты самодоволен и глуп. Ты не достоин той власти, которую я тебе предоставил. Еще один такой проступок, сударь, и мне придется забрать вас...— тут он указывает большим пальцем вниз,— ...туда.

Фон Бреснворт попытался было вымолить прощение, но смог выдавить из себя лишь невнятный лепет.

Клостергейм выдернул носок сапога из-под его подбородка.

— Прощайте, мсье ле шевалье. Будьте спокойны: рыцарь фон Бек последует надлежащему курсу.

Сент-Одран явно хотел воспрепятствовать этому плану, но я поднял руку, давая ему понять, что уверен в своей безопасности. Распрощавшись с шевалье, я направился за Клостергеймом за ширму с козлиной мордой в какой-то узкий коридор, освещенный мерцающими факелами, дающими непривычный серебристый свет.

— Эти мужчины и женщины ждут пришествия Антихриста,— сказал Клостергейм не оглядываясь.— Им известно Рождение, Место и Время. Они верят, что будут избраны для власти, когда начнется царствие Антихриста. Толпа сия велика, но глупа. Каждый несет на себе отметину языческого божка, выжженную клеймом на крестце, и верит, что будет удостоен особой милости. Я полагаю, Антихрист найдет применение и им, но они — жалкая и невежественная компания. Не лучше диких зверей, понимаете?

Его доверительный тон слегка покоробил меня.

Мы спустились по короткому лестничному пролету и вошли в большой каменный зал, освещенный все теми же серебристыми факелами. Обставлен он был по-спартански: конторка, два стула, стол, несколько древних фолиантов и пергаментов и стальной глобус. У стены, рядом с низеньким раскладным ложем, стоял буфет с выдвижными ящиками. Камина не было вообще. Клостергейм прошел через комнату и достал из буфета блюдо с белым хлебом и двумя внушительных размеров головками сыру. На блюдо он положил нож, потом налил воду в два стеклянных бокала, и обед его был готов. Поставив стулья к столу, он снял шляпу и жестом пригласил меня садиться.

Он с любопытством взглянул мне в лицо, неуклюжим движением пододвинув ко мне сыр и хлеб. Похоже, он почитал меня за какую-то диковинную зверюшку, чьего поведения он постичь не мог.

Я отрезал себе кусок сыру, взял бокал с водой и подождал, пока хозяин мой не отрезал скудную порцию и себе. Пережевывая пищу, он смотрел мимо меня. Его глаза как будто следили за передвижением невидимых армий, и меня так и подмывало оглянуться через плечо, может, я тоже увижу то, что видел он? И вдруг совершенно неожиданно он обратился ко мне:

— Лет этак сто пятьдесят назад мы с вами разыскивали ту же самую вещь.

Я проглотил кусок, освобождая рот.

— Не со мной, сударь,— я проявил совсем ненужную мелочную придирчивость.

— Значит, с предком вашим. Та же кровь. То же имя. Мы искали Святой Грааль. Знаете, Антихрист только ждет подходящего момента, чтобы завладеет Граалем и установит царствие свое?

Я уже подозревал, что он помешанный, но чтобы настолько!..

— Нет, сударь. Я думал, Антихрист — всего лишь поблекший образ.

— Однажды ваш предок отдал Грааль моему господину. Так легло на меня проклятие этого существования... Грааль появился из Леса на Крае Небес, что в Срединных Пределах. Однако, как вам должно быть известно, география Миттельмарха изменчива. Теперь уже Леса этого не отыщешь. Господин мой стремился умиротворить Господа Бога и предложил Грааль людям в знак своих чистых намерений. Но Грааль... *он сам по себе.* Он исчез, едва господин задумал отдать его. И теперь он потерян

для нас. Но вы в силах найти его снова, фон Бек. Я не собирался ничего отрицать или же совершать что-либо, что могло бы разозлить этого сумасшедшего. Пусть молчание мое явится как бы знаком согласия.

— И вы полагаете, герр Клостергейм, что Грааль все еще в Миттельмархе? Но, безусловно, это место Проклятых Душ, а не Священных Чаш?

Клостергейм нахмурил брови.

— Так было. Но, поскольку Господь с Сатаной заключили сейчас перемирие, Проклятых Душ больше нет. Мы с вами, сударь, живем в такой век, когда грех не влечет за собой кару небесную. Новость эта должна ободрить вас, стремившегося создать рай в Париже... вы не находите?

— Не нахожу.

— Ну что ж, в этом мы с вами согласны.— Он отрезал себе еще кусок сыру, но есть не стал.

— Итак, герр Клостергейм, вы, стало быть, служите Антихристу? Из чего я заключаю, что Люцифер так и остался вашим господином.

— Этого, сударь, я не говорил. Антихрист — не Бог и не Сатана. Антихрист принял бы владычество над царством, от коего оба они отреклись. К чему устремлен и я. Таким образом, у нас с ним один интерес. В архивах вашего рода есть указания относительно настоящего местоположения Грааля?

— Видите ли, я лишь понаслышке знаком с этой историей.— Я хотел вытянуть из него побольше, но при этом я не желал предстать полным профаном, равно как и человеком, решительно отвергающим его выдумки.

— Понаслышке? Но ведь всем оккультистам известно, что главная цель воздушной вашей экспедиции — вернуть Грааль!

Меня несказанно удивило, с какой уверенностью говорит он о моих планах. Но все-таки я опять придержал язык.

— И как же они догадались? — спросил я.

— Родовое ваше имя, сударь, это же очевидно!

— Оно так знаменито?

— Фамильное предание. Те, кто связан с науками тайными и сверхъестественными, утверждают, что вы владеете и мечом Парацельса.

— В самом деле?

— Тот, кто владеет двумя предметами силы — и Чашей, и Клинком,— мог бы владычествовать над Землею и бросить вызов власти Небес! — Клостергейм отодвинул свой бокал.— Моя ненависть к вам глубока и безмерна, фон Бек, хотя вы не сделали мне ничего плохого. Но вы существуете лишь потому, что враг мой, Ульрих фон Бек, превзошел меня.— Он вновь уставился в пространство у меня за плечом. Я поежился, избегая смотреть по направлению его холодного взгляда.— Но, вероятно, вам самому не знакома такая ненависть, неизбывная и глубокая? Верно, сударь?

— Думаю, да.

Он нахмурился, вперил взгляд в стол и проговорил, обращаясь скорее к себе:

— Слишком многое я потерял.— Он глубоко вздохнул и снова поглядел мне прямо в глаза.— Итак, сударь?

— Итак что, сударь? — Я так и не понял, что ему от меня нужно.

— Присоединитесь вы к поиску, сударь? Или, вернее, позволите ли вы мне сопровождать вас в вашей экспедиции?

— Чтобы в конце вы меня убили? — Я не нашел, как иначе разубедить этого человека в его

фантазиях и дать понять, что здесь происходит явное недоразумение. Похоже, что все, кроме меня и Сент-Одрана, искренне верят в реальность нашего надувательского предприятия.

Клостергейм изумился:

— Зачем же мне убивать вас, сударь?

— Ваша ненависть, сударь. Та самая ненависть, которую вы только что упоминали.

Он пожал плечами, в первый раз выразив что-то близкое к удовольствию.

— Какая польза мне убивать вас? Смерть — ничто. А вот, то, что за ней воспоследует, уже имеет некоторое значение. Вы меня почитаете за какого-то мелочного мстителя? — Голос его доносился словно бы издалека, исчезающий, точно лед, испаряющийся туманом. Глаза его снова следили за развитием невидимой драмы.— Ну, сударь, заключите вы сделку с Клостергеймом? Я буду вашим проводником в Миттельмархе и также могу предоставить вам разнообразную помощь... Тогда всю прибыль делим пополам...

— Я не совсем понимаю, что вы мне предлагаете, сударь.

— Мудрость. Прежде вы не совершали туда путешествий, я знаю. Я предлагаю вам самые разнообразные сведения о Срединном Мире. И, разумеется, подлинную силу. Силу, превосходящую все доселе известные. Территорию на нашей Земле, где вы могли бы проводить любые опыты, какие только пожелаете. Все, что вас разочаровало во Франции, можно будет исправить, если вы все еще продолжаете грезить о том.

— Перспектива заманчивая,— заметил я. Фантазия, переросшая все разумные пределы, слегка вскружила мне голову.— Но, боюсь, у меня нет

второго из упомянутых вами предметов силы. Что это за меч?

— Меч Парацельса? Преклоняюсь пред вашею осмотрительностью.— Он покачал головой.— Где бы вы ни хранили его теперь, он спрятан надежно. Но битва грядущая будет грозной и опасной, и несомненно битву сию провести можно будет и в этом Царстве.

Я оставил всяческие попытки проследить за ходом его мыслей.

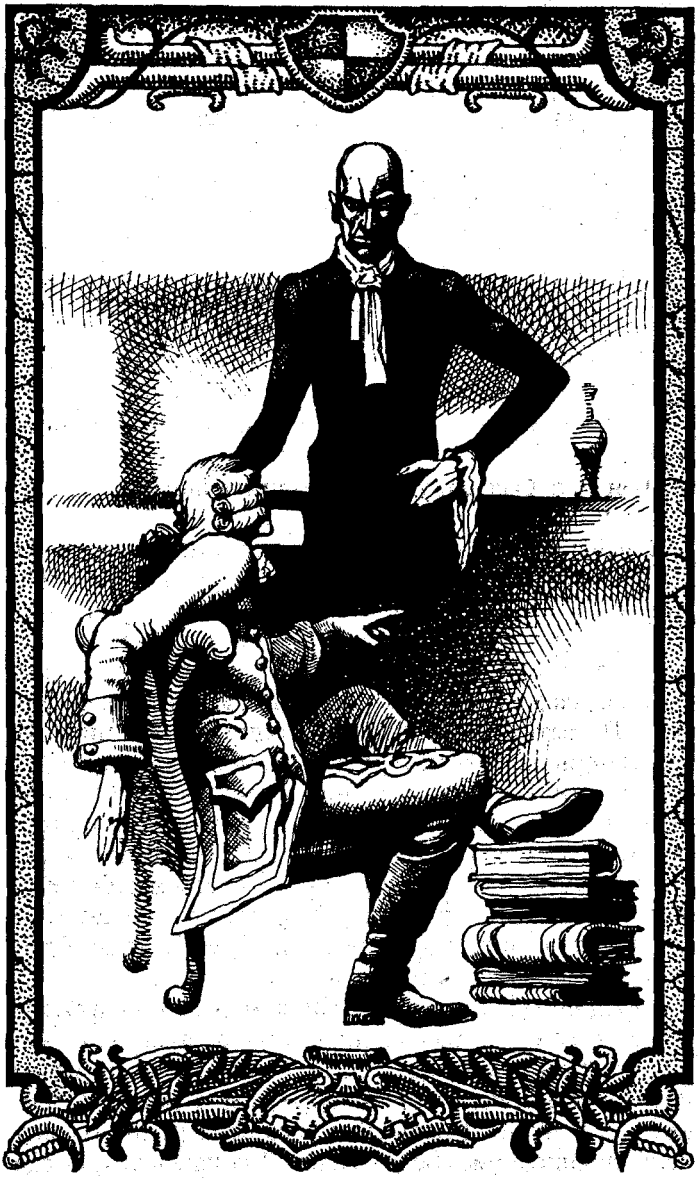
— Вам открыты многие тайны, герр Клостергейм.

Тон его был едва ли не извиняющимся:

— Я больше уже не всеведущ.

Взгляд его, кажется, обратился в прошлое, в то время, когда он стоял во главе огромных армий. Он начал рассказывать мне о жизни, которая, возможно, пригрезилась ему в мечтаниях, о том, как когда-то он был вождем адских полчищ и повел свое войско против самого Сатаны,— великий мятеж. Попытка свершить еще одну революцию. И вот теперь, как он утверждал, на него пало проклятие нескончаемого изгнания и вечных сомнений. Он — как прежде Люцифер — потерпел поражение и был низвергнут. Но наказание его так и не открылось ему в полной мере. Он посвятил себя, как сам он это определял, «Торжеству человека» и ждал только дня, когда снова наберется мощи бросить вызов Господу и Сатане.

Бред его был столь грандиозен, а тон — прозаичен, что мне оставалось лишь молча слушать. Союз, который он мне предлагал (если бы я только верил в подобные вещи), мог бы обречь мою душу на вечное проклятие. Но для сумасшедшего речи его звучали слишком уж убедительно. Я соглашался, когда



находил это благоразумным, и держал рот на замке, если чувствовал, что замечание мое может его насторожить.

И вот он закончил:

— Я задержал вас, сударь. Уже поздно. Встреча, впрочем, для меня оказалась полезной. Я провожу вас наверх.

Он провел меня по катакомбам обратно во внешний мир, продолжая говорить на ходу, без конца повторяясь, как человек, чей дух перенес сильный удар, например смерть любимого родственника. Голос его вскоре слился с другими шумами в тоннелях. А потом он стоял вместе со мной в узком дверном проеме и глядел в явном недоумении на бледное рассветное небо. Я зевнул.

— Устали, сударь? — спросил он.

— Немного.

Он медленно кивнул головой, слегка нахмурив лоб, словно бы понимал, но не мог уже вспомнить то время, когда ему самому нужен был сон.

— Я дам знать о себе, как только мне станет известно, что ваш корабль готов,— сказал он. Потом, с видом изумленного ребенка, показал пальцем на снежинки, сдутые ветром с ближайшей крыши. Он так и держал палец вытянутым и, сощурив глаза, словно сосредоточившись на своих ощущениях, ждал, пока на кончик его не приземлится снежинка. Он вздохнул, но дыхание его не вырывалось паром, как мое. Сначала мне показалось, будто он хочет мне что-то сказать, но потом я сообразил, что он хотел, чтобы я посмотрел на то, что для него было странным,— на эту снежинку.

— Зима,— мечтательно произнес он,— ну конечно.

Но снежинка так и не растаяла.

Я был без пальто и уже замерзал. Зябко ежась, я распрощался с Клостергеймом и пустился бегом по улицам. В конце концов я выбрался все-таки к Мосту Младоты. У старого Причала Руна я поискал Монсорбье, но не нашел его. После восхода прошел только час, и уж одному из соперников приличествовало бы подождать другого хотя бы такое время.

Тонкий слой снега покрывал каменную мостовую Причала Руна. Здесь никого не было с прошлой ночи. Озадаченный, я вновь понесся по улицам, пока наконец не налетел с разгона на дверь «Замученного Попа».

Впустила меня фрау Шустер. И издав мощный вздох облегчения, она заключила меня в объятия своих пухленьких и уютных ручек!



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Назначенная встреча срывается. Дальнейшие мечтания. Нам обещают крупные неприятности, но Сент-Одран разрешает все наши затруднения. Новости о горючем газе. Критский кошмар. Я озадачен. Ужасные разоблачения. Малодушное решение

Едва я вошел в пивную, на лестнице раздались торопливые шаги и в зал спустился Сент-Одран. В высоких сапогах, с пистолетами во всех карманах и мешочком с порохом, прикрепленным к поясу, он выглядел настоящим воякой. За ним следовали четверо молодцов, также вооруженных до зубов, подобно шайке пиратов. Шевалье отдавал на ходу распоряжения и был так увлечен сим занятием,

что не сразу заметил меня. А когда все же заметил, то застыл в комическом изумлении.

— Боже правый! Вы уже спасены! — Он едва ли не оскорбился подобному повороту событий.

— Скорее отпущен с миром,— немного утешил я шевалье.— Безумие герра Клостергейма оказалось гораздо проницательнее и утонченнее, иное, чем у племянничка ландграфини.— Я уселся в уголке возле старой железной печки. Меня до сих пор трясло.— Мы проговорили всю ночь напролет. Были известия от Монсорбье?

— Кровь Господня! Я и забыл. Он же нас ждет!

— Нет, не ждет. Он даже и не появлялся в назначенном месте.

Сент-Одран помрачнел.

— Монсорбье не трус,— заметил он.— Должно быть, он скоропостижно скончался, или, по крайней уж мере, свалил жар.— За спиной у него, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стояли четверо юных радикалов, разочарованных не меньше, чем мой партнер. Впрочем, их можно было понять: они предвкушали такое приключение! — Нужно кого-то послать к Монсорбье.— Шевалье нахмурился.— Но он, кажется, не оставил адреса.

— Он без сомнения сам нас разыщет.— Тут фрау Шустер подала мне бокал с подогретым вином, и я с благодарностью осушил его.— А что, барон проводил вас до дома?

— Послал двоих головорезов. Из тех, что схватили нас. Но еще до того как я отбыл, он немного собрался с духом. И даже дал мне понять, что если мы и дальше будем вытягивать денежки у его милой тетки, наш поход может закончиться очень трагично, так и не начавшись.

— Он не послушался Клостергейма? Стало быть, он гораздо храбрее, чем я думал.

— Или гораздо глупее. Барон из тех людей, которые всегда понимают приказы хозяев своих буквально, но при этом мнят себя этакими хитроумными злодеями. А если его обвинить в чем-то подобном, так он еще искренне изумится.

— Вы полагаете, он так и будет пытаться убить нас?

— Скорее будет пытаться подстроить нашу трагическую гибель. И, вероятно, весьма неуклюже.— Сент-Одран улыбнулся и распустил пояс со шпагой.— Но Бог с ним, с бароном. Кто меня действительно интересует, так это Клостергейм. Почему он нас спас? Он ничего не сказал? Я так понял, что ваше имя ему знакомо.

— Друг мой, он тоже требует, чтобы мы взяли его пассажиром на наш летающий фрегат. Так же, как и ландграфиня, он безоговорочно верит в то, что Миттельмарх существует!

Сент-Одран уселся на скамью и стал отстегивать жабо.

— Может быть, мы все-таки построим фрегат. Похоже, у нас есть все шансы удвоить свое состояние только продажей кают!

— И устроить рейс к каким-нибудь сказочным землям по вашим мифическим картам? — Я рассмеялся гораздо громче, чем шутка того заслуживала.— Куда мы отправимся, Сент-Одран? К мирам, придуманным Клостергеймом? В Миттельмарх, где займемся поисками ландграфининого супруга? А наш таинственный инвестор? Может быть, принц Майренбургский имеет намерение основать некую империю в Преисподней? А еще господин, предлагающий нам водород... куда он захочет, чтоб мы

его отвезли? В какой-нибудь Кокейн, сказочную страну изобилия и праздности?

Фрау Шустер уже подавала завтрак и делала нам настойчивые знаки. Я поднялся, чтобы пересесть за стол.

А потом я лишился чувств. Сам даже не помню, как я упал прямо на Сент-Одрана. Должно быть, то просто сказалась усталость, но беспамятство обратилось тяжелым сном, и во сне мне явились видения: Клостергейм, суровый и мрачный, меч с какою-то птицей, заключенной в сияющей рукояти, чаша, изливающая ослепительный свет. И она — владычица моего сердца Либусса — гладила мою грудь и дышала мне в ухо, а я был беспомощен под ее ласками, точно змея в корзине у брамина. Проснулся я, весь в холодном поту. Где Монсорбье? Дрался я с ним и был ранен? Я не мог различить, где был сон, а где — явь. Облака расступились над башенками Майренбурга. В окно лился серебряный лунный свет. Я сел на постели, стянул с себя промокшую от пота рубашку, вымылся в холодной воде, что серебрилась в фарфоровой чаше. А потом вспомнил, что всю прошлую ночь проговорил я с Клостергеймом, что Монсорбье не явился за сатисфакцией и даже не прислал секундантов с извинениями. Какой-то алхимик или философ пообещал снабдить нас с Сент-Одраном горючим газом, необходимым, чтобы поднять наш корабль в воздух. И все в один день. Вчера? Мои инстинкты вопили: «Сговор». «Совпадение»,— возражал им разум. Когда со мной случалось нечто подобное, обычно я не прислушивался ни к инстинктам своим, ни к разуму, стараясь держаться где-то посередине, если то было возможно. Я поспешно оделся и пошел к Сент-Одрану. Как выяс-

нилось, британец тоже склонялся к мысли, что против нас с ним готовится некий заговор. Его комнаты, ярко освещенные лампами и свечами, были завалены чертежами и картами, причем имелось немало таких, которых я раньше не видел.

— Есть у меня подозрение, что все наши враги объединили усилия, дабы нас уничтожить,— сказал шевалье.— Хотя мы и рассчитывали, дружище, пробыть здесь до весны, я думаю, было бы очень разумно с нашей стороны, если бы мы все же поторопились с устройством маленького кораблекрушения.

— Сент-Одран,— помрачнел я,— я что-то не помню, чтобы вы вели речь о каком-то кораблекрушении.

— Я держу в голове множество вариантов спасения, друг мой, но у меня не всегда получается облечь их в слова. В последние дни я только и думал о том, как нам лучше всего будет бежать. И кое-что сообразил. Хотите, расскажу?

— Буду весьма благодарен вам, сударь.

— Вот, значит, что я придумал... Мы объявим еще об одной демонстрации уже имеющегося корабля, для которой используем, если удастся, предложенный газ. Но крепежная веревка... почему-то протершаяся веревка... неожиданно оборвется! Мы будем кричать, звать на помощь! Будем трясти гондолу! Мы создадим видимость самого искреннего отчаяния... а уж ветер доделает все остальное. И нам без сомнения нужно заполучить водород: так мы и поднимемся выше, и полетим побыстрее. Часов через пять мы будем уже милях в ста отсюда. При правильном направлении ветра мы прибудем в Аравию еще до того, как возникнет нужда приземлиться. При наличии золота и воздушного шара мы без труда обретем покровителей и в Оттоман-

ской Империи, и в независимых эмиратах, и может быть даже в Китае. Изменим имена. Назовемся как нам только будет угодно. А потом, годика через два, вернемся в Европу с добротной сказочкой, объясняющий как продолжительное наше отсутствие, так и несметное наше богатство. Никто нас не осудит, и лишь немногие огорчатся!

Дела принимали явно критический оборот. При таком стечении обстоятельств я был готов бежать едва ли не на любых условиях. Клостергейм меня просто пугал... Но оставался еще вопрос, который весьма меня беспокоил: как мы объясним пропажу золота, препорученного нам акционерами Компании?

— Придумаем каких-нибудь кровожадных разбойников,— отмахнулся Сент-Одран.— Вполне подойдут те же самые головорезы, что похитили нас вчера. Заговор против нас. Настоящий заговор. Надо оповестить об этом широкую публику и сделать это в ближайшие дни. Да, кстати, я перевел все деньги в один из банков Германии. Утром же я зайду к ландграфине и скажу ей, что племянник ее грозится помешать нашему предприятию, а нас убить. И если случится что скверное, он первым будет на подозрении. Что же до этих французских хлыщей... их вероломство скорее всего объясняется революционными взглядами. Я как раз написал ответ нашему таинственному дарителю с просьбой снабдить нас таким-то количеством горючего газа, необходимым для испытательного подъема нашего шара, в котором мы хотим переделать механизм управления. Мы намереваемся также увеличить размер гондолы. Завтра станет известно, получим ли мы этот газ. Потом мы объявим о том, что собираемся испытать его. Выберем

подходящее время, когда будет достаточно ветрено, ну а дальше останется только решить, на каком из континентов мы желаем приземлиться! — Он говорил по-английски, чтобы нас не сумели понять, если кто вдруг подслушивает.

— Но шаром нельзя управлять.— Я тоже перешел на английский.

— Верно. Но можно рассчитывать скорость ветра и контролировать направление полета при помощи обычных парусов. Признаю, нам придется отдаться на волю ветра, но мы будем не так уж беспомощны. В этом нет ничего сложного, вот увидите. План-то, в общем, незамысловатый. И осуществить его будет просто.

Я уже миновал стадию всяких моральных терзаний. Теперь мне хотелось лишь одного: вырваться из кошмаров, освободиться от человека, который заявляет, что прожил на свете больше полутора сотни лет, и от этого неуловимого блуждающего огонька в облике женщины, чей образ меня неотвязно преследовал.

— При этом вы получаете золото... и свое поместье тоже, если хотите,— добавил Сент-Одран.

«Бек, полученный ложью,— подумал я,— будет уже и не Бек. Человек, погрязший во лжи и обмане, как учит нас Гете, теряет в конце концов веру в себя, теряет любовь и расположение друзей. Хотя, с другой стороны, бегство на воздушном шаре, пусть и является малодушным решением, может спасти меня от соблазна, исходящего от Либуссы, и открыть предо мной перспективы, не запятнанные одержимым безумием». Таким образом, нарастающая паника с легкостью заглушила голос совести. Теперь меня больше всего волновало, как бы мы не приземлились в стране, где я

уже был объявлен вне закона! Я представил себе, как корабль наш опускается на главу Кремля... Ирония, заключенная в образе этом, весьма меня позабавила, хотя случись такое на самом деле, мне было бы не до смеха. Сент-Одран успокоил меня. Он уже в общих чертах проработал маршрут и предвкушал приключения, которые ждут нас в Аравии, Индии и Китае и на каких-то еще неизвестных мне островах в Южном Море.

— Я смотрю, вы уже четко наметили для себя маршрут путешествия, но как вы рассчитываете придерживаться его на практике? — осведомился я.

— Я хорошо разбираюсь в общественных вкусах. На данный момент публика предпочитает сенсации. Фантазия, знаете ли, облегчает нам бремя серой действительности. Сейчас я планирую, как мы продадим наши будущие приключения, которые, кстати, и объяснят продолжительное наше отсутствие. Мы, например, завербовались в войско диких бедуинов. Обнаружили Кладбище Слонов. В земле Кука стали свидетелями тайного Танца Мертвых. Как в сокрытой долине в самом сердце Сахары нас захватило в плен племя белых людей, почитающих Дьявола, и как мы потом спаслись. Мы станем богаты, фон Бек, понимаете? — Сент-Одран подмигнул мне, разбивая тем самым все мои доводы. Как можно противостоять утонченному и обаятельному негодяю, тем более если тот прозрачно намекает, что он лучше, чем кто бы то ни было, знает цену красивым своим словам, поскольку сам ни на мгновение не подпадает под их заманчивое очарование!

Тем же вечером, но позднее, я закутался в теплое кучерское пальто с пелериной, повязал горло

шарфом, натянул шерстяные перчатки и вышел на улицу прогуляться. Я спустился к реке, перешел Мост Младоты, потом — Мост Королей с каменными изваяниями великих монархов, установленными через равные интервалы вдоль обеих балюстрад. Мне нужно было побыть одному, о многом подумать, еще раз перебрать в уме все, что приключилось со мной за последние тридцать шесть часов.

Самое яркое впечатление оставила, разумеется, встреча с Клостергеймом. Меня весьма заинтриговало его несомненное знание истории жизни моего знаменитого предка. Его безумные речи о магии и отмщении выдавали незаурядное поэтическое воображение, которое перевернуло с ног на голову всю общепринятую теологию. И все же он явно был не в себе, если действительно верил в то, что я владею волшебным мечом, могу отыскать Святой Грааль и по желанию умею перемещаться в какие-то сумрачные миры, которые, по утверждению Клостергейма, являются отражением нашего мира. Он говорил мне о необычных людях и дивных зверях, о которых упоминали на протяжении многих веков в своих записках путешественники и которые вошли в общественное сознание как существа из легенд и сказок. Скорее всего земли, которые он мне описывал, были не более чем отражением его желания поверить в истину незамысловатых историй, проникнутых высокой романтикой. Это были земли, где все болезненные человеческие проблемы разрешаются словно по мановению руки. Вот и выходило, что Клостергейм — жалким безумец, бегущий от двусмысленности и обескураживающего коварства реальности.

Пожав плечами, я уставился в темные воды Рютта и пробормотал себе под нос:

— Именно жалкий безумец. И не более того.

Однако я был абсолютно уверен, что Клостергейм — не простой сумасшедший. Слова его были скорее всего, усложненной метафорой... Они не могли быть ничем иным.

Я осмотрелся. Майренбург уже спал. Бледные облака, подсвеченные лунным сиянием, плыли в небе над городом, словно текучий, податливый пейзаж, не закрепленный еще волей Творца. А Земля до рождения своего, не была ли она вся — расплавленным камнем и бурлящим газом? Может она была создана некоей мимолетной гальванической мыслью, которая и сама просуществовала не более доли секунды? Действительно ли Господь Бог сотворил и населил эту маленькую планету для каких-то своих, лишь ему ведомых целей? Или, возможно, просто чтобы развеять скуку? Могло ли быть так, что Бог с Люцифером, как утверждал Клостергейм, и самом деле ведут нескончаемый спор, пытаясь прийти к соглашению об условиях перемирия и в конце концов воссоединиться в вечном союзе?

Я всегда был далек от каких бы то ни было теологических абстракций. Шансы получить ответ на последний вопрос были примерно равны шансам убедить барона фон Бреснворта купить акции Компании Воздушных Исследований или же отказаться от тетушкиного наследства в пользу какой-нибудь богадельни.

Я поспешил обратно на Правый Берег. Вновь оглядел с моста Причал Руна, пустынный и тихий. Снег, замерзший на тротуарах, был почти так же чист и нетронут, как и утром, когда я приходил

сюда встретиться с Монсорбье. Вопреки всем заверениям здравого смысла во мне росла убежденность в том, что в последних событиях, со мной приключившихся, действительно замешана некая сила, более мощная и великая, чем все, что доводилось мне испытать доселе. И я все больше и больше склонялся к мысли, что сила эта имела, хотя бы отчасти, сверхъестественную природу.

Я решил, что пора уже возвращаться в гостиницу, согреться стаканчиком грога и отправиться спать. Мне оставалось только молиться о том, чтобы сны мои были спокойны, хотя я даже и не надеялся, что молитва сия будет услышана.

В ту ночь я еще долго лежал без сна. Мысленно я вновь и вновь возвращался к Клостергейму и к его заявлениям о том, что у нас с ним одна судьба и что род наш наделен неким особым даром. Я всегда полагал фон Беков уважаемой благопристойной фамилией именитых саксонских землевладельцев, часто несхожих во мнениях, реже — согласных между собою во всяком вопросе, за исключением самых основополагающих. Меня поразила и глубоко задела неожиданная мысль о том, что, быть может, и моя герцогиня Критская усмотрела во мне некоего Парсифаля и поэтому помогла спастись. Едва я подумал о ней, как она уже предстала передо мною, ибо в это мгновение я перешел черту, отделяющую явь от сна. Я представлял себе ее гибкое, податливое тело... как оно льнет ко мне... А герцогиня шептала мне о предназначении моем и еще о том, как сплетены наши судьбы. Неужели же вера моя в собственную фантазию так ослабела, что я пал жертвой иных — фанатичных — сознаний? Может быть, обнаружив, в каком бессилии пребывает мой дух, они пыта-

лись теперь навязать мне свои грезы в надежде, что я, впитав их мечтания, стану таким, каким они хотели видеть меня: неким героем, собирающимся отправиться на поиски сказочного талисмана?

Мне нужно вырваться, твердил я себе, как-то спастись. С каждым мгновением меня все больше и больше привлекала перспектива задуманного нами бегства на воздушном шаре. Мне казалось, я лежу обнаженным и ощупываю свои бедра, грудь и голову. Знакомые контуры и плотность тела придавали мне некоторую уверенность.

— Я — фон Бек,— вызывающе бросил я в темноту. А потом добавил: — Но я должен узнать. Я должен узнать, Либусса. Я должен узнать тебя... Почему я уверен, что обрету откровение, коснувшись твоего греческого тела. Почему мне кажется, что в имени твоем сокрыта некая тайна? Я томлюсь в огне новоявленной страсти. Все мое тело в движении, пусть я пытаюсь сейчас лежать тихо. Ночью я не могу ни отвлечь себя, ни обмануть. Я заворожен.

А в Лабиринте Минотавр бесится от ярости, проклиная Богов, сотворивших его и ни зверем, и ни человеком... Дедал покидает остров. Он свободен в своем полете. Но Икар, опьяненный первым опытом высоты, поднимается к Солнцу и погибает.

На Крите синее море лижет белою пеной прибоя желтый песок. Скалы крошатся, осыпаются руины, возведенные на вершинах их,— древние, как сами скалы. Черный парус растворяется на горизонте. Красавец Тезей стоит на берегу и смотрит на город Тельца. Люди еще не ведут счет времени, счет векам. Пейзаж сей написан в безоблачных

безгрешных тонах. Откуда-то из прозрачной дали доносится яростный рев Тельца. Его голос, в котором и вызов, и жалоба, выводит песнь печали.

Тезей угрожающе взмахивает булавою. На его безупречных плечах — плащ зеленого цвета, на голове — шлем с пурпурным плюмажем. Его ноги обуты в разукрашенные сандалии. У него женские груди и гениталии мощного мужа. Гермафродит вызывает на смертный бой древнего зверя, обуянного безумием,— зверя, чьи бесконтрольные неуемные страсти грозят его жизни, грозят будущему человечества. Минотавру предстоит пасть...

Вот легкой походкой атлета идет полуюноша — полудевушка. По желтому берегу подходит он (она) к граду Тельца, городу Лабиринта. Раздвоенные копыта выплясывают по камням Лабиринта безумный танец, громадная булава бьется о землю. Зверь храпит во тьме. Гнев его и гордыня требуют жертвы. Он должен почувствовать вкус свежей крови. Тезей медлит у входа. Но его грудь вздымается и опадает в рассчитанном ритме. Даже теперь не желает он преклониться пред обезумевшим Тельцом.

Тезей сжимает зубы. Он ждет, когда его ревность и страх выльются в жажду крови. Зловоние, исходящее от Минотавра, бьет ему в ноздри, и ему остается теперь положиться лишь на доблесть свою и искусство воина, искушенного в битвах. Он призывает к себе дух решимости. Не каждому дано обрести такую решимость, да и нужна она немногим. Тезей... мой Тезей... делает шаг вперед. В кристальной рукояти меча его бьется птица, заключенная в камень. Сокол, рвущийся в ярости, что не слышна, прочь из стеклянной своей тюрьмы.

В Византии искусство алхимии обрело европейский дух. Здесь жили Мария-Иудейка и Зосима-Египтянин, изучавшие узы, посредством которых человечество связано с космосом и сливается с ним воедино. Или же заключены друг в друге?

Алхимики свели элементы Земли к единой тинктуре, в которой сосредоточилось все: материя, все ее качества, все человеческие устремления, знания, само Время. Громадные стеклянные колбы, каменные реторты, медные котелки и трубы, дымящиеся настои, возбужденные элементами... и конечный итог — сотворение человеческого существа, Герм-Афродиты, саморепродуцирующего, наделенного всеми знаниями и добродетелями в высшем их проявлении. Бессмертное, гармоничное создание, ни господин и ни раб; и мужчина, и женщина одновременно; существо, о коем записано в *Бытии*. И теперь это творение легким шагом ступило в пейзаж моих снов. Я видел его с позиции как бы стороннего наблюдателя, но иногда... иногда я был им, преисполненным радости в мощи своей и свободе. Во мне сливались тогда Адам и Ева. Разум мой прояснялся, восприятие обострялось, когда я вдыхал полной грудью заново сотворенный и проникнутый свежестью воздух земного Рая.

«*А потом...*» — говорит Клостергейм. Его голос, подобный ветру из преддверия Преисподней, поет о смерти, остывшем пепле и ностальгической жажде возродить былые, давно утратившие надежду, преисполненные злобой, легионы Ада. Он хочет снова встать во главе этой рати, пусть даже то будет армия негодяев, способных только разрушать созданное людьми. Они ищут, как возродить первобытные чувства... но настоящую чувственность от-

вергают и будут всегда отвергать... те, кому власть над другими желаннее услаждения страстей человеческих...

Гермафродит вдыхает запах опасности — запах Зверя. Она вступит ли в бой? Он бежит ли сражения? Каков будет выбор?

Я снова проснулся в холодном поту, несомый полуночным потоком кошмара. Я был как бог. Но я боялся. Разве это возможно? Такая громадная ставка пусть даже в великой игре? Будущее человечества?! Весь остаток ночи, до рассвета, мой разум сражался с тем, что я бы определил как инстинкт. Но битва не привела ни к чему. Я испытывал странное ощущение, словно бы некая вариация прошлого и одно из возможных будущих боролись во мне, силясь завоевать мои симпатии. Долго я не решался прибегнуть к помощи настойки опия, бутыль с которой стояла теперь у моей кровати. Ею по доброте душевной снабдил меня Сент-Одран. Но в конце концов я все же отпил пару глотков и вновь провалился в сны, но такие уже, в которых деяния мои, мне привидевшиеся, не задевали никак моего существования наяву.

Разбудил меня громкий стук в дверь, которую я запер, может быть находясь под воздействием критских кошмаров. Пришел Сент-Одран. Он сообщил, что обещанный горючий газ будет передан нам уже сегодня утром и что сам он отправляется на Малое Поле и лично проследит за его доставкой. В своем сумеречном настроении я едва понимал то, что он мне говорит. Кажется, он собирался еще заглянуть по пути к ландграфине по какому-то важному делу. Когда он ушел, я вновь впал в полубеспамятство и пришел в себя только к полудню. Наконец-то я взял себя в руки, смог подняться с постели, привести

себя в божеский вид и вновь войти в мир повседневной реальности.

Сент-Одран вернулся в гостиницу «Замученный Поп» весь засыпанный снегом и весьма озабоченный. Он разыскал меня в кухне, где Ульрика читала мне вслух свою работу, которую она собиралась представить в гимназии, куда возвращалась на следующей неделе. Шевалье явно горел нетерпением поделиться со мной новостями, однако же не прервал наших чтений. Ульрика закончила читать сентиментальные ребяческие излияния, сходные во многом с высокой риторикой наших юных утопистов, в скором времени отбывающих в Венецию, и я ей проаплодировал.

Ульрика покосилась на шевалье — тот упал на одно колено, выражая самое искреннее восхищение, хотя не слышал ни слова,— и свернула листки свои в трубочку.

— Так вы обратите всю вашу школу к возвышенным устремлениям,— сказал я ей. Но Ульрике нужна была строгая критика, так что мне пришлось указать ей на некоторые, с моей точки зрения, неуклюжие фразы и на один немного туманный пассаж. Все это время Сент-Одран всячески проявлял нетерпение, разве что только не кашлял и не ходил из угла в угол. Наконец Ульрика успокоилась, получив необходимую порцию критики, и я в некотором раздражении повернулся к шевалье, имея в виду указать ему на непривычную для него явно жалкую демонстрацию хороших манер. Но не успел я и рта раскрыть, как Сент-Одран глухо и устрашающе проговорил:

— Ландграфиню убили!

Я увел его с кухни в пивную, где сидели одни только приезжие поселяне, покупавшие в городе

плуги и ткацкие станки. Они выпивали тут со вчерашнего вечера, отмечая покупку, и не соображали уже ничего, не говоря уж о том, чтобы заметить наше с шевалье присутствие.

— Вы сразу оттуда?

— Меня еще два часа допрашивал судебный пристав, потом задержали солдаты и снова допрашивали, на этот раз — их майор. Ее зарезали, затем подожгли комнату, но слуги все же успели сбить пламя прежде, чем начался настоящий пожар. Она была обнажена. Ее явно пытали. Украдены деньги и, как утверждают слуги, кое-какие книги. Почти все бумаги ее сгорели или обуглились так, что уже ничего невозможно прочесть. В конце концов поручились за мою невиновность. И действительно, какая была мне причина желать ее смерти? Так что меня отпустили с миром, но нам обоим еще предстоит давать показания. И нас призовут выступить свидетелями на судебном дознании. Подозревают они фон Бреснворта. Он утверждает, что во время убийства находился в своем загородном поместье. Они описали мне состояние трупа. У меня волосы встали дыбом. У нее прямо на теле были вырезаны ножом какие-то странные знаки. Предположительно — символы черной магии.

— Зачем ему было пытать свою тетку? — Я с самого первого дня знакомства симпатизировал этой доброй и неизменно благожелательной женщине.— Наследство в любом случае достается фон Бреснворту. Она что, изменила свое завещание или продиктовала какие-то дополнения? Зачем убивать ее по сатанинскому ритуалу и навлекать на себя подозрения? Ведь его увлечение широко известно!

— Они, сатанисты, верят, что в ходе подобного ритуала они получают великую силу. И, разуме-

ется, такой тупица, как наш барон, ожидал, что весь дом выгорит дотла. Он и ему подобные полагают, что жестокость, с какою свершается ритуальное жертвоприношение, прямо пропорциональна высвобождаемой силе. Они сумасшедшие, фон Бек. Их мотивы почти невозможно постичь.

— Надеюсь, злодея повесят.

— Пока ему удалось скрыться. Майор с адвокатом сейчас расследуют преступление, и в ходе расследования, я уверен, обязательно отыщутся факты, неопровержимо свидетельствующие о виновности барона. Быть может, захватят сообщников, и они дадут показания против него. Он безусловно был там не один. Его дружки-дьяволопоклонники либо ему помогали, либо просто слепо исполняли его приказания. Принц поднял весь город на поиски убийц своей двоюродной сестры. Так что есть все шансы, что их скоро поймают.

— Если только они не скроются в катакомбах.

— Я описал катакомбы майору Вохтмату. Каждую деталь, которую только сумел припомнить. Они ищут и Клостергейма тоже.

— Итак, не получив нашей крови, он утешил себя кровью родной тетки! Клостергейм, я так думаю, будет страшно доволен тупостью своего любимца. Фон Бреснворт просто свихнулся на том, чтобы кого-то убить. Или, может быть, он рассчитывает обвинить в этом убийстве нас и тем самым решить все проблемы одним махом? Или же тут все сложнее, как вы считаете, Сент-Одран?

Он ответил мне со сдержанной рассудительностью:

— Я бы сказал, что какие-то факторы существуют, причем архисложные. Однако в настоящий момент мне не хотелось бы строить догадки.

Я все еще нахожусь под впечатлением этого ужасного кровавого преступления. Очень трудно судить о причинах подобного извращенного злодейства. Но мне что-то не верится, что барон совершил убийство исключительно из-за нескольких сотен талеров, пожалованных ею нам, когда ему достаются все тетушкины миллионы!

— Может быть, он не хочет, чтобы наш воздушный корабль отправился в плавание? Или чтобы мы попали в Миттельмарх, в существование которого он, в отличие от нас, безоговорочно верит? А что, если мы по его представлениям вовсе не парочка шарлатанов? Если он убежден, что мы действительно обладаем некими сверхъестественными секретами, может быть даже ключом к бессмертию? Вдруг он вбил себе в голову, что ему угрожает реальная перспектива того, что его тетка будет жить вечно? В наших расчетах, мне кажется, мы упустили *его* легковерие!

Сент-Одран согласился с этой теорией, но взмахом руки остановил мои дальнейшие рассуждения на эту тему.

— Буду с вами откровенен, фон Бек. Полдня я только и делал что обсуждал эти вопросы, однако это не изгладило образ ее обезображенного тела, который до сих пор стоит у меня перед глазами. Графиня мертва. Воскресить ее мы не можем. Чем скорей мы исчезнем из Майренбурга, тем лучше. Слишком много безумцев собралось вокруг нас. Если бы раньше знать, сколько в этом городе окажется психически нездоровых искателей тайного знания, я бы вообще не стал затевать все это предприятие.

Только теперь я сообразил, что Сент-Одран не на шутку испуган. Да что испуган — он просто в

ужасе! По крайней мере, подумалось мне, я теперь не одинок в своих страхах.

— Я предлагаю попробовать расторгнуть все сделки, вернуть по возможности больше денег и убираться отсюда подобру-поздорову.

— Я пришел к тому же выводу.— По выражению глаз Сент-Одрана я понял, что он, как наверное никогда ранее, близок к отчаянию.— Но сделки уже заключены. У нас есть определенные обязательства, а фон Бреснворт, по закону, теперь является главным держателем акций нашей Компании. Я перечитал все бумаги и так, и эдак. В случае расторжения контрактов по нашей инициативе — в основном из-за этого проклятого доктора-адвоката — по отношению к нам применяет самые жесткие санкции. Мы приняли на себя обязательство перевести пассажиров. Понравится ли, например, Клостергейму, если мы вдруг объявим, что Компания ликвидируется? На карту, дружище, поставлены наши жизни. Короче, как ни крути, все опять же сводится к тому, что придется нам положиться на свежий ветер, поистершуюся веревку и легковерие наших инвесторов, как анонимных, так и широко известных.

Сент-Одран был действительно потрясен участью ландграфини. Он пил в тот день больше бренди, чем обычно себе позволял, и проявлял больше эмоций, чем когда-либо прежде. Даже тогда, когда нас с ним едва не прикончили во славу Дьявола, шевалье держался гораздо спокойнее. Однако я понимал, что он не мог выразить чувства свои во всей их полноте. Это смотрелось бы как лицемерие, поскольку до этого сам он намеревался обокрасть (если уж называть вещи своими именами) простодушную женщину. Сент-Одран принад-

лежал к той породе людей, которые испытывают свое хитроумие в схватке с миром, подобно заядлым картежникам за зеленым столом. Наравне со стремлением к выгоде им двигала и любовь к игре. Даже один из тостов шевалье поднял, как он объявил, в память достойного игрока, ландграфини.

Я бы с радостью присоединился к нему, сбежав от реальности в хмельную сентиментальность. Но некий глубинный инстинкт заставлял меня держаться настороже, так что я просто сидел с шевалье и выслушивал его скорбные излияния, как и пристало хорошему другу. Когда же пивная наполнилась вечерними посетителями, я отвел Сент-Одрана наверх, захватив и его початую бутылку. Очутившись в своей комнате, шевалье разделся, скинул туфли, стащил чулки и продолжил свою печальную литанию. В ту ночь он открыл мне все свои страхи, всю любовь свою к человечеству, свои раны, боль, привязанности, истоки его изощренного фатовства и пристрастия к сокрытию истинного лица под личиной. То была скорее сознательная осмотрительность дуэлянта, чем броня неустрашимого рыцаря. Он пытался словами сдержать натиск жестокого мира, ибо Сент-Одран всей душой ненавидел насилие и ужасался ему. Я мог это понять, хотя сам смотрел на вещи несколько поиному.

— И все эти тайны, загадки! — говорил он.— Я боюсь людей, которые, действуя анонимно, снабжают нас материалами и деньгами. Почему, фон Бек? Кажется, мы глубоко увязли.

Потом он заснул, словно впал в забытье,— этакое ангельское дитя. Я поцеловал его гладкий лоб и укрыл шевалье одеялом. Я не сразу ушел к себе. Меня охватила какая-то всепроникающая меланхо-

лия. Я словно обессилел. Мне, однако, совсем не хотелось ложиться в постель, где меня поджидали тревожные сны. Сколько я себя помню, я всегда был один. У меня были, конечно, любовницы, но я весьма редко поддерживал более-менее постоянные связи, не говоря уж о том, чтобы жениться, и никогда не завидовал людям, на это способным. Но в последнее время меня стало одолевать какое-то странное ощущение, что мне не хватает чего-то, некоего завершающего штриха... что я — только часть разделенной надвое души. И все мои устремления направлены были к тому, что определял я как Единение. Слияние двух половин. Что же утратил я из того, что принадлежало мне когда-то? Быть может, мы все чем-то напоминаем бедного Клостергейма?

— Сатана,— пробормотал во сне Сент-Одран. Лицо его вновь исказилось гримасой ужаса, губы задергались. Глаза под закрытыми веками беспокойно забегали.— Мертв.

Я наклонился к нему, словно он был оракул, чьи слова раскроют в одно мгновение все терзающие меня тайны. Сент-Одран сделал судорожно вдох, потом забился под одеялом и высунул наружу правую руку.

— Бренди,— выдохнул он, а потом как-то вдруг успокоился.

Я уселся на стул у рабочей конторки шевалье и стал рассматривать его аккуратные карты: несуществующие континенты, неизвестные мне острова и архипелаги, знакомая карта Франции, но с добавлением некоторых тщательно выписанных и пронумерованных территорий... Германии. Площадь ее на карте раза в три, наверное, превышала существующую, однако граничила она с теми же

странами, что и теперь. Нашел я и карту Грюнвальда, Альбенштейна и Альферцтейма, причем все они граничили с Саксонией. Сент-Одран утверждал, что все его карты (некоторые совсем древние, они были нарисованы на промасленном полотне и покрыты древесным лаком) происходят из одной коллекции. Один пьяный монах продал их шевалье на баварской ярмарке, запросив за них золотую марку и заявив при этом, что они просто бесценны. Сработаны они были, как вполне очевидно, не одной рукой. Или же тут потрудился искусный фальсификатор. Неповрежденные карты я, скатав в трубочку, спрятал в кожаный футляр (кожа его местами обтерлась и пооблупилась, исцарапанные медные застежки давно потускнели) а остальные сложил аккуратной стопкой на столе.

Сент-Одран громко захрапел. Ночное бдение уже порядком меня утомило. Погасив лампы и свечи, я отправился наконец к себе. Комната, казалось, качалась, грозя опрокинуться на меня,— так я устал. Тени, отбрасываемые дрожащим пламенем свечей, создали странные образы. На мгновение мне показалось, что в комнате женщина. Конечно, ее не было и быть не могло, но чтобы изгнать странное ощущение, мне уже недостаточно было просто развеять свои фантазии. Никто иной мне не нужен. Все устремления мои — только к ней. Это с ней, с Либуссой Критской, должен я обрести Единение!

Я предостерег себя от дальнейшего безрассудства и вместо того, чтобы предаваться пустым мечтаниям, вознес горячую молитву Господу нашему, в существование которого не верил. Я испросил у него спасения моей — тоже несуществующей — души и души несчастной, безвинно убиенной

женщины, ландграфини. Я также благословил майора Вохтмата в его поисках безоговорочных доказательств виновности фон Бреснворта. Находясь в государственной тюрьме, этот сатанист-любитель уже никак нам не навредит.

Я выглянул в окно на площадь Младоты. Двое мужчин ненавидят меня с такой силой, что готовы лишить меня жизни. Еще один ненавидит не меньше, но считает ниже своего достоинства убивать меня. Женщина спасает мне жизнь и упорно скрывается от меня. Может быть, все эти люди каким-то образом связаны между собой? А мои единственные союзники в этом городе — старый друг-сержант и жулик-иностранец. Я решил поступить, как предлагал Сент-Одран, а именно: бежать отсюда как можно скорее, будет ли ветер, не будет ветра... на воздушном шаре, верхом... все равно. Даже в Париже не ощущал я себя в такой страшной опасности.

Я побоялся лечь спать и уселся за письма. Одно отписал я матушке. В письме этом сентиментальность слилась с ностальгией. Другое — Робеспьеру, умоляя его быть помягче. Третье — Таллейрану. Я просил его поощрять действия, а не делать видимость, маскируя известные процедуры старого режима. Написал я и Тому Пейну — в тюрьму. Я ему посоветовал согласиться на любое унижение, если только это поможет ему освободиться и уехать в Америку.

Вы были моим наставником, дорогой Том, как и Клутс. И при всем безумном анархизме и устремлении к вселенскому бунту (чудесная мечта, но безнадежная в смысле практического воплощения), я до сих пор сохраняю самую искреннюю к вам привязанность. Но вам пора уже вспомнить о

здравомыслии и — увидев наконец мир таким, какой есть он на самом деле — не предпринимать ничего, что могло бы повлечь за собой продление срока вашего заключения или даже смертную казнь. Мы с вами живем в эпоху, которая требует трезвого и холодного взгляда на вещи. И теперь еще больше, чем когда бы то ни было. Ведь нас так мало осталось.

И еще написал я письмо Либуссе Урганде Крессиде Картагена и Мендоса-Шилперик, герцогине Критской. Письмо, в котором были и жалобы, и укоры, и признания в любви. Ее видение, перевернуло всю мою душу. Теперь было бы слишком жестоко с ее стороны отказать мне в надежде добиться ключей, открывающих дверь в дивный мир.

«Я жажду броситься в бесконечность,— говорит Гете,— и воспарить над пугающей Бездной». О мадам, я уповаю на милость вашу, доверяюсь вам всем своим существом. Я буду вашим покорным слугою... и все в том же роде.

Я присыпал листы песком, сложил их, надписал адреса и запечатал послания печатью фон Беков — Знаком Чаши. Неужели эта чаша и есть Грааль? Или, быть может, как я всегда полагал, чаша на семейном нашем гербе и вызвала к жизни легенды о некой таинственной связи, якобы существующей между нашей семьей и Святым Граалем?

Поскольку адреса госпожи своей я не знал, я решил оставить письмо, предназначенное для нее, у сержанта Шустера. Я с нетерпением ждал рассвета, собирался лечь спать, но я боялся ночной темноты и кошмарных своих снов. Чтобы чем-то занять себя, я написал письмо и Монсорбье, который, как я полагал, давно вернулся в Париж. Засвидетельствовал ему свое почтение и заверил его

в том, что он непременно получит сатисфакцию, когда нам доведется встретиться в следующий раз. Вот тогда-то я и понял, что пишу все это так, словно уверен в своей неминуемой смерти. Но тем не менее я набросал и записку для Шустера, и вложил в нее несколько талеров. Я поблагодарил его за доброту, гостеприимство и неизменную благожелательность, а также попросил не думать худого, *если вдруг выйдет так, что я съеду поспешно*, даже не попрощавшись. Еще одну коротенькую записку адресовал я юным утопистам, отметив только, что их сердца лучше и чище, чем мир, в котором они живут.

«Вы должны помнить,— писал я им,— что Южную Америку разумом не покорить. Но разум способен приручить Зверя, что обитает внутри нашего естества».

Я написал даже Сент-Одрану. В этом письме содержалась фраза, которая вполне подошла бы для моего надгробия: *Я склонялся к тому, чтобы стать настоящим мошенником, но обстоятельства мне помешали.*

Когда человек полагает, что смертный час его близок, с каким отчаянием устремляется он всем своим существом к живым людям в надежде, что они, точно лодки, спущенные с тонущего корабля, вынесут что-то и от него на далекий берег. Еще письмо — принцу Майренбургскому — с подробнейшим описанием нашего столкновения с бароном и горячими молениями и просьбами уничтожить рассадник сатанизма и оккультизма, который своим инфантильным безумием, опасным и вредоносным невежеством, изуверскою жестокостью угрожает благополучию великого города. Написал я и брату, Рихарду, открыв ему в общих чертах, как ока-

зался в рабстве у лжи и романтического вожделения, заверив, однако, что я способен еще различать, что хорошо, а что плохо, пусть даже пока не решил окончательно, какой из путей изберу для себя, *ибо я настолько же неуверен теперь в прошлой своей добродетели, как и в нынешней порочности.*

Наконец рассвело. Дождь перестал, только на горизонте осталась тонкая белая полоса, вытянувшаяся под шквалом туманной дымки, что окутала небо снежной пеленой. Положив последнее письмо поверх стопки готовых посланий, я улегся в постель и заснул безо всяческих сновидений. Проснулся я — вновь оптимистом,— разбуженный воплями Сент-Одрана, который кричал мне прямо в ухо:

— Впустите их на минуточку! Ваших юных утопистов. Ваших искателей Грааля.

Тут я вспомнил, что сегодня утром они отбывают в Венецию.

— Входите, друзья мои...

Я был действительно рад еще раз увидеть их суровые и немного смущенные лица, устремленные к новой фазе постижения мира. Про себя я надеялся, что они все же отступятся, прежде чем доберутся до Перу. Выудив записку, для них предназначенную, из кучи писем, я вручил ее им.

— Наш корабль прибудет в Нью-Йорк или, может быть, Балтимор,— сказал Красный.— А оттуда мы отправимся дальше на юг, либо по морю, либо по суше — как выйдет.

— Лучше по суше,— посоветовал я.— Так вы своими глазами увидите, что предложил Золотой Век другим, тем, что пришли раньше вас.

Красный в недоумении нахмурился.

— Я не понимаю вас, сударь.

— Посмотрите на мятежную страну Вашингтона. Первую страну в мире, которая основала свою конституцию на истинной вере в силу и добродетель закона. Это страна джентльменов. Она вам понравится. И не разочарует вас так, как Франция.— Я почувствовал, что говорю совершенно не то.— Что бы вы, господа, ни решили, я вам желаю удачи.

— Нам пора, сударь,— поклонился Красный.— Для нас было большой честью познакомиться с вами.

— Я также весьма польщен добрым вашим расположением, друзья мои. Приятного вам путешествия по Новому Свету.

Тут, с шутливой серьезностью, в разговор вступил Сент-Одран:

— Конечно, можно было бы разумнее распорядиться деньгами и вложить их в воздушное путешествие, но безрассудство, я так понимаю, есть привилегия юности, равно как оное есть и наказание старости.

Затем они ушли, четверо сыновей, четверо принцев из арабской сказки, странствующих по миру в поисках несуществующего лекарства от всех человеческих скорбей. Я заставил Сент-Одрана сесть и внимательно меня выслушать:

— Нужно завтра же убираться отсюда, иначе нам несдобровать. У меня плохое предчувствие.

— Водород уже доставлен на Малое Поле. Даритель рассчитывает на то, что мы обеспечим ему проезд на воздушном шаре. Того же ждет от нас и Клостергейм. Однако если мы будем следовать первоначальному плану и объявим подъем наш предварительным испытанием с целью опробовать новый газ, мы без труда ускользнем от них. И,

друг мой, должен вас предупредить: если действительно против нас существует какой-то заговор, если кто-то всерьез намерен убить нас... короче, вам нужно знать, что горючий газ воспламеняется намного быстрее всякого вещества, известного науке. Если на борт к нам попадет открытый огонь, мы поджаримся раньше, чем достигнем земли. Что-то вы выглядите раздраженным, фон Бек? Вы опять плохо спали?

— Вполне может статься, Сент-Одран, что я теряю рассудок. И если вы завтра же не заберете меня из Майренбурга, я сам найду способ, как мне отсюда уехать. Враги наши объединили усилия, в этом мы с вами согласны, так? Но если мы скроемся незамедлительно, мы их оставим с носом. Они явно не ожидают от нас такого поспешного бегства, уж в этом-то я уверен. Объявляйте свой демонстрационный подъем. Назначьте его, скажем, на послезавтра. Но отбудем мы завтра.

Сент-Одран пожал плечами.

— Мне тоже хотелось бы поскорее отсюда убраться. Хорошо, будь по-вашему. Я все сделаю как вы просите.

Я передал ему свои записки и попросил поместить их в надежное место, поскольку, как я объяснил шевалье, бумаги эти представляют собой что-то вроде исповеди и мне бы хотелось, чтобы, во-первых, они пребывали в сохранности, а во-вторых, не попали бы не в те руки. Сент-Одран заверил меня, что все бумаги мои он перешлет мистеру Магголду, английскому адвокату, который в последние годы вел все дела шевалье.

Когда друг мой ушел, я собрал письма, которые написал вчера ночью, затолкал их все в печку

и сжег. Пора было уже собираться в дорогу. Отлет наш не должен выглядеть предумышленным. Я уложил в сумку одежду и собрал немногочисленные свои пожитки. Сент-Одран уже потихонечку переправил почти все свое добро на Малое Поле. Золото запаковал он в предназначенные для балласта мешки,— зеленого цвета, чтобы потом по небрежности не перепутать). Шпаги наши и пистолеты мы запрятали в кожаные футляры для навигационных карт. Сент-Одран сказал мне, что газ доставили прямо к самому кораблю — семь громадных бутылей, обращаться с которыми надлежит с превеликою осторожностью, а также специальные шланги в придачу — по ним газ будет введен в оболочку шара через особый клапан.

— Я так думаю, нам уже никогда не узнать, кто снабдил нас золотом и кто доставил нам газ, но я искренне желаю им счастья! — заключил шевалье, сияя улыбкой.

Я больше уже не терзался укорами совести. Мне не терпелось поскорее убраться из города. Я запаниковал, как последний трус. В таком настроении я способен был на любую безумную выходку, лишь бы только бежать отсюда, ибо — как стало мне представляться — среди принципов справедливости и доброты, на которых основывался Майренбург, завелись личинки злобы и извращенности.

Мне не хотелось вообще выходить из комнаты. Я даже спать не мог — до такой степени я был напуган. Когда же пришло время покинуть «Замученного Попа» и отправиться к *Даносу*, я буквально дрожал от страха. Выйдя из гостиницы на площадь, я вместе с Сент-Одраном напра-

вился к карете. Сержант Шустер помахал нам рукой. Он-то думал, что мы увидимся с ним за ужином. Глядя на верного Шустера, с которым я даже и попрощаться не мог как следует, я искренне презирал себя.

С терпеливым сочувствием Сент-Одран помог мне забраться в карету, которая быстро — и как-то даже уж слишком быстро — доставила нас на Малое Поле



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В которой нам удается бежать... и все то, от чего мы бежали, предстает перед нами вновь

Мне казалось, я попал в кошмарный сон. Сент-Одран едва ли не на себе подтащил меня к тому месту, где на сером талом снегу надувался наш шар. Бегство наше, однако, не удалось сохранить в секрете — слухи уже поползли по городу. Шар еще не наполнился и наполовину, а толпы зрителей запрудили городскую стену над воротами Мирошни. Даже места на всех не хватило. У подножия стены люди забирались на крыши своих повозок, на спины мулов и на козлы карет. Уличные торговцы бойко распродавали товар. Повсюду дыми-

лись жаровни, мерцая красными угольками. Их тепло согревало толпу, а на углях пеклись каштаны. Кого только там не было: продавцы сладостей и имбирного пива, уличные зазывалы (их ритмичные куплеты были изменены в соответствии с предстоящим событием, то есть подъемом воздушного шара в небо), цыганки, торгующие амулетами и печеными яблоками. И вся эта толпа собралась за какой-то час — время, необходимое для того, чтобы соединить оболочку шара с резервуарами водорода!

Beau-monde расположился под неким подобием навеса в красно-белую полосу. Великосветские дамы и господа непринужденно болтали, как бы даже и не замечая того, ради чего, собственно, и собрались. Смятение Сент-Одрана, его взмахи руками, настойчивый шепот, как ни странно, немного развеяли мое мрачное настроение. При всем при том, ситуация его явно забавляла.

— Какое еще бегство было обставлено с таким шиком?

Как-то сразу нервозность моя прошла, сменившись болезненной настороженностью. Я всерьез опасался, что на нас с Сент-Одраном могут напасть.

Небо — такое синее и холодное — казалось монолитной пластиной льда. Постоянный, но лишь умеренной силы ветер дул с юга. Купол нашего шара медленно обретал форму. Мы подключили уже последнюю бутыль с водородом. Где-то играла шарманка — один и тот же банальный мотивчик, снова и снова. Даже в механической обезьяне, которую шарманщик упорно пытался выдать за живую, и то было больше жизни, чем в этой заунывной мелодии. Краснолицые торговки сгибались под весом корзин со снедью. Солдаты Майренбур-

гского войска присматривали за порядком, стоя на страже с мушкетами на плечо. От золотых галунов их и пуговиц рябило в глазах. Разодеты они были пышнее, чем янычары турецкого султана. Чего стоили одни только шлемы — невообразимо громадные, с изысканной гравировкой, выдержанны в классической манере, и с пышным желт-алым плюмажем.

Был здесь и майор Вохтмат. Сощурив глаза, он сверлил взглядом громадный колышущийся в воздухе шар зеленого и голубого шелка и длинный шланг, по которому газ, наполняющий оболочку, поступал из бутыли. (При этом шланг дергался и шипел, точно кобра.) По Малому Полю, правда держась на почтительном отдалении, бродили зеваки и разглядывали наш корабль со всех сторон. Тут собралась половина майренбуржской знати и ученые люди города.

Гондола представляла собой гордую птицу с суровым взглядом, пусть даже и несколько пообтрепавшуюся. Все наши ларцы лежали спрятанными под двойным дном гондолы. Устройство это первоначально предназначалось для перевозки прогулочной лодки, необходимой королю Людовику для костюмированных пикников, которые устраивал он для придворных вельмож и титулованных дам. В гондоле вполне хватало места для того, чтобы спать. И мы с шевалье запаслись провизией на неделю вперед. Так что теперь, положив достаточное расстояние между собою и Майренбургом, мы будем просто парить в свободном полете, пока не отыщем местечко, пригодное для посадки. Еще раз помахав толпе зрителей, мы с Сент-Одраном направились к гондоле. Шевалье еще раньше объявил о намерении нашем совершить испытательный

подъем «на привязи» на высоту в пять сотен футов с целью опробовать полученный газ и продемонстрировать публике и заинтересованным лицам все преимущества водорода перед нагретым воздухом. Толпа на стене зашумела, подбодрив нас криком и рукоплесканиями. Шар дергался и рвался вверх. Он был заполнен уже почти на весь объем. Позолоченный грифон приподнялся на фут над землею, но балласт, якоря и веревки еще держали воздушный корабль, не давая ему устремиться в небо. Тут же рядом располагалась лебедка — мы позаимствовали ее в доках, у одного владельца баржи,— предназначенная для того, чтобы по окончании демонстрационного испытания притянуть нас обратно к земле. (Веревку на этой лебедке Сент-Одран собственноручно перетирал накануне, под покровом ночной тьмы в течение двух часов.)

Партнер мой открыл небольшую дверцу, мы с ним вошли в гондолу, а когда я закрыл дверцу за нами, шевалье заговорщически мне подмигнул. Грифон покачнулся. Купол шара, подхваченный ветром, загудел, точно дряблый барабан. Мы с Сент-Одраном втянули на борт первый из якорей, что держали гондолу. Толпа разразилась одобрительным криком. Гондола вновь покачнулась.

Когда мы убирали второй якорь, на Малое Поле выехала карета, запряженная четверкой серых в яблоках лошадей,— карета, как мне подумалось, самого принца. Я решил, что принц пожелал лично взглянуть на шар или же поучаствовать лично в предприятии, в которое он вложил столько средств. Может быть, это он и снабдил нас горючим газом? Карета остановилась в каких-нибудь нескольких футах от шара,— лошади фыркали, беспокойно переминаясь под сенью громадного

нашего корабля,— и из нее вышли двое: худощавые, изящного телосложения мужчины, оба при шляпах и в модных дорожных плащах черного цвета. Я не узнал ни того ни другого. А потом один из них сделал знак, отпуская карету. Признаюсь, меня это несколько удивило. Странная пара (я не сомневался уже: принц и брат его, инкогнито) неспешно направилась к нашей гондоле, причем с таким видом, словно мы с шевалье только их и ждали. Мы с Сент-Одраном в недоумении переглянулись и озадаченно пожали плечами. Нас что, собираются благословить? Нам пожалуют титулы? Или здесь намечается еще какой-нибудь ритуал?

Толпа вновь разразилась ликующим криком. Горожане узнали своих правителей. Мы с шевалье были теперь абсолютно беспомощны. Сент-Одран шепнул мне на ухо:

— Пусть они все тут осмотрят. Пусть требуют все, что им угодно. А потом мы их предупредим, как это опасно: совершать подъем на непроверенном газе.

Тот, что повыше, помог своему спутнику подняться в гондолу. Он покачнулся, но удержал равновесие, схватившись рукой в перчатке за край корзины, после чего отвесил мне легкий поклон, каким обычно приветствуют человека знакомого. Высокий тоже забрался в гондолу, обнаружив при этом некоторую одышку. Когда он повернулся ко мне, я сумел наконец разглядеть его лицо.

— Можете продолжать, капитан фон Бек. Мы готовы к подъему.

— Весьма вам благодарен, сударь.— Я вновь принялся тащить якорь на борт, в то время как внизу люди, нанятые Сент-Одраном, продолжали отвязывать многочисленные веревки, что удержи-

вали наш воздушный корабль. Сердце мое бешено колотилось в груди, в голове все плыло, ибо таинственный гость наш оказался вовсе не принцем Майренбургским! То был Клостергейм, и явился он для того (в этом я даже не сомневался), дабы проследить за тем, чтобы сделка наша состоялась. Он привалился спиной к борту гондолы, одной рукой держась за натянувшуюся веревку, которой корзина соединялась с шаром, и лицо его, как всегда, было абсолютно бесстрастным. Лицо же спутника его оставалось сокрытым. Для фон Бреснворта он был слишком высок, для Монсорбье, пожалуй, несколько низковат. Хотя в последнем я был и не так чтобы очень уверен.

— Что происходит, герр Клостергейм? — прошипел Сент-Одран себе под нос.— Вы разве не знаете, сударь, что это всего лишь экспериментальный подъем, предпринимаемый нами с единственной целью: испытать подъемную силу нового газа?

Спутник Клостергейма присоединился к нему. Теперь я разглядел, что лицо его скрывала маска домино. Они стояли бок о бок — как две громадные хищные птицы,— закутанные в черные плащи, и наблюдали, как мы с шевалье готовим шар к подъему. Мы освободили уже все якоря и веревки, за исключением одной, присоединенной к лебедке. Сердце мое упало. Выбора у нас не было. Нам оставалось лишь продолжать начатое, хотя стало уже очевидно, что Клостергейм и загадочный его спутник полетят с нами, куда бы мы ни отправились. Все пути к отступлению были отрезаны. Теперь назад уже не повернешь.

Мы величественно поднялись над Малым Полем, над Майренбургом, над всем белым миром,

засыпанным снегом. Толпа внизу заходилась криками ликования. Дыхание наше грозило превратиться в лед прямо на губах. Вот зрители стали как куклы, вот уже — как букашки, крики их и рукоплескания превратились в далекий, едва различимый гул. Я очень остро осознавал свое жалкое малодушие. Больше я не ощущал себя богом, возносящимся над толпой, как это было в первый раз. Великое безмолвие небес окутало собою все. А потом шар наш дернулся, гондола опасно накренилась, словно что-то внезапно толкнуло ее в бок. Раздался какой-то вибрирующий музыкальный звук. Это веревка, удерживающая корабль, натянулась струной, размотавшись на максмимальную свою длину.

Напряженная поза Сент-Одрана заставляла предположить, что он с превеликой радостью в какой-нибудь подходящий момент столкнул бы Клостергейма за борт. Он даже шагнул по направлению к незваному гостю, как вдруг гондола вновь резко качнулась, и все мы попадали на пол. Веревка — как и было задумано — оборвалась. Мы отправились в свободный полет.

Я, однако, не испытал никакого приятного возбуждения, поскольку прекрасно понимал, что теперь нам с Сент-Одраном придется давать еще более замысловатое театральное представление, чем мы рассчитывали поначалу. Мы с шевалье вскочили, бросились к борту гондолы, разыгрывая пантомиму испуга и самой что ни на есть искренней досады — этакий бенефис для пребывающих в блаженном неведении зрителей там, внизу. Мы громко вопили, демонстрируя панику. Гондола раскачивалась из стороны в сторону, и я снова упал на пол. Клостергейм, держась за веревки и бархатные кисти

(предназначенные, видимо, для этой цели, а вовсе не для украшения), перебрался на нос гондолы.

— Летим,— сказал он, глядя на меня сверху вниз.

Повернув голову в его сторону, я уставился на его худое серьезное лицо. Его губы беззвучно двигались, словно он пытался что-то сказать. Но так ничего и не сказал. Его спутник тоже хранил молчание. Он прекрасно удерживал равновесие. И при этом стоял почти неподвижно. Нет, сказал я себе, это не Монсорбье.

Сент-Одран, похоже, забыл на какое-то время о наших неожиданных пассажирах. Он хохотал, что твоя обезьяна, швыряя за борт мешки с балластом с каким-то даже чрезмерным усердием. Ветер трепал его воротник и длинные волосы, разметавшиеся в беспорядке вокруг его вытянутого аристократического лица. Теперь ему, кажется, ни до чего уже не было дела: ни до Клостергейма, ни до его молчаливого спутника. Шевалье как-будто забыл об их присутствии.

— Фон Бек, дорогой мой! Наш план удался!

Потом, вспомнив, что мы не одни, он подтянул свой камзол и, держась рукой за край гондолы, отвесил гостям краткий поклон.

— К вашим услугам, джентльмены.— Тут взгляд его остановился на мне.— Вставайте, дружище. Что это с вами? Вам плохо?

Мне действительно было плохо. Я поднялся на ноги — не сразу, а после третьей-четвертой не слишком удачной попытки — и сделал глубокий вдох. Ледяная струя точно бритва вошла мне в легкие. Откинув крышку корзины, я достал старый матросский плащ, которым снабдил меня Шустер, и закутался с головы до ног. Все тело мое сотрясалось в ознобе, а вот Сент-Одран, по-

хоже, вообще не чувствовал холода. Он кричал, обращаясь к бледному солнцу. Кричал в серебристое с золотым мерцание безграничных небес. Больше не было ничего — только солнце, и небо, и белые контуры облаков вдалеке, и туман, разливающийся вокруг нас словно молочное озеро.

Земля внизу утонула в облаках. Белая дымка — вот все, что осталось от изменчивого ландшафта, от зыбкого прошлого. Сент-Одран испустил ликующий вопль, вознесшийся к куполу нашего корабля. Сияющий шелк вспыхивал бликами радуги всякий раз, когда лучи солнца касались его. Стараниями шевалье (опьяненный восторгом, он скинул едва ли не весь наш балласт) мы поднялись слишком высоко, и наконец Сент-Одран это понял, но не прежде, чем воздух вокруг стал ощутимо разряженнее, а сам шевалье посинел так, что не заметить сего обстоятельства было просто невозможно.

Он бросился к клапану, встроенному в оболочку шара, и отвернул кран, выпуская газ. Корабль немного снизился.

— Вижу Африку! — Сент-Одран сам заулыбался своей же шутке.— Вот там, смотрите!

Посмотрел только Клостергейм.

В порывах ветра ощущалось какое-то странное упорство. Он ни слабел, но и не нарастал, не кружился, скажем, вихрем, не был ни порывистым, ни вялым. Никогда прежде не доводилось мне встречаться с таким постоянным, такой ровным ветром. Ни на море, ни на суше. Его словно нагнетала какая-то машина. Я поглядел на компас. Что-то сбивало его, ибо стрелка никак не могла успокоиться и металась туда-сюда. Свет упал на стекло — яркий блик едва не ослепил меня. Когда я вновь

развернулся лицом к кабине, фигуры шевалье и двоих наших нежданных-негаданных пассажиров предстали предо мной размытыми тенями. Гондола опять покачнулась, и смазанные очертания вновь обрели четкость и плотность. Все словно бы вдруг встало в фокус, и гости наши, закутанные в черные плащи, снова обратились в твердые телесные силуэты, застывшие на фоне позолоченного борта гондолы.

Сент-Одран волком лютым глядел на эту мрачную пару. Он шепнул мне:

— Клостергейм уже объяснился?

Я мотнул головой. Гондола теперь раскачивалась в постоянном ритме — степенный маятник неких исполинских часов.

— Вы ничего не желаете нам сообщить, герр Клостергейм? — язвительно осведомился шевалье.

Клостергейм задумался. Если даже он и уловил скрытый смысл вопроса, то ничем этого не показал.

— Пока нет.

— Часом, не вы ли, сударь, снабдили нас газом?

Мрачный пассажир качнулся и вперил взгляд в небо. Сент-Одран пожал плечами, достал из коробки карту и, аккуратно расправив ее на полу, принялся вычислять расстояние, которое мы успели уже покрыть. Мы летели со скоростью около двадцати миль в час; стрелка манометра неизменно удерживалась на отметке 19,7. Нас относило на юг. Скоро, сообщил Сент-Одран, мы должны пролететь над Италией, потом — над странами Средиземного моря, ну а дальше (тут шевалье одарил меня диким восторженным взглядом) мы окажемся над африканским континентом.

Он, очевидно, решил игнорировать наших непрошеных пассажиров. Мы с ним говорили в полголоса между собой, строя догадки насчет причин, что побудили их присоединиться к нам на борту корабля. Я даже высказал предположение, что, может быть, это они и убили ландграфиню и пытаются — с нашей помощью — убежать от майора Вохтмата. При этом я решился произвести небольшой опыт, чтобы проверить свою догадку.

— Клостергейм,— обратился я к нему,— а вы знаете, что фон Бреснворт убил свою тетку?

Он осторожно ответил, кривя бледные губы:

— Нет, я не знал. Но теперь я понимаю, почему он так рвался уехать из города, когда я его видел в последний раз. И, разумеется, Монсорбье также отбыл вместе с остальными. Не из-за них ли солдаты заявились в мои катакомбы? Да, я полагаю, так оно и есть.

— Вы знаете Монсорбье? — Кажется, у меня возникали новые затруднения.

— Его братство вело переговоры с Бресноортом. Речь шла о сотрудничестве. Однако методы их и цели оказались слишком несхожими. Монсорбье останавливался у фон Бресноорта.

Отсутствие республиканца в назначенном месте теперь объяснилось. Он знал, что меня захватили люди барона, и, полагая меня уже мертвым, не стал утруждать себя и подниматься чуть свет, чтобы явиться в назначенный час к Причалу Руна. Однако (если мои первоначальные представления о характере Монсорбье были правильны) он просто не мог принимать участия ни в нашем похищении, ни в убийстве ландграфини. Быть может, разочаровавшись в фон Бресноорте как в союзнике, он вернулся во Францию?

— А в какой именно области намеревались они сотрудничать? — спросил я Клостергейма, натягивая теплые рукавицы. При этом я про себя отметил, что сам он не надел даже перчаток, хотя его руки, не отпускавшие веревку, явно замерзли не меньше моих.

— Они лишь обсуждали возможный союз.— Голос его был по обыкновению невыразителен и монотонен.

— Но есть же какая-то причина для подобного союза?

— Причина одна: предсказанное Единение.— Похоже, Клостергейм несколько изумился моей непонятливости.— К каковому стремится всякое братство. Мы должны объединить наши силы, поделиться друг с другом знаниями, преодолеть разногласия и уничтожить соперничество. Это необходимо.

— Ученые, оккультисты, алхимики? Церковники? Иудеи? Мусульмане? Они все стремятся к объединению? Зачем оно им?

— Но вы должны это знать.— Клостергейм облизал губы, уставился себе под ноги, потом вновь внимательно посмотрел на меня. В глазах его появилось какое-то ищущее выражение. Он поглядел на спутника своего, но тот промолчал.— В ходе многих веков изысканий различные оккультные братства... и каждое — независимо от других... пришли к пониманию того, что бывают такие редкие случаи, когда звезды на небе выстраиваются в определенном порядке. Тогда невидимая человеку вселенная пересекается с видимой. Таким образом, для посвященных адептов — и не только для них — стало возможным пересекать черту, отделяющую одну реальность от другой. Подобная кон-

фигурация звезд — явление весьма редкое. Раз в тысячу лет. Раз в две тысячи. С данной согласованностью светил и миров совпадают определенные события, происходящие во всех соприкасающихся между собой мирах, когда границы смываются и происходит установление новых реальностей... Иной раз это объясняется тем, что один мир, сокрытый от всех других при обычных условиях, проступает в реальность соседнего мира и начинает оказывать на него влияние.

— Так вот почему алхимики собрались в одном городе, верно? — спросил Сент-Одран.— Я что-то такое припоминаю... Барон упоминал о каком-то астральном событии.

— Будущее нашего мира может быть предопределено,— продолжал Клостергейм едва ли не в возбуждении,— по крайней мере на ближайшее тысячелетие вперед. Станут ли преобладать машины? Или мы будем жить в мире, где человек вновь воссоединится с природой?

— Как я понимаю, вы сами склоняетесь к старомодной точке зрения? — поинтересовался я.

— Я в данном вопросе нейтрален.

— Насколько я знаю, алхимики в большинстве своем — ярые противники механической философии Ньютона, Аркрайта и Тома Пейна,— высказался Сент-Одран.— Но тогда мне тем более непонятно, зачем кому-то из них снабжать нас...— он указал рукой вверх,— ...вот этим газом!

Клостергейм отвернулся.

— Говорят, что период этот является временем накопления силы,— рассуждал я вслух.— Многие вещи решаются в периоды астрального соответствия: какая, к примеру, тенденция станет преобладать в дальнейшем развитии мира. Не это ли вы

обещали мне, Клостергейм, когда сулили целое Царство?

— И вы еще можете получить его.— Он оставался невозмутимым.— Я дал вам слово. И намерен исполнить данное мной обещание, даже если сами вы замышляете не исполнить своего.

— Стало быть, человечество стоит теперь перед выбором между Верой и Разумом? — Я не скрывал своего презрения.— Между летающей машиной и волшебным ковром-самолетом?

— Вы полагаете, фон Бек, что говорите сейчас с позиции здравого смысла, но что вы скажете, если в мире возобладают силы сверхъестественные? Что, если случится пришествие Антихриста? Прекратят ли тогда Господь с Сатаной свой извечный спор и пойдут ли войной на него? Поднимет ли человек меч против Небес и Ада, чтобы сотворить реальность *Апокалипсиса*?

— Ваши речи абсурдны, Клостергейм. Мир движется к Просвещению. Век суеверия прошел, как и эпоха религиозных войн. Будущее принадлежит Ньютону и его последователям.

— Сия битва уже начинается.— Голос его был тверд.— Войска уже строятся. Могучие силы пришли в движение повсеместно. Вы, как никто, должны это знать! Вы же были свидетелем этой работы.

— Обо всем этом я знаю лишь с ваших слов. Ведьмы и колдуны ведут споры, чтобы решить, как снова заставить летать их замшелые метлы. Но только как они себе это мыслят реально: собираются совместно достичь некоей невообразимой силы? Даже если в идеях ваших заключена хоть какая-то правда... они все же противоречат элементарной логике. Каждое... из обществ объявля-

ет, что владеет ключами к единственно истинной мудрости... Вот в чем заключается преимущество, и немалое преимущество, философов, которые не *навязывают* свою веру миру — по крайней мере не с таким рьяным неистовством. но *анализируют* окружающую реальность.

Боковым зрением я заметил, что молчаливый спутник Клостергейма сделал резкое движение рукой, однако, сдержав себя, не довел жест до конца. Но сам Клостергейм не попался на удочку. Он, кажется, был вообще не способен испытывать простой человеческий гнев. Быть может, иная — глубинная, алчная — ярость сжигала его существо, подобно клокочущей лаве в сердце вулкана. Он спокойно признал:

— Так было всегда. Одна из сторон имела определенное преимущество над другой. Потом обстоятельства менялись, и преимущество получала уже сторона другая. И так повторялось. Теперь очередной раз подняли вопрос, требующий разрешения: какая тенденция возобладает в мире? А разрешит его Астральное Соответствие. Пусть даже лишь на какое-то время. Только мне интересно, почему вы с таким пылом выступаете на защиту здравого смысла, тогда как история вашего рода — я бы даже сказал, судьба вашего рода — уходит корнями своими в сверхъестественное?

— Может быть потому, что я питаю искреннее отвращение к небылицам. Я, герр Клостергейм, рассматриваю всякий миф как красивую ложь и не более того. Ложь, которая позволяет людям обманывать и себя, и других. Легенда, если судить по ней человеческие деяния, может стать оправданием убийства и воровства, насилия и геноцида... всякого преступления, покуда его совершают

во имя какого-то давно почившего героя или возвеличенного до божества демона, которые — исключительно из политических соображений — возведены в сан святых. Может быть, Клостергейм, истины в мире и меньше, чем пышной лжи, но крупицы этой истины дороже мне, чем гора вашей выдуманной романтики.

Клостергейм, похоже, утратил интерес к обсуждаемой теме. Ему явно наскучило слушать мои излияния, которые к тому же, насколько я понял, привели его в недоумение. Взгляд его, устремленный в пространство, сосредоточен был на предметах, видимых только ему. Спутник его слегка распахнул черный плащ, обнаружив под ним пышное одеяние в турецком стиле. «Кто же он такой? — снова спросил я себя.— Какой-нибудь восточный могол, решивший добраться до дома самым быстрым путем — по воздуху?»

Сент-Одран вдруг широко улыбнулся.

— А не настало ли время, фон Бек, выкинуть этих двоих за борт и посмотреть заодно, могут они летать с помощью хваленой своей магии или нет?

Я рассмеялся, хотя ужас, смешанный с неуверенностью, вновь обуял меня.

Сент-Одран достал из походной кладовки вино и провизию. Наши одетые в черное мрачные пассажиры не пожелали присоединиться к нам. Мы с шевалье, впрочем, не стали их уговаривать и, усевшись на пол по-турецки, принялись за еду — на раскачивающейся в миле, наверное, над землей платформе. Когда мы завершили трапезу мягким вальденштейнским *flense*, Сент-Одран вытащил из кармана свои часы. Часов у него было двое. Оба хронометра он тщательно выверил еще на земле и теперь пользовался ими обоими.

— Мы уже скоро должны пролететь над Веной,— заявил он, сосредоточенно глядя на циферблат.— При такой скорости мы еще засветло доберемся до Адриатики. Вот это полет! Просто чудо. Еще ни разу я так не летал.— Он искренне восхищался своей же машиной. Порывшись в своем ларце, где все инструменты были свалены в беспорядке, шевалье достал деревянную планку и кусочек древесного угля и снова занялся вычислениями. При этом он то и дело вскакивал и выглядывал за борт гондолы.

— Клянусь Небом, фон Бек, не вижу причины, по которой бы мы с вами — изучив надлежащим образом течения ветра и воздушных потоков — не смогли бы рассылать воздушные корабли во всему миру! Я начинаю склоняться к мысли, что на различных высотах существуют различные типы воздушных течений, как и говорил тот стражник. Таким образом, получается, что мы теперь движемся в главном южном потоке. Поднимаясь или же опускаясь на определенную высоту, каждый корабль сумеет тогда войти в соответствующий поток воздуха и передвигаться, по необходимости, от одного течения к другому. Знаете ли, фон Бек, мне вдруг пришло в голову, что мы с вами могли бы открыть — и на вполне законных основаниях — какую-нибудь торговую контору... Мы были бы первыми, кто приспособил современные воздушные судна для коммерческих рейсов. Мы бы в скором времени вытеснили все морские перевозки! Нужно все как следует обдумать, дорогой мой фон Бек. Неплохая возможность получить прибыль законным путем... Имена наши станут еще достоянием истории! — Все это он произнес, не обращая внимания на молчаливых наших пассажиров, для

которых, похоже, мы с шевалье тоже как бы и не существовали.

Чем дольше летели мы в небе, тем грандиознее и неуемнее становились прожекты Сент-Одрана. Вскоре он пустился в пространные описания летающих барж — длиною эдак в полмили — предназначенных для перевозки грузов. А к тому времени, когда синева небес обратилась в пурпурное свечение и блики его заплясали в вечернем безмолвии по шелку шара и облакам, шевалье рассуждал уже о корабле размерами с целый город. Хорошо еще — красота заката поразила его и отвлекла от дальнейших умствований.

Я полагал, что Клостергейм тоже должен проникнуться благоговением перед великолепием природы, но когда я украдкой поглядел на него, то заметил, что он лишь хмурится, вперив невидящий взгляд в это пурпурное сияние, словно бы вспоминая то время, когда весь мир был раскрашен в цвет крови,— время его, Клостергейма, славы. А потом, и совершенно неожиданно, спутник его поднял руку, затянутую в перчатку, молча указывая на юг.

Там над горизонтом громоздилась стена черных туч, взлохмаченных и зловещих, стена такая плотная, что казалось, там возвышается горный кряж. Сент-Одран даже подался вперед со своей подзорной трубой. Он не сразу сумел разобрать, что же это такое. Наконец шевалье опустил телескоп, с встревоженным видом схватился рукой за подбородок и вновь склонился над картами. Огня зажечь мы не могли, так что Сент-Одрану приходилось вертеть лист так и эдак, подставляя его под бледнеющий солнечный свет. Клостергейм заглянул ему через плечо и тоже принялся сосредо-

точенно изучать карту. Шевалье пробормотал что-то себе под нос, развернул еще одну карту, потом — другую.

— Это не могут быть горы,— заметил я.— Хребта такой высоты просто не существует.

— Но это без сомнения горы,— невозмутимо ответствовал мне Клостергейм.— Просто на этих картах их нет. Справьтесь лучше по другим вашим картам.

Сент-Одран угрюмо покосился на Клостергейма, окончательно, видимо, убедившись в том, что пассажир наш не в себе.

— Пожалуйста, помолчите, сударь. Мне и так сложно управлять, еще всякие идиоты, сообщают мне, что какие-то горы возвышаются там, где должна быть Вена!

— Вы движетесь от Вены в противоположную сторону, сударь,— не без некоторого торжества провозгласил Клостергейм.— Посмотрите на компас.

Сент-Одран насупился, сверля Клостергейма недружелюбным взглядом. Мы, безусловно, летели на север, хотя еще менее получаса назад неслись на юг. Но ведь не могли же мы не заметить такой радикальной перемены ветра!

— Клостергейм!..— Шотландец мой насупился.— Скажите-ка мне, любезный, вы что-то сделали с компасом? Если вы каким-то образом повредили его, то поступили весьма необдуманно, проявив просто дьявольский идиотизм. Ведь от показаний компаса может зависеть, выживем мы или нет!

— Я ничего не делал, Сент-Одран.

Кроваво-алые облака обступили воздушный корабль со всех сторон и неслись мимо нас, словно полки отступающей армии. На нас надвигались

черные горы. Теперь стало ясно, что это действительно горы.

Зазубренные вершины, слишком острые для силуэта туч, с каждым мгновением подступали все ближе и ближе. За ними сияли звезды, но я не сумел распознать созвездий. Может быть из-за влажности воздуха, искажающей видимость, звезды казались огромными, каждая — размером едва ли не с Луну...

Сент-Одран бросился к крану клапана. Он собирался спустить корабль на землю! Его даже не волновало, с какой скоростью мы станем спускаться... Лишь бы спускаться. Но тут второй наш пассажир — молчун в турецком наряде — сбросил черный плащ, обнаружив простеганное одеяние, рассчитанное на холодную погоду. В правой руке его вдруг появился большой кавалерийский пистолет; левой он отвел ударник затвора.

Голос его показался мне знакомым:

— Если кремень ударит о сталь, джентльмены, уже будет неважно, куда я прицелюсь. Соблаговолите оставить клапан в покое, шевалье! Отойдите от крана, сударь!

— Боже! — Сент-Одран узнал нашего таинственного пассажира.— Вы — молодой герцог, верно?

— Прошу прощения.— Вмешательство Клостергейма явилось, как всегда, бестактным и неуместным.— Разве я не представил вам герцога Критского?

Но я не слушал его. Я смотрел в эти ясные, язвительные глаза за темной маской-домино — глаза, привыкшие повелевать.

— Это не герцог Критский! — В этом я был абсолютно уверен.

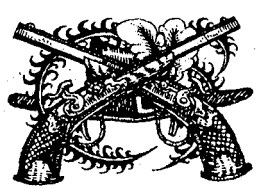
Сент-Одран с Клостергеймом в недоумении уставились на меня, а лицо мрачной фигуры, что угрожала нам пистолетом, озарилось улыбкой.

Теперь я понял, в чем заключался источник всех слухов относительно странного пристрастия герцога наряжаться в женское платье и в таком виде бродить по городу. Я также понял, почему упорные мои поиски герцогини всякий раз заводили меня в тупик — она словно бы растворялась в воздухе, подобно дыму, а герцог при этом всегда был где-то рядом. Я задохнулся в восторге, близком к экстазу.

— Самозванец? — приподнял бровь Сент-Одран.

Я покачал головой. Все тело мое сотрясалось восхитительной дрожью.

— Добрый вечер, миледи,— проговорил я, низко поклонившись герцогине Критской.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Провалы, успехи и откровения. Описание Миттельмарха

Город в Осенних Звездах. Настал серый вечер. Мы летели среди молчаливых вершин невообразимо громадного горного кряжа. Герцогиня Критская, твердо держа правой рукой пистолет, левой откинула капюшон и сняла маску. Я жадно смотрел на нее, пытаясь узреть на ее прекрасном лице некий знак, намек на то, что я ей небезразличен.

— Либусса.— Мы не были с нею любовниками, но именно благодаря ей оказался я в этой странной стране, не обозначенной ни на одной из карт, стране, наделенной твердостью.— Либусса...

Больше уже не смеясь, она признала меня быстрым движением сосредоточенных глаз.

— Мадам,— пылая гневом, пробормотал Сент-Одран,— нет никакой нужды в этой мелодраматической позе!

Либусса осторожно опустила пистолет с боевого взвода и положила его на пол у своих ног.

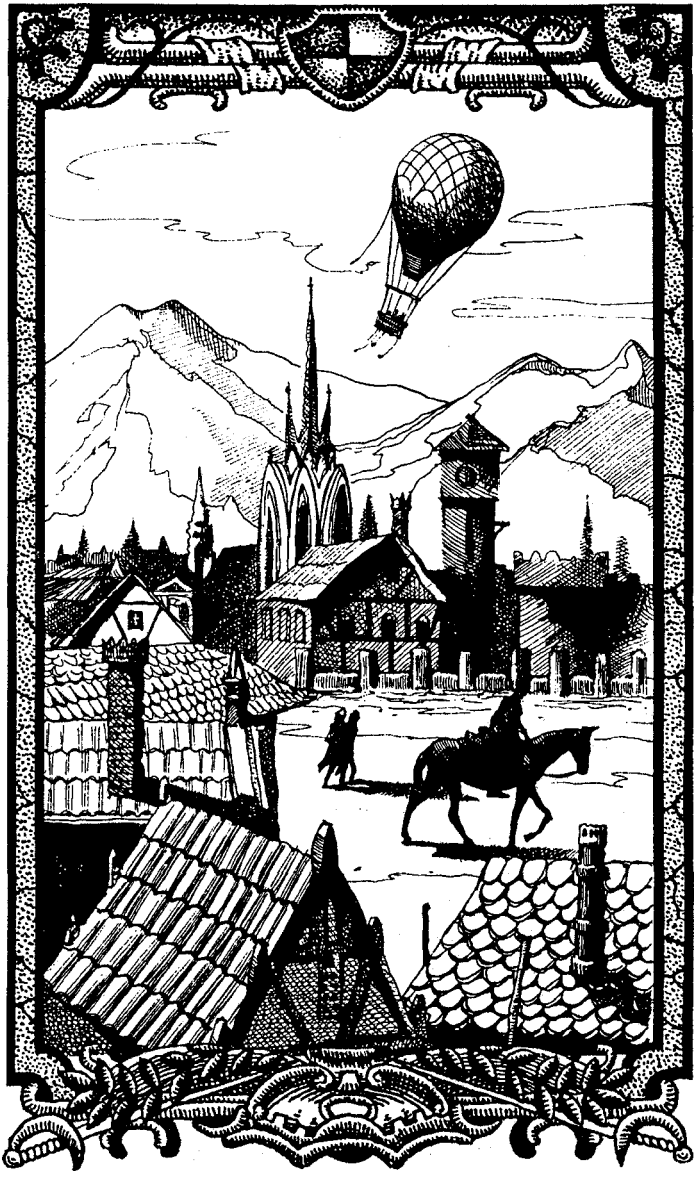
— Теперь уже нет, я согласна. Ибо вы выполнили свою часть сделки.— Она вдруг потянулась и сладко зевнула, словно только пробудилась от сна.— Мы вели с вами переговоры через Ойхенгейма. Это я вас снабдила столь необходимым вам газом!

Сент-Одран был сражен, едва ли не оскорблен. С неодобрением и испугом смотрел он на громоздящиеся вокруг вершины гор, а потом его плотно сжатые губы слегка приоткрылись. Лицо его выражало теперь несказанное изумление. Взгляд его впился в западный горизонт. Проследив за направлением его взгляда, я разглядел полосу розоватого свечения по ту сторону самых дальних утесов. Полоса эта с каждым мгновением становилась все шире. Клостергейм и моя герцогиня не выразили, однако, ни малейшего удивления. Солнце село каких-нибудь полчаса назад... и вот оно всходило снова! Я бросил затравленный взгляд на компас и тут же вспомнил, что стрелка показывает вообще в противоположную сторону от той, куда должна показывать. Обстоятельство это, понятно, вовсе меня не утешило. Я повернулся к востоку. Розовое сияние стало золотистым и бледно-желтым. Мне не требовалось больше уже никаких доказательств того, что мы действительно очутились в волшебном царстве, существование которого я совсем недавно отвергал с таким пылом. Снедаемый любопытством, я вновь оглядел скалы. Далеко

внизу серебрились узкие ленты рек. Среди черного камня утесов то и дело мелькали зеленые пятна — долины. Интересно, там жили обычные люди? Или край этот населен только злобными троллями и прочей нечистью? Если раньше я ничему подобному не верил, то сейчас готов был поверить во что угодно!

Однако солнце, поднявшееся из-за гор — ослепительно бронзовый диск, нависающий над вершинами,— казалось знакомым, привычным светилом. Солнцем нашего мира. Нам навстречу не вылетели ни драконы, ни гиппокрифы, только ласточки парили в воздушных потоках. Утро в неведомом этом мире выдалось на удивление теплым. Стало жарко, и вскоре мы все сняли плащи. Сент-Одран замкнулся в себе. Он явно никак не мог примириться с тем, что Либусса противостояла ему, пригрозив пистолетом; и в то же время само приключение очевидно его взволновало. Клостергейм же, небрежно облокотившись о край гондолы, делал какие-то прозаические замечания относительно знакомых ему наземных ориентиров, над которыми мы пролетали. Замечания свои он адресовал герцогине, но та, похоже, слушала его вполуха.

Перекрестные потоки воздуха бросали корабль наш то туда, то сюда, и вот мы уже плыли над зеленой чашей долин, над лугами, не покрытыми снегом, над полянами ярких цветов позднего лета. Здешние времена года тоже были отражением нашей реальности. Там, в своем мире, мы могли бы сейчас пролетать над Швейцарией или Карпатами. Нагретый солнцем воздух был свеж и сладок. Он располагал к вялой неге — целебный бальзам, обволакивающий мою душу, в течение многих недель осаждаемую только страхами и тревогами.



И вот уныние мое словно рукой сняло. Под нами проплывала земля, крошечные домики, маленькие поселения, города, опоясанные крепкими стенами. Древняя архитектура их казалась приятно знакомой и напоминала старую германскую готику, за тем исключением, что ядра вражеских пушек очевидно ни разу еще не потревожили этих замков и башенок, устремленных ввысь, этих удивительных виадуков и рифленых крепостных стен, этих аркад из резного гранита и известняка, выстроенных на вершинах холмов, что возвышались над тихими реками, чьи крутые берега, густо заросшие лесом, услаждали взор всеми оттенками зелени.

— Это здесь, вы говорили, прошли полчища Ада? — спросил я Клостергейма.

— Нет, не здесь.— Тут он сделал указующий жест рукой.— На западе. За Ирландией. За горизонтом.

Либусса — уже не такая напряженная, теперь больше похожая на ту необыкновенную женщину, которую встретил я по дороге в Лозанну,— любезно мне пояснила:

— Миттельмарх — не единое царство. Не какой-нибудь замкнутый в себе мир, как вы его себе представляете. Он, как волна, наползает на нашу реальность, то проникая в нее, то вновь отступая. Можно перейти из одного мира в другой и даже этого не заметить. Но если вы преднамеренно ищете вход сюда и знаете, где и когда возникают Точки Соприкосновения или просто, когда дуют нужные ветры, вы сумеете проникнуть в Миттельмарх без труда... что мы и сделали. Мы пересекли черту, разделяющую миры, приблизительно между Венгрией и Австрией. Срединный Предел занимает гро-

мадную площадь в пространстве, многие тысячи квадратных миль... и все-таки можно пройти сквозь него за считанные секунды. Или же вдруг оказаться в каком-то другом царстве реальности Миттельмарха. Пространство и Время — понятия непостоянные. Ваша философия, основанная на анализе величин неизменных, вряд ли может служить непогрешимейшим и отточенным инструментом познания, на чем вы настаиваете с таким упорством. Подобной логикой, сударь, вы заключаете наш мир в узкие, тесные рамки. А мы, алхимики, принимаем мир во всей его сложности и беспредельности, не желаем сводить его к меньшему. Мы тоже стремимся к постижению вселенной, но иными путями.

Мне почему-то казалось, что словами своими она хочет наказать меня. Сладкая боль вдруг скрутила мне чресла. Я желал ее с такой силой, что мог лишь молча стоять, застыв без движения, вцепившись обеими руками в край борта гондолы, качающейся под громадным шелковым шаром. Немного придя в себя, я спросил ее нарочито небрежным тоном, который дался мне не без труда:

— А что вы надеетесь отыскать в Миттельмархе, мадам? Почему вы направили наш корабль сюда?

— Я ищу только то, чего ищем мы все, фон Бек. Ваш корабль несет нас к нашей цели быстрее самых стремительных лошадей... и потом вынесет нас назад.

— «Чего ищем мы все?» Но чего же, мадам?

Она улыбнулась и так на меня посмотрела, словно подозревала, что неведение мое — напускное.

— Грааль. Интересы мои большей частью лежат в сфере алхимии. «Единение» и «гармония» —

вот два слова, наиболее употребительные в речах нашего общества. А Грааль, безусловно, олицетворяет собой эти качества.

— Ваш предок верил, как и князь Люцифер, что Грааль принесет облегчение сердцу, положит конец всем мучениям...— проговорил Клостергейм, ни к кому конкретно не обращаясь.

Сент-Одран, все еще не пришедший в себя и настроенный крайне враждебно, обратился к герцогине:

— Если вы, мадам, посвященный адепт, как вы сами только что заявили, вам было бы намного проще построить собственный воздушный корабль. Зачем вы связались с нами?

— У меня не было времени строить новый корабль. К тому же от вас мне нужен не только корабль.

Сент-Одран нахмурился.

— Стало быть мы тоже каким-то образом замешаны во всем этом?

Либусса отвернулась, и теперь я не видел ее лица. Похоже, шотландец попал в точку.

— Клостергейм уже предлагал союз,— продолжал Сент-Одран, подозрительно сощурив глаза.— Кто из нас двоих необходим вам для достижения ваших целей? Я так понимаю, фон Бек?

Она вздохнула, а когда вновь повернулась к нему, лицо ее пылало гневом.

— Ваша догадка верна, Сент-Одран, только вы слишком все усложняете. Мы не собираемся напускать тумана... Мы отправились в экспедицию к местам, где скорее всего сокрыт Грааль...

— И этот Грааль должен узнать фон Бек, если случится так, что он сокрыт под обманной личиной! — Приподняв шляпу, Сент-Одран почесал в

затылке.— Но вот в чем ирония: даже если мы и отыщем Священную Чашу, мой друг скорее всего так и не узнает ее.— Теперь шевалье успокоился, полагая, что одержал несомненную победу. Я сразу разгадал его маневр. Избранная им тактика привела именно к тому результату, к которому он и стремился. Либуссе слова Сент-Одрана пришлись явно не по душе. Она закусила губу, пальцы ее непроизвольно сжались. Будь в руках у нее пистолет, она бы наверное в превеликим удовольствием разрядила его в шевалье. Сент-Одран же с победным видом обозревал долину, простиравшуюся внизу. Он все-таки отомстил герцогине за то, что она его перехитрила.

— Ну разве не прелесть,— манерно протянул шевалье.— Чудесный вид. И погода просто замечательная.

Либусса, не прекращая хмуриться, одарила меня таким взглядом, словно я был собакой, достаточно смышленой, чтобы понять несколько слов из их беседы, а после этого переставшей слушаться приказаний хозяйки. Она не могла знать, как стремился я хоть в чем-то услужить ей, быть ею любимым или хотя бы ей не безразличным. Душа моя пела. Значит, я все-таки ей нужен! Неважно зачем, но нужен! Но тут Сент-Одран резко подался вперед и схватил пистолет герцогини, который она положила на пол.

— А теперь восстановим равновесие,— ослепительно улыбнулся он.

Клостергейм презрительно покосился на наведенное на него оружие.

— Я умирал столько раз, что мне уже все равно, умру я опять или нет.

— Один выстрел, сударь, и мы все погибли.

Я чувствовал себя по-дурацки. Меня словно разрывало на части. Я действительно не знал, на чью сторону встану, если дело дойдет до открытого столкновения. Видимо, почувствовав мои колебания, Сент-Одран пожал плечами и поднес руку с пистолетом к плечу, как дуэлянт, готовящийся к выстрелу на поединке.

— Почему бы вам, сударь,— вполне дружелюбно проговорила Либусса,— не принять происходящее с приличествующим джентльмену спокойствием? У нас в самом деле нет причин ссориться. Вы проделали хитрый трюк, мы тоже прибегли к обману. Но теперь это уже позади, и нам пора стать союзниками, без обмана — что, кстати, в ваших же интересах. К тому же это приключение принесет нам взаимную выгоду. И немалую, уверяю вас, выгоду. Согласитесь лишь передать мне командование, и вы сами увидите, что я честна по отношению к вам и справедлива. Еще засветло должны мы добраться до места нашего назначения, где у вас еще будет возможность у вас убедиться — шансы на обогащение воистину безграничны. А насчет вашего друга, сударь... поверьте, ему не грозит никакая опасность. Ни с моей стороны, ни со стороны Клостергейма.

Мне показалось, что поза оскорбленного достоинства уже прискучила Сент-Одрану.

— Просто скажите, куда именно мы летим, больше я ни о чем не прошу.— Шевалье вздохнул и заметно смягчился. Он был не из тех, кто долго таит злобу или ведет заведомо безнадежную игру.

Клостергейм ответил ему с таким видом, будто никто и не делал из этого тайны.

— Мы направляемся прямо к Осенним Звездам. Мы уже видели их и сегодня ночью увидим

снова. Вы должны это знать, фон Бек... Линии силы...

— Разумеется.— Я решил со всем соглашаться, иначе мне все равно от него ничего не добиться. Я уже начал склоняться к мысли, что за бредовой тарабарщиной скрывается ясный и быстрый ум. Но даже если я ошибался, даже если и разум его в самом деле затуманен безумием, периоды некоторого просветления иногда все-таки наступали.

Сент-Одран подхватил свое пальто и засунул пистолет герцогини себе в карман, при этом он с подозрением посмотрел на меня, словно пытаясь решить, на чьей я стороне. Я же, что называется, был за тех и за других. Я разрывался на части. И тут герцогиня подошла ко мне улыбаясь. Она провела рукой мне по лицу. Под ее ласковым прикосновением я вздрогнул.

— Вы устали, фон Бек.— Голос ее звучал нежно, проникновенно, словно мы с ней давно были вместе. У меня подкосились ноги. Неужели те сны мои были реальностью? Неужели она приходила ко мне, тогда как я полагал, что меня донимает горячечный бред? Я тяжело задышал, пытаясь взять себя в руки. Внутренняя сила этой женщины и ее красота были очевидны для всякого, но она обладала еще и поистине дьявольской способностью одним своим прикосновением возбуждать во мне вожделение; а вожделение всегда заглушает здравый смысл. Я не мог противиться. Герцогиня и сама, я подозреваю, в полной мере не осознавала еще степень той власти, которую получила надо мной. Сент-Одран открыл было рот, чтобы предостеречь меня, но, увидев мое лицо, только пожал плечами.

Либусса положила мне руку на грудь. Рука ее оказалась необычно теплой, даже горячей, словно

она побывала в огне преисподней. Алые губы поцеловали мои глаза.

— Вам нужно поспать, фон Бек,— прошептала она.— Спите, мой дорогой, я разбужу вас. Когда вы понадобитесь.

Глаза мои закрылись еще раньше, чем я это осознал, и, опустившись на мягкий плетеный пол, я погрузился в сладкую дрему. «В ее присутствии,— успел я подумать в исступленном восторге,— у меня нет своей воли. Воля моя может встать между нами, а значит — должна быть упразднена. Должна исчезнуть». Единственное, к чему я стремился теперь, это быть нужным ей, помочь ей достичь ее цели... какова бы она ни была, эта цель, побудившая герцогиню совершить сие воздушное пиратство.

В первый раз я проснулся, разбуженный неким монотонным гудением. Это бубнил Клостергейм. Он сидел на краешке борта гондолы, подтянув одно колено к подбородку, и излагал свое понимание принципов воздухоплавания, после чего, даже не сделав паузы, перешел к описанию своих теологических измышлений:

— Люцифер понял, что Бог умирает. Так что он выжидает лишь подходящего случая... выжидает, хотя прежде горел нетерпением решить все сразу, не медля. Он заключил соглашение. Я это точно знаю. И фон Бек был тому свидетелем. Разве он ничего не сказал? Даже не упомянул? Неужели его семейство связано столь суровым обетом молчания?

— Говорю же вам, сударь: я не знаком ни с семейством его, ни с деяниями их! Фон Бек мало рассказывал о себе, а я вовсе не любопытен!

— Бог отдал Люциферу землю, чтобы тот правил ею... во всяком случае за нею приглядывал.

Если прежде мы обнажали меч против Неба, то теперь нам предстоит покорить Ад. Свободу свою человек должен взять силой, иначе он просто не станет ценить ее, эту свободу. Ее надлежит завоевать. Добыть болью и кровью. И тот, кого называют Антихристом, поведет нас! Изгнав Бога, разбив Люцифера, мы завладеем их силой, но уже не будет покровительства...

Сент-Одран почесал шею.

— Ваши абстракции, сударь, навевают на меня смертную скуку. Если Господь с Сатаною — не просто символы, а действительно некие личности, то им давно бы уже пора к обоюдному удовольствию разрешить свой спор. Но они почему-то не спешат... Так ведь?

— Предок фон Бека знал обо всем, что между ними произошло.— Тут Клостергейм заметил, что я не сплю.— И вы, фон Бек, тоже все знаете! Все вы любимчики Дьявола!

— С Дьяволом я знаком только по великолепному описанию в *Le Diable boiteux* Ла Сажа, сударь. Но тот, насколько я понимаю, был далеко не таким благопристойным господином, как ваш бывший хозяин. Зато обладал более острым умом.

— Господин мой был мудрейшим и прекраснейшим из созданий.

Это громкое заявление, прозвучавшее так прозаично и в то же время так искренне, заставило меня призадуматься. Похоже, в холодной, застывшей душе Клостергейма сохранились еще искорки жизни. Подобно тому, как сам Люцифер бросил вызов Богу, Клостергейм восстал против единственного существа на свете, которое он действительно любил. И теперь наказание ему — отвергать до скончания вечности своего господина, которого

однажды он предал. И разве его положение не отражало, как в зеркале, мое собственное, за тем лишь исключением, что я предал идею и через идею — себя самого? Меня весьма беспокоил этот вопрос, но обдумывать его у меня не доставало ни мужества, ни, может быть, мудрости.

Рука Либуссы легла мне на лоб, но слова ее обращены были к Клостергейму:

— Иоганнес, разговор этот полон туманных намеков и от него мало проку.

От прикосновения ее теплой руки кровь прилила к моей голове исступленным потоком, и я больше не мог уже думать. Вообще ни о чем.

Я чувствовал, скоро мы станем близки. Герцогиня просто не может терзать меня еще дольше.

— Усните,— сказала она.

И я вновь впал в томный транс. Нам судьбой предназначено быть любовниками... нам предопределено Единение, вечная гармония... хотим мы того или нет...

В следующий раз меня разбудило прикосновение ее руки к моим губам. Из темноты доносился голос шевалье. Гондола тихонько покачивалась подо мною.

— Посмотрите вперед! Посмотрите! — в изумлении кричал шевалье.— Ну посмотрите же! — Его мрачное настроение развеялось. Он едва не свешивался через борт гондолы, в то время как Клостергейм совершенно спокойно стоял рядом с ним. Руки его были затянуты в черные перчатки, лицо скрывала тень широкополой шляпы, а сам он был закутан в плащ.— Фон Бек! Посмотрите, дружище!

Либусса помогла мне подняться на ноги. Меня немного шатало со сна, так что герцогиня подве-

ла меня к борту гондолы, где я встал между Клостергеймом и шевалье. Она молча указала на северо-восток, где в мареве света, изменяющего свои краски, простиралась большая долина, по дну которой текла широкая и спокойная река. Нас несло прямо туда. Корабль постепенно снижался. Меня вдруг охватил странный озноб узнавания. Я уже различал силуэты дивного города. Его черные с белым камни мерцали в свете огромных звезд, принадлежащих неведомым мне созвездиям. То были иные звезды: жарче и старше тех, что сияют в небе нашего мира. Бледные, но хорошо различимые — алые и пурпурные, желтые и насыщенно золотые,— они заливал туманным сиянием долину и изумительный город. В городе этом, казалось, смешались все стили архитектуры. То был Майренбург — разумеется, Майренбург,— разросшийся, гигантский. Майренбург, еще более прекрасный и невообразимый. Совершенный. Барочные башенки из темного нефрита, древние строения с фронтонами из потертого от времени обсидиана и наружными балками из молочно-белого мрамора... Безупречный негатив того Майренбурга, который я знал.

Город был тих, неподвижен, только вихрь едва различимого желтого света, вспарывая темноту, проносился то и дело над остроконечными крышами, но потом и этот свет поблек, растворившись в ночи, точно последние вспышки пламени догорающей свечи. Источником этого света было далекое заходящее солнце. Или, может быть, несколько солнц.

— Герцогиня...— Сент-Одран вновь стал учтив и любезен.— ...Приношу вам свои извинения за то, что повел себя с вами невежливо, и искренне бла-

годарю вас, ибо — какие бы цели вы ни преследовали — без вас мы никогда не увидели бы этот чудесный город. Как я понимаю, он подобен зеркальному отражению того Майренбурга, откуда отправились мы в путешествие, но он также — реальное воплощение идеи совершенного града. Будь я проклят, мадам, если он, город этот, не олицетворяет мечту, которой грезили зодчие многих веков которую стремился воплотить всякий каменщик, взявший в руки резец! — Он глубоко вздохнул. Мне показалось даже, что шевалье мой готов разрыдаться.

— Город в Осенних Звездах,— скучающим тоном изрек Клостергейм.

— Где решится наша судьба,— добавила герцогиня.

Сент-Одран вопрошающе поглядел на нее. Герцогиня лишь кивнула. Шевалье схватился за краник клапана и осторожно его повернул, выпуская газ из шара.

Снизу навстречу нам поднимался восхитительный запах свежей листвы и ночных цветов, каких-то пряностей, кофе, изысканной снеди, соусов и маринадов, ароматических масел, старого пергамента, кожи, плесени и вина, серы и дыма, пыли и раскаленного металла, сточных канав, щелока... Все это смешивалось, создавая особенный, неповторимый аромат, присущий всякому большому городу. Однако никогда прежде не доводилось мне вдыхать такого экзотического аромата — ни в Константинополе, ни в Александрии, ни в каком ином городе, которые я проезжал по пути в Самарканд. В запахе было что-то от каждого города понемножку: и от шумливого эклектизма Лондона, и от беззаботной древности Рима, от вычурной витиеватости Праги

и искрящейся энергии Парижа, от надменного зловония Венеции и от хрупкого гранита Дрездена. В городе этом слились воедино все эпохи истории человечества: Халдея, Мемфис, Иерусалим, Афины, Берлин, Санкт-Петербург... Он неподвластен был времени — вечный град в блистающем черном мраморе и безупречно белом алебастре. Его линии и углы, его плоскости и изгибы... Это был своеобразный язык изысканных знаков и символов. Камень повествовал о взаимосвязи и непримиримом противостоянии, об укоренившейся неизменности и нескончаемых переменах. Он, город этот, рассказывал о печали, о боли и о радостном торжестве.

Клостергейм повернулся, невыразительный взгляд его остановился на мне. Неуклюжим движением он протянул руку вперед, словно показывая мне город, как однажды пытался уже показать снежинку. Голос его прозвучал бесстрастно. Он лишь повторил свои слова, как будто я был тугодумом, не способным уразуметь с первого раза:

— Город в Осенних Звездах.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В которой мы узнаем много нового. Князь Мирослав Михайлович Коромко. Алхимические раздумья. Долготерпение вознаграждается. Единение без гармонии

Корабль наш наконец приземлился. Мы с Сент-Одраном закрепили его за высокой городской стеной дивного города — квинтэссенции Майренбурга. В город мы вошли, перед самым рассветом, когда мерцание древних звезд отступило перед светом солнца. В домах Майренбурга уже зажигались огни. Над крышами появились первые струйки дыма. Где-то прокричал петух. У ворот из синего обсидиана нас встретил стражник с опухшим со сна лицом. Зевая и застеги-

вая на ходу ворот серой с желтым рубахи, он поприветствовал нас вялым небрежным взмахом руки и пропустил, даже не взглянув на нас лишний раз. Однако Сент-Одран, переживая о том, что наше золото могут украсть, подошел к нему и попросил хотя бы вполглаза приглядывать за воздушным шаром — мы прикрепили веревками к дубу, что рос на лугу неподалеку от городских ворот. Стражник, в свою очередь, объявил, что он не собирается ничего охранять и допытывать тех, кто выходит из города или входит в него. Его обязанность — лишь отвечать на расспросы всякого странника, с городом не знакомого. Впрочем, он пообещал присмотреть за шаром.

— А он останется таким как есть или изменится? Я, знаете ли, опасаюсь всякого колдовства.

Сент-Одран открыл было рот, чтобы объяснить что к чему, но потом передумал и сказал просто:

— Уверяю вас, нашего корабля вам бояться не нужно.

Дорогу, похоже, знал один Клостергейм. Город оказался совсем не таким, как оставленный нами Майренбург, хотя многие здания и расположение улиц были мне знакомы. Городская архитектура по большей части представляла собой строгий, даже какой-то безликий стиль, безо всякого налета барокко — стиль, я бы сказал, классический, в подражание зодчеству Древней Греции.

Город уже просыпался. Мы пересекли громадную площадь, в центре которой располагался фонтан с каменным изваянием лошади. Она возвышалась над бассейном, где плавали рыбки — алые и золотые, синие и бледно-коричневые, они казались маленькими разноцветными лодочками, скользящими по черному бархату воды. Четыре широ-

кие улицы расходились от площади безупречно прямыми лучами. Мостовые были выложены черным зеркальным мрамором с серыми прожилками, фасады зданий искрились белым ониксом и кварцем. Зрелище, на мой взгляд, потрясающее. Оно напомнило мне монументальный холод Санкт-Петербурга — города, призванного воплотить в себе представление человека о совершенном граде, в отличие от тех городов, что растут как бы сами по себе, сообразно потребностям их обитателей. Пройдя через площадь, мы оказались в квартале узеньких улочек и крытых аллей, загроможденных лотками с фруктами и овощами, уже заполненных толпами горожан, весело перекликавшихся друг с другом. Их разговорный немецкий пришелся бы весьма к месту где-нибудь в Мюнхене или Кельне.

Повсюду в домах уже поднимались жалюзи и оконные фрамуги, распахивались ставни и разворачивались навесы. Люди выглядывали из окон, щурясь от ярких утренних лучей солнца. Подзывали собак и кошек. Опорожняли помойные ведра. Жены будили мужей, мамаши звали детишек. Семейства собирались к завтраку. Важного вида купцы — горделивые, даже величественные,— одетые, может быть, и не совсем по последней европейской моде, но, на мой взгляд, вполне прилично, учтиво приподнимали котелки, кланяясь дамам в пышных кринолинах и жалуясь на жару:

— К полудню, мадам, вот увидите, будет настоящее пекло!

Меня не покидало странное чувство, что я все это вижу во сне. Я запрокинул голову, глядя на шпиль колокольни высотой, наверное в две сотни футов, сложенной из камня цвета красного дерева. Шпиль устремлялся ввысь острой иглой на го-

лубом фоне летнего неба, увенчанный каменным изваянием... Ребенок, в слезах созерцающий разбитое блюдце, зажал в пухленькой ручке. Мы прошли мимо таверны в пять этажей, с балкончиками и буйно разросшимся садом на крыше; мимо игорного дома, способного вместить человек, наверное, шестьдесят; мимо мавзолея из необычного бледно-голубого гранита, отшлифованного до зеркального блеска, и оказались на улочке из полуразрушенных, обветшалых домов, кишащих веселой шумной ребятней. По извилистой тенистой аллее мы поднялись по склону холма к маленькой тихой площади с уединенной кофейней, громадной елью и колодцем посередине. За столиками, выставленными на улицу, сидели чинные господа средних лет, человек пять-шесть. Они читали газеты, вели беседу. Обслуживал их официант в маске какого-то зверя. Смуглый, взлохмаченный, он двигался как-то странно, словно вместо ног у него были копыта Пана.

Мы прошли по мосту над каналом, который мог бы достойно соперничать с любым из каналов Венеции. Воды цвета изумруда, позолоченные лодки... Человек в одной рубашке, без сюртука, направлял шестом лодку, столь причудливо изукрашенную резными фигурами Нептуна, русалок, дельфинов и прочих обитателей морских глубин, что даже не очень верилось, что она несет столь прозаичный груз: капусту и лук. Ярдах в двадцати от моста дрейфовала у берега точно такая же, но полузатонувшая лодка. Нос ее уныло торчал из воды, деревянные бока давно уже заросли мхом. Ослик спустился к каналу, зашел в воду по брюхо, остановился, обнюхал обломки злосчастной лодки, вернулся на пристань и отряхнулся. Брызги вспых-

нули в сиянии солнца... На каждом балконе сушилось белье. Окна распахивались навстречу утреннему свету. Ослик пронзительно закричал — так проворачивается дверь на ржавых петлях, которую не трогали сто лет. Какие-то люди в сутанах с капюшонами прошли нам навстречу. Поравнявшись с нами, все они как один подняли пальцы, сложенные в странном приветственном жесте, неведомом мне. Клостергейм машинально ответил им тем же таинственным знаком. Мы завернули за угол и вышли на короткую улочку, проходящую между двумя небольшими холмами, чьи зеленые склоны, заросшие густой травой, поднимались к домам из красного камня. В конце улицы виднелся каменный пьедестал, а на нем — какая-то громадная бронзовая маска, как у актеров греческой трагедии, со скорбно опущенными уголками рта и с мучительно свирепым выражением. Назначение ее было мне непонятно.

Мы миновали еще две улицы, где стояли такие же свирепые лики, и оказались в тихом узеньком переулке с двумя арками — в начале и в конце. Цветущий шиповник, подобно вьюнку, поднимался по решеткам крытой галереи. Побеги плюща льнули к побеленным стенам домов с красновато-коричневыми террасами (вероятно, из кирпича) и наружными балками, выкрашенными в белый или желтый цвет. Фронтоны их были украшены причудливыми узорами из лепных фруктов и цветов. При каждом домике был маленький аккуратный садик. Аромат цветов пропитал воздух. Это могла бы быть деревенька где-нибудь в Новой Англии. Даже шум города не доносился сюда. Клостергейм решительным шагом направился к третьему слева дому, позвонил в дверной колокольчик и сошел с

крыльца. Горничная открыла дверь и, сделав реверанс, пропустила нас в дом. Мы прошли следом за Клостергеймом в прохладный вестибюль, который оказался просторнее, чем можно было предположить. На стенах висели громадные зеркала, на маленьком декоративном столике красовалась ваза со свежими хризантемами. Горничная забрала у нас плащи и проводила в гостиную, оформленную в восточном стиле, с низкими креслами и столом. Подобную обстановку предпочитают преуспевающие провинциальные купцы. На столе стояли щербет, вода и бокалы. Это наводило на мысль о жилище некоего аскета-мусульманина. Я огляделся, ожидая обнаружить где-нибудь в углу кальян — типа тех, что курили татарские ханы,— но увидел лишь изразцовую печь, отделанную зеленой в белый цветочек эмалью, с горшком какой-то травы наверху.

Клостергейм снял шляпу, провел пальцем по ее внутренней тесьме и принялся без всякого энтузиазма разглядывать свой палец, мокрый от пота. Он не сказал нам ни слова о том, чей это дом, кто его хозяин. Мы с Сент-Одраном пребывали в полном неведении, и лишь герцогиня, похоже, кое-что знала. Мы расселись.

— Уютная комнатка,— проговорил Сент-Одран, нарушая неловкое молчание.— Когда вы здесь были в последний раз, ваша милость?

— Несколько лет назад,— отозвалась герцогиня.— Добраться сюда не так просто, как вам могло показаться.— Она пожала плечами.— По крайней мере здесь я могу оставаться женщиной и не наряжаться мужчиной, что всегда меня раздражало.

Тут появился лакей в ливрее и парике, заплетенном в косицу, и налил нам по бокалу охлажденного лимонада.

— Мой хозяин приносит извинения. Он немного задерживается внизу.— Слуга говорил с явным иностранным акцентом, может быть померанским. Черты его лица, крупные, по-юношески энергичные, гармонировали с широким, тяжеловатым лбом. Весь его облик выдавал, что его лишь недавно забрали с фермы. Впрочем, вышколен он был прекрасно, и ливрея, сидевшая как литая на его мускулистом теле, шла ему.

Либусса вопрошающе поглядела на Клостергейма, движением руки выражая свое нетерпение. Клостергейм погладил пальцами воздух, словно хотел успокоить герцогиню. Я поднялся, чтобы получше рассмотреть икону на белой стене: триптих, под которым теплились две лампады, работы явно византийской, хотя я и не сумел распознать школу и стиль. На одной створке триптиха был изображен юноша с золотым кубком в левой руке, на другой — дева, воздевшая правую руку с мечом. Лица обоих повернуты были внутрь, к центру триптиха, где фигура с телом женщины, но головой юноши устремлялась с мечом и кубком навстречу громадному зверю, похожему с виду на волка, с горящими золотыми глазами и клыками алого цвета. На заднем плане центральной панели по обеим сторонам от рвущейся в бой фигуры были изображены две крепости, две твердыни на вершинах двух абсолютно одинаковых холмов: одна золотая, другая черная. А в небесах над ними пылали бок о бок два солнца: алое солнце, точно такое же, как и на левой створке триптиха, и белое — как на правой. Икона меня озадачила. Почему-то она показалась мне знакомой, хотя я никак не мог вспомнить легенду, сцены из которой были представлены на этом странном трипти-

хе. Я все еще изучал его, когда за спиной у меня раздался зычный грудной голос:

— Прошу прощения, друзья мои. Мне пришлось задержаться. Хотите попить со мной чаю?

Повернувшись, я увидел крупного светволосого господина в свободной рубахе с аляповатой вышивкой на манер украинской. Его красные шелковые шаровары были заправлены в красные кожаные сапоги. В левой руке он держал изогнутую пеньковую трубку. Густую бороду его обрамляла седина, длинные волосы ниспадали на плечи. В голубых его глазах — искренних и дружелюбных — мерцал отблеск того же холодного света, что переполнял глаза Клостергейма. И первым делом незнакомец обратился к мертвенно-бледному отставному жрецу Люцифера:

— Стало быть, вы преуспели в своих начинаниях, дружище. Рад, очень рад.

Он немного понизил голос, словно выражая тем самым свою симпатию. Клостергейм представил ему Либуссу, Сент-Одрана и меня.

— Ваша милость,— склонился незнакомец над рукой моей герцогини,— какая честь моему дому. Согласно вашему желанию, собрание было созвано. Сам я имею честь предложить вашему вниманию свои скромные опыты. Горю нетерпением узнать ваше мнение.

Потом моя ладонь утонула в его большой теплой руке. Я также был расцелован в обе щеки.

— Душевно рад видеть вас у себя.— Он сказал это так, будто давно уже ждал меня в гости.

Тот же ритуал повторил он и с Сент-Одраном, но при этом добавил:

— Надеюсь, сударь, за обедом вы объясните мне поподробнее принципы воздухоплавания.

— С удовольствием, сударь,— расплылся в улыбке Сент-Одран.— С превеликой охотой, сударь. Вы, стало быть, человек ученый?

— В некотором роде. Я, сударь, можно даже сказать, источник всех огорчений почтенного нашего общества. Зовут меня... о чем Клостергейм, как видно, запамятовал... князь Мирослав Михайлович Коромко.

— Вы из Южной России, сударь? — полюбопытствовал я.

— Кузен мой был гетманом Запорожской Сечи. Служил государыне Екатерине. Полагал сие высочайшею честью. Остальные же запорожцы, как оказалось, были иного мнения на этот счет! — Смех князя прозвучал искренне и открыто.— Вы, сударь, бывали в России?

— В Санкт-Петербурге. Меньше в Москве. Также мне довелось побывать в Татарии и в Сибири. Но эти же регионы здесь, в Миттельмархе, к сожалению, абсолютно неизвестны.

— И мне, сударь. Ни разу там не был. Я сам тоже не уроженец этой реальности, просто в погоне за достижениями своего ремесла — или искусства, как его еще называют,— я пересек границу между мирами и поселился здесь много лет назад. Алхимией лучше всего заниматься здесь, в Миттельмархе... По крайней мере я в свое время так думал.

— И вы никогда не стремились вернуться назад? — поинтересовался Сент-Одран, собирая информацию, которая могла бы ему пригодиться при подготовке возможного побега.

— Мне просто не позволяли, сударь.— Мирослав Михайлович опустил глаза и, подступив к Клостергейму, провел рукой по его груди и плечам.

Тот поморщился и отстранился, не сделав при этом никакого видимого движения, точно как кошка.— Вот он, вольный бродяга, который блуждает туда-сюда по желанию, легко и беспечно, как птичка.— При этом он подмигнул мне, однако же было ясно, что он питал искреннюю привязанность к бывшему капитану Люциферова войска.— Я оплатил проезд только в один конец. Клостергейм же, не востребованный ни Небесами, ни Адом, возможно, единственный из всех нас, кому знакомы оба мира. Но они уже скоро сольются и станут едины, верно, герр Иоганнес? Очень скоро, если только все наши планы осуществятся...

— Что?! — изумился Сент-Одран.— Так вот вы что замышляете?! Убрать все барьеры? Чтобы Миттельмарх слился с нашим миром? А что Земля... масса ее увеличится вдвое? А объем? И что тогда станет с другими планетами и светилами?

— Все это принято во внимание,— утешил его русский князь.— На самом деле, сударь, слияние двух миров — не более чем детский фокус по сравнению с главной нашей целью.

— Да ну?

— Мирослав,— рассмеялась Либусса,— вы здесь так привыкли к свободному обращению, что рискуете пострадать из-за собственной опрометчивости!

Князь вдруг весь как-то сник.

— Прошу прощения, сударь,— поклонился он Сент-Одрану и раскурил трубку от огонька одной из греческих лампадок, мерцающих под странным триптихом, и пыхал трубкой минуты две-три, пока она не разгорелась как следует.— Ну-с,— проговорил он нарочито легким тоном,— старые разногласия, как я понимаю, теперь улажены.

— Они не будут улажены,— возразила ему герцогиня,— пока не установится окончательное Единение. Что-нибудь интересное вы еще видели в этом вашем стекле?

— Клостергейм рассказал вам, да? Открытие это я сделал случайно... Мы как раз превращали песок Сахары, серу и агат в разжиженный философский камень. Когда жидкость затвердевала, сосуд, ее содержащий, треснул, и она вылилась на скамью. Как вы, должно быть, знаете, со мной был Ди. Он увидел результаты этого опыта и остаток недолгой жизни провел в безуспешных попытках добиться того же. Субстанция собралась в лужицу, которая затвердела почти мгновенно. Образовалось нечто похожее на стекло. Магическую формулу я использовал ту же, что и при заклинании прорицания будущего. В искаженной туманной картине я увидел Ди. Дом его в Англии осаждала толпа разъяренной черни. Они подожгли поместье. Дом горел, горела бесценная библиотека. Я до сих пор сомневаюсь, нравственно ли я поступил, решив ничего ему не говорить. В зеркале этом, понятно, мне показали будущее. С тех пор оно не раз предсказывало мне события, происходившие потом... так, незначительные повседневные пустяки. Зеркало, впрочем, орудие ненадежное. Я бы не стал на него всецело полагаться. И все же открытие это было действительно счастливой случайностью. Другого такого зеркала просто не существует. Даже подобного не существует. И все мои попытки сделать такое же или лучше закончились неудачей.

— Вы, сударь, как я понимаю, уже в преклонном возрасте знали Ди... — заметил я.

Князь Мирослав улыбнулся и покачал головой.

— Монархом моим был царь Федор. Романовы, выскочки, на мой взгляд, слишком алчны и приземленны.

— Однако вы упомянули своего ближайшего родственника, который служил Екатерине.

— Он был не такой сноб, как я, сударь.

— Седенко ведь был вашим побочным отпрыском,— как всегда бесстрастно заметил Клостергейм.

Загадочная эта фраза, похоже, что-то значила для князя Мирослава.

— Да, действительно, было дело. Будь на то моя воля, его бы признали законным. Но я к тому времени уже был в бегах. Я думаю, Седенко знал вашего предка... графа Ульриха.

— Должен заметить, сударь,— я с трудом скрывал свое раздражение,— что я почти совсем ничего не знаю о делах моих предков, но полагаю их людьми достойными. Пусть, как и всякие люди, они имели свои слабости, даже пороки, но они все же стремились к высшей культуре и просвещению.

— Так и есть,— заметил князь Мирослав.— Клостергейм относится к миру как к какой-нибудь детской головоломке, в которой каждый кусочек надлежит аккуратно поставить на место, ему предназначенное, чтобы в результате сложился четкий простой узор. Верно, Иоганнес? В общем, Седенко прибыл в Миттельмарх вместе с вашим предком. Как я понимаю, он едва не узрел Грааль. Сам я не шибко хороший воин...— Князь погладил ладонью свой выпирающий живот.— Физические тренировки, видите ли, разрушают тело. Пары же, выходящие из пор кожи, истощают, наверное, половину нашей созидательной энергии. Я и так слишком потею, трудясь над колбами и ретортами

в душном подвале. А вы, сударь, чувствуется — воин по убеждению. Это, должно быть, у вас в крови. Одно то, как вы держитесь... разворот ваших плеч... уже выдает ваше германское происхождение. Нация ваша, сударь, богата известными воинами, проявившими себя на поле брани. Да взять хотя бы вашу посадку в седле...— Тут он осекся.

— Вы несколько поторопились, сударь. Он еще ничего не знает.— Либусса была явно раздражена.— Я как раз собиралась поговорить с капитаном фон Беком наедине.

Но я уже насторожился:

— Мое появление здесь было предсказано? Вы меня видели в своем зеркале?

Князь Мирослав, похоже, пришел в замешательство. Он вновь раскурил трубку, неопределенно пожал плечами и посмотрел на меня, как бы извиняясь.

— Никогда нельзя быть уверенным.— Он в смущении умолк.

Мне всегда было немного странно видеть властных людей в такие моменты, когда они себя чувствуют явно неловко. Он напоминал мне медведя, который танцевал не в такт музыке. Сент-Одран же, наоборот, торжествующе скалил зубы, распространяя вокруг себя ауру самодовольства, свойственную человеку, чьи подозрения только что подтвердились. Когда я испытующе поглядел на герцогиню, она лишь пробормотала строку из Гёте — *Ist Gehorsam in dem Gemut, Wird nicht fern, die Liebe sein*,— и незаметным движением головы дала мне понять, что я получу все необходимые разъяснения в свое время.

Клостергейм поднялся. Тема нашего разговора, как видно, начала его беспокоить.

— Наш долг,— объявил он,— призывает нас действовать по возможности откровеннее.

— И честнее,— язвительно вставил Сент-Одран.— Не правда ли, мадам?

— Ложь подобна нечистой примеси в элементах,— согласился князь Мирослав,— которая портит любой эликсир. Ложь — омрачающая завеса. Она искажает, вредит.

Но Либусса моя нашла что возразить:

— Иной раз, однако, именно эта нечистая примесь является самым важным ингредиентом. И ведет к открытию. Помогает сделать шаг вперед в наших изысканиях. Ваше зеркало, например...

Князь Мирослав ответил ей с явным, но все-таки не нарочитым неодобрением:

— Искусство и его принципы сильно изменились с той поры, как я впервые надел мантию адепта.— Его отношение к ней показалось мне странным. Словно он не доверял ей, однако почитал ее едва ли не благоговейно. Как старый мастер в присутствии юного гения, целеустремленного, смышленого, преисполненного самого горячего энтузиазма... но которому еще предстоит многому научиться.

— Ну что ж...— Либусса, видимо, беспокоилась о том, чтобы сохранить его доброе расположение.— Меня обещали отвести в вашу лабораторию.

— И обещание будет исполнено,— согласился князь.— Вы хотите отправиться туда прямо сейчас?

— Я горю нетерпением, сударь.— Либусса была обезоруживающе кокетлива, меня это даже слегка покоробило, но я знал: моя возлюбленная сыграет любую роль, лишь бы только добиться желаемого.

— Что тут, интересно, творится? — высказался шотландец, когда все ушли, оставив нас вдвоем.— Что за тайна такая? Они делают золото в этом подвале, как вы думаете, фон Бек?

Предположение это меня позабавило.

— Ну да, слитков так двадцать в день, из ржавых гвоздей и старых кухонных ножей... Видите ли, Сент-Одран, они все — адепты так называемой высшей веры. Они полагают сие унизительным — проводить опыты в области трансмутации металлов. Это их недостойно!

— Я, знаете ли, не так хорошо разбираюсь в учении розенкрейцеров,— с кислой миной пробурчал Сент-Одран.— Однако готов поклясться, что все эти их изыскания никак не обходятся без большого количества золота. Скажем так: золото тут присутствует. А что вы думаете, фон Бек? Разве все это вас не настораживает?

— А что должно меня настораживать? Что магическое стекло предсказало мое появление? — Я покачал головой. Под влиянием Либуссы все мои прежние страхи исчезли без следа. С ее появлением я постоянно пребывал в приподнятом настроении. Я был уверен в том, что Либусса уже обещала мне свою любовь, хотя бы лишь для того, чтобы заручиться моей поддержкой в чем бы там ни было. И я, вопреки, может быть, здравому смыслу — не питал насчет нее ни сомнений, ни подозрений. Я был лишь преисполнен радости, что нахожусь сейчас в этом городе, что я все-таки воссоединился со своей богиней, что я освободился от страха, который меня преследовал. Сент-Одрану, понятно, восторг мой казался вопиющим безрассудством, если не проявлением тупости, а мое поведение по отношению к нему, вероятно, воспринималось воз-

духоплавателем как раздражающая снисходительность. Поднявшись с кресла, я подошел к шевалье и положил руку ему на плечо.— Дорогой друг, я понимаю инстинктивную настороженность вашу. Вы правы, нам следует поостеречься. Мы не должны забывать о том, что нас затащили сюда обманом. Но это еще не причина не доверять всем и вся!

— Я просто хотел напомнить, что не кто иной, как Клостергейм управлял животным, этим изувером, который убил нашу бедную ландграфиню,— мрачно ответствовал мне Сент-Одран.— У нас не было выбора. Нас просто никто не спрашивал. Нас держали на мушке и заставили пересечь эту чертову границу. Я бы сказал, не особенно тонкий прием для таких утонченных искателей истины. Эти люди способны на все... Они не остановятся ни перед чем, лишь бы только наверняка вовлечь нас в свои тайные планы. Эта дама, фон Бек, обладает властью, которая очень меня беспокоит.

— Вы хотите сказать, что, по-вашему, женщине не пристало властвовать?

— Да будь она мужчиной, я все равно бы ее опасался.

— Она, очевидно, сторонница волластонкрафтизма и борется за равноправие женщин! — Я все еще не избавился от привычки судить о поступках других по себе, истолковывать их деяния согласно каким-то собственным представлениям.

— За что она борется! Кроме себя самой, для нее ничего просто не существует! — Сент-Одран был весь — воплощение скептицизма.— Если бы она как-то боролась за права женщин, фон Бек, можно себе представить, скольким людям она причинила бы крупные неприятности, не говоря уже ни о чем другом. Мне только вот что странно, почему вы не

можете разглядеть в этой миледи все те черты, которые отвратили вас от Робеспьера?!

— Так вы обвиняете ее в том, что она преследует лишь свои интересы? А что в этом плохого? Я всегда защищал ее, да, не заботясь нимало о том, благородны ее побуждения или низменны. Но ведь я полюбил ее не за какие-то свойства характера. Ее ум, ее тонкая чувственность — вот что меня восхитило. Мне кажется, ночь, проведенная с нею, принесет мне новые, неожиданные откровения.— У меня было такое чувство, словно в теле моем действительно должно поселиться некое новое, удивительное существо. Женское существо... Тогда как в ней должно проявиться существо мужское. И Единение наше призвано воплотить в себе божество, высшее проявление человеческой страсти и мудрости, в котором сольются неразделимо мужское и женское естество. Как в том моем сне. Она говорила о Единении. Семейство мое научило меня ставить гармонию превыше всего. *Тебе исполнять работу за дьявола* — вот девиз нашего рода. И теперь я понимал, что он означал!

— Она — ведьма.— Сент-Одран был угрюм и серьезен.— Она вас околдовала.

— Да, я попался в ловушку, Сент-Одран.— Я произнес это быстро, словно опасаясь, что истина ускользнет от меня и я никогда уже не смогу отыскать ее вновь.— Я угодил в западню ее обаяния, ее чар. Но я чувствую: с нею я открываю себя.

— Это, сударь, слова монаха, обезумевшего от любви!

— Поверьте мне, друг мой, я с вами искренен. Даже если мое чувство окажется пагубным для меня, я должен дойти до конца. Я — ее раб.

Покосившись на меня с подозрением, как на умалишенного, Сент-Одран тряхнул головой.

— Мой бедный фон Бек! Когда все это кончится, я постараюсь вас вылечить, но дальше вас поощрять я не намерен.— Он замолчал, глубоко задумавшись, потом добавил: — Не позволяйте им забрать от вас больше, чем вы сами хотите отдать. И не забывайте, в вас есть нечто такое, что представляет для них величайшую ценность. То, как вы себя поведете, на какие условия согласитесь, может очень существенно повлиять на вашу дальнейшую судьбу...

Я еще размышлял над мрачным заявлением шевалье, когда на пороге гостиной появились наш хозяин с герцогиней и Клостергеймом. Все трое оживленно беседовали между собой на жаргоне алхимиков. Лицо Либуссы пылало восторгом. Клостергейм же, склонив острый подбородок так, что он буквально вонзался в шею, о чем-то задумался и машинально отвечал на вопросы своих спутников.

— К Астральному Соответствию все будет готово,— заверил его князь Мирослав.

— Вы слишком дорого просите.— Голос Клостергейма был едва ли не гневным.

— И вовсе недорого,— спокойно возразила герцогиня Критская.

Клостергейм так и застыл на месте, но сияющая Либусса, схватив под руку Коромко, решительным шагом вошла в гостиную, лучезарно мне улыбнулась, а потом, зло прищурившись, взглянула на Сент-Одрана. Он, может быть, представлялся ей соперником. Впрочем, с его стороны ей нечего было бояться. Он был мне другом, и другом хорошим.

— Сегодня последний день, будет светить солнце,— объявил князь Мирослав.— Завтра, когда начнется долгое правление звезд, и вам надлежит явиться к Себастократору, ведь именно завтра восстанет он ото сна, дабы царить в грядущем Периоде. При нем и случится ожидаемое Астральное Соответствие.

Либусса взяла мою руку так естественно и проникновенно, как это мог бы сделать невинный ребенок. Все тело мое вновь преисполнилось жизни. Разум мой стал вдруг чист, я как будто утратил способность мыслить. Клостергейм бросил на герцогиню быстрый испуганный взгляд. Она улыбнулась ему.

— Вы не должны...— Он тут же умолк, кажется, сожалея о сказанном, а потом неожиданно шагнул к Сент-Одрану: — А что вы?

— Я, сударь? — не понял тот.

Клостергейм нахмурился, видимо пытаясь припомнить смысл своего вопроса.

— Да. Что вы, сударь?

Сент-Одран настороженно уставился на Клостергейма, потом обвел всех присутствующих обезоруживающим взглядом.

— В настоящее время у меня нет никаких спешных дел.

— Хорошо,— кивнул Клостергейм.— Я еще с вами поговорю. Я...— Он снова умолк и уставился в пол. Мне показалось, что ему трудно подбирать нужные слова.— Вы позволите мне показать вам город?

— Буду весьма вам обязан, сударь. Спасибо.— Тон шевалье был небрежен и легок, но взгляд — насторожен. Все внимание Сент-Одрана сосредоточилось вдруг на мне.— Вы составите нам компанию, да, фон Бек?

— Ну как? — спросила меня Либусса, легонько сжав мою руку.

— С удовольствием,— ответил я Сент-Одрану.— Только попозже.

Герцогиня повелевала мной, как хороший наездник — своим конем, одним только тоном и прикосновением. У меня уже не было выбора: я мог лишь мчаться галопом туда, куда направляла меня ее прихоть.

— Я должен сначала поговорить с ее милостью,— добавил я.

Взгляд Сент-Одрана выражал нескрываемое отвращение. Повернувшись спиной к нам, он направился к двери и, встав на пороге, поклонился князю Мирославу:

— Сударь. Весьма вам признателен. К вашим услугам.

— Надеюсь, вы отобедаете с нами, сударь?

— В котором часу у вас подают обед? В семь? С большим удовольствием, сударь.

Сент-Одран и Клостергейм, не питавшие ни малейшего дружеского расположения друг к другу, вышли из дома. Князь Мирослав вернулся к ретортам и плавильным тиглям. Госпожа моя провела меня вверх по лестнице, и мы оказались с нею в длинном коридоре, который проходил, похоже, через весь второй этаж. Она подвела меня к двери, расположенной примерно на середине коридора, по правую руку. Мы вошли в комнату, залитую горячим солнечным светом и уставленную цветами и живой зеленью в горшках и корзинах. Я мог бы поклясться, что слышу жужжание пчел. Это был своего рода маленький садик, в центре которого возвышалась кровать громадных размеров, застланная бельем золотистого шелка — точ-

но беседка, окруженная розами, плющом и жимолостью. Герцогиня увлекла меня на роскошное ложе без всяких подготовительных шагов. Она приказала мне раздеться. Встав в изголовье кровати, я снял сапоги и чулки, рейтузы и кальсоны. Я сбросил сюртук и жилет, белье и рубаху. На рубашке я заметил пятно крови и только теперь увидел, что где-то порезал палец. Либусса улыбалась. Я стоял перед ней обнаженный. Она же разглядывала меня, восхваляя достоинства моего тела и легонько поглаживая его. Но даже эти едва ощутимые прикосновения разожгли во мне жаркое пламя, так что я едва не задохнулся.

А когда герцогиня стала касаться плоти моей губами... то там, то здесь... я был уже близок к обмороку. Она сбросила корсаж и кринолин, сорочку и белье и тоже предстала предо мной обнаженной. Я жадно разглядывал мягкий изгиб ее бедер и грудей. А потом я упал на колени, утопая губами в ее естестве, как она того пожелала. Когда же я осмелился поднять взгляд, слова мои оказались бессвязны и неуместны. В мире, который теперь исчез для меня, больше уже не осталось слов. *Я — твой. Я твой возлюбленный. Я принадлежу тебе целиком, как никто еще никогда тебе не принадлежал. Ты лишь прикажи мне. Все что угодно. И, клянусь, я исполню любое твое повеление.* То были слова из моих прежних снов. Либусса вцепилась руками мне в волосы. Лицо ее пылало, в сердце горел неистовый, жаркий огонь. Она застонала — по телу ее прошла дрожь — и опустила глаза. *Значит, все, что твое — и мое тоже?* — безмолвно спросила она. *Все,* — ответил я ей в исступленном восторге. Она удовлетворенно вздохнула. *Пора. Время пришло.* Она дос-

тигла пика своего наслаждения и помогла мне достигнуть того же.

Прошел час. Мы лежали, сплетясь телами, на огромном ложе в окружении благоухающих цветов, и я рассказывал, как я люблю ее, какой жалкой и неполной стала жизнь моя с той поры, как она — моя Либусса — отбыла в Майренбург без меня. Тело ее, нежное и податливое, казалось, поглощало и излучало настойчивый жар, но жар сухой, не увлажняющий ее плоти, словно то была ее нормальная температура... словно внутри ее пылала негасимым огнем громадная топка. Быть может, она в самом деле — прислужница Сатаны. Я был уже наполовину уверен в том, что она бессмертна.

— Мы должны отыскать Грааль. И отыскать как можно быстрее,— сказала она.— Не для Клостергейма. Для меня.— Она перевернулась, и теперь все ее тело купалось в ослепительных лучах солнца.— Клостергейм не питает к тебе ни малейшего расположения, Манфред. Он бы убил тебя не задумываясь, если бы это дало ему хоть какое-то преимущество. Клостергейм — бессовестный, низкий, злобный человек. Он преисполнен лишь жаждой власти, которая слишком долго оставалась неутоленной.

— Я думал, вы с ним союзники.

— Ни в коем случае. Я в долгу перед ним, вот и все.

— Он ссудил тебя деньгами?

Она улыбнулась и перевернулась на спину.

— Мы богаты, Картагена и Мендоса-Шилперика. Очень богаты. Наше богатство копилось веками. Даже те из нас, которых казнила Церковь, оставляли немалые средства для остальных.

— Стало быть, долг морального свойства. Откажись от него.

— Я связана с ним алхимической клятвой. Это был единственный путь к тому, чтобы заполучить его знания... ту их часть, что могла пригодиться для осуществления наших целей.— Когда она говорила «мы», «наши», сердце мое ликовало.— Чтобы собрать все то, что было мне необходимо, потребовался не один год. Владея только Граалем, я еще не добьюсь желаемого. То, что я помещу в него,— вот что решит судьбу нашу. И еще существуют особые ритуалы. Все годы учения ведут к тому...— В первый раз говорила она со мной откровенно, не следя за своими речами, что, разумеется, мне польстило, хотя едва ли я понимал смысл ее слов.— А Клостергейм... он все это извратит, я знаю. Он призовет заклинания и совершит ритуалы настолько несоответствующие друг другу, что это будет грозить разрушением самой структуры материи. И все ради его бесплодных, пустых целей. У него нет других устремлений — лишь воссоздать себя по образу и подобию Сатаны, чтобы прежний его хозяин признал его наконец и принял обратно в объятия Ада.

— И ты все время об этом знала?

— Я как раз направлялась во Францию, чтобы там разыскать тебя, когда мы встретились в этой гостинице. Видишь, как судьба направляет нас всех по неминуемым путям своим? Я знала и о твоем семействе, и о тебе. Но мой путь был сокрыт от меня и открылся мне только в Праге. Слишком долго пришлось мне играть роль мужчины. Но только так я могла достигнуть всего, что было мне необходимо. Но теперь все это можно отбросить, забыть... Я буду делать то, что должна, боль-

ше не прибегая к уловкам и не скрываясь под чужой личиной.— Ее словно бы охватило тихое уныние. Глядя куда-то вверх, в дивной своей наготе купалась она в мягком солнечном свете, льющемся сквозь сплетение ароматных цветов, и продолжала свои откровения: — Итак, мы с тобой, Грааль и тинктура моя почти готовы соединиться. Когда настанет Астральное Соответствие, произойдут грандиозные изменения, и я... ты и я... сольемся в радостном торжестве, дабы утвердить свершение наших судеб!

В моем бурном революционном прошлом мне не раз доводилось слышать подобные апокалиптические предречения, хотя и без примеси мистики. Мой хваленый скептицизм теперь боролся со страстным стремлением поверить ей. Я с трудом овладел своим голосом.

— Это логика Робеспьера, Либусса!

Она повернулась ко мне — зеленые глаза ее вспыхнули яростью — и вдруг навалилась на меня всем телом.

— Разница, маленький мой, все-таки есть.— Слова ее, казалось, дрожали под напором гневного неистовства ее чувств.— Одно только различие, но существенное. Я не Робеспьер, произносящий громкие словеса, разжигающий в людях ненасытную алчность и несбыточные надежды. То, о чем я сейчас говорю... бесспорная истина. Бесспорная истина! Ты должен поверить мне. Просто поверить и все. Мир, который ты знаешь, будет преобразован. Он станет другим... таким совершенным в своей гармонии, что ты бы расплакался, если бы только мог представить его себе. И это судьба твоя... наша судьба... сотворить этот совершенный мир! — Герцогиня села верхом на меня и, обхватив мою голо-

ву обеими руками, прижалась грудью к губам моим. Ее жаркое тело едва не жгло меня.— Ты должен понять это, Манфред. То, что сейчас происходит с нами... оно нам неподвластно. Мы беспомощны перед этим великим предназначением, что связало нас. Соединенные силою большей, чем просто Грааль, мы должны следовать предначертанной нам судьбе, иначе нам снова придется ждать, пока свершится еще один полный круг и мы сможем опять начать нашу работу, но уже в новой смертной плоти! Момент, которого мы ожидали так долго, настал, и упустить его мы не вправе. Мы возродились и встретились вновь. Мы были одним существом и любили друг друга с начала Времени!

Я задыхался. Герцогиня сжимала голову мою с такой силой, что казалось, она сейчас лопнет. Я слабо вскрикнул.

— В чем же оно — мое предназначение? Скажи мне, Либусса, в чем?

Она отпустила меня. Взгляд ее стал задумчивым, алые губы слегка приоткрылись. Потом она принялась гладить меня по щеке. В глазах ее стояли слезы. Она прильнула ко мне.

— Ты узнаешь об этом, но в свое время. Пока же я ничего тебе не скажу, ведь это запрещают писания Книги Обряда. Мне было явлено все и открыто. Все то же самое, что и в конце. То же, что и в конце.

— Тогда почему я не могу узнать об этом теперь?

Она рассмеялась, и в смехе ее горечь смешалась с гордыней.

— Потому что я — сила Активная, ты — Пассивная. Как и должно быть, чтобы алхимический опыт удался. Больше не спрашивай ни о чем! Про-

сто делай, что я скажу тебе, и ты испытаешь такой небывалый восторг... Только тогда ты узнаешь, как это: быть живым — чувственным, восприимчивым, ощущающим мир и себя! Мы подступаем к последнему пределу, за которым не будет уже никаких границ! Мы сможем достигнуть Величайшей Гармонии! Ты увидишь! Увидишь! — И, продолжая смеяться, она вновь схватила меня и принялась тормошить, так что мне уже стало казаться, будто меня кружит в вихре чувственности и значимости.— Эликсир и Грааль,— вполголоса пела Либусса, утопая в волне наслаждения, забирая у меня все, что я только мог дать, без остатка.— О мой милый, мой маленький... ты стал избранником. Дар, врученный тебе, превыше любых даров. Доверяй мне, фон Бек. Доверяй, и любое твое желание исполнится. Ты получишь тогда все, чего хочешь, станешь всем, о чем грезил в своих самых сокровенных мечтаниях.

— Только тебя я хочу, Либусса! Ничего больше. Только тебя.

— Ты никогда меня не оставишь. Мы будем вместе. Вечно будем мы вместе. Мы с тобой. Ты и я. Клянусь, я тебя не обману. Никогда. Но ты должен всецело довериться мне... и помочь сразить наших врагов.

— Я люблю тебя, Либусса.

— Правильно. Так и должно быть.— Она прильнула губами к моему телу, как львица, томимая жаждой.— Эликсир и Грааль, мой хороший. И еще — ты и я. Древний ритуал смерти и возрождения. Конец всем битвам. Конец всякой ненависти и дисгармонии. Он знаменует собой разрушение Небес и гибель Ада! — Она полной грудью вдохнула воздух и запрокинула голову.

А я — тот самый зверь, которого она подчинила себе, одолев в смертной схватке. Зверь, несущий ее на своей спине. Я слышу рев, доносящийся из Лабиринта, вдыхаю зловоние Минотавра. А Ариадна смеется. Она держит в руках меч и щит. Ариадна выходит на битву против Тайн. Она кричит, и голос ее не похож ни на человеческий, ни на демонический, ни на звериный. Крик пронзает пространство и растекается стонами и рыданиями.

Словно капли расплавленной ртути упали с ее лба мне на лицо, заструились по груди ее, по сильным бедрам ее и чреслам, рассыпаясь по гибким ногам. Зубы, стиснутые в упоении, блистали безупречной белизной. Лицо Либуссы — больше уже не застывшая маска, больше уже не способное обмануть — было точно пылающий бронзовый лик! Живой монумент чувственной власти, к которой стремится алхимия и которой достигнет когда-нибудь!

— Фон Бек! — прокричала она, содрогнувшись в экстазе... Гордыня, надменность, обиды, негодование и неестественный, смиренный стыд — все это разом отразилось на ее лице. Это ли не искушение, побудившее Еву к соблазнению Адама? — Фон Бек! — Могло ли служение Небу соперничать с этим восторгом? Бог тоже не знал... не мог знать... когда создавал нас такими, полу-зверьми, полуангелами, иначе бы Он никогда не поставил такие бессмысленные условия, исполнение которых открывает пред нами врата в Его Царствие. Но и Сатане сфера эта неподвластна. Ибо — случайно ли, нет ли — принадлежит она человеку — и только ему! И человек призван установить в мире свои законы, чтобы достичь своего Спасения!

За окнами день медленно растворялся в долгих сумерках цвета цветочной пыльцы. Тени стали громадными, мутно-прозрачными, словно текстура материи мира развернулась вовне, потертая и изношенная, легкая и иллюзорная, точно дым на ветру. Краски цветов и листвы стали гуще, темнее. Белые стены комнаты как будто подернулись розовым маревом. Никогда в жизни не наблюдал я такого заката. Ни один закат в моей жизни не длился так долго. Я был почти не в силах передвигаться, но все же поднялся с роскошного нашего ложа и подошел к окну. Сам свет, казалось, заключал в себе качества древних пергаментов, пламя сальных свечей — свет устойчивый и рассеянный одновременно. А когда я подставил руку под этот свет, он как будто осел на коже золотой пылью, которая окружила меня обволакивающей, оберегающей позолотой. Я слышал усталое эхо стука лошадиных копыт, громыхающих по мостовой. Мускусный запах ударил мне в ноздри. Плоть моя дышала жизнью и излучала, казалось, свое собственное сияние. С улицы доносилось пение птиц, обрывки бесед горожан, расходящихся по домам, вежливые пожелания доброй ночи. Несколько вялых пчел тяжело поднялись из полуприкрытых бутонов роз.

— Какой замечательный вечер, мечтательный, сонный,— сказал я Либуссе, но она все еще была погружена в раздумья о вышних предназначениях и судьбоносных замыслах.— Сколько таких вечеров может быть в одной жизни, даже здесь, в Майренбурге?

По некоей непостижимой причине вопрос мой, кажется, позабавил ее настолько, что она забыла даже о своих грезах и улыбнулась мне, непосредственно, искренне. Она попросила подать ей воды

и — пусть вскользь — проявила некоторый интерес к бледнеющему свету дня.

— Наслаждайся, фон Бек. Наслаждайся, ведь это — единственный из майренбургских закатов, который тебе доведется увидеть!

— Что?! — Я простодушно улыбнулся ей, хотя мне было совсем не до смеха.— Стало быть, мне суждено умереть? Уж не в том ли мое высочайшее предназначение — пасть жертвою на алтаре алхимиков?

Тело Либуссы купалось в последних теплых лучах.

— В поиске, что подобен нашему, жизнь человека всегда подвергается риску. Но я улыбаюсь не поэтому. Это же город в Осенних Звездах. И он будет таким — Городом в Звездах. Не важно, что происходит при этом в другом нашем мире. Времена года могут быть предсказаны с точностью до минуты. То, что ты наблюдаешь, Манфред, не конец дивного летнего дня. Это кончается лето. Смотри...

Листва, что еще час назад была изумрудно-зеленой, буквально на глазах становилась красновато-коричневой.

— Себастократор уже шевелится во сне,— продолжала она.— Через восемь часов он проснется, готовый возобновить свое царствование. Он правит ночью — только ночью. Скоро он воссядет на троне и будет царить до окончания года. У этих Осенних Звезд есть особое свойство: они затеняют друг друга в чередующихся затмениях, что и создает удивительный феномен — долгую ночь Майренбурга. Если отъехать от города миль, скажем, на пятьдесят, даже меньше, то там опять будут день и ночь, утро, полдень и вечер... все, как

мы привыкли. Но это — Миттельмарх, где происходит много необычного. Всю долгую осень и зиму Майренбург освещен только сиянием этих умирающих звезд, изливающих свой свет сквозь миллионы миль пространства.

— Но это же не согласуется ни с какой логикой.

— Тогда радуйся,— проговорила Либусса,— ибо неповиновение Природе и ее метаморфозам есть то, к чему мы стремимся.

Золотой свет побледнел и стал серебряным. Либусса встала и зажгла лампы. Все ее тело блестело капельками пота. Запрокинув голову, глядел я в небесную твердь, где полыхали звезды. Древние звезды.

— Сейчас мы примем ванну,— сказала Либусса.— Потом пообедаем. Мы будем праздновать возвращение тьмы, под сенью которой этот город становится настоящим. Мрак ночи и исконный Майренбург скоро вновь преисполнятся истинной жизни.

Чуть позже, помывшись, надушившись и должным образом одевшись, мы направились вниз. Еще с лестницы я расслышал ленивую речь Сент-Одрана, холодное бормотание Клостергейма, сердечный тон русского князя. Либусса взяла меня за руку. Большего я и не чаял. И только когда мы уже спустились, я вдруг сообразил, что так и не выведал у нее ничего существенного. Быть может, она и стремилась только смутить меня, заморочить... с тем чтобы ничто не расстроило ее истинных замыслов?

За непринужденной светской беседой пролетел вечер. Когда пришло время расходиться, я последовал за Либуссоу к ее спальне, но она указала мне комнату, предназначенную для меня.

— С сего момента и до свершения Астрального Соответствия нам надлежит поберечь эту энергию. Зато потом мы обретем предельное завершение и полноту!

Смущенный, преисполненный вновь самых противоречивых стремлений, я подчинился. Я уже не прислушивался к голосу разума. Я стал пешкой в ее руках, марионеткой, покорной малейшему взмаху ее руки. Осознание этого изумило меня и слегка позабавило. Раздевшись, повалился на свежайшие простыни моей узкой одинокой постели. Я улыбался.

А потом, засыпая, заплакал.



ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Аудиенция у Себастократора. О Византии и Святом Граале. Договор и замысел. Посольство к господину Реньярду. Беседа со зверем, который оплакивает Золотой Век

То был не сон, так как действия, каковые свершаем мы в снах, не влияют так на нашу жизнь наяву. Но все-таки происходящее очень напоминало сон.

Свет, льющийся с неба на этот, другой, Майренбург, был светом тысячи дряхлых солнц; это был древний свет, густо-золотой и мутно-алый, янтарный и цвета охры — свет Осенних Звезд, рассеянный в мерцающей дымке, бывшей текстурой некоей ранней вселенной, давно прогнившей уже и обратившей-

ся пылью. Лучи света усталых звезд, точно обрывки сверкающих нитей, стекали с небес на город. Черный мрамор вспыхивал проблесками мглистой сепии и вновь тускнел, сливаясь с темным монолитом ночного неба. При таком необычном освещении весь город, казалось, движется, точно ленивый океан, создавая причудливое переплетение теней, неожиданную деталь узора, так что не только здания, но и лица людей обнаруживали то и дело некий скрытый аспект, выдающий характер, который из-за этой, может быть, неопределенной текучести — существовал только в чьем-нибудь воображении. Мир постоянно изменялся под сенью Осенних Звезд.

Тем не менее, пока мы ехали Себастократора в карете князя Мирослава ко дворцу, я не переставал удивляться тому, что город продолжает жить обычной жизнью: улицы запружены народом, торговцы открывают ларьки, детишки носятся и смеются, собаки заходятся лаем, грузовые повозки движутся слишком неторопливо для нетерпеливых возниц карет и дилижансов, завсегдатаи кофеен — купцы, преисполненные сознанием собственной важности и самодовольства, склоняются над листами утренних газет. Подмастерья и гимназисты понуро бредут по улицам, не проявляя стремления к учению. Молодые дамы являют миру результаты двухчасовых стараний перед зеркалом; майренбургские щеголи прохаживаются по тротуарам с такой отработанной грацией, словно они — статисты в грандиозном балете. Если Себастократора в карете князя Мирослава не этот свет — тусклый свет древних звезд — если не черный янтарь и не обсидиан громадных зданий, можно было бы подумать, что мы находимся где-нибудь в Веймаре или Лейпциге. Но, похоже, заметил все это лишь я

один. Либусса, прислонившись ко мне, погрузилась в мечтания о великой судьбе, ей предназначенной. Сент-Одран спросил Клостергейма, знаком ли наш отставной капитан сатанинского войска с работами Д'Ольбаха.

— Был такой Альбах,— ответил ему Клостергейм.— Из Баварии.— Он попытался припомнить все, что знал о нем.— Если я не ошибаюсь, его прозвали Нюренбергским Мясником. Но он жил два-три столетия назад. Он ведь подвешивал женщин на крючьях?

— Я говорю о французском философе, сударь. *Systeme de la Nature.*

Но Клостергейм погрузился уже в воспоминания о днях былой славы, когда Альбах, был принят в адскую рать. Сент-Одрану пришлось даже повысить голос, чтобы вывести собеседника из задумчивости:

— В своих работах Д'Ольбах очень толково и ясно описал явления, подобные этим необычным звездам. Иные солнца, писал он... и простите великодушно, если я не слишком блистательно излагаю его теории на немецком... иные солнца гаснут или же разлагаются, и планеты их рассыпаются по просторам небес; другие, наоборот, зажигаются в темных пространствах, и образуются новые планеты... а Человек — бесконечно малая часть планеты, самая незаметная точка среди необъятного целого — полагает, что вся вселенная сотворена для него! Что вы скажете, сударь?

Госпожа моя передернула плечиком и, одарив Сент-Одрана сердитым взглядом.

— Таких излияний можно было бы ожидать от Вольтера! Эти люди пытаются изобрести некую глобальную космологию, чтобы с ее помощью мож-

но было потом избежать ответственности за моральные преступления. Если свести мироздание к неподвластному человеку движению вселенной, тогда всякий может спокойно творить злодеяния, самые гнусные, самые несправедливые. Мне иногда даже кажется, что Галилей придумал Космос, чтобы снять с себя вину за страдания своей жены.

— Может быть это и верно, мадам,— мягко ответил ей Сент-Одран.— Но замечание Д'Ольбаха, признаюсь, мне понравилось.

Карета наша проезжала по громадной площади, где колонны, увенчанные каменными изваяниями, терялись во тьме. В центре ее струились черные воды фонтана: темный поток ниспадал в бассейн, как будто наполненный ртутью. И в кружении несовместимых элементов мелькали какие-то сияющие алые тени, рыбоподобные, вытянутые, зубастые, некоторые — до пяти ярдов в длину. Мы были единственными, кто проезжал сейчас в экипаже по черному мрамору мостовой. Топот лошадиных копыт разносился далеким эхом. Я выглянул в окно. Впереди возвышался величественный дворец в три крыла и шесть или семь этажей, сложенный из белого и черного камня, с замысловатой цветной мозаикой, увенчанный позолоченными куполами и шпилями. Дворец этот напомнил мне дни, проведенные в Самарканде. В нем было больше восточного, чем европейского, но я не стал бы утверждать, что он выстроен исключительно в восточном стиле. Дворец окружала ограда из серебра и темного нефрита. За оградой начинался широкий двор с высокой аркой — входом во дворец. Ворота охраняли стражники, церемонные и величественные, в шлемах с плюмажом, в коротких жакетах без рукавов поверх изукрашен-

ных вышивкой рубах, в широких шелковых шароварах и в сапогах. В таком одеянии они походили на казаков. Вооружены они были пиками и короткими кривыми саблями. Подъехав к воротам, карета остановилась.

Кучер князя Мирослава предъявил часовым бумагу с печатью. Капитан дворцовой стражи сломал печать и прочел документ. Содержание его, вне всяких сомнений, произвело на него впечатление. Он аккуратно сложил лист, отдал нам честь и поклонился:

— Миледи. Ваши превосходительства.

Карета въехала на дворцовый двор, прогрохотала под аркой, увешанной расшитыми знаменами. Я заметил, что на многих знаменах представлены сцены, схожие с изображением на иконе в доме князя Мирослава. А потом мы оказались уже во внутреннем замковом дворе, освещенном громадными фонарями, подвешенными на высоких столбах и на внешних стенах. Карета подъехала к подножию широкой лестницы, по которой спускался очередной отряд стражников. Впереди шел высокий мужчина в белых с зеленым одеждах под клетчатым плащом и в бархатной шляпе, покрывающей седовласую голову.

Сент-Одран вышел первым и подал руку Либуссе. Потом, неловко зацепившись ногой за ступеньки, к ним присоединился Клостергейм. Я вышел последним. Высокий мужчина в клетчатом плаще обратился к нам с краткой речью:

— Добро пожаловать, благородные незнакомцы. Себастократор приветствует вас. Я представляю его точно так же, как он сам представляет Императора и Деспота. Мое имя Панкипесебастий Андреа.



Он принял у Клостергейма свернутый в трубку пергамент. В бумаге содержались лишь наши имена и краткое изложение цели нашего посещения. Он читал медленно, неторопливо, потом свернул лист и проводил нас внутрь. Во дворце было светло как днем. Стены — от пола до потолка — украшала изысканная мозаика, изображающая сцены сражений, придворной жизни, любовных утех и труда ремесленников. Мраморные колонны были увиты золотой мозаикой. Мы прошли мимо роскошно обставленных ниш со скамьями и низенькими диванчиками. Вся обстановка чем-то напоминала мне кремлевские палаты Екатерины. Этот Майренбург, кажется, сохранил более от славянского духа, чем его двойник из нашего мира. При этом ни разу мне на глаза не попался христианский крест, хотя мне говорили, что в Миттельмархе немало последователей учения Иисуса.

Резкий изгиб коридора, еще один — и мы предстали перед отделанными медью и золотом дверьми в тронный зал, который Панкипесебастий называл Приемной Палатой. Там, безо всякой стражи или придворных вельмож, восседал за книгой на громадном троне из гранита и серебра принц Майренбурга, его «Себастократор»: мужчина с густой бородой и в деревянной короне, украшенной сверкающими рубинами. В глазах его, маленьких и выразительных, светился проницательный ум. Бледно-розовый цвет его губ придавал ему, на первый взгляд, несколько фатоватый вид. Он был тучен, явно нуждался в физических упражнениях и длительном пребывании на свежем воздухе, но когда Себастократор заговорил грудным мелодичным голосом, поднявшись с трона и аккуратно положив книгу на сиденье, сразу же стало ясно,

что он — человек интересный, с содержательным внутренним миром. Он шагнул нам навстречу, спустившись по ступеням, начинавшимся от подножия трона:

— Именем Деспота и Императора приветствую вас в Новом Константинополе, столице нового мира.

Клостергейм выступил за всех нас:

— Мы благодарим Деспота и Императора за оказанное нам гостеприимство, а также и вас, господин Себастократор. Позвольте представиться: Иоганнес Клостергейм, известный еще в Майренбурге под именем Иоганнес-Кочевник.

— Неужели тот самый, чью душу вложили обратно в тело после битвы у Кромки Небес?!

— Тот самый, господин.

Принц испытующе поглядел на Клостергейма. Напряжение его несколько спало, когда тот продолжил:

— Позвольте также представить вам госпожу Либуссу, графиню Картагена и Мендоса-Шилперик, герцогиню Критскую.

Бородатый правитель просиял.

— Критскую? Так вы, стало быть, освободились от захватчиков, что покорили и нас?

Она низко ему поклонилась, коснувшись губами руки, протянутой для поцелуя.

— Как ни прискорбно — нет, милорд. Но я ношу этот титул. Предки мои происходят с этого острова.

— Фон Бек,— продолжал Клостергейм.

Себастократор приподнял бровь.

— Тот самый, который убил вас?

— Потомок его, господин.

Я удостоен был чести поцеловать перстни монарха.

— Приветствую вас, мой любезный граф,— милостиво обратился ко мне Майренбургский принц.

Я не стал объяснять ему, что батюшка мой еще жив и, стало быть, граф пока он, а не я.

Наконец и Сент-Одран приложился к руке правителя, причем так напыщенно и грациозно, словно губы его прикоснулись к ручке какой-нибудь красотки с картин Гейнсборо.

— К вашим услугам, сударь. Боюсь только, я не могу похвалиться длинной родословной. Или же Поиском, унаследованным от предков. Равно как и неким особым предназначением либо чудесным воскрешением из мертвых. Я лишь скромный паромщик, переправивший этих троих через бездну, разделяющую наш мир и ваш.

— А-а, аэронавт! Мне сообщили, едва я проснулся. Мне хотелось бы посмотреть на вашу летающую машину, сударь.

— Буду счастлив, ваша честь, продемонстрировать все возможности своего корабля.

— Я внесу этот пункт в Расписание.— Себастократор зевнул и потер кулаком глаз, который еще как следует не открылся.

— Прошу прощения. Я еще до конца не проснулся. В сезоне спячки есть свои прелести, только вот просыпаться чертовски сложно.

— Ваша честь всегда спит все майренбургское лето?

— Всегда, сударь. Я, видите ли, поклялся, что не стану смотреть на солнце, пока Деспот Император не возвратятся к нам и вновь не примут правление в свои руки.

— Их кто-то держит в плену, ваша честь?

Себастократор не поверил своим ушам.

— Неужели вы совсем ничего не знаете о нашей истории и судьбе?

Взмахом руки Сент-Одран выразил искреннее сожаление.

— Я здесь в первый раз.

Себастократор рассмеялся, неведение моего друга явно доставило ему удовольствие.

— Ну разумеется! Но клятва моя прозвучала в вашем мире. В 1453 году император наш Константин пал в сражении у ворот Святого Романа. Он защищал Византию, защищал свой город и свою веру от Мохаммеда Второго, повелителя османских турок. Когда пал Император, то пал и город, после чего на протяжении трех веков Византией правили турецкие султаны. Наследники Константина и остатки воинства нашего прошли по всей Фессалии и Македонии в поисках оплота, твердыни, какую могли бы они посвятить тем, кому поклонялись и кого почитали. Когда же вошли они в горы к востоку отсюда, то подверглись многим бедам и страдали от голода, непогоды, отчаяния и безнадежности. Именно тогда Стефан Палеолог, новый избранный Император, открыл сердце свое всякому, кто только стал слушать, и поклялся пожертвовать жизнью своей и душой, только бы людям его даровано было убежище от турок, болгар и сербов. И явилось ему видение. Византийцы получат то, о чем молит их Император, но при этом, до тех самых пор, пока столица их не вернется обратно к ним или же их потомкам, в том самом месте, где обретут они то пристанище, должны они прекратить исполнять ритуалы своей религии, хотя им вовсе и не обязательно от нее отрекаться. После долгих и продолжительных споров византийцы все-таки согласились на это условие, веря в душе, что уже через год или

два они без труда обретут новых союзников, отобьют потерянный город и вернут его к истинной — изначальной — вере... А на следующий день совершили они переход из Лета в Зиму. Они вошли в Миттельмарх. Еще один день, и они нашли это поселение, тогда уже — богатый торговый город, космополитический и терпимый. Но ему угрожало нашествие демонов, полузверей, что явились в долину за добычей. В обмен на радушное гостеприимство Стефан, его деспот Андрей Каректол и ратники спасли город, разгромили полчища демонов, поубивали тварей и оставили жизнь лишь немногим, обратив их в рабство. Благодарные горожане преподнесли моим предкам ключи города. И вот мы правим здесь в ожидании того дня, когда должны будем покинуть Майренбург, дабы сразиться с турками.

— Разве вы сейчас недостаточно сильны?

— Еще одно важное дело держит нас в Майренбурге. Едва мы обосновались здесь, стало ясно, что Бог либо изгнан, либо томится в темнице. Особые эмиссары, потомки наших древних священнослужителей, ищут известия о Боге по всем царствам мира. Мы пока еще не получили удовлетворительного ответа. Мы правим без благословения Церкви, без утешения духа. Как можем мы требовать утешения, если его нет у Господа нашего?! Мы правим без Императора и Деспота, и так будет, пока не вернемся мы в Византию.

Все это он произнес спокойно, обращаясь только к Сент-Одрану, так что я не мог ничего ему ответить. Похоже, из всех нас только Клостергейм не был поражен странными речами Майренбургского принца. Либо он был знаком с их поверьями, либо за долгую свою жизнь наслушался столько ереси,

что она давно уже не производила на него ни малейшего впечатления.

— На протяжении двух тысячелетий,— продолжал майренбургский правитель,— этот город не подвергался никакой угрозе. Последние полторы сотни лет были тоже тихи и спокойны. Я сожалею, однако, о том, что меня всегда мало заботили повседневные дела Майренбурга. У меня есть книги, барабаны и жабы. Но если я могу быть вам чем-то полезен, вы только скажите.

Воцарилось молчание. Повисла неловкая пауза. Я взглянул на череп Клостергейма, потом перевел взгляд на Либуссу, которая демонстрировала холодное самообладание. И тут Клостергейм неожиданно заговорил:

— Мы явились сюда в поисках Святого Грааля, господин. Мы знаем: он здесь.

Себастократор был настроен явно скептически.

— Грааль пребывает в руках Сатаны. Ваш предок, граф фон Бек, сам передал ему Чашу. Грааль — трофей Сатаны, так же как и Святыня Софии или сокровище Иерусалима!

— Но где искать Сатану? — с насмешливой легкостью проговорил Сент-Одран.— Быть может, он тоже изгнан?

— Мы не имеем с Ним никаких сношений. Насколько я знаю, господин Реньярд Молдавский почитает Сатану своим господином. Именно от Реньярда узнал я историю о Граале. Он правит в Малом Граде.

— Разве он ничего не говорил о желании Сатаны примириться с Богом? — Клостергейм, кажется, был поражен.

Себастократор рассеянно проговорил:

— Мы давно научились не поддаваться очарованию слухов. Мы остаемся верны своей клятве.

— Но Сатана правит теперь на Земле,— произнес Клостергейм в тихой ярости.— Господь вверил ему спасение души Человека!

Но Себастократор не слушал его. Для него Бог либо пребывал в изгнании, либо томился пленником Сатаны. Если бы было иначе, тогда изгнание принца и прозябание его в этом мире просто теряли значение и становились бессмысленными. Он рассмеялся.

— Что ж, Иоганнес-Кочевник, вам лучше знать своего хозяина...

— Он больше мне не хозяин.

— Тогда вам будет непросто найти Грааль. Разумеется, если вам угодно, вы вольны вести свои поиски в Майренбурге. Интересы жителей наших весьма и весьма разносторонни, так что вполне может статься, что вы отыщете ключ, который и приведет к тому месту, где спрятана Чаша.— Взгляд его стал вдруг отсутствующим, словно майренбургский правитель хотел рассеять мрачную многозначительность Клостергейма.— Пока вы остаетесь в городе, можете пользоваться нашим добрым расположением и гостеприимством.— Голос его затих, как будто сошел на нет. Он вперил взгляд в трон, в подушки на нем, в книгу, оставленную на сиденье.— Может быть, вам что-то нужно? — Невидящим взором смотрел он поверх наших голов.

Аудиенция завершилась. Панкипесебастий шагнул вперед и, поклонившись, указал нам на выход. Либусса встрепенулась, словно бы собиралась задать какой-то еще вопрос, но лишь вздохнула и, взяв меня под руку, быстрым шагом направилась к

двери, опередив господина Андреа. Она явно считала, что время потрачено зря.

— Да он просто болван,— фыркнула она.— Грааль здесь.

— Нельзя быть уверенным...— возразил я.

— Дорогой мой фон Бек, я искала его не один год. То, что открылось мне во время поисков, я соотнесла с открытиями величайших алхимиков и с поисками Клостергейма. Тысяча достойных доверия свидетелей — провидцы и пророки, демоны, люди, восставшие из мертвых, астрологи, некроманты — все в этом согласны! Грааль здесь. Все, что должно быть достигнуто, будет достигнуто в Майренбурге. Все знамения предрекают это, к этому ведут все логические рассуждения.— Она безотчетно повысила голос, но, тут же заметив это, замолчала и подождала господина Андреа, который, вежливо хмурясь, уже направлялся к нам вместе с Сент-Одраном и Клостергеймом. Она извинилась перед ним с лицемерным смирением.

На это Андреа мягко проговорил:

— Вы и сами должны понимать, что господин мой не может принять ваших претензий. Вам лучше всего связаться с господином Реньярдом.

— А где найти его, сударь?

— В Малом Граде... всего вероятнее в молдавском квартале... Его еще называют городом воров. Это опасное место. Господин Реньярд не подвержен отчаянию и безысходности византийских изгнанников. Хотя, как мне думается, в своем роде он тоже изгнанник...

— Благодарю вас, сударь,— сказала Либусса.

Мы уже вышли из дворца и стояли возле кареты. Едва ли не с неприличной поспешностью гос-

подин Андреа пожелал нам удачи и вернулся к несчастному принцу.

— Молдавский квартал — один из двух самых опасных в городе,— проворчал Клостергейм.

— И чем же он так опасен? — полюбопытствовал Сент-Одран, который знал воровскую кухню доброй половины Европы.

— Подобно некоторым районам Майренбурга, он управляется как отдельное, самостоятельное королевство. Вы сами видели, что принц уделяет мало внимания своим подданным. Господин Реньярд — абсолютный монарх в Малом Граде. Он — потомок той демонической расы, которую сокрушили византийцы, когда впервые пришли в этот город. Он питает к ним мало любви, как, впрочем, и к тем, кто хоть в чем-то схож с ними.

— То есть, может так получиться, что он нас не примет? — спросила Либусса. Мы уже сели в карету, и кучер погнал лошадей.

— Разве что если ему предложить что-то ценное, тогда, может быть...— Клостергейм облизал губы белым языком.— А что есть у нас ценного? Воздушный корабль?

— Который вам не принадлежит, а значит, не вам им и распоряжаться,— резонно заметил Сент-Одран.— Мне кажется странным, что вы пустились в подобное путешествие с пустыми руками.

О нашем украденном золоте шевалье скромно не упомянул.

— За сколько талеров можно купить Грааль? — Либусса моя не скрывала презрения.— Нам нужно ехать прямо к молдаванам. Главное, чтобы Грааль был у Реньярда. Может быть, он вовсе его не ценит. Маленькая глиняная чашечка, вы говорили?

Клостергейм кивнул:

— Выделанная руками Лилит во имя конечного торжества человечества над природой, над велениями Бога и Сатаны. Маленькая глиняная чашечка. Лекарство от Боли Мира. Владея ею, мы можем бросить вызов Люциферу. Или же заключить с ним сделку...

— Все это мы уже слышали, сударь.

Он все еще верил, что Либусса помогает ему осуществить его планы.

— Лилит ее звали. Я видел Грааль. Давным-давно это было. Видел, но не узнал. А когда я узрел Грааль еще раз, он был в руках у фон Бека. Сатана вернул мне душу.— Он отвернулся и уставился в окно кареты.— И прогнал от себя, заключив меня вновь в это тело! Грааль же освободит меня.— Тут он нахмурился.— Я не узнал ее.

Передо мной вдруг предстал весь хладный ужас олицетворенного Чистилища. Отвращение и сочувствие разом нахлынули на меня. Либусса, однако, проявляла лишь раздражительное нетерпение. Казалось, она едва сдерживает себя, чтобы не влепить Клостергейму пощечину. Она даже тихонечко зашипела. Взгляд ее метнулся с моего лица на лицо Сент-Одрана, потом — на Кочевника.

— Я обманулась в своих ожиданиях, ибо полагала, что Грааль — это величайшее из городских сокровищ, выставленное на всеобщее обозрение,— сказала она.— А теперь нам придется рыскать за ним по бандитским притонам. Кто-нибудь знает жаргон этой братии *Rotwelsch*? — Ей достаточно часто приходилось бывать в местах, где она быстро усвоила, что у каждого братства разбойников есть свой особый тайный язык и что жизнь твоя зависит в большинстве случаев от того, знаешь ты этот язык — пусть даже самую малость — или нет.

В Испании его называют *Germania*, в Неаполе — *Gergo*, в Лондоне — *Cant*.

— Я знаю немало местных говоров,— ответил я.— И Сент-Одран тоже.

Этого ей хватило.

— Тогда немедленно едем туда. Я рассчитывала, что Грааль уже у меня в руках. Время не ждет.

— Когда метафизика выступает на первый план, о делах приземленных обычно никто уже не вспоминает, ваша милость.— В голосе Сент-Одрана явственно прозвучала насмешка.

Она одарила его убийственным взглядом. Воздухоплаватель умолк, не раскаявшись, однако, в своих словах, и улыбнулся с таким видом, словно его представления о мире разом вдруг подтвердились. Либусса отвернулась, чтобы не видеть шевалье. Герцогиня была явно недовольна собой, будто в своем превосходстве она придала слишком большое значение ненадежному миру, который не оправдал возложенного на него доверия. Я тоже от души забавлялся, хотя никак этого не показывал. Клостергейм был угрюм, но настроен решительно, потому что знал уже, как бороться и как проигрывать. А жизненный путь герцогини, как я понимаю, сопровождался по большей части неизменным успехом. И теперь, когда она обманулась в своих ожиданиях, она чувствовала себя преданной, и при этом ей некого было винить.

— При общении с господином Реньярдом дипломатичность нам тоже не помешает,— заметил Клостергейм.

— К ней-то мы и прибегнем, сударь,— сказала Либусса, а потом обратилась ко мне: — Я знаю, вы должны обладать неким чутьем на Грааль. Неужели ничто вам не подсказывает, где искать его?

— Ни шепоточка, мадам. Вы что же, принимаете меня за какую-нибудь разновидность оккультной ищейки?

Госпожа моя смягчилась.

— За уникальную и превосходную ищейку, мой дорогой.

— Между мною и этой чашей не существует каких-то особых уз. Никакого родства,— решительно повторил я.

Клостергейм резко подался вперед.

— Вы просто не осознаете свою силу, свои возможности.

— Я не компас и не секстант ни в одном из миров. Даже чувство пространства у меня никогда не было слишком развитым. Я вообще ориентируюсь плохо, поверьте мне!

— Клостергейм только имел в виду, что вы узнаете чашу, когда она будет рядом,— примирительно проговорила Либусса.— Разве Грааль не меняет форму? Не скрывается под личиной?

— Грааль — хамелеон среди чаш. Пивная кружка, наделенная чувством и разумом! — Я уже насмехался в открытую. Хотя слова ее говорили о легковерии, это ничуть не охладило моей страсти и любовного пыла. Однако как будто тяжелое бремя спало вдруг с моих плеч.— О мадам, когда вступаешь в *terra incognita*, что может быть хуже неправильной карты и бесполезных инструментов?!

Клостергейм высунулся в окно и приказал кучеру, чтобы тот вез нас в молдавский квартал. Тот крикнул в ответ:

— У меня нет распоряжений от князя Мирослава. Я могу довести вас только до Обелиска, сударь. Он обозначает границу района. Но я не могу

рисковать имуществом хозяина и соваться с каретой в Малый Град!

— Хорошо, стало быть, до Обелиска.— Клостергейм вновь уселся на место.— Ну что, друзья, будут какие-нибудь предложения? Как станем действовать?

— Я не подряжался на это путешествие,— заявил Сент-Одран, не скрывая своего отвращения.— Я вернусь вместе с каретой и поставлю хозяина нашего в известность относительно ваших планов. По крайней мере, если вам вдруг понадобится помощь, он сможет вам ее обеспечить.

— Вы не можете бросить нас. Нам нужен переводчик,— заявила Либусса тоном, не терпящим возражений.

— Вы надо мной не властны, мадам.

— Я разбираюсь немного в бандитских жаргонах,— вызвался я.

— Хорошо,— вздохнула герцогиня.— Как вам будет угодно, Сент-Одран.— Она с подозрением покосилась на него, так что шевалье не выдержал и рассмеялся вслух.

— Не бойтесь, миледи. Никуда я не денусь, не улечу в неизвестном направлении, пока партнер мой с вами. Но, разумеется, если только я не узнаю, что его нет в живых или что дружба наша больше ему не нужна.

Карета ехала теперь по темным закоулкам, освещенным редкими фонарями на стенах или отблесками пламени свеч, что вспыхивали за окнами. Вскоре мы остановились на шумной рыночной площади, где торговцы и лавочники зычными голосами зазывали покупателей. Здесь было светло: горели факелы и масляные лампы, сигнальные фонари, жаровни и свечи, создавая причудливое

смешение света. Пахло жареной рыбой, колбасками и кислой капустой, дешевым элем и джином по пенни за кружку. Какие-то проходимцы в латаных-перелатаных сюртуках пререкались с торговцем, пытаясь сбыть ему краденые ковры. Здоровые дядьки в высоких бобровых шапках с дубинами под мышкой прохаживались по площади, с аристократическим высокомерием поглядывая на нищих художников, что увивались вокруг. Я сразу смекнул, что этот базар — не просто место, где собираются воры на сходку, но еще и нейтральная территория, граница, где уголовный мир встречается с честными предпринимателями и приходит с ними к некоему компромиссу. Такие места существуют на границе воровских кварталов во всех больших городах, и их иногда называют еще «на свиданке», что весьма точно соответствует их назначению. Имелись здесь и ломбарды, и одиночные перекупщики, специализирующиеся исключительно на скупке краденого. Франты из вонючих трущоб, разодетые в «изысканные» лохмотья, часто — под руку со своими подружками (увешанными, как и их кавалеры, грязными лентами и изодранными кружевами), тащили на рынок «товар». Сюда же стекались грабители, и карманники, и мошенники всех мастей. У подножия Обелиска — черного гранитного блока высотой в сотню футов, украшенного потертым, почти уже неразличимым барельефом и какими-то таинственными письменами,— все пространство было заставлено плетеными корзинами, повозками, ручными тележками, мешками, коробами и прочими атрибутами суматошного рынка. Мы вышли на площадь (Клостергейм — с этакой небрежностью, я — с показной дерзостью, Либусса — с некоторой опаской), оставив Сент-Одрана в карете. Он ска-

зал, что извинится за нас перед князем Мирославом. Кажется, он действительно беспокоился за меня, и я старался держаться так, чтобы хотя бы слегка поунять его страхи.

Следуя за Клостергеймом, который указывал путь, мы вышли в квартал узеньких переулков, что подходили вплотную к Малому Граду. Здесь, как я понял, селились честные бедняки и располагались дешевые лавочки, шумные пивные. Какие-то люди из самых низов с озабоченным видом спешили по своим делам, не обращая на нас никакого внимания. Но чем дальше мы углублялись в лабиринт закоулков, тем недружелюбнее становились взгляды местных жителей, направленные в нашу сторону. К тому же все чаще навстречу нам стали попадаться шлюхи, мошенники самого низкого пошиба, мелкие воришки... Трупная бледность Клостергейма и черты его лица сослужили нам хорошую службу. Не один негодяй, направившийся было к нам с вполне определенным намерением, застыл на месте, едва увидев устрашающий лик нашего мрачного спутника. И еще, я думаю, их останавливал необычный вид нашей тройки и то, что мы шли решительным шагом, плечом к плечу, не выражая ни малейшей боязни. В случае чего, рассудил я, мы притворимся, что нам надобно повидаться по важному делу со здешними «блатарями» — сливками преступного общества. Я очень надеялся, что говорят они на том же жаргоне, которому мне пришлось обучиться за годы скитаний, когда я и сам промышлял на большой дороге.

Когда мы уже приближались к границам Малого Града, дорогу нам преградили шесть или семь молодцов с пистолетами, саблями и ножами, причем оружия на них висело больше, чем в витрине

оружейной лавки. Их мрачные лица были почти неразличимы в тени широкополых шляп, и только зловеще сверкали их глаза. Их предводитель, обезьяноподобный юнец, почти с полным отсутствием подбородка, но зато при бороде, что топорщилась на щеках, вызывая не слишком приятные ассоциации с пережеванными мясными жилами, обратился к нам с таким заявлением:

— *Кнацайте, кореша, эко нам подфартило, гузно у бутончика знатное — разложить в самый раз. А бобров хомутнуть и свалить.*

Я с облегчением обнаружил, что понимаю каждое слово. (Но даже если бы и не понимал, то догадаться было нетрудно: они собирались нас с Клостергеймом прирезать, а Либуссу забрать себе на потеху.) Я отвечал ему так:

— *Не крути понты, брат. Узнаю боковика на заставе, экий ты все же укроп — наезжать на своих дружбанов с торняка, как бы прокола не вышло.*

Моя краткая речь произвела на него впечатление. Он отсалютовал мне, прикоснувшись двумя пальцами к полям своей шляпы, и, осклабившись, отступил, освобождая дорогу.

— *Ошибочка приключилась! Едва корешей не вмочили, вот был бы облом!*

Потом он спросил, чем может быть нам полезен. Я ответил, что мы ищем господина Реньярда, чтобы засвидетельствовать наше почтение прежде, чем мы приступим к «работе». В данный момент мы испытываем нужду в средствах, и поэтому нам не терпится взяться за дело как можно скорее. Кажется, мне удалось убедить разбойников своею цветистой легендой, которую я позаимствовал из какой-то книги, а не из воспоминаний о бурном

моем прошлом, но эта рыбка, как я прекрасно знал, всегда ловится на ту наживку, что поярче. Они подозвали еще одну шайку вооруженных до зубов головорезов, которые стояли неподалеку, на пороге таверны, и обсуждали, где пиво лучше: здесь или в «Розе и компасе». Нас представили им как знаменитых «рыцарей большой дороги», и трое юнцов, впечатленные нашим якобы близким знакомством с господином Реньярдом, а из речи моей можно было заключить, что он самый близкий наш друг, вызвались проводить нас.

— *Лис обретается в «Распазиане», что на Оропской. Речь ведет с урлаками зелеными. Отшаландрим вас в лучшем виде.*

Итак, следуя за молодыми разбойниками, которые с важным видом расчищали для нас дорогу, мы углубились в извилистые закоулки, что образовывали запутанный лабиринт этого бандитского лежбища. Наконец мы выбрались на огороженную со всех сторон площадь, залитую оранжевым светом звезд. Вокруг возвышались полуразвалившиеся стены, покрытые лишайником и плющом, слепые окна без стекол, просевшие крыши. В центре ее располагались остатки когда-то ухоженного скверика, который разросся теперь до полудикого состояния. Узкий проход между хаотичным сплетением вянущих первоцветов и олеандра вывел нас на ту сторону площади к громадному обветшалому строению, сложенному наполовину из бревен, наполовину — из кирпича, причем нижние этажи его были сооружены явно в доисторическую эпоху. Вывеска — первая встреченная нами в Майренбурге вывеска, оформленная на манер кириллицы,— сообщала, что развалина эта не что иное, как *Распазиан: напитки высшего* качества *и лег-*

кий ужин. Вывеску освещали два тростниковых факела, прикрепленных на столбах, что стояли по обеим сторонам от входной двери, и только дрожащее пламя их выдавало присутствие здесь людей. Провожатые наши в нерешительности застыли на пороге в дрожащем мерцании факелов, неуклюже схватившись за рукояти сабель. Глаза их забегали. Молодцы наши пытались изобразить этакую небрежную беспечность, но это у них выходило весьма неловко и даже комично. Они, безусловно, до смерти боялись своего короля.

— Странно даже,— шепнула мне Либусса,— что такой важный принц держит двор в захудалой харчевне!

— Он здесь принимает бандитскую братию и разбирается с теми, кто нарушает воровские законы,— ответил я ей.

Мы шагнули было к двери, но тут один из юнцов, в засаленном котелке, удержал меня за руку. Второй быстро спустился по выщербленным каменным ступеням, что вели к двери в подвальный этаж, выстучал по двери какой-то замысловатый условный сигнал, потом отступил и, остановившись на середине лестничного пролета, с видом полувызывающим и полуизвиняющимся, стал ждать. Почти немедленно дверь распахнулась, и на пороге вырос здоровенный детина в грязной и проржавелой кольчужной рубашке из тех, что носят солдаты турецкого войска. Этот внушительный «турок» шагнул к подножию лестницы и прогрохотал, зловеще поводя глазами:

— *Фролих. Никак фраеров привел? А чего сразу не мастернул?*

— *Все ништяк, не выламывайся,*— ответил ему юнец примирительным тоном и ткнул большим

пальцем в мою сторону.— *Этот копченый бухтин, он — блатарь, только косит под бобра. Все приличные люди. Братва с торняка. Дружбаны бондаря, ты их к нему и пришвартуй.*

Однако мрачный гигант был осторожен. Он двинулся прямо на нас, тесня Фролиха, который вынужден был потихонечку отступать. Он так и пятился, пока не укрылся у меня за спиной.

— *Это не пацаны тебе, Ержи. Зуб даю, авторитеты. Ты к ним не вяжись, пастью не щелкай!* — С тем он развернулся и в сопровождении двух своих сотоварищей чуть ли не бегом умчался прочь.

Ержи насупился и поднялся еще на пару ступеней. Я повторил ему нашу басню. Мы — знаменитые бандиты с большой дороги, хотим переговорить с его господином и получить у него разрешение «поработать» в районах, прилегающих к Малому Граду, и остановиться пока на какой-нибудь «хате» в молдавском квартале. Он указал на саблю мою и пистолеты:

— *Скинуть положено козыри и кнуты.*

Мы сдали оружие, после чего мрачный «турок» ушел, захлопнув дверь перед нашим носом, так что нам пришлось ждать — признаюсь, в некотором беспокойстве,— пока она не откроется снова. Хмуро глядя на нас, но скорее — по привычке, нежели из-за какой-то особенной к нам вражды, зловещий гигант пригласил нас войти. Мы прошли по коротенькому коридору в большую темную комнату, заставленную столами, пустыми и грязными, за исключением тех, что располагались у самого входа. На низеньком возвышении, где обычно выступали актеры, развлекающие посетителей харчевни, сидел человек, разодетый по моде прошлого века в какие-то перья и кружева, словно при-

дворный вельможа Короля-Солнца. Но фигура его казалась какой-то непропорциональной; лицо скрывалось во мраке.

Вокруг главаря толпились разбойники в самых причудливых и экстравагантных костюмах. Позы их выражали нарочитую скуку; взгляды — дерзкие и вызывающие — обратились к нам. То были не уличные воришки, встретились нам на улицах, а высшие чины воровской касты: заносчивые и надменные бароны, приближенные короля, господина Реньярда. На креслах у подножия возвышения восседали их подружки и жены, с виду — такие же дерзкие, как и их мужчины. Они источали едкий запах духов и пудры, ложившийся мутными облачками на кружева и шелка и навевающий воспоминания о роскошных борделях Стамбула и Барселоны. За столами сидели просители и пленники, некоторые — связанные и под охраной дюжих молодцов. Зал освещали церковные свечи, вставленные в тяжелые золотые подсвечники, так что казалось, будто комнату охватил пожар.

Господин Реньярд взмахнул кружевным рукавом, властным жестом подзывая нас подойти поближе. Лицо его и фигура оставались пока в тени. Он знал, какой это производит эффект, и умело им пользовался. Потом он поднялся, выпрямившись во весь свой рост, глаза его неожиданно вспыхнули на свету — умные, проницательные. Я сначала подумал, что он носит маску и что он — калека, хотя так и не смог определить, в чем же именно заключалось его увечье. Но когда господин Реньярд заговорил и пасть его распахнулась, обнажив белые острые зубы. Я понял, что никакая это не маска и что сам он — никакой не калека, а настоящий лис, стоящий на задних лапах, зверь громад-

ных размеров с рыжим мехом, ростом выше меня, и при этом достаточно человекоподобный, чтобы сжимать передней лапой рукоять меча, чтобы носить панталоны, лакированные туфли с пряжками, длинный расшитый жилет, изящные кружева, что вскипали вокруг него, как пена поверх пивной кружки, шелковый камзол, такой же рыжий, как его шерсть, и дорогие ленты. Свободной передней лапой он опирался о щегольскую трость, но — как было вполне очевидно — вовсе не для фатовства, а чтобы твердо держаться на ногах. Умная морда его выражала искреннее любопытство, но никак не дружелюбие. Его странный голос походил больше на лай, усы легонько подергивались. Страусиные перья на его огромной шляпе качались, едва ли не падая. Но существо это ни в коей мере не могло выглядеть смехотворным. Зловещим — да, но не смешным.

— *Гляжу, это и есть парочка тихарей и ихняя жучка, что тут нам вальганку крутили? Ершить задумали? С торняка, стало быть, блатари? Ну и где ж ваш торняк?* — спросил он.

— Господин Реньярд,— выпалил я,— хотя у меня есть некоторые основания называться честным разбойником, я все же не тот, за кого выдал себя вашим людям. Мы прибыли из Сайтенмарха, дабы увидеться с вами и просить вас о милости.— Я знал, что троица наша не сможет долго притворяться, разыгрывая бандитов с большой дороги, и потому рассудил, что будет лучше сразу же выложить правду (разве что чуть приукрашенную и в меру разбавленную лестью), прежде чем господин Реньярд догадается обо всем сам.

Я как будто изрек богохульство в церкви. Бандиты едва ли не в шоке застыли, заслышав мой

немецкий. Еще мгновение — и они бы набросились на нас, но господин Реньярд одним жестом рыжей руки утихомирил своих молодцов. Склонив голову набок, он внимательно изучал нас, наверное с минуту, если не больше, поводя своей длинной хитрой мордой. «Либо,— подумал я,— нас растерзают на месте, либо захватят, в надежде потом получить за нас выкуп». Оставался, впрочем, незначительный шанс, что он все же нас выслушает. Честно признаюсь, я ожидал встретить обычного Принца Воров, далеко не такого умного и проницательного, как этот лис.

— *Грамоте разумеете, чтобы проблемы ломать?* — Казалось, он на мгновение задумался.

— Да, сударь.— Мне не хватало уже остроумия измыслить более изящный ответ. К тому же, его вопрос о нашей учености и образовании немного сбил меня с толку.

Тут господин Реньярд тяжело опустился в кресло.

— Ну что ж, будем надеяться, черт меня побери, что кто-то из вас читал работы Дидро! — воскликнул он.— Потому что если вдруг никто не читал, то выходит, что вы очень зря сюда заявились, поскольку вы сами должны понимать: живыми в Свеллонию вам уже не вернуться. Если только вы не сумеете как-то меня развлечь.— Он повернул к нам свою морду и ухмыльнулся.— Лис, как вы, надеюсь, уже догадались, томится скукой.

Ошеломленный, я в растерянности пробормотал:

— Я читал *Supplement aux voyages de Bougainville*, сударь. И некоторые другие вещи.

— *Reve de d'Alembert*,— сказала Либусса тоном гимназистки, отвечающей у доски.— И еще кое-какие труды.

— Я не знаю этого джентльмена.— Голос Клостергейма был глух, в нем сквозило явное неодобрение, восходящее, должно быть, к его лютеранскому происхождению.

Господин Реньярд запрокинул свою лисью морду и расхохотался. Смех его походил на высокое отрывистое тявканье.

— Так и быть, не стану придираться. Сойдет. А кого вы читаете, сударь?

— Я вообще ничего не читаю.— Клостергейм говорил точно квакер, приглашенный на Balum Rancum в качестве почетного гостя.— И ничего не читал за последние две сотни лет.

Это еще больше позабавило лиса.

— Человек, истомившийся скукой сильнее меня?! Вот это новость! Забавная компания путешественников по иным мирам! Троица абсолютно несхожих людей. Этакий паукообразный мертвец, фатоватый пижон при изящных манерах и девица под маской благочестивой тихони, присевшей по малой нужде в крапиву! — Разбойники от души расхохотались, а напряжение наше немного спало.— Откуда вы и как попали сюда?

— Мы из Германии, сударь,— ответил я.— Прибыли на воздушном корабле.

— Да ну?! Стало быть, ваш корабль пришвартован где-то поблизости? Ваши верительные грамоты безупречны!

Он повернулся к своим разряженным в пух и прах головорезам.

— *На этих дуру не гнать, на бога не брать, и чтобы без мокрого, без обновки, и никаких мне вывертов.*

Он приказал им не трогать нас ни под каким видом. Я был уверен, что его приказание будет

исполнено. Никто не посмеет его ослушаться. Потом он обратился к братии своей на более человеческом языке:

— Вы меня слышали, псы позорные?

— Усекли, ваша милость! — выкрикнул один из них, поднеся пальцы к взлохмаченному вихру и исподтишка косясь в нашу сторону.— Уже записано.

— Как называться будем? — спросил другой, открывая засаленный гроссбух и облизывая перо. Рот его выделялся ярко-красным пятном в иссиня-черной бороде.

Я не смог устоять перед искушением назваться Томом-Распутником — вполне приемлемая воровская кличка, во всяком случае в Лондоне она бы прошла на «ура». Но Либусса выдала полный список с перечислением родовых имен и почетных титулов своего цеха:

— Адепт алхимии первой ступени, член Тайного Совета Праги, старейшина братства Священного Треугольника, Первая в Триумвирате.— Тут она сделала паузу и добавила: — Я имею ученую степень нескольких университетов. Кровь моя — кровь Ариадны — древнее, чем само Время.

Господин Реньярд остался весьма доволен (проницательная моя Либусса сразу же разобралась, чем его можно пронять) и ответил ей так:

— Стало быть, между нами есть нечто общее, герцогиня. То, что касается древней крови, по крайней мере. Я надеюсь, вы сюда прибыли не для того, чтобы умертвить еще одного бедного полузверя? Или какой-то несчастный лис не достоин хитроумия Ариадны и булавы Тезея?

— Мы явились сюда вовсе не для того, чтобы совершить насилие, милорд. Нам нужна ваша по-

мощь. Может быть, если возникнет необходимость, мы произвели обмен.

— У вас есть что-нибудь интересное, редкое? Я обожаю всякие редкие штуки!

— Знания,— ответила Либусса.

— Достаточно редкая вещь.— Он поерзал на стуле, ибо явно испытывал неудобства, потому что ему приходилось сидеть так, как положено человеческому существу.— Дайте мне еще полчаса, я должен закончить со всеми делами, и мы обязательно поговорим.

— Клостергейм,— отрывисто бросил отставной капитан Люциферова войска, и бородатый разбойник аккуратно вписал его имя в увесистый гроссбух.

Мы уселись за стол в дальнем углу и принялись наблюдать за свершением воровского правосудия. Одному карманному воришке господин Реньярд дал милостивое разрешение «работать» в его владениях, другого приговорил к «вышке» (что означало — повешение) за некое таинственное нарушение Закона Заблудших. Половина всей процедуры велась на жаргоне, мы почти ничего не сумели понять. При всей своей грации и изяществе, бандитский главарь был лисом: голос его звучал пронзительно и высоко, больше напоминая лай. Но власть лиса была абсолютной, ему не смели перечить даже те, кого он отправлял на смерть. Когда суд завершился, господин Реньярд вызвал нас к себе. Разбойники отступили подальше, глядя на нас с недоверием и неприкрытой неприязнью пополам с омерзением, словно, вступая в переговоры с хозяином их, мы каким-то таинственным образом им угрожали.

— Итак, вы читали *Сон* д'Аламбера? — спросил он, обращаясь ко мне.— И *Энциклопедию*?

— Не всю, сударь.

— А я прочел все семнадцать томов, Том-Распутник. Так что я знаю о вашем мире все, что только можно знать. Мне бы очень хотелось его посетить. Но это было бы глупо, верно? Даже здесь я — посмешище. Там, у вас, я был бы чудовищем, диковинным зверем! Я полагаю, вы знакомы с современной теорией спонтанного сотворения мира?

— Она не настолько уж современна, эта теория, сударь. Полвека назад...

— Золотой Век, сударь,— перебил меня Лис,— лучше нынешнего. Вольтер, Руссо, Бюффон, Добантон, Монтескье, д'Аламбер! Как бы мне хотелось побеседовать с ними!

— Я знаю некоторых людей, которые удостоились этой чести. В свое время я служил при дворе императрицы Екатерины, где, как вам должно быть известно, бывали Дидро и Вольтер.

— Вы лично знали Дидро?

— Наше знакомство было весьма мимолетным, господин Реньярд. Когда я прибыл в Россию, он уже собирался обратно во Францию.

— В семьдесят четвертом,— понимающе кивнул Лис.

— Точно так. Я был тогда очень молод.

— Но он произвел на вас впечатление?

— Как очень тонкий, умный и приятный во всех отношениях человек.

— Именно такие отзывы я и слышал о нем.— Лис снова поерзал на стуле, усаживаясь поудобнее, насколько его необычное тело вообще это позволяло.— Он единственный проник интеллектом в те области, которые доступны всем остальным только по опыту. В *Bougainville*, например, он задается вопросом: «Кто знает теперь предыс-

торию нашей планеты? Сколько земель, отделенных ныне друг от друга, составляли когда-то единое целое? Живой, проницательный разум. Как у Вольтера, сударь, но человечнее, вы не находите?

— Весьма верно подмечено,— отозвался я.

Лис встал.

— Поднимайтесь сюда,— он указал на ступеньки, что вели на возвышение.

Мы послушно поднялись. Люди его окружили нас. Воздух был пропитан густым запахом пота и женских духов. Нас провели по какому-то темному коридору, потом — вниз по лестнице в громадную кухню, расположенную под землей, где слуги и повара жарили мясо и тушили овощи на пляшущем пламени открытых очагов. Весь центр этого дымного помещения занимал длинный дубовый стол со скамьями, очень похожий на те столы, что обычно стоят в трапезных монастырей.

— Мы попируем на славу.— В дрожащих отсветах пламени рыжая маска Лиса словно ожила.— И поговорим. В подражание пышным приемам Екатерины, а?

Мы расселись: я — по правую руку от господина Реньярда, Либусса с Клостергеймом — по левую. Он принюхался к жареным ребрышкам. Его острая морда сморщилась в довольной гримасе. Когда он неуклюже подцеплял куски мяса лисьей лапой, кружевные рукава его падали прямо в тарелку, окунаясь в жирный соус. Мясо было приготовлено весьма посредственно, порой попадались даже полусырые куски. В овощах явно не хватало соли. Зато разговор, который вели мы за трапезой, поразил меня несказанно. Господин Реньярд, как выяснилось, основательно и всесторонне изучил труды многих философов и выказал себя весьма

тонким их знатоком. Он всем сердцем впитал их учения! Он знал всех известных просветителей! Он цитировал нам Вольтера: «Разрушенные и вырождающиеся светила образуют кладбищенский двор Небес!» Вольтер как будто сам побывал в Майренбурге, заметил Лис, и своими глазами увидел небесную твердь, осененную светом Осенних Звезд. А известно ли нам, что на местном жаргоне «Осенние Звезды» означают не что иное, как «темницу в храме», или «пленение божества»? Реньярд высказал даже мысль, что быть может, название это происходит от мрачной судьбы Себастократора, томящегося во дворце своем в ожидании знамения, которого никогда не будет, и поверившего уже, что Бог, а не он, попался в западню. Либусса не проявляла почти никакого интереса к беседе. Она хотела заполучить Грааль и размышляла лишь о своем великом предназначении. Клостергейм тоже слушал, не выражая особенной заинтересованности. И все же гордой Либуссе волей-неволей приходилось выказывать терпимость по отношению к философу, который явно не разделял ее романтических взглядов на мир. Теперь господин Реньярд завел разговор о Руссо.

— Как по-вашему, он действительно подхватил сифилис, или вы все же верите тому, что он писал относительно этой болезни в своей Исповеди? — Лис вкушал пищу очень элегантно, в то время как вся его братия явно не отличалась даже поверхностным знакомством с хорошими манерами. В комнате стоял шум — смех и сопение, грохот ножей о тарелки и громкое чавканье, звуки смачной отрыжки, грубые шуточки, сальные замечания,— так что вести беседу было весьма затруднительно. Приходилось напрягать слух, чтобы хоть

что-то расслышать, и орать самому, чтобы перекричать этот гвалт. Господин Реньярд, казалось, намеренно не замечал скотских манер своих приближенных.

Клостергейм — при том, что сам он был дважды проклятым прислужником Люцифера, пусть даже и бывшим,— проявлял тем не менее явное, хотя и не слишком нарочитое неодобрение по поводу всех этих безбожников и нечестивых их замечаний. Он не желал, хотя бы и косвенно, участвовать в этой богохульной беседе. Либусса, однако, пустилась в пространные рассуждения, выказывая значительные познания. Она проявляла более тонкое понимание метафизики, нежели я, и вскоре уже неслась в потоке слов, ощущая себя в нем как рыба в воде, всякий раз направляя его к Граалю, легко и весело изобретая цитаты из работ великих мужей, которых упоминал господин Реньярд (естественно, эти цитаты касались Священной Чаши, о коей писал, если верить Либуссе, каждый себя уважающий просветитель), пока не закончила таким образом:

— И разве Дидро не назвал Святой Грааль инструментом науки в одной из своих работ, опубликованных уже посмертно?

— Что-то я не припоминаю, мадам,— едва ли не извиняющимся тоном ответил ей господин Реньярд.— Видите ли, иной раз на то, чтобы получить книги из вашего мира, уходит не один год.— Он как будто оправдывался.

— Да, сударь... Он сделал анализ чувствительности и ее проявлений, действительных и латентных. Он задавался вопросом, способен ли предмет неодушевленный проявлять волнение. И в пример приводил легендарный Грааль — его необычное

свойство появляться и исчезать как будто по собственной воле, исцелять раны, устанавливать мир и порядок, направлять дела человеческие или же, оставаясь сокрытым, никак себя не проявлять. Он предположил, что подобный предмет обладает неким таинственным качеством и может вызвать в окружении своем изменения, которые обеспечивают его сохранность и неприкосновенность, и, таким образом, сам по себе является главным орудием Всеобщей Гармонии и может быть даже — центром вселенной. Грааль (если допустить, что он единственный и других, подобных ему, нет) задает и поддерживает Ритм вселенских Сфер и одновременно движет человечеством, дабы оно выступало в единстве с силами космоса. Если вселенную создал Бог, предполагает Дидро, Он, возможно, создал и нечто, что будет вселенную эту хранить. Другие школы утверждают, что Бог и Грааль есть некая вышняя сила, наделенная безграничной властью и тончайшей чувствительностью, но не обладающая нравственным интеллектом.

— Бог давно покинул эту планету, мадам,— прозаическим тоном заметил Лис.— Разве вам не известно об этом?

— Многие просто отказываются поверить,— пробормотал Клостергейм.

— А значит,— заключил господин Реньярд,— вполне вероятно, некая иная сила, а вовсе не Сатана, стремится теперь занять место Господа. Сатана, как известно, не слишком ярый приверженец Порядка...

— Сатана отрицает легкие пути достижения Порядка,— проговорил Клостергейм.— Он может прямо сейчас занять трон царства земного и править здесь Его волей и Его суровой властью. Но

ему нужно не это. Он ищет единения с тем существом, которому бросил вызов когда-то и тем самым отринул своих приверженцев.

Лис, похоже, пришел в замешательство. Он облизал губы, готовясь заговорить, но Клостергейм продолжал, не давая ему и рта раскрыть:

— Сатана правит нашей планетой.— Он, кажется, даже и не замечал, какой эффект производят его слова. На бледном лице его проступили отметины, выдающие внутреннее напряжение.— Когда разразится война, это будет война против Него, Сатаны. Владея Граалем, сударь, я подниму весь Ад. Начнется великий мятеж. И последняя битва. И тогда человечество станет единственным властелином своей судьбы!

«Опять «судьба»! — не без раздражения подумал я.— Почему мне все время приходится выслушивать все эти противоречивые описания некоей неминуемой и неумолимой судьбы? Почему каждая из этих судеб должна быть обязательно неотвратимой и неизбежной? И как такое вообще может быть, что все они неотвратимы? Очевидно, «судьба» есть слово, подразумевающее неодолимую тягу каждого индивида к уверенности. В чем бы то ни было».

— И этих мятежников поведете вы? — Лис проявил искреннее любопытство.— Во имя просвещенной науки?

— Во имя Человека,— ответил Клостергейм.— Он не заметил, что при слове «человек» в глазах Лиса вспыхнула искорка иронии.— Сударь, если Грааль у вас... это может послужить и к вашей выгоде тоже!

Либусса едва ли не морщилась. Клостергейм перебил ее тонкую обольстительную мелодию гром-

кой фальшивой нотой. Однако господина Реньярда, кажется, позабавили пламенные речения отставного слуги Сатаны.

— Как такое вообще может быть? — спросил он.— Какой же рациональный мир допустит существования такого чудовища, как я?

— Это *действительно* будет мир, основанный на принципах разума,— быстро проговорила Либусса.— Мир, основанный на свободе и не подчиняющийся ничьей воле. Мир, построенный на незыблемой вере в то, что равенство есть краеугольный камень всеобщего счастья.

— Но Французская революция противоречит всем принципам разума.— Лис поднес лапу к морде и нахмурился, вперив взгляд в измазанный жиром кружевной манжет.— Куда ни глянь, везде — вопиющее безрассудство! Нетерпимость и тирания...— Его губы дернулись, обнажив острые зубы в хитрой лисьей усмешке.— И тирания похуже моей!

— Фон Бек в свое время был депутатом Французской республики.— Либусса не знала уже, что говорить, настолько сильно было ее замешательство.— Он вам объяснит, почему революция не преуспела в своих начинаниях.

— Фон Бек?! — в восторге воскликнул господин Реньярд.— Ученик Клутса?

— Том-Распутник, сударь, если вы ничего не имеете против.— Мне оставалось только молиться про себя, чтобы он уважил воровской закон и не стал бы меня расспрашивать.

— Великодушно простите, Том. Так вы говорили, мадам..?

Либусса замялась, явно озадаченная, потом угрюмо проговорила:

— Он подтвердит, что революционерам недостало именно здравого смысла.— Она сделала глубокий вздох. Кажется, мы с Клостергеймом прогневили ее не на шутку.— И, сударь, у них не было Грааля! Когда несколько законоведов образуют парламент и изобретают новые законы... этого явно недостаточно для построения нового общества, нового мира. Если человечеству суждено измениться, изменение это произойдет, когда изменится что-то большее. Новый век может родиться лишь на обломках разрушенной старой эпохи. А одна крошечная нация, что барахтается в жалких попытках свершить революцию, в которой участвует лишь половина — если не меньше — всего населения... какой от нее толк? Нет ничего удивительного, что эти благие начинания оборачиваются во вред! По-другому и быть не может. Здесь необходимы фундаментальные перемены, сударь! Из Хаоса родится Порядок — тот самый Великий Порядок, что основан на вселенской гармонии, тайна которой до настоящего времени не разгадана и сакральным символом которой выступает Гермафродит: женщина и мужчина в одном лице! Тезей с Ариадной, объединившиеся против Зверя. Не зверя как вы, сударь. Но против всего, что есть в человеке тупого, жестокого, алчного и неразумного — вот что называем мы Зверем. Он злобен и жесток, ему неведомы ни сострадание, ни справедливость. Он есть самодовольство и чванство. Он жаждет крови и убивает ради потехи. Он обитает в гаремах. Соитие с женщиной обращает он в торжество мужского тщеславия и похваляется своей мощью, ведя счет победам. Сегодня Зверь говорит грамотным языком цивилизованной демократии... но он все

равно остается Зверем! — (Клостергейм смотрел на нее с озадаченным видом, словно был уже не уверен, что она поняла, что потребуется от нее, когда они наконец завладеют Граалем.) — Гермафродит — вот кто страшит Человека. И хоть вы, сударь, и назвали себя чудовищем, вам до него далеко!

— Весьма польщен, мадам.

— Гермафродит станет вождем этой истинной революции. Вождем таким же могучим, убедительным в речах и богоподобным, как сам Иисус. Гермафродиту предстоит пройти по тому же тернистому пути, по какому прошел Христос, и принести себя в жертву в конце, ибо такова цена, которую платит всякий, кто направляет поток истории. Вождь, что несет в мир не слово Божье, но — человек! Дивное это создание заключает в себе весь опыт, все надежды и устремления *всего* человечества. Он станет суммой всех качеств мужчины и женщины. Суммой всех человеческих знаний. Грааль — вот наше истинное спасение, сударь!

Лис подхватил лапой жареного цыпленка и поднес его ко рту, при этом скривившись в язвительной усмешке.

— Нигде нет места чудовищам.

— Нет места тем, кто боится странного и необычного, сударь! — с патетическим жаром проговорила Либусса.— Всякий разумный мир почтит себя только обогащенным, если в нем будет присутствовать господин Реньярд!

Лис угрюмо покосился на меня. Я хотел поддержать Либуссу, но не знал как. Господин Реньярд перевел испытующий взгляд на Клостергейма. Отставной жрец Сатаны попытался изложить смысл пламенных, но туманных речей Либуссы.

— Лесть весьма удачна, мадам,— заметил Реньярд, вгрызаясь в цыпленка,— но наблюдения поверхностны. Всем известно, что один вид стремится к уничтожению другого тем способом, который диктуется логикой времени. Что же касается гибридов вроде меня... Мы считаем, что нам повезло, если удается держаться в полной изоляции. А изоляция неизбежно приводит к безумию, пусть даже безумие это рядится в личину рационализма и образованности... Я говорю сейчас о себе. Как вы сами сказали, у вас не существует истинного равенства полов. Ваши расы воюют друг с другом. Арабы, что называют себя белой расой, презирают красных и черных; представители расы краснокожих называют себя белой расой и презирают коричневых, черных и желтых. Желтая раса, которая давно объявила себя богоизбранной, идет войной на другую желтую расу, которая также почитает себя избранницей Божьей. И это все прекратиться с пришествием в мир Грааля?

— Да, сударь.— Либусса искренне верила в то, что сказала.

Лис отложил разодранного цыпленка.

— Я в это не верю, мадам. Этот ваш новый мессия — не для меня. Я лучше останусь, где был до сих пор: на краю Хаоса — погрязший в преступности король над ворами и шлюхами. Моих подданных легко понять. Тот, кто боится странного и необычного, боится также и меча.— Он бросил выразительный взгляд на обжирающихся молодцов и их потасканных подружек — терпимый, многозначительный взгляд.

— Вы питаете тщеславие свое, сударь, общаясь лишь с низшими,— проговорила Либусса.— Вот он, ваш довод, я так понимаю!

— Мадам, равных мне нет.

— Грааль изменит мир, сударь. Вся глупость будет упразднена, и мы начнем заново, как равные.

— Доводы ваши не подкреплены доказательствами, мадам. То, о чем вы сейчас говорите, меня ни капельки не прельщает.

— Вы, сударь, жалуетесь на скуку... Вы бы забыли, что это такое.

Он положил обе лапы перед собою на стол и опять рассмеялся, как смеются обычные лисы: запрокинув голову и отрывисто лая. Если бы у него был хвост, он бы сейчас распушил его. (Может быть, вдруг подумалось мне, господин Реньярд подрезал свой лисий хвост, чтобы натянуть эти изящные модные панталоны?)

— Я боюсь той цены, которую вы запросите с меня, мадам,— мягко вымолвил он.

Она озадаченно улыбнулась, словно была неуверена в своей правоте.

— Но вы готовы рискнуть, если я ее назову?

Он склонил голову под огромной красной шляпой со страусиными перьями, и лицо его вновь скрыла тень.

— Я так или иначе в долгу перед вами за столь приятное развлечение,— проговорил он из-под полей шляпы, вновь поднял голову и, подхватив край скатерти, вытер свою жирную морду. Потом безотчетно облизал языком нос.— У меня нет вашей таинственной чаши.— Он улыбнулся, и его свежеоблизанные усы встали торчком.— Будь она у меня, я бы ее с удовольствием обменял на один из тех редких томов, о которых вы упомянули. Я все же надеюсь, что мы можем еще совершить обмен. Если вы пообещаете мне... я с радостью

вам помогу в достижении вашей цели. Интересы наши разнятся, но наши устремления, похоже, имеют немало общего...

Он расстегнул камзол и достал из заднего кармана брюк маленький томик в кожаном переплете. Его лапы слегка дрожали. Он, должно быть, испытывал немалые трудности, просто переворачивая страницы, но при этом старался изобразить небрежную легкость. Его лапы дрожали, как мне думается, от напряжения. Тело его явно сопротивлялось командам мозга, хотя разум был восприимчив и быстр. Я начал теперь понимать, почему этот умный лис держится в изоляции от остального мира.

— Что должны мы вам пообещать? — Я испытывал самое искреннее уважение к этому загадочному существу.

Он передал мне книгу. Я открыл ее. Отпечатана она была самым изящным образом, четкими черными литерами по безупречно белой бумаге, с красными заглавными буквами, выполненными в декоративной манере, и всеми прочими необходимыми атрибутами дорогого издания. Заглавие на титульном листе сообщало — по-немецки,— что труд сей есть *Новое понимание Вселенной.* Автора я не знал. Его имя звучало впечатляюще непроизносимо и вызывало ассоциации скорее с веком семнадцатым, чем с восемнадцатым: Филархий Гроссес фон Тромменгейм. Интересно, где господин Реньярд достал такое необыкновенное и явно редкое издание?

— Труд этот мне незнаком, сударь.— Я заметил, что книга была отпечатана в Майренбурге в году 339 Новых Лет (дата, не говорящая мне ничего). Стиль сочинения показался мне изысканно

витиеватым и, быть может, чуть-чуть тяжеловатым: то было философское эссе на тему непосредственного восприятия объективной действительности.— Удивительно даже, сударь, что мне она раньше не попадалась. Книга эта весьма выгодно отличается от обычной писанины, вялой и бестолковой.

— Оставьте ее у себя.— Господин Реньярд сделал какой-то неопределенный жест.— Это мой скромный труд. Отпечатан всего один экземпляр, и здесь его некому даже прочесть, за исключением меня самого. Там указано мое настоящее имя. И представлено, как я смею надеяться, мое истинное призвание. Так вы исполните обещание?

— Разумеется, милорд,— с жаром проговорила Либусса и в нетерпении подалась вперед. Быть может, она решила, что в этих страницах заключена разгадка некоей тайны. Господин Реньярд снова махнул мне лапой, и я спрятал книжицу под подкладку рубашки.

— В чем должны мы поклясться?

Он не отрываясь смотрел на меня. Взгляд его ясных глаз как будто сцепился с моим.

— Вспоминать обо мне,— сказал он, и в голосе его прозвучала скрытая боль. Потом он приподнял подбородок и посмотрел на Либуссу, такой робкий и обаятельный.— Мне бы хотелось, чтобы вы мне прислали книг, который, на ваш взгляд, могут быть мне интересны. Гёте очень меня интересует, я прочел кое-что из его работ и мне захотелось прочесть еще. И, разумеется, труды просветителей: Берка, к примеру, и Хьюма из Северной Британии. Хотя по-английски я читаю весьма посредственно.

— Не запомнить вас, сударь, просто невозможно! — воскликнула Либусса, разом забыв и о льсти-

вом своем обхождении, и о всякой дипломатичности.

— Не беря во внимание мою необычную внешность? — Подняв обеими лапами оловянную кружку с вином, он сделал большой глоток.— Что такое этот гигантский лис? Философ или жалкий урод? Да еще говорящий лис! Разодеть его в щегольские воланы — и пусть себе заправляет сборищем бандитов в городе, который и «светляка» видит редко (так мы называем свет дня)... Еще бы! Как устоять перед искушением и не поведать миру о таком диве дивном?! Чудо, сенсация! Я буду жить, как артист запредельного Цирка Воображения, и никто не сумеет уже разобраться, был я на самом деле или я просто вымысел, чья-то фантазия. «И этот Лис-который-ходит-на-задних-лапах,— станут кричать они так громогласно, что их вопли заглушат голоса всех гостей,— помимо всего прочего, был еще и *исступленным фанатиком энциклопедистов*!— Он помолчал и добавил: — Человек в маске, конечно — вот что скажут они потом. Розыгрыш. Мистификация. Какое-нибудь жалкое существо с ужасным телесным изъяном. Что ж, может быть, чья-то память сыграла такую шутку. Иногда человек вспоминает не то, что он видел на самом деле. Может быть, господин Реньярд был просто калека, который умело воспользовался своим уродством, чтобы захватить власть в бандитском квартале. Может так получиться, что еще до конца столетия он станет вполне человеческим существом. Не забывайте меня! — Он выпил еще, улыбнулся Либуссе, заговорщически подмигнул Клостергейму. Одно ухо его завернулось, шляпа съехала набок, придав ему бесшабашный вид.— Ну...— продолжал он,— если верить Вольтеру... «Вкус к Чудесам по-

рождает Миры. Но Природа, как видно, находит свое удовольствие в Единообразии и Постоянстве, тогда как Воображению нашему подавай непременно великие перемены!» — Эти слова прозвучали словно насмешка над криком души Либуссы.— Если так, то выходит, что господин Реньярд — отклонение от нормы. Однако Дидро восхваляет Изменение и Отличие. Быть может, поэтому он мне и нравится. А вам он нравится, мадам? — Он пьяно оскалился и вновь вытер морду свежей салфеткой.— Трудов монсеньора Вольтера мне больше не нужно. Но если бы вы прислали мне что-нибудь из работ Мопертюи, я был бы вам очень признателен.

— Сударь,— сказала ему герцогиня,— я постараюсь устроить так, чтобы вы получили целую библиотеку.

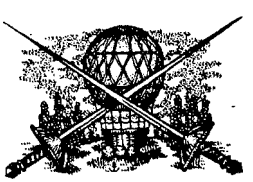
— Вы, мадам, так щедры и любезны. Я расскажу вам все, что сам знаю о том, что вас интересует. Остальное придется вам выяснять самой. Припоминаю я одну давнюю встречу, когда я узнал историю фон Бека, Клостергейма и Святого Грааля. Это вам мое малое вознаграждение за то, что вы вынуждены были терпеть длинные излияния нудного и испорченного излишней образованностью бандита, не говоря уже о том, что бандит этот *по-лисьи хитер*. Но как бы там ни было...— Он приумолк, словно раздумывая над тем, что собирался сказать нам, поднял свою рыжую морду к сумрачному потолку и уставился на мерцающий отблеск сальных свечей. Тщательно взвешивая слова и многозначительно понизив голос, он произнес наконец: — *Вам нужно найти Рыжего О'Дауда.*

Он вдруг весь как-то обмяк. Было вполне очевидно, что заявление это обошлось ему дорого и

истощило все его душевные силы. Пламя с треском плясало в кухонных очагах. Правитель Реньярд печально смотрел через стол на Тома-Распутника, заранее готовясь бороться с отчаянием, если случится, что Том обманет его ожидания. Шайка пировала, ничего вокруг не замечая, и взгляд предводителя потеплел, когда он оглядел свою братию. Он был человечным чудовищем и правил скотами в людском обличье.

Я едва ли не чуял зловонное дыхание Минотавра, что вырывалось из раздувающихся его ноздрей, едва ли не слышал яростный топот тяжелых копыт по камню пола. Громадная булава билась в крепкие стены. Земля содрогалась. Телец выкрикивал вызов на смертный бой. Тезей приближался к нему по извилистым ходам Лабиринта, и человеческий разум вздымал свой меч против невежества зверя.

Либусса опустила глаза и возложила обе руки на стол, как будто ей вдруг стало стыдно.



ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В которой начинаются поиски Рыжего О'Дауда. Мы покидаем второй самый опасный квартал Майренбурга и вступаем в первый. Несколько совпадений и доводы здравого смысла. Меч, агнец и Князь Преисподней

От господина Реньярда мы узнали не только о «Рыжем О'Дауде», но также получили карту и подробное описание района, изображенного на этой карте. Мы прошли по лабиринту узеньких улиц под низким рассеянным светом дряхлеющих звезд и оказались в самом центре Майренбурга, старейшем его районе, окруженном высокой стеной и называемом Амалормом, быть может, в честь тех самых

амарийских племен, которые обитали в этой долине, пока сюда не пришли свитавиане и не поработили их.

Чтобы попасть туда, нам нужно было спуститься по переулкам, что вели вниз по склону холма, и по темным извилистым лестницам. Иногда в просветах между тесно лепящимися друг к другу строениями мелькали огни фонарей, мерцающих внизу. Впечатление было такое, что центр города выстроился вдоль спирального спуска в громадную пропасть — в долину, дна которой было не разглядеть. В Амалорме Рютт уходил под землю. Дома буквально громоздились друг на друга, ветхие, полуразрушенные строения, некоторые — высотой в десять, а то и пятнадцать этажей. Казалось, все они кренятся под неустойчивыми углами. Я даже начал опасаться, что в любой момент на нас может обрушиться гора камней, бревен и кирпича. Я старался говорить потише, ни в коем случае не повышая голоса, помятуя о той лавине, которую вызвал в горах неосторожным выстрелом.

Жители Амалорма в большинстве своем были приземистыми и коренастыми людьми, неразговорчивыми и угрюмыми по натуре, и социальный свой статус определяли в зависимости от того, на какой высоте, считая от самого низа, они проживали. (Нас предупредили, что на сей счет у них установлены самые строгие правила.) Так как мы направлялись к самому низкому уровню, встреченные нами люди были самые что ни на есть опустившиеся бедняки, большинство из них спали прямо на улицах в наркотическом забытьи. Это снадобье — некий сорт опиума,— как поведал нам господин Реньярд, являлось истинной денежной единицей Нижнего Града.

Где-то в этих темных закоулках, уверил нас господин Реньярд, мы и отыщем Рыжего О'Дауда, если только он еще жив, в чем Лис не был уверен. Его люди, как бы сосредоточенно ни чесали они в затылках, тоже не смогли ничего сказать наверняка. Господин Реньярд и Рыжий О'Дауд были давними соперниками. Малый Град включал в себя Нижний, и само существование последнего означало, что всем «подданным» Реньярда приходилось делать огромный крюк, чтоб обогнуть стену Нижнего Града, а значит, они не имели возможности пересекать владения свои по прямой, что, естественно, их сильно раздражало. Были попытки достичь некоего компромисса, но все они завершались полным провалом. Поговаривали, что в отличие от Лиса Рыжий О'Дауд правит Нижним Градом не с позиции здравого смысла. Больше того: территория Амалорма почиталась весьма лакомым кусочком, поскольку он был одной из твердынь Миттельмарха и править им не составляло особенного труда. Нижний Град жил как бы сам по себе, а горожанам, что позажиточнее, вообще не было никакого дела до того, что творится в темных уголках этого городского дна.

Впечатление было такое, словно мы пробирались по лабиринту естественных пещер, вымытых в горе известняка. К влажным стенам лепился бледный лишайник и серый мох, который, казалось, сам по себе излучал некое мутное свечение. Звук капель воды, ударяющихся о поверхность глубокого водоема, разносился преувеличенным гулким эхом по узеньким закоулкам. Как мы узнали из рассказа господина Реньярда, Рыжий О'Дауд появился здесь лет этак двадцать назад вместе с бандой наемников и устроил настоящее побоище,

перебив одного за другим всех, кто заправлял Нижним Градом, и в конце концов стал полновластным хозяином Амалорма. Никто не знал наверняка, зачем понадобилось ему захватить этот район силой оружия и ценой многих жизней. Сам же он заявлял только, что «охраняет свою собственность». Господин Реньярд склонялся к мнению, что Рыжий О'Дауд охраняет не материальную собственность, а некую идею, поскольку все переговоры относительно территориальных вопросов всегда проходили каким-то загадочным образом и заканчивались ничем. При этом господин Реньярд сказал нам, что сам он не имеет ни малейшего представления о том, что это может быть за идея.

Ветхие здания потрескивали и, казалось, покачивались в неверном свете Осенних Звезд. Как будто под Нижним Градом непреходящими толчками содрогалась сама земля.

— Как корабль,— в недоумении проговорила Либусса.— Или тот великан в «Гулливере». Они, вероятно, построили это местечко на спине какого-нибудь исполинского зверя.— Она уже приободрилась, к ней вернулась прежняя легкость. Неудача в Малом Граде несколько обескуражила ее, но теперь она снова убеждала себя, что стоит ей только встретиться с Рыжим О'Даудом и тот сам ей вручит вожделенный Грааль, хотя господин Реньярд никаких заверений в том ей не давал. Смеясь, она взяла нас с Клостергеймом под руки.— Или, может быть, поселение это есть некий организм, и он дышит, живет?

Ее фантазия явно пришлась не по душе Клостергейму.

— Этот квартал просто очень старый и ветхий,— неодобрительно пробурчал он.

— Но не только,— серьезно заметил я. Какими бы древними ни были эти здания, не могло же все рушиться одновременно: каждый кирпич, каждая балка, каждый кровельный лист. Должна была сохраниться некоторая стабильность, а здесь все дрожало, грозя обвалиться на нас.

Мы вошли в какой-то узенький переулок, убегающий вниз, точно крутой косогор. Сверху доносился отдаленный гул, звон металла и грохот камней, катящихся по мостовой. По дну долины плясали отблески странного зарева, как будто там что-то горело, воздух наполнился запахом влажного дыма. Мы завернули за угол, желтый свет факелов заплясал по булыжникам мостовой, приближаясь к нам, и в мутном свечении перед нами предстали фигуры людей — темные, воинственные, с саблями наголо. Весьма самоуверенные молодцы, вооруженные до зубов, наглые и безжалостные. «Благодаря» горячечному нетерпению Либуссы, наше оружие осталось в обиталище господина Реньярда, но даже если бы мы и забрали его, вряд ли бы это что-нибудь изменило. Мы оглянулись, предполагая, что за спиною у нас уже стоят такие же молодцы. И действительно, с полдюжины головорезов перекрыли нам путь к отступлению. Держались они уверенно: руки в боки — лиц не видны. Клостергейм (чей склад ума, несмотря на весь его прошлый опыт, выдавал ярого приверженца буквы закона) надменно воскликнул:

— Что такое? Поберегитесь, мы здесь по делу чрезвычайной важности!

Из безликой толпы выступил человек в высокой шляпе с загнутыми полями и с какой-то кокардой на ней — худощавый, прекрасно сложенный мужчина с тонкогубым выразительным ртом. Красивые

губы Монсорбье кривились в довольной усмешке — словно бы после стольких трудов рыбка наконец попалась на удочку! Быть может, все приключения в Миттельмархе привиделись мне во сне? А на самом деле я сейчас нахожусь в Париже, в каком-нибудь переулочке неподалеку от Монмартра? Или же Реньярд нарочно послал меня в эти ветхие дебри навстречу жадным до крови моей ищейкам? Может быть, Монсорбье сослужил Лису некую службу, и тот отдал ему меня в качестве вознаграждения? Нет, тут же сказал себе я, Реньярд подарил мне книгу с именем Филархия Гроссеса на титульном листе, и, стало быть, здесь свершилось иное предательство. Или не было вообще никакого предательства — просто так распорядилась Судьба. В последнее время я только и слышал, что о гармонии и конечном единении миров, и сам поневоле вступил на путь к этой великой цели, к которой стремится всякий адепт, подвизавшийся в сфере оккультных наук, и теперь жизнью моею распоряжалась рука неумолимой судьбы, как бы я ни старался вырваться из предначертанной схемы. Монсорбье узнал меня и едва ли не радостно рассмеялся в искреннем изумлении.

— Ха-ха-ха! Фон Бек, это правда вы? Ну что ж, лучше и быть не может!

Я еще в полной мере не осознал опасности, мне угрожающей; больше всего меня озадачило это таинственное совпадение. Давешние слова Либуссы приобрели вдруг весьма неприятный смысл. Слишком многое из случившегося за последнее время предполагало присутствие некоего вышнего замысла, непостижимого для моего скромного разумения. Мне вовсе не нравилась мысль о том, что я могу оказаться пешкой в некоей замыслова-

той игре богов-олимпийцев. Будь у меня моя шпага, я бы ринулся в схватку, и не потому, что надеялся победить, но чтобы освободиться от этой липкой сети, что захватила нас всех и собрала под сенью Осенних Звезд. Надо же быть таким идиотом — оставить свою самаркандскую саблю и кремневые ружья в притоне у Распазиана... но, должно быть, близость Грааля вскружило голову и мне тоже.

Мне показалось, что и Монсорбье пребывает теперь в некоторой нерешительности. Может быть, это странное совпадение озадачило и его тоже. Жажда мести снедала его. Это было заметно сразу. Он едва ли не дрожал, предвкушая расправу надо мной, точно какой-нибудь дамский угодник, волочащийся за недоступной красавицей и наконец добившийся ее расположения. А мне, безоружному, оставалось лишь упереть руки в боки, расставив ноги пошире, выпятив пузо, и улыбаться ему нахальной улыбкой разбитной деревенской девахи. Он стоял и облизывал губы, обводя взглядом лица, — точно терьер, почуявший крысу,— но пока еще сдерживая свою на удивление «емкую» и продолжительную страсть.

— Стало быть, и вас тоже призвали сюда? — спросил он наконец, нарушая затянувшееся молчание. Складывалось впечатление, будто он сожалеет о том, что у него не случилось с собой отпечатанного списка вопросов, которым он мог бы размахивать у меня перед носом и тем самым сдерживать душащую его ярость хотя бы при помощи бюрократического формализма. При отсутствии Общественной Безопасности, которую надлежало обеспечивать, Монсорбье уже нечем было прикрыть жажду крови,— моей, ясное дело, кро-

ви,— и его ненависть проступила теперь в полной мере, гораздо сильней, чем тогда, когда он заявился в гостиницу к Шустеру и вызвал меня на дуэль. Мне оставалось лишь уповать на то, что он все же вспомнит, что дуэль наша не состоялась не по вине кого-либо из нас, а по случайному стечению обстоятельств, и предложит мне шпагу, а значит, и шанс постоять за свою жизнь. То, что он до сих пор еще ничего не предпринял, несказанно меня озадачило. Он как будто решал, что ему делать: убить меня или сердечно пожать мне руку. Словно бы кто-то дал ему указания, но при этом не учел некоторые непредвиденные обстоятельства. Я же решил положиться на свою интуицию и действовать так, словно между нами и не было никогда никакой вражды.

— Балда,— проговорил я легким тоном,— мы больше уже не враги. Вы куда теперь направляетесь?

— К Агнцу. А вы?

Мне оставалось только кивнуть головою.

— Туда же,— ответил я, полагая, что «Агнец» — это название таверны.

Либусса и Клостергейм, которые тоже уже приготовились к самому худшему, поприветствовали Монсорбье смущенными улыбками. Наш элегантный охотник на герцогов засунул шпагу обратно в ножны и сделал два-три глубоких вдоха, пытаясь взять себя в руки, потом ухмыльнулся и почесал в затылке.

— Разрази меня Люцифер, фон Бек, вот это действительно парадокс! Если мы теперь все заодно, то как же тогда наше личное честолюбие?

От такого весьма неожиданного поворота событий у меня закружилась голова. В воодушевле-

нии своем я хватил лишку и хлопнул его по спине. Но я и вправду чертовски развеселился.

— Вы действительно полагаете, что нет уже смысла бороться, если в конце всех нас ждет примирение и равенство?

— Компромисс, вы хотите сказать,— процедил он сквозь сжатые зубы.— Но главенство было обещано мне.

— Обещано кем?

— Перестаньте прикидываться, фон Бек. Всем адептам известно, что мы движемся к Центру Времени, к Согласию Светил, коим будет дарован нам сверхъестественный интеллект и, как следствие, абсолютная власть.— Тут он поклонился Клостергейму.— Мы ожидали прибытия вашего раньше, сударь. Когда вы не явились на назначенную встречу, мы стали действовать по своей собственной инициативе.

Клостергейм явно чувствовал себя неловко, ибо он полагал себя удостоенным некоей свято хранимой тайны. Теперь же, похоже, он оказался просто одним из многих. Я мог с уверенностью предположить, что он переживал теперь ужасающее смятение истинного солипсиста при столкновении с внешним миром.

— Кто заключал эту сделку с вами? Кто обещал вам главенство? — Клостергейм, разумеется, подозревал Сатану.

— Сам наш поиск подразумевает ответ.— Монсорбье с подозрением покосился на Клостергейма.— И вы его знаете, сударь.— Потом он вновь обратился ко мне: — И каким образом были вы призваны?

— Я поддался порыву.— В данном случае я решил воспользоваться фамильной репутацией.

— Вы, фон Беки, счастливчики.— Он явно завидовал мне, и теперь я начал уже понимать, почему он так меня ненавидит.— Может быть, нас свели вместе, чтобы разом свершилась расплата за все долги? В последней битве?

— Всякая битва должна последовать за Согласием Светил, но не предшествовать оному,— заметила Либусса, но было заметно, что она уже не так уверена в себе, как прежде. Она, как и Клостергейм, полагала себя избранной — единственным кандидатом, назначенным самою судьбою на первую роль, и Монсорбье всегда был для нее лишь последователем. А теперь вдруг оказалось, что у нее слишком много соперников. Похоже, из всех присутствующих я один не почитал себя посвященным адептом алхимии высшей ступени!

— Ну что ж...— насупился Монсорбье, словно бы только теперь осознал истинную меру ее непомерного честолюбия.— Не стоит задерживаться.

У нас не было выбора — и мы присоединились к его небольшому отряду. Примерно через четверть часа мы остановились перед какой-то ничем не примечательной, почерневшей от времени ветхой дверью. Монсорбье постучал в нее рукоятью пистолета. Нам открыла молоденькая девица, платиновая блондинка с бледной, но здоровой кожей — настоящее воплощение невинности (если бы только не этот призывный блеск глаз), в голубом с желтым платье с ниспадающими рукавами, на манер средневекового одеяния.

— Добро пожаловать, благородные господа.— Она сделала реверанс, пропуская нас.

Войдя внутрь, мужчины сняли шляпы, точно прихожане на воскресной мессе. Мы оказались в большой каменной зале, которая в суровой своей

простоте действительно напоминала храмовую часовню.

Все убранство ее составляли узенькие церковные скамьи и скромный алтарь. Никаких бросающихся в глаза сатанинских атрибутов. Никаких перевернутых распятий. Только золотой треугольник, подвешанный над алтарем. Девица, что привела нас сюда, сделала знак руками, означавший, что нам надлежит ждать коленопреклоненными. Мы опустились на каменный пол. Либусса, не хуже меня сознававшая опасность всякого непроизвольного неповиновения, осторожно поглядела направо, потом — налево, ища возможные пути для бегства. Клостергейм же просто сложил руки на груди и склонил длинный носище в угрюмой капитуляции. Ни он, ни Либусса даже не предполагали, что события повернутся подобным образом! Это никак не входило в их планы!

Часовня была залита светом громадных желтых свечей. Воск их оплавлялся, создавая причудливые узоры. Беспокойный дым вился, подобно проклятым душам, корчащимся в адских муках. Монсорбье расположился на ряд впереди меня. Он перебросил перевязь со шпагой за спину и, убрав длинные волосы с бледного своего лица, не отрываясь глядел на мужчину в красно-белом плаще с высоким стоячим воротником, погруженного в молитвы и взывавшего к некоей высшей силе. Когда он повернулся, я узнал его. То был наш трус-барон, фон Бреснворт. Заметив меня, он заговорщически мне усмехнулся. Я рванулся было вперед, намереваясь убить подлеца на месте, но Либусса твердой рукою остановила меня. Сердце мое бешено колотилось в груди, но все-таки я покорился ее молчаливому повелению.

С обеих сторон в часовню выступили фигуры в пурпурных, золотых, белых, черных и желтых плащах, украшенных кистями. Головы их покрывали широкие остроконечные капюшоны (словно на *auto-de-fé*), темные вуали и расшитые покровы, представляющие пародию на одеяния христианских священников. Я рассудил, что это, скорее всего, какое-нибудь гнусное сборище жрецов от масонства, проводящих труды и дни в изысканиях тайн сверхъестественного,— несуразная, невразумительная, истекавшая потом толпа. То могли быть какие-нибудь скотники с крестьянского двора, настолько груба была плоть их, не закрытая пышными одеяниями. Они привели с собой миленького ягненка, который жалобно блеял и рвался на поводке. Следом за ними в часовню вошла златовласая дева. Она подхватила ягненка на руки, принялась ласково гладить его, что-то шептать ему. Ее длинные локоны упали на дрожащее тельце животного, обернув его сияющим покрывалом. Ягненок блеял — тихонько и неуверенно — и пытался сосать ее розовый пальчик. Дева улыбалась и напевала ему колыбельную песню. Возвышаясь на целую голову над сотоварищами своими, чьи лица скрывали просторные капюшоны, она поднялась к алтарю. Жрецы выстроились теперь полукругом, легонько покачиваясь в ритме неслышной мелодии.

Часовня наполнялась народом. Мужчины и женщины занимали места на скамьях позади нас. Либусса, как было вполне очевидно, узнала некоторых из них. Клостергейм же, так и не поднявший глаз, кажется, не замечал вообще ничего.

Дева у алтаря заговорила высоким напевным голосом, что разнесся по каменному пространству звоном кристалльного колокольчика:

— Время пришло, изволение оглашено, и цена наконец назначена. Вы готовы платить эту цену?

— *Мы готовы платить эту цену,*— был ей ответ.

— Тогда вы будете удостоены зрелища встречи светил и узрите великий миг, когда соприкоснутся миры,— продолжала она.— Вам дарована будет свобода проходить сквозь миры по велению своему. Каждый из вас наделен будет силой менять все, что желает он изменить. Миллион царств, пребывающих в гармоничном согласии! Миллион солнц! Так определим мы судьбу человечества, которая свершится при следующем повороте Космического Колеса. Великое Равновесие устанавливается уже. Изменение неизбежно.

— *Изменение неизбежно.*

— Суть его будет определена.

— *Суть его будет определена.*

— Суть его будет определена удостоенными и избранными, посвященными в святая святых, теми, кто ищет путь к Сердцевине, кто пришел сюда в этот час. Они вынесут свой вердикт. Они установят новые долги. Но прежде всего надлежит расплатиться со старым долгом.

— *Прежде всего надлежит расплатиться со старым долгом.*

— Время Агнца явилось эпохой неосуществления. Агнец сулил надежду, но даровал лишь отчаяние.

— *Лишь отчаяние.*

— И теперь, если только нам хватит силы, мы сотворим Время Льва!

— *Время Льва.*

— Время Льва — торжество грез истомившегося в неутоленном своем честолюбии человека. Время огня. Время власти. Время разрушений.

— *Время разрушений.*

— Время разрушений. Мы поведем человечество за собою. Мечтания наши обретут наконец воплощение в грядущем тысячелетии. И никто не осмелится нам перечить.

— *И никто не осмелится нам перечить.*

Дева выдержала красноречивую паузу.

— Кто вступится за Агнца? — Ягненок уже больше не отбивался. Он просто смотрел на нее широко распахнутыми глазами. Она протянула руки, словно бы предлагая его жрецам, застывшим у подножия алтаря.— Кто спасет его?

Те лишь покачнулись, храня молчание.

Белокурая дева склонила голову, словно хотела поцеловать убаюканного зверька. Губы ее погрузились в мягкую шерстку на шее ягненка. Он протестующе вскрикнул. Всего один раз. Она повернула голову — ее длинные волосы взметнулись золотым ореолом,— а потом подняла лицо: губы ее были испачканы кровью. Ягненок судорожно задергался, и еще больше крови пролилось на ее одеяние и на алтарь. Брызги полетели в жрецов. Те завыли и захохотали, принялись дико скакать и выкрикивать:

— *Время Агнца прошло! Грядет Время Льва! Время Агнца прошло! Грядет Время Льва!*

За исключением нас троих, все присутствующие, включая и Монсорбье, и фон Бреснворта, вскочили на ноги и принялись раскачиваться из стороны в сторону — настоящая методистская паства, заходящаяся в экстазе под монотонные гимны. Мужчины и женщины, обычные с виду, некоторые — с детьми, возвысили голоса в ликующем пении. Меня охватило странное беспокойство, и я никак не мог побороть его. А потом, когда горя-

щий взгляд златовласой жрицы упал на нас, я вдруг неожиданно для себя самого вскочил, бросился к Монсорбье, выхватил саблю его, которую он так неосторожно перекинул за спину, из ножен и прокричал Клостергейму с Либуссой, чтобы они нашли выход. Зверский ритуал никоим образом не согласовывался с теми остатками веры, что еще сохранились в душе моей. И действуя по своему разумению,— пусть даже действие это обречено на провал,— я, как мне представлялось тогда, хотя бы в мизерной степени, но разрушал тот таинственный вышний замысел, который свел нас всех вместе.

Дева с обагренными кровью губами зашлась пронзительным воплем:

— *Они угрожают всему!*

Перепрыгнув через скамью, я со всей силы ударил Монсорбье по руке — он уже выхватил пистолет. Удар пришелся снизу, Монсорбье не удержал пистолета, подпрыгнул в воздухе и был — чудом каким-то — пойман герцогиней. Не тратя времени даром, она приставила дуло пистолета к горлу ближайшего к ней мужчины и сорвала с его перевязи шпагу и кинжал.

Лишь Клостергейм застыл без движения на месте, глядя на златовласую деву, точно благочестивый монах, который узрел дивный лик Богоматери. Нам он был не помощник. Я завладел еще одним пистолетом. Мужчины, еще не очнувшиеся от гипнотизма кровавого ритуала, были как сонные овцы. Было бы глупо не воспользоваться этим обстоятельством и не набрать как можно больше оружия! Я прицелился. Вспыхнула искра, пуля с грохотом вылетела из ствола и поразила одного из жрецов в капюшоне. Он упал, визжа от боли, к

ногам своей повелительницы. Второй выстрел сразил одного из людей Монсорбье. Либусса тоже выстрелила и уложила двоих из приспешников фон Бреснворта — доморощенных колдунов, осквернённых сифилисом.

Все кругом скалились, точно звери. Я видел лишь свирепые зубы и горящие лютой злобой глаза. Похоже, меня ждала та же участь, что постигла бедного ягненка. Либусса продолжала палить и сразила еще двоих. Часовня теперь походила на помещение бойни — вся залитая кровью, с осколками костей и мозгами, разбрызганными по скамьям и стенам. Собравшиеся к ритуалу метались в слепой панике. Нам с Либуссой удалось прорваться к двери. Еще одна вспышка... оглушительный грохот. Впечатление было такое, что она разрядила не пистолет, а пушку. Пуля, однако, даже не оцарапала златокудрую кровопийцу, но зато сбила одну из громадный свечей. Та повалилась прямо на гобелены, которыми были завешаны стены, и подожгла их. Воспользовавшись неразберихой, мы распахнули дверь. Поток воздуха, ворвавшегося в часовню, взметнул пламя. Мы выбежали в темноту и прохладу. Впрочем, мы хорошо понимали, что долго псов этих ничто не удержит. Выкинув разряженные пистолеты, мы помчались рука в руке по скользким мостовым, по улицам, что поднимались вверх под таким крутым наклоном, что в стены домов вделаны были перила, миновали благополучно нескольких апатичных курильщиков опиума, которые преградили нам путь, но лишь потому, что не видели нас,— и безнадежно потерялись в этом извилистом лабиринте!

А сзади уже доносились звуки погони. Карта, которую дал нам Реньярд, осталась у Клостергей-

ма. Либусса пала духом. Мы укрылись с ней под мостом, что пересекал какой-то темный переулок, и она шепотом проговорила:

— Что здесь происходит? Зачем это жертвоприношение? Эти песнопения? Бред какой-то! Зачем? Я не давала никаких таких распоряжений.

— Очевидно, не вы одни с Клостергеймом уверены в том, что Согласие Светил дарует противоядие от всех былых разочарований.— Мое замечание пришлось ей явно не по душе, но я продолжал: — Похоже, миледи, это уже настоящая эпидемия. И достаточно мне знакомая. Как часто мы полагаем себя избранниками, единственными в своем роде, а потом выясняется, что сокровенным нашим познанием обладает еще полмира...

— Ну помолчи же, глупец.— Она лихорадочно думала, вырабатывая новую тактику.

Однако я все же спросил на свой страх и риск:

— Но если Сатана и так уже правит нашим миром, выходит, они тратят зря время?

— Его надо свергнуть. Отцу надлежит отступить перед сыном своим.— Ее голос звучал сурово.— Человечеству самому должно править собою.

— При вашей поддержке? — Мой страх нашел выражение в неуместной веселости.

— Фон Бек, вы забыли. Это не только моя судьба, но и ваша тоже.— Она легонько погладила меня по руке.— Но чтобы исполнить ее, нам потребны союзники. Только кто? Я полагала, Монсорбье идет за мною... А меня предали!

— Надо вернуться к князю Мирославу. Это, пожалуй, самое разумное решение. И выработать новый план.

— Мы теряем бесценное время.

— Учитывая обстоятельства...— Но тут грохот шагов, отсветы факелов, различимые голоса Монсорбье и фон Бреснворта повернулись в нашем направлении, и нам снова пришлось бежать. На мгновение мы оказались в кромешной тьме, вступив в какой-то узкий тоннель. Мы приостановились, чтобы перевести дыхание. Звуки погони вновь отдалились. Я привалился к влажной, скользкой стене и взял Либуссу за руку. Наши пальцы сплелись.

А потом, с изумленным вздохом, она оторвалась от меня и исчезла. Упала? Я встал на колени, шаря руками по мостовой. Ее нигде не было. Быть может, она отступила в какую-нибудь нишу? На ощупь я обследовал стену. Ничего.

— Либусса! — прошептал я.— Либусса? — Нога моя задела о ступеньку у глухого дверного проема. Я расслышал какой-то звук, словно бы птица билась в силке. Но Либусса исчезла. Точно в воздухе растворилась. Если кто-то и захватил ее, то, безусловно, не наши враги. Меня обуял настоящий ужас. Я не могу без нее, не могу! Я бросился на дверь, и лицо мое ударилось о камень. Я повернулся... камень... и снова — камень.— Либусса!

Она пропала. *О Сатана, забери мою душу, но только верни мне Либуссу!* Ответом мольбе моей была устрашающая тишина. Ни вопящего в ярости Монсорбье, ни тараторящего невразумительно фон Бреснворта... ни факелов... ни звериных криков. Улица оставалась пустынной. Только алое с золотым сияние Осенних Звезд мерцало на черной тверди небес.

— Либусса!

Кто-то жестокой рукою вырвал сердце мое из груди. Распорол мне живот и достал все внутренности. Она была *мною*! В яростной муке принялся

я колотить рукоятью шпаги по камню стен, таких толстых, что удары мои не отдавались даже самым глухим резонансом. Я бы полжизни, наверное, отдал сейчас за факел или хотя бы за трутницу. Высокие ветхие строения покачивались и шелестели, точно деревья под ветром. Они стонали и вскрикивали от боли. Свет Осенних Звезд как будто помутнел.

Это явилось ужасающим подтверждением самых моих сокровенных страхов. Грядет Черный Владыка! Грядет Зверь, Антихрист! Он несет с собой Хаос и Судный День... Что за бред, право слово. В сердце своем я был все еще рационалистом и демократом. Царство Всеобщего Согласия для меня оставалось единственной разумной целью человеческих устремлений. И с моей стороны было бы просто безумием последовать за этими вождями человечества — демагогами еще похлеще, чем сам Робеспьер! Говоря о Правлении Человека, Либуса и все остальные подразумевают правление элиты, к которой, понятно, относят себя. И, в точности как Робеспьер, они заявляют права на верховную власть именем самых простых людей. Уж лучше признать властелином нечестивого Люцифера, чем какого-нибудь благочестивого тирана!

Может быть, я действительно многого не понимал, как утверждала она? Моя любовь к ней взяла верх над здравомыслием. Я бежал, точно напуганная дворняга, по закоулкам и лестницам, по крытым проходам, заброшенным зданиям. Один раз мне пришлось пролезть в открытое окно. Любимая моя, любимая! Она завладела мною. Никогда прежде не знал я такого экстаза. Я был точно голубь, летящий туда, где ему сыплют зерна. Я носился по кругу. Я едва не утратил рассудок.

А потом я наткнулся на какой-то узел тряпья и едва не упал. Он был теплым, и пахло от него хорошо. Спящая девочка, на вид — чуть постарше двенадцати. Я перевернул ее на спину, лицом — под бледнеющий звездный свет. Глаза ее закатились, и она тихонько всхрапнула. Дитя, без сомнения, пребывало в опиумном забытьи. Губы ее раскрылись, и песня, пролившись наружу, заполнила собою, казалось, всю улочку, весь квартал. Красивая дивная песня с такими нежными переливами замысловатой мелодии, в великолепном исполнении. Она тут же развеяла мое наваждение.

Поначалу я не сумел разобрать слова. Язык был мне совсем незнаком... быть может, древний какой-нибудь диалект Нижнего Града. Грудь спящей девочки вздымалась и опадала в четком, рассчитанном до совершенства ритме. Постепенно песня ее становилась понятнее, в языке ее появлялось все больше и больше славянских корней. Незнакомка пела о корабле, плывущем по медному небу, о блистающем океане, о твари морской, чьим домом был грот в самых темных подводных глубинах, но и этого дома лишилась она. А женщины стояли на самом краю утеса и махали руками, глядя назад, но деревня давно опустела. Только один огонек горел на центральной площади. Солнце изгнали из мира. На старой мачте трепыхался под ветром флаг, а потом его охватил огонь, и вспыхнул он, и развевался, горя, на могучем ветру. Но чашу нельзя ни наполнить, ни осушить. Тор испил из сей чаши. И Геркулес. И все же оба они погибли.

Оба сгинули, пела она. Черный зверь с алыми очами вышел на площадь. В одной лапе держал он чашу, в другой — голову ребенка с суровым ликом. Он поднял черную морду к небу и издал алый рык.

На мир обрушился Хаос! Чашу осушили до дна. Чаша сгинула во тьме. Где они, те мужчины и женщины, что сулили покой и победу? Томятся в плену или нашли свою гибель?

В песне ее поднялось черное солнце. Исполинские всадники выступили с четырех сторон света, возвышаясь над горизонтом. Шлемы их были черного цвета, очи — алого. За плечами у каждого бились крылья. То были ангелы последней битвы, заклятые враги человечества. Они приближались. Подступали все ближе и ближе. А чаша сгинула во тьме!..

Я стоял на коленях, вглядываясь в лицо спящей.

— Ты поешь о Граале? — спросил я на русском. Но она не слышала меня. Она продолжала петь. Древние люди Британии владели чашей, но упустили ее. Персы знали о ней. Она пребывала и в Индии, и в Китае, и во всех христианских землях. Но что это такое, дающее жизнь? Подвигающее людей на рискованный поиск, ведущий к погибели? Всадники направляли неспешно громадных коней своих. Когда будет соткан последний узор, они вырвутся на свободу. Но узор еще не завершен. Никому не дано прозреть будущее, даже Богу. Всадники утверждают, что видят будущее, но они видят прошлое, повторившееся опять. А истинное будущее не откроется никому. Корабль плывет в медном небе, под ним блистает океан, а в темных глубинах его рыщет тварь, что лишилась дома...

Я поцеловал девочку в губы, и песня иссякла. То была песня провидицы, изрекающей невыносимую истину. Девочка снова впала в опийное забытие. Ветхие строения над нами сотряслись беспокойной дрожью. Они кренились и скрежетали —

камень терся о камень. Я дышал, как запыхавшийся гончий пес. Я опустился на мостовую рядом со спящей незнакомкой, пытаясь прийти в себя.

Она неожиданно заговорила самым обычным голосом, но глаза ее оставались пусты:

— Всякий из нас, уроженцев Амалорма, наделен по природе своей неким душевным чутьем. Это — не выбор наш и не какой-нибудь выдающийся дар. Моя интуиция мне подсказывает, что тебе нужно найти Королеву-Козлицу в лесу.

— В лесу? Но, малышка, здесь нет никакого леса!

— Вон там.

Она села и показала — но глаза ее так и остались пусты и незрячи — на брешь в стене, откуда сочился бледный свет лампы: окно, на одном уровне с мостовой. И там не могло быть никакого леса.

— Вон там,— настойчиво повторила слепая.

Я подобрался к окну и заглянул туда, но ничего не увидел. Я протиснулся в узкий проем и свалился в тесную комнатушку, забитую отсыревшими книгами и заплесневелыми пергаментами. Тусклый свет лампы теплился за дверью из толстого стекла. Отодвинув ржавый засов, я открыл дверь и направился к источнику света по короткому сумрачному коридору. Свет стал ярче. Серый камень заблестел. На цепях, что свешивались с потолка, колыхался громадный фонарь. За ним располагался прудик кристально чистой воды, а на той стороне пруда возвышался исполинских размеров дуб, источавший свежий аромат вечнозеленых лесов Аркадии.

Здесь, в Миттельмархе, не было и быть не могло вольтеровой неподвижности природы, и особенно в самом центре его. Я приблизился к этому

дереву — лесу для слепой девочки. Но где же Королева-Козлица? Я огляделся, ища глазами Царицу Козлов, не надеясь, впрочем, найти ее. Принюхался, но ничего не почувствовал, прислушался, но ничего не услышал.

Сжимая в руке рукоять сабли,— что придавало мне уверенности,— я подошел еще ближе к дубу, обогнув прудик по краю. Я вновь убедился, что мною движет некое таинственное предопределение. Но как разгадать его? Я не мог даже сказать, было оно милосердное или злобное. И все же меня оскорбляла сама мысль о том, что нечто — что бы там ни было — распоряжается мной, подавляя свободную мою волю. Я обошел вокруг дуба и наткнулся на грубо сколоченную скамью. На скамье восседала хрупкая старая дама в серебряном венце. Она подняла на меня глаза — добрые, подслеповатые, покрасневшие. У нее была беленькая бородка и заостренные уши, но — в отличие от господина Реньярда — ничто в ее облике не указывало на то, кто она: зверь, человек или гибрид. Ее полные губы раскрылись в беззубой улыбке.

— Малышка прислала тебя ко мне? — Голос ее был высок и легонько дрожал.

— Да, мадам.

— Что тебе было обещано?

— Так сразу сложно сказать, мадам.— С саблей в руке я чувствовал себя неуклюжим и каким-то несуразным. Я осторожно прислонил клинок к дубу. Она заметила мое неловкое движение.— Если вы знаете то, что может представлять для меня интерес, я буду весьма вам признателен. Может быть, мне обещано было убежище. Я спасаюсь от преследования врагов и ищу одну даму, с которой мы были вместе и которая бесследно исчезла око-

ло часа назад. А вообще, все кругом в один голос твердят, что я искал Святой Грааль.— Тут я улыбнулся.

— Малышка жалеет меня,— проговорила беленькая старушка.— Она присылает сюда ко мне всякого, кто захочет прийти. Славное, мечтательное дитя. Если вас оторвали от важных дел, сударь, приношу вам свои извинения. Я не сочту ваш поспешный уход невежливым.

— Прошу прощения, мадам, я, возможно, излишне любопытен, но позвольте задать вам вопрос: что держит вас здесь в одиночестве?

— Я полагаю, привычка, сударь. И мои обезьяны, конечно. Они сейчас спят. И мое дерево. Видели вы раньше такое дерево?

— Нет, мадам. Но я все равно не пойму, где придворные ваши или посланцы других монархов.

— Мы давно вышли из моды.— Она подняла свои красные очи и посмотрела мне прямо в глаза. На губах ее промелькнула улыбка.

— Надеюсь, вы вскоре снова войдете в моду. Быть может, мадам, вы мне подскажете, где искать джентльмена по прозванию Рыжий О'Дауд?

— Рыжий О'Дауд — негодяй и бандит, сударь. Он затеял безумную бойню во всем Нижнем Граде, совершенно бессмысленную и беспричинную. Моя охрана... все четверо... погибли в сражении со слугами глупого гунна. И все же, когда он одержал победу, он не потребовал ничего, не взял никаких трофеев, не стал притязать на какую-то власть. Это очень странно, сударь. Он — настоящая росомаха! Что вам нужно от него? Вы ищете мести?

— Мне сказали, мадам, что он знает, где можно найти Грааль.

— Я тоже об этом слышала, сударь.— Она почесала свою бородку искривленной артритом рукой.— Но я не знаю, где он обитает. Он никого не посещает и никого не принимает. Не издает никаких указов. Вовсе не по-королевски, не правда ли, сударь? Даже как-то неподобающе. Ничего не решается, все пребывает в подвешенном состоянии, и так продолжается вот уже двадцать лет. Он не правит, но и не отрекается от престола. Не взимает никаких податей. Что это, как не дикие поступки неотесанного варвара, сударь?

— Я надеюсь найти ответ, мадам.

— Идите туда, сударь.— Она указала рукою на низенькую дверь.— Раз вы говорите, вас преследуют враги, то вам всего безопаснее будет укрыться там.

— Очень вам благодарен, мадам.

— Это я благодарна вам, сударь. И возьмите факел.

— Если, мадам, я могу сослужить вам какую-то службу...

— Нет, сударь, спасибо. Поесть мне приносит малышка.

Я поклонился, пытаясь поцеловать ее руку, но она не позволила. Тихонько смеясь, она убрала за спину свое скрученное артритом копытце и пожала плечами.

— Удачи вам, сударь.

Я отсалютовал ей саблей и направился к выходу, который она мне указала. Погоня опять приближалась. Я различал уже голоса Монсорбье и Бресворта — словно отдаленный собачий лай. За спиной у меня Королева-Козлица неожиданно проговорила:

— Будь Тезей больше верен своей Ариадне, ей, может быть, не пришлось бы пролить столько слез. Но познает ли мир столь могучую битву?

Это явно была цитата, но я не сумел распознать — откуда. Снова Тезей! Похоже, Крит был повсюду. Тревожное, надо сказать, состояние для рационального человека, который не сумел даже одобрить классических притязаний французского парламента и человека; чей латинский и греческий всегда оставляли желать лучшего. Что же касается упомянутого героя, я знал о нем только то, что он имел пагубную привычку похищать нежных девиц, и это имело весьма неприятные последствия для слишком многих афинян (по крайней мере, доставила им ощутимые неудобства), и что, убив по недоразумению родного своего отца, он сделался царем Афин... Были и другие легенды. О том, как он сразил в битве последнего из чудовищ древней Земли и положил конец царствованию богов. Не эту ли битву имела в виду Королева-Козлица?

За дверью начинались каменные дебри. Я двинулся вперед, полностью положившись на замысловатую схему подземелий Нижнего Града и вверив жизнь свою милосердному Провидению. Я решил, что попробую все же найти Либуссу, если же не сумею, тогда попытаюсь вернуться к князю Мирославу и попросить помощи у него.

Либусса! Я люблю тебя!

Разум мой, кажется, отключился — я шел наугад, не разбирая дороги, по глухим коридорам и узким лестницам, что уводили меня все ниже и ниже, в темные недра Амалорма. Факел давал достаточно света, но дрожащее пламя его не защищало от стужи. Я бы многое отдал за теп-

лый плащ! Меня бил озноб, зубы стучали. Я остановился перевести дух на площадке между двумя лестничными пролетами, вперив невидящий взор в какую-то золотистую дымку, разлившуюся внизу. Я даже не сразу сообразил, что вижу первые лучи рассвета!

Это насторожило меня. Я, вполне очевидно, находился теперь под землей, но воздух здесь был таким свежим и теплым, каким он бывает весною в Саксонии! Однако потребность тела в тепле и удобстве пересилила нарастающую подозрительность, и я продолжил спуск. Лестница привела меня в громадный зал с высоким, как будто отвесным, сводчатым потолком, изукрашенным замысловатою росписью и узкими окнами, сквозь которые лился свет. Я как будто вошел в неф готического собора. Витражи на окнах представляли простые сцены из сельской жизни, сработанные рукою неизвестного гения, но что-либо разглядеть сквозь них было никак невозможно. На дальнем конце почти пустого зала стояли скамьи из темного оникса, резное деревянное кресло и стол — там сидела какая-то сумрачная фигура. Сидящий сделал мне знак подойти поближе.

— Наконец-то, фон Бек, выпало мне удовольствие поприветствовать вас у себя. Вы, как я вижу, совсем не похожи на моего давнего друга, вашего предка. Хорошо, что вы все-таки разыскали меня.— Я не разобрал, мужчина это говорит или женщина. Луч света, что падал из дальнего окна, слепил мне глаза и мешал разглядеть лицо, окутанное свечением, точно сияющим покрывалом. Я моргнул и поднес руку к лицу, чтобы защитить глаза от слепящего луча.— Друг мой, у вас есть одно преимущество.

— Я только об этом и слышу в последнее время, сударь.

Я все еще держал в руке горящий факел. Необходимость в нем отпала, но я не сумел найти здесь ничего, обо что его можно было бы потушить или хотя бы — куда поставить. Теперь я попытался защитить глаза, прикрывая лицо клинком сабли. И не то чтобы свет этот был необычно ярким, просто он обладал неким странным свойством: он как будто дрожал,— зыбкий, непостоянный,— именно зыбкость его, а не яркость ослепляла меня.

Фигура поднялась. Силуэт ее окружала блистающая аура, и я сумел разобрать только, что незнакомец хорошо сложен и высок. Лицо его оставалось сокрыто сиянием, но у меня создалось впечатление небывалой, неземной красоты.

— Сударь, не соблаговолите ли вы разъяснить мне, где я и с кем говорю.

— Отчего же нет, сударь. В данный момент вы находитесь в промежуточной сфере, ибо половина этой комнаты пребывает в царстве земном, другая же половина ее — в Преисподней. И хотя называют меня многими именами, мне всего предпочтительнее — Люцифер. Тот самый, кто заключал сделку с графом Ульрихом, сударь.

Я не поддался так просто. За последние дни я познал уже столько обмана, что подобное заявление никак не могло убедить меня.

— В это трудно поверить, сударь.

— И тем не менее это так.— Голос его был мелодичен, а сам он держался с неподражаемой грацией. Люцифер шагнул мне навстречу. Только тут я заметил, что рост его составляет никак не меньше двух с половиною ярдов! — Я не могу предложить вам заключить со мной сделку, рыцарь фон

Бек. Не могу я и вознаградить вас как должно. У меня, понимаете ли, есть свои обязательства, которые я должен чтить. Но у меня есть подарок для вас.

Моя неуверенность все возрастала. Даже если он не Дьявол, то, вне всяких сомнений, наделен небывалым, великим могуществом. И снова мой страх проявился в этакой неуместной веселости:

— Будь я проклят, сударь, но меня с детства учили не доверяться дарам Сатаны. Разве эти дары не приводят к весьма неприятным последствиям для тех, кто решится принять их?

— Я не стану вас уговаривать, сударь. Я обещал не использовать обмана для достижения своих целей. Ваш предок, *Krieghund*, сослужил мне великую службу, добыв Грааль. Это он вызвал движение потока событий, каковой и привел к нашей нынешней встрече. Не напомните ли вы мне, сударь, тайный девиз вашего рода?

— *Тебе исполнить работу за Дьявола.*

— Точно так, сударь. И в чем же она заключается, эта работа, как вы полагаете? — Его голос, красивый и нежный, баюкал меня, но я все-таки не поддался его гипнотическому воздействию, хотя это стоило мне немалых усилий.

— Честно сказать, я до сих пор еще не разобрался, сударь.

— Нести гармонию человечеству. Искать лекарство от Боли Мира. Однако вам на собственном опыте довелось убедиться, что определенные политические эксперименты не могут унять эту боль. И вот теперь наступает то, что алхимики называют «Согласием Светил». Вам понятно их рвение, сударь?

— Я буду дьявольски вам признателен...— Тут я в смущении умолк и поправился: — Буду весьма вам признателен, сударь, если вы потрудитесь просветить меня в этой области.

— У них есть шанс изменить ход истории. Изменить самые принципы, что лежат в основе деяний человечества. Тот, кто достигнет доминирующего влияния во время Согласия Светил, изберет *метод*, определяющий, спасении Человека.

— Но все пути ненадежны, так, сударь?

— Все пути ненадежны. Однако я не в том теперь положении, чтобы открыто выказывать свои пристрастия.

— Но ведь вы уже выказали их, сударь, иначе меня бы здесь не было, верно? Если только вы — действительно Люцифер!

— Но ведь неизвестно, что *вы* изберете, фон Бек. Откуда мне знать? Я полагаю, вы заключили союз с герцогинею Критской.

— Похоже на то... да, сударь. Если только она еще жива.

— Я хорошо знаю ее семью. Выдающиеся умы, все они — пытливые, ищущие, испытующие. Они и прежде уже помышляли добыть Грааль. И вы теперь тоже ищете чашу, верно? Снова ищете чашу? Кто знает, быть может, Грааль чует кровь фон Бека и ожидает верного своего друга. Или он сам придет в руки к вам, отыскав какой-нибудь таинственный путь? Как вы думаете?

— Я так не думаю. Я вообще не задумываюсь о Граале. Все эти загадки... у вас больше возможностей подобрать к ним ключи, нежели у меня.

Похоже, упрямство мое доставило ему самое искреннее удовольствие. Он тихонько рассмеялся.

— Я не могу открыть вам, где теперь пребывает Грааль, равно как и то, под какой он сокрыт личиной. Также я не могу прозреть, что станет с нами, когда вы найдете его. Окажет это благотворное воздействие на развитие событий или же принесет вред нам обоим! Но я — Люцифер, Дитя Утренней Зари. Такова природа моя — рисковать. Я рискну, сударь, и поставлю на вас, как поставил когда-то на вашего предка, и я очень надеюсь, что вы станете действовать к обоюдной нашей выгоде!

— Поставите, сударь? Рискнете? А мне говорили, что Бог уже отдал земные царства в безраздельное ваше владение.

— Воистину так.

— Но тогда ваша власть должна быть беспредельной. По крайней мере, достаточной, чтобы определять ход событий! Любую судьбу!

— Мое соглашение с Богом включает, в частности, пункт о том, что я не могу вмешиваться в ход событий. Я могу лишь наблюдать за тем, что само человечество делает для своего спасения. Эмиссары мои — только те люди, чья независимость мысли сформировалась уже в полной мере. Как у вас.

— Это, сударь, звучит как известная лесть Сатаны.— Я действительно искренне изумился.— Вы говорите сейчас о Клостергейме? О Монсорбье? Фон Бреснворте? Обо всей этой шайке, что пытается достать меня?

— Никто из них мне не служит, фон Бек. Те, кто без стеснения использует имя мое, могли с тою же легкостью прикрывать деяния свои именем Божьим, если бы только они посчитали, что это лучше послужит их интересам. Они отождествляют меня со своими глубинными извращенны-

ми устремлениями властвовать над человечеством. Клостергейм, получи только возможность, привнес бы войну и на Небеса, и в Ад. Его отношение ко мне весьма специфично. Нет, я не отрицаю, во мне есть и дурные, порочные черты; но в то время, как я презираю их и пытаюсь их укротить, они, эти «слуги» мои, поют им хвалу. И повторяю: растленные существа — такие же слуги мне, как Клостергейм слуга Господу Богу.

— Сударь, я верю вам на слово: вы — Сатана. Но я должен знать, каково наше с Либуссою место в сем грандиозном плане?

— Она полагает, что вы с нею — две половинки одного яблока.

— И она вам не служит?

Он пожал плечами.

— Как знать? Если воля ее сильна, она может добиться всего, на что притязает для вас обоих, и установить, что — реальность, а что — пустая абстракция. Теперь ей дан шанс — как и всем остальным — воплотить свои мечты в жизнь. Я бы даже сказал: она сильнее их всех. Но она, сударь, может вас уничтожить в конечном итоге и тем самым разбить и мои надежды. Выбор, мне кажется, будет зависеть от вас...

— Я так и не понял, как можно *сотворить* новую реальность.

— Это возможно только в период Согласия Светил. И лишь проявлением непоколебимой воли. Сдвиньте границы человеческого восприятия мира, и вы тем самым пересотворите мир заново. Как вы, сударь, сами должны понимать, ставки в этой игре велики.

Такая перспектива легла на сердце мое тяжким грузом.

— Так зачем вы меня сюда привели, сударь?

— Не я вас привел — вы пришли сами. Вы мне делаете честь, полагая, что я направляю пути ваши! Начиная еще со Швейцарии, я пытался как-то встретиться с вами. В Праге, в Карпатах... Но я не сумел застать вас одного! Не было случая, чтобы вы оставались одни на достаточно долгое время. Да, у меня были причины желать встречи с вами... вы, разумеется, знаете о Парацельсе? Как утверждают, он был творцом всех основополагающих идей вашей современной философии.

— Да, Клостергейм упоминал это имя совсем недавно. Иные его почитают великим алхимиком и утверждают, что его жизнь легла в основу историй о Фаусте. Другие считают его шарлатаном. Но все согласны в одном: он пил слишком много, и никто не стремился прибегнуть к его услугам.

— Все утверждения эти верны. Он обладал выдающимся интеллектом — настоящий новатор в области безошибочной интуиции. И запросы его были весьма неуемны. И в логике его, и в репутации имелись существенные изъяны, но, возможно, только такая личность... самовлюбленная, потворствующая всем своим слабостям... и сумела бы вычертить карту извилистых троп к новому пониманию...

— В наши дни, сударь, точка зрения эта весьма популярна. Клостергейм упоминал некий меч.

— Вот именно, сударь! — Мое замечание, похоже, доставило демону искреннее удовольствие.— Этот меч оберегал Парацельса от врагов. Несмотря на всю его невоздержанность... кого бы он ни оскорблял... что бы ему ни грозило... меч всегда выручал его. Одной пьяною летнею ночью,— здесь, в Майренбурге,— как раз перед тем, как вернуться

в Прагу, Парацельс пустился во все тяжкие. Предпринял основательный, прямо скажем, поход по девкам и кабакам, да так, что и сам подпал под чары своих способностей к питию и продолжительному услаждению плоти. В этом пьяном угаре он в конце концов обменял меч на — привожу его собственные слова — благосклонность сифилитичной шлюшки и две бутылки дрянного молдавского вина. И вскоре, как вы, наверное, уже догадались, сударь, он погиб при весьма загадочных обстоятельствах. Гибель эта добавила новые штрихи к легенде о нем. А человек, получивший меч, вскоре понял, что предмет сей — слишком могуч для него и странен. Он не на шутку перепугался и благополучно избавился от меча, вручив его одному марокканскому завоевателю, который, как только сообразил, чем именно он завладел, тоже встревожился не на шутку. Клинок этот — вещь необычная, и владеть им непросто.— Люцифер прошествовал через зал. Солнечный свет как будто следовал за исполинским его силуэтом. Я сумел мельком узреть черты, поражающие неземным совершенством, и так и застыл в восторженном благоговении.— Он закопал его. Глубоко-глубоко. Джентльмен же, который впоследствии извлек меч из-под земли, обменял его, как он думал тогда, на бессмертную свою душу. Я хочу, чтобы вы знали: я давно уже отказался от всех притязаний на этот счет. Души, как и живые люди, ожидают, чем закончится мое правление этим миром. Эмиссар мой, возможно, имел весьма смутное представление о данном вопросе. Но, как бы там ни было, он добыл Меч Парацельса, а я сохранил его у себя.

У меня возникло вдруг ощущение, что Люцифер улыбается, хотя за завесой света я не видел

его лица. То была моя мама, Либусса, отец мой, мои грезы о спасении Человека — все, что я любил в этой жизни! Мне хотелось упасть перед Ним на колени!

— Он здесь, фон Бек.— Жест его был изящен, нежен. Я напомнил себе, что Он все-таки ангел, пусть даже и падший, и в том, что я так поражен его дивным присутствием, нет ничего удивительного. В дальнем конце зала, за столпом солнечного сияния, что-то вспыхнуло, что-то сверкнуло. То мог быть некий изменчивый камень или даже живая плоть. Как во сне я шагнул вперед — еще шаг, еще — и неуверенно остановился. Сияющий солнечный луч все еще отделял меня от меча с длинным клинком и закругленною рукоятью, что стоял прислоненный к стене, словно оставленный здесь по небрежности.

— Погасите факел, сударь,— приказал мне Люцифер.— В огне его нет теперь необходимости. Положите его на пол. От этого не будет вреда.

Я подчинился ему: положил факел на пол. И свою саблю тоже. Я вступил в солнечный луч и ослеп на мгновение. И все же я видел его, этот меч. Я протянул к нему руку. Волшебный клинок. Он не мог быть ничем иным — только волшебным клинком! Пальцы мои коснулись его рукояти, и словно молния прошла по моей руке!

— Вы все же будьте с ним поосторожнее, сударь,— предостерег меня Люцифер, и я отступил.— Но отныне меч этот принадлежит вам. Как только поднимете вы его, он перейдет в безраздельное ваше владение.

Ладонь моя легла на потертый синий бархат рукояти. Я сжал пальцы. Я держал меч. Он казался необыкновенно тяжелым.

А потом я поднял его — Меч Парацельса. Набалдашник его рукояти представлял собой шар, вырезанный из рубина, и внутри этой сферы узрел я птицу. Орла, заключенного в прозрачный камень. Его медные крылья бешено бились. Он стремился на волю, к небу, но парил внутри шара. Клюв его раскрывался в неслышном пронзительном крике. Он выпустил когти, как будто готовясь сразить свою жертву. В глазах его было безумие. Дивный орел — пленник рубиновой рукояти. Наконец я ощутил себя готовым противостоять всему, что мне угрожает!

— Грааль движется по своим путям, и его уже нет в Преисподней. Может быть, ему суждено определить наши судьбы, фон Бек. Как знать? Лишь об одном я прошу вас, сударь, пусть меч сей послужит к обоюдному нашему благу. Это все, что могу я вам дать...

Я повернулся, чтобы поблагодарить князя Ада, но в зале остался лишь голос:

— И запомните: я ни в чем не могу вам указывать. Получив этот меч, вы не обязаны мне ничем. Никаких соглашений и сделок. Я лишь надеюсь, что вы не забудете о вашем фамильном гербе... тайном гербе... и того, что начертано на щите его...

— Тебе исполнить работу за Дьявола! — Я поднял еще выше чудесный меч, наслаждаясь ощущением совершенного баланса клинка. Однажды мне довелось уже познать этот восторг — малую его часть,— когда я возлежал с Либуссой. Переполненный бурною радостью, я рассмеялся. Все мои страхи исчезли, все тревоги о будущем, весь отвратительный ужас перед неумолимой судьбою.

— Если вы все же решитесь исполнить работу мою, фон Бек, умоляю вас об одном — Пусть она будет исполнена...

Свет в окнах померк. Громадная, хладная тьма залила каменный зал — Люцифер вернулся к себе в Преисподнюю. Я поднял догорающий факел. На раскрошенный гранит легли густые тени.

Голос его обратился в далекое эхо, в шепот, в воспоминание:

— Это все, что могу я вам дать... Все остальное зависит от вас... только от вас...

Я поймал себя вдруг на том, что улыбаюсь. Я, казалось, расту, увеличиваясь в размерах,— и вот я стал больше самой вселенной. Я заключал в себе космос и сам был его частью! Мы стали Едины. Я был всем человечеством!

И я держал в руках меч. Волшебный меч.



ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Слабое утешение. Столкновение Фантазии и Реальности. Обезьяны, полоумная девочка и еще один труп. Может, согласие людей прообраз согласия светил? Дальнейшие ловушки и хитросплетения. На Сальзкахенгассе — в погоне за прекрасной дамой!

Я вернулся на поверхность тем же путем, задавался вопросом: удавалось ли прежде кому-нибудь этак небрежно вступить с Преисподнюю и с такой легкостью выйти оттуда? В одной руке я держал саблю Монсорбье, в другой — тлеющий факел. Меч Парацельса с алою рукоятью, в которой клубился рубиновый вихрь и бился плененный орел, висел, спрятанный в ножнах, у меня на поясе.

Теперь я едва ли не смеялся про себя. С того момента, как я покинул Париж, я, вопреки всему своему хваленому рационализму, все больше и больше подпадал под влияние потустороннего и сверхъестественного! А тут еще мне сообщили, что, быть может, будущее мира зависит от меня. Даже если такое возможно, ответственность, что легла вдруг на мои плечи, вовсе меня не радовала. Допустим, что в некоей точке таинственного процесса миротворчества мне дана была сила... могу я ее передать той, кто действительно насладилась бы ею: моей герцогине?

Я вышел на какую-то узкую улочку, загроможденную дрожащими зданиями. Воздух был пропитан горечью. По сравнению с этим каменным «муравейником», откуда я только что выбрался, небо казалось едва ли не сияющим, и я различал силуэты кренящихся башен, что окружали меня со всех сторон, загораживая горизонт — мутно красный, бледнеющий местами до малиновых и голубых тонов, словно нависающий над громадными звездами. Мне вдруг пришло в голову, что если Майренбург и в самом деле лежит в самом центре Миттельмарха (или Астрального Соответствия, или, быть может, и того и другого), тогда получается, что Нижний Град, этот темный тупик, является как бы глухой сердцевиною Майренбурга, единого целого, возведенного по краю бездонной ямы. То есть город как бы выступает защитным барьером для некоей впадины, пустоты... некоего *Отсутствия.* Мысль эта так взволновала меня и расстроила, что я поспешил поскорее прогнать ее.

Я не знал, сколько сейчас времени. И определить это было невозможно. Я так устал, что казалось, еще немного — и я просто свалюсь в беспа-

мятстве. Должно быть, утро уже настало. Оставив все свои устремления и надежды, я решил вернуться к князю Мирославу, чтобы заручиться помощью его и шевалье де Сент-Одрана. Быть может, некий алхимический ритуал русского князя призвал Либуссу обратно, и я теперь только зря трачу время, пытаясь ее разыскать в Нижнем Граде. Но одно дело — решить, другое — исполнить решение. Я не знал, куда мне теперь идти, не разбирал уже, где право, где лево, где юг, а где север. Мне оставалось лишь подниматься наверх и надеяться, что посреди этих пляшущих зданий я в конце концов разыщу хоть какой-нибудь указатель.

Перед глазами у меня все плыло. Чувства мои деформировались, исказились. Взору моему и слуху представлялись какие-то фантастичные картины, я почти уже не воспринимал окружающую реальность. Я чувствовал: мне нужно как следует выспаться, прежде чем продолжать свои поиски. Темные строения походили на плакальщиц, сгрудившихся вокруг гроба. Они раскачивались и выли, протяжно и скорбно. Я заставил себя пройти еще несколько ярдов и выбрался на крохотную площадь, посреди которой располагался древний каменный колодец. Дома вокруг площади неподвижны. Это тихое место порождало ощущение спокойного уединения. Мне оно показалось достаточно безопасным. Я уселся прямо на мостовую, привалившись спиною к заросшему мохом граниту колодца, и попытался осмыслить то положение, в котором теперь оказался. Я потерялся...

Не прошло, наверное, и двух секунд, как голова моя склонилась на грудь и я провалился в сон. Когда же я вновь поднял голову, то не знал, сколько времени я проспал. Плечи, спина и седалище бо-

лели невыносимо. Я чувствовал настоятельную необходимость облегчить мочевой пузырь.

Я поднялся на ноги, напряженный, точно священник, забредший в бордель, и тут же застыл в изумлении: на меня словно бы накатила волна белого меха,— обезьяны, некая разновидность больших бабуинов, белоснежно-белые, с красными глазками и черными мордочками, окружили меня со всех сторон, скакали, тараторили. Они скалили зубы в улыбке, тянули меня за одежду.

— Джентльмены,— взмолился я.— Оставьте меня на минуточку, пожалуйста.— Но они не могли уразуметь моих слов. Вцепившись в оба моих клинка, они потащили меня через площадь, по какому-то крытому проходу во внутренний двор и дальше — через громадный зал, стены которого были отделаны истершимися золотыми пластинами, отражавшими отблески пламени, к старому дубу, что рос в самом центре. Дерево источало свежий аромат леса. Здесь я давеча разговаривал с Королевой-Козлицей. Но теперь старой дамы не было, ее скамья пустовала.

На другой стороне пруда стояла полоумная девочка. Та самая, что пела мне дивную песню, лежа на улице в наркотическом забытьи. Сейчас она пела на языке Майренбурга, тем же чистым — точно хрустальный колокольчик — голосом, пела то, что должна была проговорить:

— Она мертва. Мертва. Королева-Козлица мертва.

Белые обезьяны отступили к золоченым стенам, словно в благоговейном почтении. Припав к полу, они смотрели на нас.

— Когда я ее видел, несколько часов назад, она казалась вполне здоровой и бодрой.— Я воз-

высил голос, пытаясь привлечь внимание девочки, но глаза ее оставались пусты и незрячи.

— Она и была здоровой. Здоровой, сударь, и полной жизни. Она была полной жизни. Но люди убили ее. Ее, сударь, убили люди.— Лицо ее сдвинулось, повернувшись в мою сторону. А потом, постепенно, ее взгляд сфокусировался на мне.

Душа моя отказывалась примириться с таким злодеянием.

— Ее убили?

— Убили, сударь, те самые люди, что преследуют вас. Их предводитель убил ее.

Я с трудом ворочал языком. Потрясение и печаль комом встали в горле. К тому же я еще до конца не проснулся.

— Монсорбье?

— Такой бледный, сударь. Это он — Монсорбье?

Я покачал головой.

— Он тоже достаточно бледен, но ты, сдается мне, говоришь сейчас о Клостергейме. Но зачем он убил твою госпожу?

— Потому что она помогла вам, но им помочь отказалась.

— Как, малышка? Как он убил ее?

— Зубами, сударь. И шпагой.— Глаза девочки помутнели от ужаса.

Я застыл, пораженный тем же темным ужасом.

— Просто так! — И Клостергейм был предводителем их. Он всегда был их предводителем! Неужели Либусса моя тоже в сговоре с ними?

Обезьяны разом скакнули вперед, окружили полоумную девочку и подняли ее на волосатых руках. Она указала на ветви дуба. Что-то лежало там, в колыбели листвы. Хрупкое бездыханное тельце. Королева-Козлица, вся в крови, что пролилась

из десятка глубоких ран. Самая ужасная рана зияла у нее на горле.

— Она не сделала никому ничего плохого! — Я шагнул к дереву и заплакал.— О мадам, их злоба поражает даже невинных. Почему? Почему они убивают так?

— Сердца их переполнены завистью,— пропела девочка.— Они полагают, что все, чего добиваемся мы, прилагая столько усилий, можно взять просто так. Что все это дается судьбою. И этот ваш Клостергейм, он ненавидел мою королеву. Он назвал ее Матерью Сатаны. Миллион лет прошло, сказал он, но теперь она заплатит сполна за свое преступное деяние. Он утверждал, что она зачала в своем чреве Дьявола! Она не стала ему возражать. Она была старенькой. Она говорила, что ей уже восемьдесят два года. И теперь мне уже некого утешать.

Тогда, в своей ярости и печали, я не испытывал почти никакого сочувствия к этому ребенку, лишившемуся, быть может, последней радости в жизни.

— А ты как думаешь, малышка, служила она Люциферу?

— Теперь мы все Ему служим, сударь.— Она встала у скамьи и прикоснулась рукой к древесному стволу. Обезьяны наблюдали за нею.— Я видела, кто вы, сударь. Я предупредила ее, что вы несете с собою смерть. И все же тогда еще я не узнала вас... когда вы держали меня, а я пела. Я не узнала в вас, сударь, тот мрак, приход которого предрекала сама... «Мужчина то или женщина?» — спрашивала она. «Я не вижу»,— так я отвечала.— На этот раз я не вижу. Единое существо, в коем слились оба пола». Я не узнала вас, сударь. И послала вас к ней.

— Черт возьми, девочка,— вырвалось у меня,— если ты и вправду провидица, то предсказания твои слишком тревожны. Ты действительно видишь все это?

Взгляд девочки затуманился. Она запрокинула голову и невидящим взором уставилась на бездыханное тельце в ветвях.

— Я вообще ничего не вижу, сударь, я ведь слепая. Я просто певица, которая чувствует и наделена даром речи. Всякая речь совершенна, сударь. Это только слова грубы и незрелы. И все же я до сих пор не могу разобрать ваш пол, хотя я называю вас «сударь» и вы обращаетесь ко мне, как стал бы обращаться мужчина, и одеты как мужчина. Но вы, быть может, и женщина тоже?

В тот момент я не смог ответить ей однозначно и искренне. Тело, данное мне от рождения, было поставлено под сомнение. Я попытался отшутиться и выдавил какую-то жалкую фразу насчет того, что об этом надо бы спросить у той, кого я теперь ищу. Я обхватил себя руками и тут же вспомнил о своем теле. Оно как будто вернулось ко мне. Я грубо проговорил:

— Мне, девочка, в данный момент настоятельно необходимо справить малую нужду. Подождика секундочку, я тебе покажу, какая я женщина.— С тем я расстегнул штаны и, приспустив кальсоны, с превеликим удовольствием облегчился прямо в пруд.— Как выяснилось, я — мужчина, малышка.— Сунув саблю под мышку, я завершил начатое, потом опустил глаза и стал разглядывать Меч Парацельса у себя на поясе. Рубин на рукояти его пульсировал алым светом.

— Значит, женская половина должна быть где-то поблизости,— пропела слепая.

И тут меня проняла дрожь. Безо всякой на то причины.

Обезьяны тихонечко подобрались к пруду. Они наблюдали за мной. Половина из них тоже принялась справлять нужду. Сводчатый зал наполнился не слишком приятным запахом. Песня девочки обратилась в мелодию без слов. В ветвях громадного дуба спала беспробудным сном белая Королева-Козлица, одетая алою кровью. Все эти контрасты и парадоксы вывели меня из душевного равновесия. Для моего приземленного разума узор судьбы был слишком велик. Но даже я мог бы с уверенностью утверждать, что то был узор, совершенный в своей симметричности, а не Хаос, принявший личину Порядка. Тот самый Хаос, что предшествует Последней Битве. «К тому же,— словно в каком-то тумане подумал я, — как вообще может свершиться Великая Битва, если одна из сторон отреклась от своих притязаний, а вторая — притворилась миротворцами?»

— Может статься, что мир окажется беззащитным, когда свершится Согласие Светил,— пела безумная девочка, и песня ее отзывалась тревогой в душе моей,— когда воля личности возобладает над волей толпы. И тогда можно будет менять реальность. Не потому ли теперь все вступили в борьбу, и с такою отчаянной яростью, сударь? Они хотят, чтобы воображение каждого не встретило сопротивления? Но разве все это вернет смысл бессмыслице, добрый господин? Не потому ли нужно истребить все соперничающие мечтания, и тогда одно — или же несколько, пребывающих в согласии друг с другом,— возымеет преобладающее влияние?

— Дитя мое, я не желаю и дальше выслушивать эти загадки,— воскликнул я.— Не спрашивай

больше, прошу тебя! Я скорблю о смерти твоей госпожи. Мне действительно очень жаль. Если мне выпадет случай, я отомщу за нее. Но твоя Вышняя Мудрость... она недоступна моему пониманию и сильно смущает меня. При всем уважении, малышка... умерь свои оккультные прозрения!

— Вы, сударь, противитесь истине.

— Вот именно. И противлюсь изо всех сил. Тебе известно больше, чем самому Люциферу?! Или...— меня поразила внезапная мысль.— Может быть, Люцифер сейчас говорит твоими устами? Может быть, ты — Сатана, малышка? Но разве, согласно вашему договору, вам не запрещено принимать различные формы?

— Я больше не буду петь об этом, сударь.— Теперь песня ее изливалась в нисходящей гамме.— Больше я не стану петь нежеланных песен...— Мелодия иссякла. Слепое дитя умолкло.

Я задышал тяжело и часто. Выстроившись гуськом, обезьяны побрели вокруг пруда, который больше уже не пах ни моею, ни их мочою. Лес этот не будет изгажен и осквернен, даже после того, как королева его умерла. Громадный дуб восторжествовал над всем. Листва его источала дивный аромат. Обезьяны сгрудились под сенью исполинского древа: они бормотали, ворчали и выли. Они вновь затянули свой траурный плач.

Слезы застилали мне глаза. Слезы блестели на щеках слепого ребенка. Погребальная пляска обезьян была исполнена неторопливым величием. Они поднимались на задних лапах, распростав длинные руки — белый мех колыхался тысячами оттенков,— и вновь опускались на все четыре лапы и раскачивались под огромным древом. Слепая девочка снова запела, изливая без слов свою боль.

А потом все закончилось.

Со стен сняли факелы и свалили их у подножия дуба. Древесина медленно обуглилась. И даже тогда, когда пламя взметнулось к ветвям на самом верху, поднялось по стволу, прикоснулось к бездыханному телу, древо осталось неуязвимым. Даже сгорая в огне, оно воскрешало себя. Я наблюдал, пораженный, и плакал. Я все еще плакал.

Но песня девочки вдруг изменилась. Обратилась в предостерегающий вопль. Она повернула голову, глядя слепыми глазами мне за спину. В дверях стоял Монсорбье. Быть может, его привлекла ее песня. Может быть — свет. В руке он держал новую саблю. Лицо его больше не было ни утонченным, ни красивым. Его исказила некая устрашающая неуемная алчность, которую даже нельзя назвать. Из второй темной арки в зал медленно выступил Клостергейм, из третьей — фон Бресворт. Выходит, они устроили мне засаду. За ними маячили лица их верных приверженцев — лица, выступающие рельефом в отблесках пламени погребального костра, с такими зверскими, лютыми выражениями, какие встретишь не у всякого зверя. Какой контраст составляли они с озадаченными мордочками обезьян, которые в недоумении крутили головами туда-сюда, глядя на этих жутких мужчин и женщин!

Я с благодарностью отметил, что Либуссы среди них не было.

— А-а, Клостергейм, как же вы опустились до такого малодушного убийства? — спросил я его.— Вы ведь хотели, чтобы мы с вами были союзниками.

— Такая возможность еще остается.— Он был холоден и с такой силою стиснул зубы, что голос

его вырывался наружу мучительным шепотом. Мне показалось даже, что он жалеет об этом своем порыве, но притом не отступится от избранного им курса, каковы бы ни были последствия свершенного им злодеяния.— Вы еще можете присоединиться к нам, фон Бек. Теперь мы все должны объединиться — все, как один,— чтобы исполнить общее наше дело. Если же мы откажемся это сделать, тогда нас всех надо немедленно вырезать, точно опухоль с пораженного раком тела.

— Никаких компромиссов, фон Бек,— выкрикнул Монсорбье и хохотнул с этакой тошнотворной ухмылкой.

— Нам надлежит вырвать эту планету из рук того, кто теперь правит ею,— продолжал Клостергейм.— В этом все мы едины, фон Бек. И вы тоже были согласны. Нет никакой нужды погибать.

— Я не желаю иметь ничего общего с теми, кто убивает беззащитных старух.— Труп уже скрылся в сиянии пламени. Пламя впитало в себя ее кровь. Пламя было частью единого существа: королева, дуб, прудик. Само присутствие здесь этих выродков-убийц казалось осквернением, богохульством.— Я — ваш враг, Клостергейм. Когда-то я вам сочувствовал, я вас жалел. Но теперь — все. Хватит. Вы — создание, самою судьбой обреченное совершать безрассудные злодеяния. Обреченное на неминуемое саморазрушение, слепое, бессмысленное. И вы вполне заслужили этот удел!

Клостергейм пожал плечами.

— У вас, сударь, остался единственный шанс,— проговорил Монсорбье. Каким бы безумием ни был он одержим еще пару мгновений назад, теперь он, похоже, пришел в себя и вновь обрел надменность и властность А потом его голос опять стал

вкрадчивым и лукавым: — Иные бы вас отвергли без разговоров. Но мы снисходительны и милосердны. И принимаем вас. Присоединяйтесь.

— Те, кто не с нами, обречены. Их ждет неминуемая погибель,— как попугай, протараторил фон Бреснворт. Я сомневаюсь, что он вообще понимал значение произносимых им слов. Он словно декламировал тщательно отрепетированную роль.

— А где доказательства? — Отвращение и ярость придали мне мужества. В правой руке я сжимал саблю. Мечом я решил пока пренебречь. Я пока еще не доверял магии.— Вы говорите о неминуемости судьбы, но подразумеваете «безысходность». Вы напуганы, точно ослы, застигнутые грозой. Никто из вас — даже Клостергейм — не понимает сути того, о чем все вы вещаете с таким пылом. И вот вы все сбились в кучу и назвали себя Сплочением. Вы — лицемеры. Вы лгали даже себе, и теперь вам придется за все расплатиться.— Я отступил на три шага и, встав спиною к горящему дубу, рассмеялся прямо в их злобные лица. Мой самообман, по крайней мере, сулил некое наслаждение. Их ложь не несла с собой ничего, кроме ужаса и вины.

Им не терпелось ответить немедленно на мой дерзкий вызов. Но даже Монсорбье — лучший из них — теперь колебался. И только Клостергейм оставался невозмутимым.

— Оставьте эту притворную сентиментальность, фон Бек. Люцифер предал мир. Он предаст и вас тоже. От отрекся от силы и власти. После того, как свершится Согласие Светил, свергнуть его не составит труда.

— Вы лжете, сударь. Я знаю, к чему вы стремитесь: воссоединиться с единственным существом, которого вы любили за всю свою жизнь. Если бы

Он сейчас призвал вас обратно в Ад, вы поползли бы туда на брюхе, лишь бы только Он принял вас. Он так и остался хозяином вашим, не важно — решит он использовать вас или нет!

— Это грязная ложь!

Я рассердил его. Честно сказать, я и не думал, что мне удастся задеть его с такой легкостью. Он вытащил шпагу из ножен и направился прямо ко мне с очевидным намерением прикончить меня на месте — точно фермер, подкрадывающийся к цыпленку,— не задумываясь о том, каково будет возмездие.

— Иоганнес Клостергейм,— выкрикнул Монсорбье.— Мы же условились. Фон Бек должен присоединиться к нам, иначе план наш потерпит крах. И нам нужно еще убедить эту женщину!

Я воспрял духом. Меня охватил трепет чистого наслаждения. Я не позволю себе погибнуть, пока она — моя герцогиня — противостоит этой своре. Вера моя, уже было угасшая, засияла с новой силой. Но только где же она, Либусса? Быть может, она уже отыскала Грааль и поэтому все они и пребывают в таком злостном отчаянии?

Обезьяны вокруг горящего дуба беспокойно заерзали. Слепая девочка тихонько запела, словно для того, чтобы их успокоить. Отблески пламени оживили застывшие лица этого жуткого братства. Быть может, эти душевнобольные в предвкушении легкой победы старались все же сохранить некоторое подобие здравомыслия, пусть даже видимость его. Но мы с Либуссою, прервав их черную мессу, выбили их из сего неустойчивого равновесия. За спиной у меня в скорбном ритме раскачивались обезьяны, передо мною стояли жрецы темных таинств, многие в остроконечных капюшонах, жаж-

дующие моей крови. Я же застыл на месте, опасаясь, что малейшее мое движение послужит сигналом к яростному кровопролитию. Слепая девочка пела, раскачиваясь в едином ритме с белыми обезьянами. Мне не хотелось бы, чтобы и ей причинили боль, как старой королеве.

— Фон Бек,— проговорил Монсорбье,— могу я задать вам вопрос? — На красивом лице его пролегли глубокие морщины, которых вчера еще не было. Он постарел за один день. В глазах застыл страх. Когда-то надменный и гордый, он теперь стал одним из раболепных шакалов, исполняющих самую черную работу за своих вождей.— Пожалуйста, фон Бек. Вы — человек культурный, воспитанный. Помогите нам. Действительно ли О'Дауд хранит у себя Чашу? Вы не выяснили еще?

— Я, как и вы, сам ищу О'Дауда.

— Но вы заключили союз с Сатаной,— воскликнул Клостергейм.— С самого начала я подозревал, что так и будет. Так уже было однажды. Вы и прежде вступали с Ним в сговор. Насколько же я понимаю, лишь человек безупречный и чистый духом может касаться Грааля.

Я вновь рассмеялся.

— Выходит, всем, здесь присутствующим, ни к чему и искать его! — Ветви вверху затрещали. Новый всплеск беспокойства пронесся среди обезьян. Слепая девочка запела еще громче.

— Ритуал,— серьезно проговорил Клостергейм.— Ритуал нас очистит. Всех, кто идет за Львом против Агнца. Монсорбье... скажите ему. Все, что вы говорили мне. Скажите ему, как Ритуал, течение которого он нарушил, мог бы очистить его.

— Он стирает все прошлые прегрешения. Все грехи,— нараспев произнес Монсорбье.— Еще есть

время. Ритуал можно еще начать заново и свершить до конца. Прежде чем Лев будет призван, нужно изгнать Христа.

Для меня это звучало как богохульный бред.

— Тогда что вы тут делаете? Почему не вернулись к этому своему Ритуалу, сударь?

— Она...— Монсорбье в нерешительности прикусил язык.

— Она требует крови, верно? И не просто какой-нибудь крови, а крови моей и Либуссы, так? И вы опасаетесь, что свершение вашей великой судьбы с каждым часом отступает все дальше и дальше? Ваши хитроумные уловки, Монсорбье, никого не обманут. Что же касается вас, Клостергейм, то вы совершили одну очень глупую ошибку. Однажды вы уже проявили нетерпение, и вам пришлось заплатить за это немалую цену. Только расплата ничему вас не научила, и вы теперь совершили в точности ту же ошибку. Должно быть, вас обрекли не только на вечную жизнь, но и на вечное повторение собственных ошибок! Теперь я понимаю, в чем заключается главное ваше проклятие, сударь. В недостатке мозгов.

Я, кажется, снова задел его за живое, и удар мой был точнее и глубже удара любого клинка. Глаза его стали вдруг дикими и безумными, рот раскрылся. Но он не смог ничего мне ответить. Он так и застыл, словно перебирая воспоминания в поисках подтверждения или же опровержения моей чудовищной догадки!

Монсорбье, опасаясь, вероятно, того, что мне удалось перетянуть Клостергейма на свою сторону, горячо заговорил примирительным тоном:

— Фон Бек, поверьте, мы не замышляем предательства. Вы нам нужны. Для того, чтобы до-

быть Грааль. Женщина должна умереть. На то указывают все знамения. Но вы будете жить, и среди нас вы займете достойное место, станете тоже одним из творцов новой Земли. Когда-то мы пытались уже, вместе с Клутсом, Маратом и Робеспьером, создать рай на земле. Но революция потерпела крах. Я это понял тогда и вернулся к прежнему Братству. Теперь только пятеро или шестеро на Земле обладают необходимой силой. Мы выстроим мир, в котором возобладает Порядок. И что значат еще несколько смертей, если ими обеспечены будут вечная жизнь и абсолютное свершение?

— Вероятно, и вы, Монсорбье, тоже наказаны Проклятием Повторения! — сказал я ему.— Речи ваши слишком знакомы мне, сударь. Просто амбиций у вас побольше, а здравомыслия поменьше, вот и все. Мне остается лишь уповать на то, что — хотя бы из благовоспитанности — мне все же удастся избегнуть этого проклятия.

— Вы, сударь, трус! — проговорил фон Бресворт, злобно косясь на меня.— Никто из нас не боится принять на себя ответственность власти. Мы не боимся совершить то, что нам предначертано!

— А как насчет морального права, что позволяет вам принимать на себя эту ответственность? — спросил я его.— Вот уж чего мне никак не нужно. Пожалуйста, помолчите, фон Бресворт. У двух сотоварищей ваших еще сохранились, по крайней мере, какие-то остатки интеллекта. Вы же начали на пустом месте, питаясь лишь злобой и ненасытной алчностью.

Он еще больше разозлился, но Монсорбье вновь удержал его от опрометчивых слов или действий.

— Фон Бек, у меня, как, наверное, ни у кого другого, есть причины желать вашей смерти. Вы

подвергли меня унижению. Вы оскорбили меня и нанесли удар самым моим сокровенным амбициям. И все же защита своих интересов не есть преступление.— Наш французик, оказывается, заделался софистом.— Нам всем нужно научиться понимать других и стать терпимыми. Вы сознаете, фон Бек, что мы ожидаем пришествие Апокалипсиса?

— Весьма распространенное мнение, Монсорбье, среди невежд. Навязчивая идея.

Клостергейм, остановившийся было на полпути, снова поднял шпагу и решительным шагом направился ко мне.

Монсорбье был буквально вне себя от страха. Он, должно быть, опасался крушения этого хрупкого союза.

— Джентльмены!

У меня за спиною стонало могучее древо, объятое пламенем. Я оглянулся. Огонь поглотил уже тело маленькой Королевы-Козлицы.

— Лжецы и трусы! — Жгучая ярость переполняла меня.— Вы все — убийцы, растленные убийцы! Я не с вами. И никогда с вами не буду. Пока это возможно, я приложу все усилия, чтобы не поддаваться растлению! Если и мне суждено стать таким же, как вы, пусть это будет хотя бы не так скоро. Неужели вы не видите, во что вы превратились? Эта разлагающая атмосфера нерешительности, неустойчивости, которую сами же вы и создали... в каждом из вас нашла она слабость, изъян, и стала давить на нее, пока эта слабость не разрослась до небывалых пределов. Монсорбье, теперь вы ничем не лучше этого мерзостного существа, что стоит рядом с вами! Вы стали таким же, как Бресворт, который убил тетку свою из-за денег! Посмотрите, сударь, в эти воды.— Я указал кончиком сабли на

маленькое озерцо.— Загляните туда... и вы увидите сами, во что вы превратились!

Лицо Монсорбье исказилось и как будто застыло в немыслимом напряжении. Глаза его налились злобой.

— Все, хватит дипломатических уловок. Живой вы для нас слишком опасны!

— За это я искренне вам благодарен, сударь.— Я вдруг воспрял духом.— У меня теперь есть стимул выжить! — И я набросился на него. Молниеносным движением он вытащил из ножен клинок и парировал мой удар. Он, как выяснилось, не утратил своей стремительности.

Сражаясь, мы развернулись, и теперь я увидел напряженные лица его людей, наблюдающих за нами, неуверенную гримасу Клостергейма и влажный рот фон Бреснворта, что беззвучно закрывался и открывался, словно у какого-нибудь тупицы-турка, самозабвенно предающегося молитве. А потом все разом сдвинулись с места — единой толпою двинулись ко мне. Монсорбье больше уже не пекся о своей чести.

Но и обезьяны не стояли на месте. Белый поток — пена пушистого меха — захлестнул нас с Монсорбье. Я не удержал равновесия и упал бы, если бы белоснежные звери не подхватили меня и не вынесли — при этом я бешено отбивался и изрыгал проклятия — прочь из зала на промерзшую площадь, откуда прежде забрали меня. Быть может, они не желали терпеть насилия, пока горело их дерево?

Изнутри доносились смущенные крики и хрустальная песня слепого ребенка. А потом обезьяны выстроились в пирамиду и, точно пушистые акробаты, подняли меня на вершину ее. С самого верха

этой живой пирамиды глядел я на Монсорбье, Клостергейма и их полоумных приспешников, которые выбежали на площадь, вопя в неизбывной ярости. Крики ярости обернулись воем разочарования, когда они поняли, что я все же спасся от них. Там, где я находился теперь, им было меня не достать. А меня поднимали все выше и выше. Обезьянам, казалось, не будет конца — этим белым пушистым телам, посредством которых свершалось мое восхождение. Наконец меня усадили на какой-то балкон высоко над землею. Пирамида пошатнулась и развалилась. Обезьяны бросились прочь, когда разъяренные недруги Сатаны врезались в их ряды. А девочка продолжала петь, но теперь песня ее замирала вдали. Я же сидел на высоком балконе и глядел вниз с безопасного своего насеста!

Неожиданно все окутала тишина. Я слышал частое дыхание Клостергейма, почти различал, как Монсорбье скрипит зубами. Эти двое отделились от беснующейся толпы и встали под самым балконом, глядя вверх на меня: один — костлявый и бледный (Смерть, воплощенная на гравюрах Гольбейна), второй —раскрасневшийся от гнева и утомления.

— Этот цирковой трюк не спасет вас, сударь,— высказался Монсорбье.

— Вас подвергнут изгнанию,— добавил Клостергейм.— Отвергнутый равными, в вечной жизни вы познаете одиночество!

— Нашли чем грозить! Если под равными вы подзразумеваете себя, джентльмены, то потеря невелика,— парировал я. Я внимательно наблюдал за ними, ожидая какого-нибудь подвоха. Продажные и растленные, эти люди были опасными врагами. Если они преуспеют в своих амбициозных на-

чинаниях, мне грозит нечто большее, чем просто смерть. Мир, где будет править сей триумвират, обратится в воистину мрачное и кровавое место. И чтобы их одолеть, не дать свершиться их темным планам, мне действительно нужна была помощь. Но кому мог я довериться? Кому? Даже Либусса могла бы решить присоединиться к ним, дабы выставить вместо себя иную фигуру — пешку, назначенную быть принесенной в жертву. Мне вдруг пришло в голову, что она, может быть, отыскала уже Рыжего О'Дауда. Если она завладела Граалем, я больше уже ей не нужен. Не исключал я и возможность того, что она уже продала меня ради какой-то иной своей выгоды!

На дальнем конце темной площади снова запела слепая девочка. Клостергейм с Монсорбье повернулись в ту сторону, явно с намерением убить ее. Она пела теперь на том же языке, что и прошлой ночью. Она взывала ко мне. Я напряг слух, стараясь не пропустить ни слова.

В таверне, в теверне, пела она. *В старой таверне на Сальзкахенгассе. В таверне под названием «Настоящий друг», где скрывался когда-то сын древнего короля. В убежище духа. В месте четырех апостолов. В месте, где встречаются все сказания. В таверне, в таверне. В таверне слитых воедино царств!*

Поначалу песня ее звучала для меня пустою риторикой. *На Сальзкахенгассе!* Я знал эту улицу еще в том, своем, Майренбурге, так что она, без сомнения, существовала и в этом городе тоже. Я прокричал ей на русском:

— Она сейчас там? Там отыщу я свою госпожу? *На Сальзкахенгассе...*

— Где моя Либусса?

Она не пропала, но решение не вынесено еще. Оно еще ждет. На Сальзкахенгассе...

Я понял слова ее так, что Либусса ожидает меня в таверне под названием «Настоящий друг». Больше всего я боялся, что Клостергейм или кто-нибудь из его своры знает русский. Или разобрал название улицы, поскольку в этом случае все негодяи, столпившиеся теперь на площади, вскоре будут уже *en route* к той же таверне. Я распахнул балконную дверь и вступил в роскошную спальню, всю в мехах и шелках. Нагой сонный юноша, возмущенный бесцеремонным таким вторжением, попытался принять гневный вид, но был слишком растерян и неуверен. Я пересек его комнату и, отодвинув задвижку на входной двери, спросил озадаченного хозяина:

— Прошу прощения, сударь. Есть здесь поблизости где-нибудь постоялый двор под названием «Настоящий друг»?

Он зевнул и потер глаза.

— Вон туда...— Он неуверенно указал рукой направление, потом подумал и показал снова, совсем в другую сторону.— Думаю, на восток. Сальзкахенгассе. Такой темный извилистый переулок, а потом расширяется ближе к площади, да, сударь? И там есть таверна. С четверть, наверное, мили отсюда. Где воздвигнут был памятник Нахтигаля во славу Божию.— Он теперь успокоился и стал гораздо увереннее.— Да! Туда, стало быть. По Коркце... нет, по Папенгассе. Или нет, сударь. По Кенигштрассе. Точно. По Кенигштрассе.— Он почесал затылок под шапкою спутанных черных волос.— А теперь, сударь, поскольку я все-таки гостеприимный хозяин, могу я полюбопытствовать, почему вы избрали такой странный путь: через балкон?

Я поклонился ему:

— Я очень вам благодарен, сударь. Весьма сожалею, что побеспокоил вас. Приношу извинения. Я преследую одну даму, сударь. Весьма спешное дело.

Он весь просиял.

— Тогда удачи вам, сударь.— И подмигнул.— И *bonne chance!*

— Благодарю вас, сударь.— Я быстро вышел из спальни, прошел по какому-то длинному коридору, распахнув еще одну дверь, оказался на широкой лестничной площадке и бросился вниз по каменной лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней. Лестница привела меня в крытую галерею, что раскачивалась, точно корабль, стоящий на якоре. Окна ее выходили на далекую улицу. Я больше уже не боялся своих преследователей. Чего я действительно опасался, так это того, что Клостергейм и его оголтелая шайка уже сейчас направляются к «Настоящему другу», а такая возможность вовсе не исключалась.

Я прошел по широкой белой аллее, по обеим сторонам которой тянулись торговые палатки, пока еще закрытые. По дороге встретил я высокую рыжеволосую женщину в наряде, похожем на выходное греческое одеяние. Потрепав за ушами ее спаниеля, я спросил, правильно ли я иду на Сальзкахенгассе. Она указала мне направление, и, спустившись по широким ступеням, я свернул во вторую аллею и вышел в конце концов в сумрачные закоулки Нижнего Града. Прямо на Кенигштрассе. Теперь мне осталось лишь отыскать Сальзкахенгассе.

Улица вывела меня к мосту, изукрашенному ярким орнаментом, каким обычно отделаны все мосты в Венеции. Он навис над прямым и узким каналом. На черной глади воды покачивались две лодки,

переполненные какими-то бесформенными фигурами: мужчинами и женщинами, мало чем отличающимися от тех, яростной злобы которых мне только что удалось избежать. Похоже, все безумцы и уродцы мира стекались теперь в Майренбург, а я, единственный из всех, стремился как можно быстрее убраться из этого странного города.

Я оглянулся. Никто меня не преследовал. Я больше не слышал лая своры Монсорбье, но это вовсе не значило, что мне удалось победить в этой гонке. Я так беспокоился о возможной погоне, что едва не пропустил высокую каменную арку с полустертой надписью *Сальзкахенгассе* на таком же истертом от времени камне. Вход на улицу не превышал и трех футов в ширину. Плиты мостовой, выщербленные и поломанные, торчали из земли под каким-то невообразимым углом, громоздясь друг на друга. Пробираясь во тьме вперед, я спотыкался буквально на каждом шагу. Наконец узкий проход расширился, сводчатое верхнее перекрытие стало выше, а потом и вовсе исчезло. Я снова выступил в мутный свет Осенних Звезд.

Сальзкахенгассе крутым уклоном пошла вниз и обратилась в потертую лестницу с перилами посередине. Я помедлил на первой ступеньке, заметив открытое пространство — широкую брешь между зданиями, в которой проглядывали небеса, окутанные мерцающей дымкой. Я стоял в самом центре Нижнего Града. У меня под ногами мурлыкал Рютт, протекающий здесь под землею.

Я вдруг занервничал. Я уже почти решился повернуть обратно и вернуться к князю Мирославу. Мне было крайне необходимо услышать речи Сент-Одрана, преисполненные здравого смысла. Причиной моих колебаний явилось весьма непри-

ятное подозрение в том, что мной управляла некая невидимая, но могучая сила, которая и привела меня в это место. Но, даже если так оно и было, я не ощущал воздействия ее напрямую и не мог определить, благосклонная это сила или же злонамеренная. Действовал я теперь в своих собственных интересах или же в интересах кого-то другого? Я прикоснулся рукою к Мечу Парацельса. Рубиновая рукоять его оставалась сокрытой у меня под плащом. Я вынул второй свой клинок из ножен и, борясь с навалившейся вдруг усталостью, двинулся вперед. Когда я добрался до подножия лестницы, я обнаружил, что узкая улочка тянется еще несколько ярдов, а потом расширяется и вливается в вымощенную булыжником площадь.

Все мои мысли как будто стерлись! Я принюхивался к ветру, точно волк, вышедший на охоту. Либусса была где-то близко, я мог бы поклясться. Боль разлуки с нею увеличилась во сто крат, едва я вышел на площадь. Все мое истомившееся естество устремлялось к ней.

Я люблю тебя, Либусса.

Шаги мои отдавались гулким эхом по булыжнику мостовой. Сальзкахенгассе раздалась еще шире. По обеим ее сторонам уныло торчали жалкие деревца — платаны без листьев,— посаженные через равные интервалы. Я прошел мимо лавки, где торговали свечами, рыбою и овощами. Магазин был открыт, но я не заметил ни покупателей, ни продавцов. Это, однако, была самая заурядная сценка из городской жизни, которую мне довелось наблюдать во всем Нижнем Граде. Через дорогу от лавки располагалась гостиница в четыре этажа, освещенная веселым светом ламп и свечей. Ее вывеска, подновленная совсем недавно, хорошо подходила

под приятную домашнюю атмосферу всего этого места. Называлась таверна «Настоящий друг», и на вывеске изображен был юноша, протягивающий руки в упавшему своему товарищу. Единственное, что мне показалось странным, это то, что картина на вывеске была написана в той же манере, в тех же насыщенный ярких тонах, с тою же аккуратною точностью всех деталей, что и икона, которую видел я в доме князя Мирослава. Но я сказал себе, что таков, может быть, общий стиль всех майренбургских художников, происходящий от живописцев — выходцев из Византии.

Из «Настоящего друга» доносился смех. Мне подумалось вдруг, что, возможно, все эти противоборства, мистификации, весь этот потусторонний бред, безумные культы и высокопарные метафизические предречения благополучно закончились для меня. В конце концов, смотрелась гостиница эта вполне заурядно. Я направился прямо туда с твердым намерением выпить кружечку эля и, может быть, съесть пирога.

У дверей я помедлил, чтобы получше рассмотреть картинку на вывеске и насладиться мастерской работой художника. Над картиной большими буквами написано было название, а под нею — маленькими аккуратными буковками белого цвета — имя владельца гостиницы. Обычное дело, во всем мире на вывесках постоялых дворов пишут имя хозяина. Необычное заключалось в другом, в самом имени:

К. М. О'Дауд.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В которой я выпиваю кружку портера в самом центре мира. Рассуждения заурядного трактирщика. Возобновление старой дружбы. Вопрос мечты и реальности. Правила



ак-то все это подозрительно»,— подумал я, застыв в нерешительности на пороге, положив одну руку на рубиновую рукоять меча, а второй сжимая шпагу. Я заглянул в окно: обычное помещение трактира — ничего странного или зловещего. И посетители самые что ни на есть заурядные, в простых домотканых рубахах, широких плащах бурого цвета, молескиновых брюках, париках, выделанных, как и у большинства майренбуржцев, по моде предыдущего

поколения, в шляпах с опущенными полями или в треуголках, украшенных лентами и всевозможными пряжками, причем в несколько черезмерных количествах, почитаемых в полусвете весьма дурным тоном. Но никто из них не был вооружен. Никто не ждал со злобой в глазах появления рыцаря Манфреда фон Бека. На самом деле те люди, которых увидел я в зале таверны, включая и девиц, разносящих заказы, были самыми благообразными из всех, кого встречал я в этом городе. В таверне царила спокойная мирная атмосфера, которая больше пристала убежищу, нежели хитрой ловушке. И все же, с кем бы ни говорил я о нем, все были согласны в одном: Рыжий О'Дауд, появившись в Майренбурге лет двадцать назад, проложил себе путь к «престолу» Нижнего Града безжалостной сталью, обагренной кровью многих. Королева-Козлица назвала его варваром, диким гунном, который убивает ради потехи. И еще — ради господства над центром города. Неужели в этом Майренбурге так трудно получить разрешение держать постоялый двор?

Я развернул отвороты ботфортов, подняв их до самых бедер, привел в порядок прическу — откинул волосы назад и завязал их в хвост,— поправил воротничок и отряхнул камзол. Не сказать, чтобы я остался доволен своим внешним видом, но я и так уже сделал все, что мог. Без дальнейших проволочек распахнул я входную дверь «Настоящего друга» и, пробормотав:

— Добрый вечер, джентльмены,— направился прямо к стойке, где заказал себе кружку их лучшего темного пива.

И только когда я полез в карман за монетой, я понял, что меня, кажется, подстерегает худшая из

опасностей: постыдное выдворение из питейного заведения по причине отсутствия денег! Но, к счастью, я наконец обнаружил несколько шиллингов — более чем достаточно для целой ночи неумеренных возлияний — и, вновь обретя спокойствие, взял поданную мне кружку и уселся за свободный столик, самый дальний от двери, но зато ближний к внутренней лестнице. Здесь было прохладно, и место это явно не пользовалось популярностью. Отсюда, сидя лицом к залу, я мог наблюдать за всем, что происходит в таверне.

Единственное, что показалось мне несколько странным, так это то, что все мужчины, здесь собравшиеся, были старше меня. Молодежи не наблюдалось вообще, и совсем мало было тех, кому чуть за сорок. Кто играл в кости, кто — в карты, кто — в домино. Те же, кто не играл, наблюдали за игрою других. И хотя никто из них не носил оружия,— по крайней мере, оно было не на виду,— у меня начало складываться впечатление, что все эти люди — солдаты или, быть может, разбойники на отдыхе. Я, впрочем, не придал этому особенного значения. В конце концов, люди подобного сорта «опекают» почти любую таверну. но что меня действительно насторожило, так это то, что я, похоже, был здесь единственным чужаком. Насколько я понял, все это были отнюдь не случайные посетители.

Впрочем, никто меня не окликнул, никто не стал мне угрожать. Если на меня и обратили внимание, то самое что ни на есть поверхностное. Я тоже не проявлял любопытства по отношению к собравшимся. Я надеялся, что скоро придет Либусса, распахнет дверь и предстанет предо мною. Мое к ней влечение — божествен-

ная одержимость ею — не стало меньше. Я любил ее. По-настоящему.

Прошел час. Второй. Все кругом выпивали и продолжали играть с неслабеющим азартом, но, что удивительно, атмосфера заведения оставалась такой же сдержанной и спокойной. Я заказал еще кружку портера, который, кстати замечу, оказался просто превосходным — ничуть не хуже того знаменитого темного эля, который варят голландские монахи. Подозвав миловидную румяную девицу, я заказал также мясной пирог и Muchwurst, точно такой же, какой выставлен был на полке над стойкой. Когда она принесла заказ, я спросил, можно ли будет снять комнату на ночь. Она ответила, что спросит у хозяина, остались ли еще свободные. Я принялся за еду. Вскоре на лестнице у меня за спиною раздался тяжелый топот, и уже через секунду вход в мою кабинку перекрыла громадная фигура весьма зловещего вида. Я отложил свой пирог и, поднявшись из-за стола, неуклюже поклонился, едва удерживая равновесие в узком пространстве между скамьей и столешницей. То, без сомнения, был сам хозяин. Рыжая борода обрамляла лицо его, точно сияние бога Юпитера, такая же косматая и курчавая, как и его шевелюра. Из всей этой сияющей рыжины — поскольку румяная кожа едва ли не сливалась по цвету с его волосами — выделялись только голубые глаза, точно две бледные льдинки в самой сердцевине огня.

— Вы, значит, спрашивали про комнату,— буркнул он. Одет он был в шерстяную рубашку и кожаный передник длиной до колен. Его ручищи, смуглые и мускулистые, выделялись огромными размерами даже на фоне его богатырского телосложения.

— Я хотел остановиться здесь на ночь, сударь.

Он внимательно оглядел меня и хмыкнул.

— На ночь? На майренбургскую ночь?

— Часов на десять, не больше. Сдаете вы комнаты?

— Есть у нас комнаты, да.— Он нахмурился.— Но почти все уже заняты. Вы, сударь, сами откуда?

— Из Верхнего Града, но в Миттельмархе я несколько дней. Я здесь ни разу не видел часов, а разбирать время по звездам, если это вообще возможно, я еще, сударь, не выучился.

— Дело нехитрое.— Хозяин уселся на край моей скамьи. Он был в два раза крупнее меня — этакий мрачный гигант, которого, по всему судя, лучше не задевать.— Я, вообще, Рыжий О'Дауд. Вы знаете?

— Я прочел ваше имя на вывеске, сударь.

Он снова нахмурился.

— Судя по вашему виду, вам немало пришлось попутешествовать. И в последнее время вы не высыпаетесь, так?

— Волей-неволей, сударь.

— И о гостиницах здешних немногое знаете?

— Это — первая, которую я здесь увидел, сударь.

— Сказать по правде, это — единственная во всем Нижнем Граде. Во всяком случае, единственный настоящий трактир. А я — единственный заурядный трактирщик. У меня тут чистые постели, простая еда и добрый эль за вполне сходную цену.

— За эль и еду я могу поручиться, сударь. И даже не сомневаюсь, что и постель будет такой же отличной.

Он склонил голову набок.

— Многие опасаются заходить сюда. Считают Рыжего О'Дауда чудовищем...

— Вы, сударь, крупный мужчина. И норов у вас еще тот, если вдруг что не так... Верно я говорю?

— Норов у меня ирландский,— серьезно ответил он.— Потому как я, видите ли, ирландец. Родом из Керри. Но вырос я в Корке. Норов мой, в первую очередь, и привел меня сюда. Тогда я еще рассчитывал на Великий Мятеж.

— Я понимаю, сударь. Я сам сражался вместе с Лафайетом.

Замечание это явно озадачило Рыжего О'Дауда.

— Что-то я не припомню этого лягушатника.

— Один из лучших генералов Вашингтона, сударь.— У меня начало складываться впечатление, что хозяин мой — подхалим, явно сподобившийся приложиться губами к камням замка Бларней.

— А-а, сударь, мы с вами о разных вещах толкуем. Вы — об Америке, а я говорю от Ирландии. О Корке, если быть точным. Или, чтобы совсем ясно было, о Клонакилти и Великом Ирландском Восстании.

— Мне ничего про то неизвестно, сударь.

— Я прощаю вас, сударь. Англия что только не делает, чтоб упразднить всякое воспоминание об ирландской истории. Мы сражались с британцами, но нас предали, сударь. Случилось все это в 1762-м, еще до того, как я очутился в этом проклятом преддверии ада. Нас предала женщина, сударь, мы даже не успели собрать необходимую сумму денег на покупку оружия. После чего мой богобоязненный батюшка отправил меня в солдаты, чтобы тем избежать скандала. А через два года я дезертировал.

— Бежали к французам?

— К британцам, сударь, так уж сложилось. По причине того, что дезертировал я из французской армии. Мой батюшка, видите ли, был добрым католиком. Это тяжелое время для нас было, тревожное время, нестабильное. Уже тогда начал я задумываться о том, что неплохо бы было скопить скромное состояние, купить постоялый двор и осесть где-нибудь в тихом месте. Но одно цеплялось за другое, и, вскоре обнаружив, что британская армия ничем не лучше французской, я благополучно вышел в отставку, как раз во время операции в Уилтшире, куда нас направили подавлять мятеж. Какое-то время, скажу вам, сударь, без обиняков, я промышлял на Хампстидской Пустоши и на Великой Северной Дороге грабежом и разбоем. Но вскоре волею обстоятельств вынужден был бежать за границу. Служил я в балканских войсках, воевал против турок, потом вместе с турками и поляками — против русских. Как раз во время одной из этих компаний я, отбившись от своих, потерялся в болотах, неподалеку от Пинска. Когда я выбрался наконец из тех топей, оказался уже в Миттельмархе и, не имея надежд на спасение, присоединился к отряду украинцев, пребывавших в таком же безвыходном положении. Мне снова пришлось поневоле заняться разбоем. И в конце концов мы пришли в Майренбург. Узнав о том, что в Нижнем Граде нет ни одной приличной таверны, я решил устранить сей пробел. И, как вы видите сами, мне это удалось.

— Я вас правильно понял, сударь? Вы с оружием в руках подчинили себе целый район лишь для того, чтобы устроить тут свою гостиницу?

— Это неплохая гостиница, сударь. К тому же, как я уже говорил, я давно стал задумываться о том, чтобы открыть свое дело... А построена гостиница, сударь, прямо над родником. Водичка всегда чистая, свежая.

Итак, великая тайна раскрылась самым банальным и приземленным образом, и все же такое ее разрешение меня обрадовало. А то я начал уже потихонечку уставать от притязаний Великой Судьбы и честолюбивого стремления к сверхъестественному.

— Ну что ж, мистер О'Дауд,— заключил я.— Очень рад нашему с вами знакомству.

— Надеюсь, сударь, вам у нас понравится. И, если представится случай, вы порекомендуете заведение наше своим знакомым. А то, как выяснилось, местоположение этой гостиницы имеет существенные недостатки.

— И какие же, сударь?

— Ну, сударь, как вам сказать. Кроме моих людей и некоторых смельчаков вроде вас, сюда вообще никто не заходит, так что и речи не может быть о какой-то там бойкой торговле. Больше того, до недавнего времени нам не давали покоя бандиты, вероятно желавшие отобрать у меня мою собственность. Как вы понимаете, сударь, это причиняло немалые беспокойства.

— На какие же средства содержите вы постоялый двор?

— На поступления из наших торговых лавок — тех, что напротив, только улицу перейти,— а также благодаря налогу, который мы взимаем с окрестных жителей, за что обеспечиваем им охрану от разбойников и воров. В этом, надо сказать, мы весьма преуспели. Всякое тут бывало, чего уж там,

но правосудие стараниями нашими совершилось.— Рыжий О'Дауд, похоже, впал в меланхолию, вспоминая о былых своих затруднениях и их последующем разрешении.— Можно, сударь, сказать, что Судьба была не совсем уж неблагосклонна ко мне. Я, правда, надеялся подыскать себе женушку, обзавестись семьей, все как положено, но пока ничего у меня не выходит. В последнее время, сударь, все здесь только и говорят, что о некоей великой встрече светил на небесах, которая изменит течение многих судеб. Так что я настроен оптимистично. Быть может, когда встреча свершится, сюда к нам повалят клиенты, и у меня будет больше денег, и я смогу посвятить свой досуг ухаживанию за прекрасными дамами.

— Надеяться можно, сударь. Так уж устроен наш мир: каждый должен испытывать разочарования. Вы же, по крайней мере, достигли много из того, к чему стремились.

— Да я не жалуюсь, сударь, хотя многие здесь замышляют прибрать к рукам мою собственность... Вот почему я всегда с подозрением отношусь к незнакомцам.

— Конечно, сударь.

— Чего они только не делают, чтоб отобрать у меня заведение. Вот и приходится содержать шайку бандитов, чтоб обеспечить себе безопасность. Я бы давно отказался от их услуг, но обстоятельства не позволяют. Господин Реньярд — приличный вообще-то парень для лиса — давно уже положил глаз на это место. Пару раз он пытался отобрать у меня таверну. Но я слышал, он тяжко болен, возможно даже, его уже нет в живых, так что, быть может, с его стороны у меня больше не будет проблем... В последнее время все было тихо.

— Но вы пока еще не намерены распускать свою гвардию, сударь?

— У нас прекрасная защита.

— Какая-нибудь потусторонняя помощь?

— При том, сударь, что Господь Бог давно покинул Царство Земное? Откуда у вас эти мысли? Все, что здесь сделано, сделано было единственно нашими силами!

Я окончательно убедился, что никакого Грааля не существует. Либо то был призрачный фантом, либо — некая иллюзорная вещь, не имеющая воплощения и оборачивающаяся каждый раз тем, чем бы всякий, кто верит в существование Священной Чаши (даже Люцифер), ни пожелал ее видеть. С те же успехом я мог бы назвать «граалем» и свою кружку с портером. Размышления эти в конце концов привели к тому, что я спросил о Либуссе:

— А не заходила ли к вам в таверну одна молодая дама? — Я описал О'Дауду внешность ее и наряд.

Он покачал головой.

— Если б она заходила, сударь, я бы непременно заметил, поскольку, как вы уже знаете, я еще не оставил надежду найти жену. Говоря по правде, у нас сейчас, за исключением вас самого, только один клиент. Молодой человек. Он скоро спустится к ужину, помяните мое слово. Некий герр Фольц, как я понимаю, из Нюренберга. Ученый муж, увлеченный древним зодчеством. Вы, может быть, о нем слышали, сударь?

— Имя звучит знакомо. Впрочем, я уже несколько лет не был в Германии.

— Ну что ж, сударь... — Он тяжело поднялся на ноги. — Надеюсь, вы не откажетесь от кружки портера за счет заведения?

— Разумеется, не откажусь, мистер О'Дауд. Благодарю вас!

— И при случае порекомендуете мою гостиницу?

— С удовольствием, сударь. На мой взгляд, очень приятное место.

Он весь просиял, слова мои явно доставили ему удовольствие.

— Весьма польщен заключением вашим, сударь.— Тут на лестнице раздались шаги, и хозяин мой поднял глаза.— А вот и наш ученый джентльмен.

Обогнув угол кабинки, в поле моего зрения — между громадной фигурой Рыжего О'Дауда и столом — появился щеголеватый молодой человек в наряде из темно-красного шелка, ослепительно белой рубахе и парике, присыпанном бледно розовой пудрой. Он улыбнулся мне и изящно расшаркался.

— Я очарован, сударь.

— Я в восхищении, сударь,— ответил я, едва ли не рассмеявшись от радости, ибо то был никакой не ученый муж из Нюренберга, а моя Либусса, выступающая в прежней роли герцога Критского и, как я заметил, пребывающая в самом прекрасном расположении духа.

— Не возражаете, сударь, если я вам составлю компанию?

— Разумеется, не возражаю. Присаживайтесь.

Рыжий О'Дауд, явно довольный тем, что гости его так легко между собою сошлись, ушел на кухню, чтобы лично проследить за приготовлением ужина. Либусса уселась напротив меня и, понизив голос, принялась объяснять свое таинственное исчезновение, в котором, как оказалось, не было вообще ничего таинственного.

— Расшатанная плита мостовой, крутой скат, и я очутилась футах в пятидесяти под землей. Подвижная плита, несомненно, осталась от какого-нибудь древнего оборонного устройства. Ловушка для атакующего врага. Выбравшись из подземных тоннелей, я просто спросила первого встречного, как мне пройти до этой гостиницы. И вот я здесь!

— Но как тебе удалось поменять костюм?

Она поднесла палец к губам.

— Там, в подземельях, было так грязно. Я испачкала платье. Должно быть, в навозе. Было необходимо как можно скорее его поменять. К счастью, мне повстречался один старый распутник с Верхних Этажей, как это здесь называется. Я приняла приглашение его провести вечерок tete-a-tete. Мы неплохо откушали, выпили замечательного вина, а потом я его тюкнула по голове, забрала кое-что из одежды и бумажник, одолжила его карету и оставила его связанным. Представляю себе, как обрадуется его супруга, найдя муженька в таком виде! Она отправилась навестить родственников в Малом Граде. Должна завтра вернуться. Вы случайно не знаете, сколько сейчас времени, фон Бек?

— Надо было забрать у своего покровителя и часы.

— У него их не было. Похоже, в Нижнем Граде вообще мало кто носит часы... Вы-то без труда добрались сюда, да?

— Без труда... после беседы с Люцифером.

Она рассмеялась, и я, признаюсь, получил немалое удовольствие, поведав ей о последних своих приключениях. Рассказ я завершил потайной демонстрацией рукояти нового моего меча. Все это произвело на нее впечатление, и мне даже

показалось, что во взгляде ее появилось нечто похожее на восхищение. Никогда в жизни, наверное, не был я так счастлив. Либусса моя пребывала в самом прекрасном расположении духа. Пока мы ели поданный ужин, она с неприкрытым сладострастием рассуждала об изысканных наслаждениях, которые — не пройдет и полутора часов — нам предстоит испытать. Я не стал ей напоминать о ее давешнем замечании насчет того, что нам надлежит сохранять целомудрие. Я витал в радужных облаках.

— Мы пока что останемся здесь,— сказала она,— но как только мы завладеем Граалем, так сразу же бежим. Нам предстоит начать заново...

— Грааля здесь нет, Либусса.

Замечание мое явно ее позабавило. Она отодвинула свою тарелку.

— Конечно, он здесь.

— И Рыжий О'Дауд это подтвердил? — спросил я.

— Он ничего не знает, этот добросердечный простак.

— Будь у него Грааль, он бы знал. Он мне сказал, что у него нет никаких волшебных предметов, наделенных сверхъестественной силой. Я ему верю.

— Он может думать, что у него нет Грааля, но он ошибается!

— Либусса, откуда ты знаешь?

— Он просто не может быть в другом месте.

Не желая вступать с нею в спор и тем самым создавать угрозу заманчивым перспективам на предстоящую ночь, я промолчал. Мне оставалось только надеяться, что завтра утром, не найдя никакого Грааля, она согласится вернуться со мною к князю

Мирославу, отказавшись от поисков, которые уже свели с ума Монсорбье и Клостергейма.

Вскоре после ужина мы сообщили хозяину о том, что мы так подружились за этот вечер, что хотели бы разделить одну комнату на двоих, дабы продолжить интересную беседу, и поднялись наверх. Комната оказалась просторной и чистой. Сквозь большое окно струился бледный свет майренбургских звезд. Отсюда они почему-то казались яснее и ярче. Я загляделся на эти громадные древние солнца, завороженный их разноцветною дымкой. Я бы, наверное, стоял у окна и смотрел еще долго, если бы Либусса не обняла меня за плечи и не развернула лицом к себе. Она нежно коснулась губами моих губ — приглашение к еще одному долгому празднику плоти.

Я был любовником ей. Ее сыном. Женою ее и братом. Колонны Коринфа крошились и падали, рассыпаясь пылью. Долгие ветры разъедали руины Афин и Миноса. Крыши и стены обрушились в море. Твердыни разума подвергались жестокой осаде. Меркурий зашелся пронзительным воплем,— лицо его горело, тело его извивалось и корчилось в муках,— притяжение солнца тянуло его к себе, пока он не упал в огонь, и огонь этот не поглотил его. Ио утонула в кипучих водах. Европу разрубили на гниющие куски. Боги бледнели и блекли, отступая во тьму, кто — молча, кто — с криком в агонии смерти. А Тезей усмехался в кровожадном презрении. Он верил, что он один сверг могучих богов. Тезей — убийца чудовищ.

Видения пьянили меня, погружая в сладостное забытье. Если это был лишь сон, то сон приятней и ярче любой реальности. Я бы спал вечно, лишь бы быть там, в этом сне, лишь бы не возвращаться

в мир несправедливости и боли, из которого только что вырвался. У меня не было пола, как у Либуссы. Границы все стерлись. Нет мужского и женского, есть единство двух качеств. Теперь мы — один пол, одно существо. Мы отыскали дорогу к истинной, взаимной Гармонии.

Если и вправду Грааль есть Гармония, значит, я все же обрел его в таверне в самом центре мира, где пересекаются все измерения множественного универсума (мультиверсума — как его называет Либусса), в городе под названием Амалорм, в темной яме, где нет Времени. Амалорм включал в себе все города, а все города были суммой амбиций всего человечества, его мудрости и ошибок. «Амалорм — шептала Либусса,— нельзя уничтожить. Даже если последний камень его обратится в пыль, город этот пребудет всегда. Амалорм не может погибнуть. И скоро уже, когда совершится согласие Светил, мы тоже станем бессмертны. Мы станем бессмертны, фон Бек. Ты и я. И станем едины навечно».

Я закричал, где-то там, за пределами Времени, когда губы ее и пальцы коснулись моего тела — инструмента великой музыки. Я горел. Я сгорал в огне. Я был Меркурием. Я был Ио. Я был самим Зевсом, умирающим в пламени, что поглотило Олимп, и все же смеющимся над недоумением тех, кто позволял ему править собою так долго. Либусса умаслила тело мое. О Люцифер, она умаслила тело мое восхитительным бальзамом, источающим аромат красоты. Мы были с ней миллионом теней и оттенков, разноцветными, ограненными тысячью граней,— миллионом мужчин и женщин, погруженных в могучий поток мультиверсума, что катился сквозь животворящее изобилие, по густо заселен-

ным пространствам, по безвременью, что было всеми временами, по бесконечности, что была мультиверсумом. Моя возлюбленная умаслила тело мое восхитительными бальзамами. Она умаслила и свое тело. И мы неслись, точно ведьмы и колдуны в безумном полете готического былого. Мы летели навстречу ночи под Осенними Звездами, и смех наш рассыпался над миром. О Либусса, тигель древней огненной крови, наследница тысячи мук, прошу тебя, умоляю, только бы нам не пришлось познать эти муки снова. Мы летели над миром в божественном и безумном полете.

Вот Ахиллес, представший пред Ликомедом...

Симплициссимус, избавленный от скорбей и печалей.

Пусть Либуссы предсказание сбудется. Тогда мы увидим, как настанет конец мушкетам и пикам, знаменам и барабанам, конец разорению, из-за которого пролилось столько крови. И кровь превратится в яд и разольется по миру, отравляя сами корни Древа. Но Древо спасется! Торквемада, противник полета, записал это в своем Гексамероне.

Пусть называют полет наш как им угодно. Пусть называют его Ведьминским Галопом и предрекают нам адовы муки, но я знал — в этом нет греха. Мы обретем очищение и станем едины. Я шел по залам библиотек, где вековые пергаменты ждали того, кто поймет их содержимое. Но понимание достигается опытом.

Мы летели уже за пределами мира. А разъяренный зверь с горящими очами и пурпурными клыками бил булавой по Земле, обезумев от разочарованности. Гермафродит украл его силу, развеял ее по ветру царства забвения.

И все же сквозь торжествующее диво расплавленной меди, и огненного золота, и серебра, льющегося словно ртуть, пробивалось темное искушение, алчный Зверь, что таился еще в Лабиринте. Зверь, который грозил, уверенный в своем могуществе. Зверь, который спасается бегством и скрывается в темных ходах Лабиринта, когда силе его брошен достойный вызов. Однажды мы сочли, что изгнали его навсегда. Этот Зверь мог уничтожить все, что для нас дорого, в тот момент, когда мы меньше всего ожидаем атаки. Я попытался сказать Либуссе про Зверя, но она не стала слушать.

Нам надо поостеречься, сказал я ей.

Мы не можем позволить себе умереть. Она рассмеялась.

Фон Бек, мы станем неуязвимы, неприкосновенны, незыблемы. Мы станем всеведущи! На что я ответил:

Но не всесильны.

И всесильны тоже...

Я сказал ей, что не хочу такой силы. Она улыбнулась и провела нежной рукою мне по волосам. Мы видели с ней один сон. Мы стали одним существом. Мы неспешно прошли по вечности. То было время полета в сияющей наготе. Пылая, точно солнце, пронеслись мы сквозь тьму, по туманному небу, где древние звезды собрались умирать, чтобы Дедал помог Тезею, но сам потом оказался пленником Лабиринта, который воздвиг как узилище для Минотавра. И тогда он изобрел крылья и вырвался вместе с сыном Икаром из сумрачной тюрьмы, и на крыльях достиг он Сицилии. Икар же погиб. Преследуя гения, Минос был умерщвлен дочерьми царя Кокала. Мне было уже все равно, как высоко поднимались мы к звездам, я только

хотел, чтобы Либусса перестала говорить мне о будущем, ибо боялся ее предречений. Мы скользили по направлению к гигантской башне — белой башне, вырезанной из бедреной кости Левиафана.

«Костяная Башня»,— сказала Либусса.

Мы проскользнули в одно из высоких окон — излом в бледной текстуре кости,— и нашему взору предстали цари и царицы, даже богини и боги — все правители, обитавшие когда-либо в земной истории,— все собравшиеся в одном месте. То был Великий Бал, и пары кружились по широкому круглому залу. Они танцевали натянуто и неспешно, сгорбленные под грузом ответственности и неизбывных стремлений воплотить волю свою и мечтания. Музыка доносилась как будто издалека — глухая и сдержанная. Быть может, звук издавала сама Костяная Башня. Боги танцевали. Мне не хотелось присоединиться к ним. Оторвавшись от меня, Либусса опустилась на пол бальной залы. Я закричал, умоляя ее вернуться ко мне. Мне не хотелось вливаться в этот ужасающий менуэт.

Может быть, я находился тогда под воздействием некоего дурманящего снадобья? Я метался в бреду вожделения и чудовищных образов. Все смешалось. Либусса — Люций, герцог — герцогиня, последняя из рода замученных колдунов, восходящего до Ариадны. Я напряженно вгляделся в ее суровую красоту. Ариадна. Или, может быть, Минотавр? Не убил ли Тезей Зверя банальной ревности? Не сливались ли сын и дочь Миноса в кровосмесительном единении? Несмотря на мою одержимость, у меня сохранилось еще ощущение, что в Либуссе есть какой-то глубинный изъян, нечто порочное, темное, сходное с нечистотой самого Люцифера, которую провозглашает Он. Я

слышал рык Зверя. Удары его булавы отдавались грохочущим эхом по Лабиринту. Эти темные коридоры были мне незнакомы. Я шел без карты и компаса. У меня был только Меч Парацельса, который в течение многих лет хранил Отца современной науки от гнева мужей-рогоносцев и обманутых трактирщиков. Может быть, в каждом из нас есть какой-то изъян? Без него мы были бы ангелами высших небесных чинов. Или самим Господом Богом.

Она танцевала одна, в Костяной Башне, среди горделивых фигур могущественных монархов, кружилась в надменной толпе и улыбалась мне, запрокинув голову. Она манила меня, звала. Глупо было бы отказаться пойти за нею. Она подарила мне настоящую жизнь. Подарила мне больше, чем целый мир. Она была моим Пигмалионом. Где же моя благодарность?

Мне так хотелось ее ублажить, присоединиться к ее самозабвенному танцу, но я не мог этого сделать. Я протянул ей руку. Она неохотно возвратилась ко мне. Мы снова стали одним существом. Мы улетели из Костяной Башни. Мы пронеслись над Майренбургом, и нас искушали манящие крики, доносившиеся с земли. Мы спустились. И там, внизу, из дверей освещенного ярко борделя, нам делали знаки мертвые шлюхи. Мертвые шлюхи шептали о некрофилических наслаждениях. И снова Либусса помедлила. Любопытство ее возобладало над возмущением. Мы вошли в этот Версаль всех борделей. Шлюхи играли в рулетку. Они толпились у громадного колеса, размеченного цифрами — по красным и черным полям,— а внутри колеса метался человек. Его швыряло, словно жалкую марионетку, от одной цифры к другой, пока ко-

лесо наконец не останавливалось. Если человек, заключенный в вертящемся круге, оставался в живых, он мог требовать выигрыш, обозначенный на выпавшем номере, либо решиться еще на один поворот колеса, поставив риск смерти против перспективы большего вознаграждения. Шлюхи разъяснили нам всю чудовищность своей игры. Сквозь ошметки их плоти проступали оголенные кости. Они просили нас присоединиться к игре, уговаривали, тянули нас к колесу. И снова Либуса выразила готовность испытать судьбу, но я отступился. И как ни желала она познать низость подобного опыта, она ничего не могла предпринять без меня. Она презирала меня за малодушный отказ рискнуть. «У тебя нет честолюбия»,— объявила она.

«Мне достаточно и полета», ответил я. И мы вернулись в средоточение Времени и Пространства, в покой и восторг «Настоящего друга».

Утром я обнаружил, что брюки мои и рубашка выстираны и отутюжены, не иначе как собственной прачкой О'Дауда. Меч Парацельса пульсировал рубиновым светом в чулане, где я оставил его вчера вечером. Либуса не прикоснулась к нему. Самый вид магического клинка, как вполне очевидно, потряс ее. Она съежилась перед распахнутой дверью чулана и не отрываясь глядела на кружащегося орла, обжигающего нас сияющим взглядом и преисполненного столь неистовой, безумной ярости, что казалось, орел разорвет в клочья любого, до кого доберутся острые его когти.

— От кого бы ты ни получил этот меч,— проговорила она наконец,— пусть даже, как ты утверждаешь, то был Люцифер... он не только доверил тебе исполнить твою судьбу, но и показал себя

истинным нашим другом. Теперь нам нужна только Чаша. Мирослав уже приготовил тинктуру. До свершения Согласия теперь остаются считанные часы.

— Вы это узнали от самого князя, мадам?

Она притворилась, что не понимает меня.

— Разве я говорила что-то такое?

— Когда вы успели увидеться с ним? Как я понял, он вообще не заходит в Малый Град, не говоря даже о Нижнем.

Она нахмурилась. Выражение лица ее наводило на мысль о том, что она полагала меня вульгарным глупцом, или, быть может, я истолковал так ее выражение из-за собственных сомнений.

— Нам нужно позавтракать.

Она шагнула к дверям, но я попытался ее удержать (возможно, мне просто хотелось продлить очарование прошлой ночи):

— Мадам, вы сойдете с ума, если будете продолжать бесполезные поиски с тем же упорством!

— Мы должны завладеть Граалем,— убежденно проговорила Либусса.— Неужели вы вправду считаете, что О'Дауду удается поддерживать мир и покой исключительно силами кучки наемных головорезов? Грааль создает свою собственную гармонию. Теперь воспользуйтесь вашим чутьем. Найдите его. Вы должны попытаться!

— Мадам, я еще раз повторяю: я не какой-нибудь гончий пес, выведенный для вынюхивания граалей. Вряд ли я наделен чутьем охотничьего терьера. То, чем становимся мы, когда мы вместе... больше мне ничего не нужно. На большее просто не может рассчитывать человек!

Она внимательно посмотрела на меня.

— Вы говорите о средствах, а не о цели. Добрый конь, сударь, и цель путешествия — это совсем не одно и то же. Нам обещано большее. Много большее.

— Этого я и боюсь, мадам. Вы знаете, как распознать Зверя, и вы научили меня тому же, но, кажется, вы не торопитесь от Него отречься!

— И этого вы боитесь? — В тоне ее промелькнуло истинное любопытство.

— Да, мадам.

— У вас какие-то странные представления, маленький мой фон Бек.— Она помедлила на пороге, рука ее застыла на дверном замке. Хмурясь, она изучала меня.— Сила, которую я провижу, предназначена для всех. Но многое должно еще совершить и немалым пожертвовать прежде, чем сила сия перейдет к нам, а от нас — всему миру. Это не есть алчное честолюбие Зверя.

Слова ее убедили меня.

— Прошу прощения, мадам... Пойдемте позавтракаем.

Оставив оба клинка в комнате, я вышел на верхнюю галерею и спустился по лестнице в общую залу таверны, где люди О'Дауда уже собрались за трапезой: жаркое и эль. Все помещение было ярко освещено, и от этого тьма за окнами казалась еще гуще. Едва мы спустились, как из задней комнаты выступил сам О'Дауд с тарелкой хлеба и масла. Сегодня он снял передник и надел добротный сюртук из черного сукна с шелковистой отделкой, черные брюки, белые чулки и туфли с завязками спереди. Если бы не богатырское его телосложение и не огненно-рыжие борода с шевелюрой, он походил бы на респектабельного приходского священника. Первым делом он справился, хорошо ли

мы спали. Он был бодр и весел. И уже предвкушал наступление лучших времен.

— Третий клиент! — воскликнул О'Дауд, тыча пальцем в одну из кабинок. Нам, впрочем, было не видно, кто там сидит.— Три — счастливое число. Три приносит удачу!

Мы слегка переместились, чтобы рассмотреть нового посетителя. На скамье за столом, цепляя ножом большие куски ветчины, сидел Клостергейм собственной персоной. Он поднял голову и поглядел на меня. С такими пустыми глазами и ввалившимися щеками он вполне мог сойти за Видение Смерти.

— Доброго вам, фон Бек, утра,— спокойно проговорил он.

Гнев буквально душил меня. Я не мог себя сдерживать: возвысил голос, потряс кулаком.

— Вы, Клостергейм, убили Королеву-Козлицу. Безобидное существо. Ни в чем неповинное существо. Я не прощу вас за это. И я не забуду, во что вы превратились и с кем вы связались. Клянусь Богом, сударь, вы лучше уйдите отсюда, иначе я вас прикончу.

Клостергейм пожал плечами.

— Что до последнего, то я уже с этим свыкся. И вы не имеете права, сударь, гнать меня из публичного заведения.

За спиной у меня появилась исполинская фигура Рыжего О'Дауда.

— Будьте добры, сударь, попридержите язык,— сказал он мне.— В этом доме существуют особые правила. Первое правило: только О'Дауд может решать, кому уходить, а кому оставаться. Второе: мы рады всем, кто держит себя подобающим образом, дамам и господам. И третье правило: всяко-

го, кто затевает здесь драку, мы выдворяем немедленно.— Тут он схватил меня самым оскорбительным образом, за ворот рубахи, и, приподняв над полом, развернул лицом к себе, так что я смотрел теперь прямо в рыжую его бороду.— Вот и не вынуждайте меня выдворять вас отсюда, сударь.

Он аккуратно меня опустил. Я снова стоял на ногах.

— Но, сударь, этот человек — убийца. Он убил Королеву-Козлицу.

— Маленькую белую даму, суетливую такую старушку? Если это правда, сударь, то дело плохо. Мерзкий поступок. Но мы знаем о том только с ваших слов, сударь. А суть Правосудия — и я это знаю по опыту, ибо не раз и не два привлекали меня к суду,— заключается в том, что при любом обвинении необходимо сначала представить вещественные доказательства.

— Он перегрыз ей горло. Зубами. Слепая девочка видела это.

О'Дауд поджал губы и внимательно поглядел на меня.

— Действительно видела, сударь?

Клостергейм издал короткий — страшный — смешок.



ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

В которой нарушаются правила дома. Нашествие паразитов и меры по их выведению. Рыбина Рыжего О'Дауда. Некоторые полезные свойства волшебного Меча

Рыжему О'Дауду, как очевидно, веселость Клостергейма пришлась по вкусу не больше, чем мне, но ирландец — человек принципиальный — настаивал тем не менее на неукоснительном исполнении основных своих правил. Он покосился на Клостергейма.

— Я всегда рад принять у себя добрых людей, но я чертовски устал от всех этих драк, так что буду весьма вам обязан, любезные господа, если в доме моем вы не забудете о хороших манерах.

Клостергейм закрыл рот и надул губы, сердито насупившись. Под внимательным наблюдением людей О'Дауда мы с Либуссой прошли к ближайшей от двери кабинке. Должен заметить, что выражение их лиц оставалось безучастным и мягким, скорее, я так полагаю, из-за привычки при любых обстоятельствах сохранять хладнокровие, нежели из-за некоей природной склонности. С нарочито небрежным видом они вновь обратили внимание к жаркому и кружкам с элем. Мы заказали легкий завтрак: хлеб, сыр и говяжьи ребрышки,— а попить взяли портвейн и воду. Ели мы безо всякого аппетита, поскольку во всей атмосфере таверны теперь явственно ощущалось напряжение. Когда Рыжий О'Дауд вернулся в зал, на лице его отражалась искренняя досада, словно бы все ожидания его относительно лучших времен уже пошли прахом. Угрюмо покосившись на переднюю дверь, он направился прямо к нам.

— Ваше оружие у вас в комнате, джентльмены? — Когда мы кивнули, он продолжил: — Учитывая положение дел между вами троими, я вновь ввожу одно прежнее правило. Не соблаговолите ли вы передать мне свои клинки? Когда вы покините этот дом, вы получите их назад.

Хотя мне совсем не хотелось отдавать ему Меч Парацельса, я тем не менее согласился. В это мгновение распахнулась входная дверь, и в таверну вошли двое: мужчина и женщина. Длинные дорожные плащи придавали им вид путешественников, только что выбравшихся из дрезденского дилижанса. Встав на пороге, оба принялись картинно отряхивать пыль с плащей, а женщина — высоким пронзительным голосом — справилась, где хозяин заведения. О'Дауд, все еще хмурясь, вышел вперед.

— Вот он я. Добро пожаловать в «Настоящий друг».

Я пытался разглядеть их лица, сокрытые в тени широких капюшонов, но старания мои не увенчались успехом. Дожевав мясо с последнего ребрышка, я отложил косточку к остальным.

— Есть свободные комнаты, любезный? — спросила женщина.

— Да, миледи.— Рыжий О'Дауд оглядел их с головы до ног.— У вас есть с собою оружие?

Капюшон упал. Низкорослая фигура, которую я принял за женщину, оказалась никакой не «миледи», а бароном фон Бреснвортом. Из-под полы плаща барон вытащил карабин и нацелил его на О'Дауда.

В мгновение ока люди рыжего трактирщика вскочили на ноги и выстроились едва ли не в военном порядке за своими столами. У каждого был пистолет. Мы все оказались на мушке. О'Дауд пробурчал себе под нос:

— Что-то в последнее время стал я чертовски ленив. Вы что же — все заодно?

— Вероятно,— ответил я.— Учитывая обстоятельства.— Я тоже поднялся из-за стола.

— Вы, стало быть, все же примете сторону победителя, а, фон Бек? — осклабился фон Бреснворт в этакой победной усмешке.— Но, может статься, наше предложение уже потеряло силу! — Пистолет дрожал у него в руке, и вовсе, я думаю, не от страха, а в предвкушении нового убийства.

— Фон Бек? — в изумлении воскликнул О'Дауд.— Тот самый?

— Это зависит, сударь, от того, что вы имеете в виду.— Я дерзко шагнул вперед, словно бы намереваясь его обыскать или ударить. Один из людей его выкрикнул:

— Только троньте его — и получите пулю в лоб, и не важно уже, кто умрет следующим!

Пожав плечами, я опустил руки.

— Как-то удивительно даже, что фон Бек снизошел до простой таверны. У нас, господин хороший, здесь золотишка всего нечего.— Рыжий О'Дауд вздохнул.

— Зато есть кое-что подороже золота, верно, сударь? — Клостергейм поднялся из-за стола и неторопливо направился к нам. Тем временем спутник фон Бреснворта опустил капюшон. Как оказалось, то был один из людей Монсорбье.— За тем мы к вам и пришли, сударь.

О'Дауд, похоже, был искренне озадачен.

— Дороже золота? И вы уйдете отсюда, если получите эту вещь?

— Точно так.— Фон Бреснворт повел карабином.— Таким образом мы все сэкономим и порох, и картечь.

— Тогда почему бы вам не сказать мне, за чем именно вы пришли? — Ирландец понизил голос, и в нем зазвучали угрожающие нотки.

— Разумеется, за Граалем! — Клостергейм начал уже проявлять нетерпение.— За Священным Граалем. Он должен быть здесь, в самом Центре, где все линии сходятся в одной точке. Это подтверждают все карты. Он здесь, в вашей таверне, сударь, как вам должно быть известно! Просто отдайте его, и покончим на этом.

Тут Рыжий О'Дауд широко улыбнулся, но взгляд его оставался настороженным и подозрительным.

— Если вы в этом уверены, то вы все глубоко заблуждаетесь! Спросите его...— он ткнул в мою сторону большим пальцем,— предполагается, что семейство его оберегает Священную Чашу. А Гра-

аль в свою очередь оберегает их. Если он здесь, значит, его принес с собою фон Бек. Вы, наверное, не в себе, если думаете, что я владею священной реликвией, наделенной такою силой! Стал бы я рисковать и навлекать на себя проклятие?!

— Бог отвернулся от нас! Вы ничем не рискуете! — На безвольном лице фон Бреснворта вдруг возникло испуганное выражение. Глаза его забегали. Взгляд метнулся от Клостергейма на людей О'Дауда, потом — на меня с Либуссой. Герцогиня спокойно стояла в кабинке, уперев одну ногу в скамью, и, сощурив глаза, потягивала портвейн.— Мы заберем чашу сами. Все, что требуется от вас, это только сказать, где она. Уймет это вашу тревогу?

— Да я, собственно, и не тревожусь,— угрюмо ответил О'Дауд, похоже рассердившись всерьез.— Что же вы за паразиты такие? — Он оглядел костлявую фигуру Клостергейма — настоящий ходячий скелет, дряхлое тельце фон Бреснворта, нездоровые черты солдата из отряда Монсорбье.— Методисты какие-нибудь? Баптисты? Или еще того хуже? И зачем вам Грааль?

— Не твоего ума дело, трактирщик.— Клостергейм достал кавалерийский пистолет и нацелил его чуть пониже бороды О'Дауда.— Всю ответственность мы берем на себя. Едва мы получим то, за чем пришли, мы сразу уйдем, не причинив тебе никакого вреда. Никакого насилия не будет.

— Вы поступите весьма опрометчиво, сударь, если послушаетесь его,— предостерег я хозяина.— Клостергейм недавно убил человека, а вы знаете, сударь, во что превращаются крысы, когда их слюна пропиталась кровью. Они нападают снова и снова.

— Если вы, фон Бек, намерены стать нашим союзником,— взмахнул карабином фон Бреснворт,— я был бы вам очень признателен, если бы вы воздержались от оскорблений.

Но Клостергейму, похоже, было уже все равно. Его била дрожь. Он жаждал Грааля, и жадность его была непомерной.

Рванувшись вперед, я толкнул Клостергейма плечом и бросился к ружью фон Бреснворта, пока отставной капитан Люциферова войска стоял на линии прицела, закрывая собою ирландца! Выхватив карабин из вялых рук барона, я ударил его прикладом в плечо и сразу же — по носу. Он закричал и схватился руками за разбитое лицо. Клостергейм поступил весьма глупо: он нацелил свой пистолет на меня вместо того, чтобы держать на прицеле О'Дауда. Ирландец не преминул воспользоваться сим обстоятельством. Вихрь движения пронесся из одного конца зала таверны в другой. О'Дауд буквально взлетел по лестнице вверх. Люди его перекрыли входную дверь и захлопнули ставни на окнах. Либусса вскочила на стол и запустила горшком прямо в голову Клостергейму как раз в тот момент, когда я нажал на курок. Прогремел оглушительный выстрел! Человека Монсорбье отбросило в дальний конец большой залы, на груди его расплылось пятно крови. Он закричал.

Словно в ответ на его страшный вопль что-то ударило в стену таверны снаружи, что-то тяжелое и громадное. Потом — еще раз и еще. Стены затряслись. Еще удар. Как будто нас обстреливали из пушки или прямо за стеною взрывались бочонки с порохом. Бабах! Сжимая одной громадной ручищею пистолет, а другой — старомодный эспонтон, О'Дауд осторожно выглянул в окно. Либуссе уже

удалось завладеть шпагою Клостергейма. Его пистолет валялся теперь на полу.

— Можем мы, сударь, сделать допущение,— в этаком озлобленном раздражении обратился ко мне О'Дауд,— что вы двое с нами, а эта троица представляет врагов, что снаружи?

— Можете, сударь.

Умирающий солдат разразился отчаянным воплем:

— Хозяин, спаси меня! Спаси меня! — Было непонятно, кого именно он призывает.

Фон Бреснворт, белый от гнева, напоминал теперь вздорного школяра-переростка. Клостергейм, все еще наполовину оглушенный, вдруг поднялся и сел за стол. Либусса, возвышающаяся над ним, схватила его за шею и запрокинула его голову так, чтобы он смотрел на нее.

Весь зал таверны, как оказалось, представлял собой потайной арсенал. Оружие появилось буквально отовсюду: из сундуков, из-за скрытых панелей, из-под половиц. Люди О'Дауда — головорезы с суровыми лицами — расположились по всему залу, заняв привычные места. Сам О'Дауд продолжал вглядываться в окно, сжимая правой рукой пистолет и засунув эспонтон под мышку.

— Сколько их там, как вы думаете?

— Сложно сказать,— отозвался я.— Может быть, человек пятьдесят. Может быть, больше. Могу поклясться, они даром времени не теряли и поднабрали рекрутов. Вполне в духе этих тварей.

— Каких таких тварей, сударь?

— Вы сами назвали их, сударь. Паразиты. Дьяволопоклонники самого низменного пошиба. Жестокие убийцы. Пытки, кровавые ритуалы... это у них как забава.

— Я понимаю вас, сударь.— Рыжий О'Дауд едва ли не нежно провел пальцем себе по губам, словно для того, чтобы очистить их.— Такие всегда стекаются в Амалорм. Но никак не научатся одному: место это — хотя так, наверное, сразу и не разберешь — не то, где им бы следовало находиться. Оно не для них.— Он быстро отдал распоряжения своим людям. Буквально за считанные секунды таверна обратилась в неприступную крепость. Сам хозяин, похоже, воодушевился. Как мне показалось, в душе он был больше солдатом, нежели мирным трактирщиком, хотя, может быть, и желал, чтобы оно было наоборот. Он испытывал явное удовольствие, расставляя людей своих на боевые позиции в зале. Коекого он отправил наверх. Свет притушили. Пока Либусса держала на прицеле Клостергейма и фон Бресньорта, я присоединился к О'Дауду у окна.

Народу на площади я увидел немало. Лавки на другой стороне были закрыты.

— Там у меня еще люди,— сказал О'Дауд.— В любой момент мы накроем их перекрестным огнем.— Враги наши и в самом деле походили на паразитов, может быть, из-за огромного из количества. На первый взгляд — сотни две, не меньше. Вдруг все это стадо в едином порыве двинулось вперед, и мне показалось, что я вижу кошмарные искореженные лица, звериные лапы, застывшие в корчах тела, грязные лохмотья вместо одежды. Но среди них не было Монсорбье.

Еще один мощный *бум!*— толпа врезалась в стену гостиницы. Рыжий О'Дауд поежился.

— Ну и мерзостное же сборище, сударь. Гаже мне в жизни видеть не доводилось. Они, похоже, собрали всех дегенератов Нижнего Града.— Лицо его выражало теперь презрение пополам с нена-

вистью. Толпа снаружи разразилась пронзительным визгом. Запах, исходящий от них, проник даже внутрь,— запах гниющих ран.

Я оглянулся. Либусса морщила нос. У нее, в отличие от меня, не было привычки к зловонию поля битвы. Она поднесла руку к лицу с таким видом, будто ее сейчас вырвет. Этот жест придал уверенности фон Бресворту. По своей дурости он не принял даже во внимание тот факт, что наши люди окружают его со всех сторон, и рванулся вперед с явным намерением отобрать у нее пистолет. Прогремел выстрел. Заряд попал барону в живот. Он согнулся пополам, квакая, точно лягушка. Изо рта его хлынули кровь и желчь. Либусса в недоумении, едва ли не в испуге уставилась на него. Клостергейм отодвинул ногу, чтобы кровь изо рта барона не попала ему на сапог. Он не пытался бежать. Он сознавал, что положение его весьма и весьма опасно. Фон Бресворт попытался что-то сказать, но слизь забила ему рот. Глаза его закатились. Лицо исказилось.

— Проверь, есть ли при нем порох и картечь,— сказал я Либуссе.— И перезаряди пистолет.

Она собралась мгновенно. Ни разу еще я не видел такой хладнокровности женщины. Впрочем, я вовсе не удивился, ибо давно уже не сомневался в ее отваге. Она победила свой ужас и, едва фон Бресворт повалился на пол, распахнула его плащ и сорвала с пояса рожок с порохом и мешочек с картечью, упершись ногой в его тело — а он, между прочим, еще дышал,— чтобы дернуть посильнее.

— Во имя любви Господней! — проквакал он.— Подождите, мадам, дайте мне умереть спокойно!

Но вот фон Бресворт затих — не умер, а впал в беспамятство, которое предохранило его от аго-

нии. Либусса — умело и ловко — принялась перезаряжать пистолет.

Еще один мощный *Бум!*

— Пли! — прокричал Рыжий О'Дауд. Из каждой щели раздалось по выстрелу, и толпа отступила назад, продырявленная, окровавленная, но все еще заходящаяся пронзительным визгом. В жизни не видел я ничего подобного, даже среди индейцев обеих Америк, которые перед битвой жевали какой-то корень, после чего не сознавали уже ни боли, ни страха, ни даже смерти.

Еще один залп. Еще больше народу повалилось на мостовую возле кормушек для лощадей. А потом — с другой стороны улицы — тоже раздались мушкетные выстрелы. Упало еще несколько человек. Толпа развернулась и устремилась к источнику этого нового раздражения — навстречу второй волне свинца, что сбила ее наземь. Если так пойдет и дальше, подумал я, то мы с ними расправимся без труда. Монсорбье был идиотом, если считал, что он может чего-то добиться подобной атакой. Эти люди были даже невооружены, если не считать несколько мясницких ножей, крюков и дубин.

— Пли! — осклабившись, прокричал О'Дауд.— Старого солдата так просто не проведешь, сударь,— объявил он мне и хохотнул.— Я двадцать лет только этим и занимался, так что я уж успел узнать слабости своей обороны и преодолел их все. Они, разумеется, полезут на крышу... но это так, отвлекающий маневр. И у меня есть, чем их встретить, когда они заберутся наверх!

Снова громыхнули мушкеты, и сраженные паразиты повалились на мостовую. Вскоре сверху до нас донеслись ужасные вопли. Поодиночке и парами, потом — по трое и по четверо вниз на ули-

цу падали вопящие фигуры, охваченные огнем. Рыжий О'Дауд глядел на них с выражением самого глубокого удовлетворения, примерно так же, как мастер-ремесленник мог бы смотреть на законченную работу.

Но тут раздался еще один звук, на этот раз — снизу. Рыжий О'Дауд оставался невозмутимым. Клостергейм поглядел себе под ноги, на бледном лице его появилось теперь хитрое выражение. Неужели им удалось как-то пробраться внутрь? Здесь, быть может, имелись подземные ходы?

— Сточные канавы, сударь,— проговорил О'Дауд, словно прочтя мои мысли.— Целый лабиринт. Как раз под нами они пересекаются. Из-за нашего родника, я так думаю. Стало быть, они решили ударить оттуда. Честно признаюсь, я удивлен, что им хватило ума зайти так далеко. Это ж сколько у них народу!

— Вы поставили там людей?

— Не людей, сударь. Нет! — Он подмигнул мне и вновь уставился в окно. Поджав губы, он поглаживал свою огненно-рыжую бороду и едва ли не улыбался, глядя, как трупы валились на площади друг на друга, а сверху на них падали горящие фигуры, бешено размахивающие руками. Это было ужасно. Настоящая бойня. Кровавая баня. Но в том виноваты не мы, а они. Они сами все это затеяли. О'Дауд вздохнул.— Это мне напоминает Каллодин, сударь. Вы там бывали?

— Я, сударь, не так еще стар. Это же было в сорок пятом. И мне что-то не верится, что вы сами были свидетелем этой битвы!

— Батюшка мне про нее рассказывал. Его брат сражался на стороне Стюартов, полагая, что сражается на стороне католиков. Он был с красавчиком принцем Карлом в тот день, когда уничтожи-

ли всех этих бедных мальчиков. В отличие от них он не бросался на ружья. Какой был в этом прок, говорил он потом. Карл был пьян: в полной отключке. Он даже смотрел не на поле сражения, а в прямо противоположную сторону. То и дело сползал с седла, приходилось его поддерживать. Парик нахлобучил криво. Ручонки тянулись к фляге с бренди, что была вделана в рукоять шпаги. Ну, в общем, сударь, мой дядя вернулся в Кинсейл. Говорил, лучше уж голодать, чем быть срезанным, как кукуруза.— О'Дауд непринужденно болтал, словно дом его не осаждала толпа безумцев и он сидел сейчас у себя за стойкой и расслаблялся с кувшинчиком эля. Но вдруг он умолк и, вскинув голову, насторожился.

Было заметно, что он занервничал.

— Они не могут подняться так быстро. Григорьев,— крикнул он через зал,— возьми троих и проверьте подвалы!

С мушкетом в руке украинец бросился исполнять распоряжение.

Либусса, небрежно нацелив свой пистолет на Клостергейма — бывший наш союзник уселся теперь на скамью и потягивал портвейн,— подошла ко мне.

— Что происходит там внизу? — спросила она.

— Нас, сударь, пытаются атаковать со стороны сточных канав,— отозвался О'Дауд, который продолжал полагать ее юношей.— Я как раз говорил герру фон Беку... все почему-то считают, что там у меня нет никакой защиты. Но защита-то есть. Да еще какая!

Под непрерывным мушкетным огнем натиск снаружи теперь поутих. Еще несколько горящих тел свалилось с крыши на тех, что внизу. Штурм явно сходил на нет.

А потом в зал вернулся Григорьев с диким от изумления лицом.

— Они прорвались в подвал! Вот-вот снесут стену!

— Быть не может! — воскликнул Рыжий О'Дауд.— Это надо же быть таким идиотом! Да я просто дубина самодовольная. Вот что губит хороших людей и империи — самодовольство! — Он бросился к лестнице в подвал, а я побежал следом за ним. Но он опередил меня на несколько добрых ярдов, и когда я только добрался до верхней ступени, он уже возвращался назад с лицом мрачным и бледным в желтых отсветах факела.

— Отправьте половину людей ко мне,— выкрикнул он, развернувшись, чтобы снова спуститься вниз.

— Что, так плохо? — спросил я.

— Хуже, сударь, и быть не может. Они убили или, может быть, опоили какой-то отравой мою рыбину.

У меня уже не было времени, чтобы выспрашивать, что это за рыбина. Либо то была некая кличка, либо — слово из незнакомого мне жаргона. Откуда-то из глубины подвала доносились безумные вопли, выстрелы, снова — крики, скрежет металла о металл. Люди О'Дауда, точные и исполнительные, как гессенские наемники, бросились вниз по лестнице. Он направил их вперед. Я отошел, чтобы им не мешать, и направился вверх.

— Схожу за саблей.

Когда я поднялся, Либусса ждала меня у входа в подвал.

— Я принесу тебе саблю,— сказал я ей.— У меня две.

Я бегом поднялся на галерею, где головорезы О'Дауда кричали тем, кто внизу, чтобы им несли еще пороху и картечи. Девицы-разносчицы под-

таскивали им боеприпасы с той же готовностью, с какой подают они эль. Я вошел в нашу комнату и извлек из чулана подарок Люцифера. Рукоять меча теперь стала тусклой, и орла не было видно (похоже, у нее есть свои периоды, у этой рубиновой рукояти), но она все же слегка пульсировала дымным светом. Взял я и саблю — для Либуссы — и спустился вниз. Клостергейм во все глаза уставился на меня. Обычно он вообще ничего не ел, но сейчас он с большим удовольствием уплетал свиные ребрышки, словно бы для возбуждения аппетита ему было потребно немалое количество умирающих вокруг обеденного стола. Велико было мое искушение сразить его на месте. Он почувствовал мою ненависть. И рассмеялся.

Но пронзительный крик заглушил его смех.

Толпа снаружи рванулась к окну у передней двери. Глотки раскрылись в едином вопле. С полдюжины мерзких созданий разом бросились вперед и раскололи стекло, едва не ворвавшись в таверну. Люди О'Дауда встретили их массированным огнем. Волна гнусных тел откатилась назад. Разбитое окно тут же закрыли плотными ставнями. Во вновь воцарившейся тишине продолжал звучать смех Клостергейма.

Я со всех ног ринулся вниз, в подвал. В зловоние пороха и сточных канав, в гарь от масляных факелов, в кислый запах хмельной закваски и вина. Во тьме впереди разглядел я мерцание света, вспышки искр от кремневых ружей. Из мрака навстречу мне выступила Либусса, и я протянул ей саблю.

— Даже не знаю, за чем явился сюда Монсорбье: за Граалем или за нами.

— И за нами, и за Граалем. Это вне всяких сомнений. Все должно слиться воедино. И ему

нужно еще завладеть тинктурой. Хотя не исключена возможность, что у него есть и свой концентрат. Или если не у него, так у той девицы. Но без Чаши тинктура вообще бесполезна. Меч...— она покосилась на мой клинок,— придает дополнительную силу. Если Ритуал совершается точно, то можно достигнуть наивысшей ступени. Вот почему я горю нетерпением! Фон Бек, я не готова впустить Монсорбье... в надежде на то, что он приведет нас к Граалю. Или, может, подвергнем пыткам Клостергейма?

— Сомневаюсь, что это вообще возможно,— возразил я,— пытать Клостергейма. К тому же вряд ли он знает больше, чем мы.

Мимо промчался Рыжий О'Дауд, на ходу изрыгая проклятия.

— Где моя чертова рыбина?

Мушкетеры его отступили на пару ярдов. Они продолжали стрелять, но теперь на огонь их отвечали огнем. Похоже, здесь собрались все люди Монсорбье. Он бросил на этот прорыв самые отборные силы, и, похоже, сие принесло плоды. Люди О'Дауда падали, сраженные. По одному или по два за раз. Но, если так пойдет и дальше, скоро их будет уже слишком мало для того, чтобы удержать таверну.

Теперь мы сгруппировались в пивном погребе, заставленном огромными бочками с элем. Некоторые из них располагались вдоль стен, некоторые — просто рядами посередине. Здесь было прохладнее. Плохо пахло. Дальняя стена сотрясалась, словно некий великан колотил в нее кулаком. Сквозь брешь в дрожащей стене в погреб ворвались вооруженные люди.

— Может быть, наш единственный шанс,— пробормотал О'Дауд себе под нос,— взорвать к чер-

тям весь подвал. Жалко только терять добрый эль. Я и не думал, что может дойти до такого. Кто им командует, фон Бек?

— Один из лучших воинов Франции,— отозвался я.— Ветеран многих битв и революции также. Монсорбье.

— Видно, хороший солдат.— Ирландец почесал красный нос заряженным пистолетом.— Раз уж он нашел способ, как одолеть мою рыбину.

— Рыбина это что — какая-нибудь боевая машина? — полюбопытствовал я.

О'Дауд от души расхохотался, словно я сейчас выдал некую замысловатую шутку.

— Разумеется, сударь! Именно боевая машина! Ой, не могу, ха-ха-ха! — Слезы брызнули у него из глаз и покатились по красным щекам, точно стеклянные шарики по плюшу.— А вы, сударь, смекалистый!

Я мог только жалеть о том, что моя «шутка», так его развеселившая, была вовсе не преднамеренной. Я так и не понял, что это за рыбина. Снова раздались мушкетные выстрелы и последовал ответный огонь. Похоже, обе стороны достигли некоей мертвой точки. А потом откуда-то из темноты донесся громкий голос, и во мраке мелькнул белый платок, нацепленный на острие шпаги.

— Переговоры! — надрывался Монсорбье.— Переговоры, сударь!

— Черт возьми, сударь, что вы сделали с моей рыбиной? — прокричал в ответ Рыжий О'Дауд.

— Она пойдет главным блюдом к победному пиру! — Монсорбье пребывал в явном возбуждении. Этот штурм и прорыв пришлись, как видно, ему по нутру. Точно так же, как и О'Дауду. Теперь я уже различал его в дымном свете факелов:

черный плащ разметался, шляпа съехала набок. На ней опять красовалась трехцветная кокарда. Революционный кушак обвивал его талию. Монсорбье, похоже, нашел в себе силы восстановить былую свою натуру, чего не сумел Клостергейм. Улыбаясь, он отсалютовал нам шпагой — белый флаг снова взметнулся в воздух.— Переговоры, сударь. Прошу вас. Все, что нам нужно, так это Чаша.

— Чаша? — в раздражении воскликнул О'Дауд.— Снова эта проклятая Чаша. Фон Бек, да скажите вы им: нет у меня никакой чертовой Чаши!

— У Рыжего О'Дауда нет никакой чертовой Чаши! — проорал я.

— Кроме горшков и кастрюлек в баре! — добавил ирландец, вопя еще громче меня.

Но Монсорбье был непреклонен.

— Отдайте нам Чашу, сударь, и мы уйдем. Пусть фон Бек и его товарищ принесут ее нам. Они станут заложниками!

— Теперь ему, значит, нужны вы, фон Бек! — Рыжий О'Дауд заговорщически мне подмигнул.— Они, наверно, считают, что находятся в более выигрышном положении. Им что, не понятно, что будь у меня Святой Грааль, я бы, наверное, знал об этом? А, фон Бек? Ваше семейство хранит его, не мое...

— И, как мне говорили, потомки рода фон Беков выходят на поиск его, если Грааль пропадет. По иронии судьбы, поиск сей предстоит свершить мне, атеисту и грешнику! — Все это вызывало у меня чувство глубокого омерзения.

— Ну что же, сударь, Бог избирает нас, и неисповедимы Его пути. А еще, как утверждают церковники, Господь прячет свои сокровища в весьма странных местах.

— Поторопитесь, джентльмены,— окликнул нас Монсорбье.— Вы отдадите Грааль добром или будем драться?

— Что вы сделали с моей рыбиной, сударь? — прокричал в ответ Рыжий О'Дауд.— Куда вы ее подевали?

— Рыба готова для кухни, сударь! — Под прикрытием белого флага Монсорбье принялся потихонечку отступать в сумрак. Меня так и подмывало выстрелить ему вслед, я даже уже решился спросить у О'Дауда пистолет, как вдруг в самом темном углу подвала вспыхнула свеча — ярче, чем все остальные. Пламя ее налилось интенсивным светом, ослепляя всех нас. Либусса выругалась и закрыла глаза обеими руками.

Рыжий О'Дауд ликующе оскалил зубы, выпрямившись в полный рост. Раздался выстрел, и пуля едва не задела его. Рванувшись к нему, я потянул его вниз, на пол.

— Что это такое, О'Дауд?

— А-а, сударь, это наш старенький шлем. Хотя я не уверен, что он что-то сможет против такого закаленного в битвах солдата, как господин Монсорбье.

Свет слегка побледнел, из золотого обратился в серебряный. Он разливался, пока не заполнил собой весь подвал. Рыжий О'Дауд так и сиял, словно улыбаясь хорошему другу.

— А чей это шлем? — Признаюсь, странное это явление изумило меня несказанно.

— Да вроде как общая наша собственность, сударь. Я даже не знаю. Это просто наш старенький шлем... Вы, сударь, чувствуете покой и радость? Это все шлем.

Только теперь сумел я разглядеть источник странного света — на полочке высоко над бочон-

ками с элем. То был, как и сказал О'Дауд, всего лишь шлем из тех, что французы называют *chapelle-de-fer*, отлитый из стали и отделанный медью,— обычный боевой шлем, ничем вообще не примечательный, напоминающий с виду перевернутый горшок.

Либусса подалась вперед. Глаза ее засияли.

— Вы узнаете его, фон Бек? И вы, О'Дауд, разумеется, знаете истинную природу этого вашего шлема?

Ирландец разразился громовым хохотом.

— А как же, сударь! Само собой! Стало быть, это — Святой Грааль?

— Да,— язвительно проговорила Либусса,— он самый.

— Так значит, вот в чем причина того,— продолжал О'Дауд,— что он такой неуловимый и ускользающий. Но что он делает в простой таверне? — Либусса рванулась было вперед, но ирландец удержал ее, схватив за плечо.— Не пытайтесь к нему прикасаться, герр Фольц. Он имеет обыкновение кусать всех, кто хватает его руками.

С разочарованным видом она повернулась ко мне.

— Вы, фон Бек, можете взять его.

— Но я не хочу. Может быть, из всех нас я один могу прикасаться к Граалю — теперь я, кажется, в это верю — но я также единственный, кого он ни капельки не интересует. Почему не оставить его там, где он есть? Пусть спокойно лежит до скончания Времени.

Она насупилась и посуровела.

— Если ты меня любишь, фон Бек, ты возьмешь Чашу. Прямо сейчас.

Против такого я устоять не мог и шагнул было вперед, чтобы исполнить ее повеление, но тут вдруг

раздался могучий рев. Люди Монсорбье прорвались еще на пару ярдов в погреб, но встретили самое жесточайшее сопротивление. Их потихоньку теснили назад. Монсорбье, безусловно, понял, что означает сей странный свет! Я не видел его, но зато хорошо его слышал, как он подгонял своих людей. Снова погреб сотрясся от выстрелов, а потом стало тихо. Свет, заливающий все пространство, ослепил и защитников, и атакующих — они не видели, куда стрелять. Весь пивной погреб обратился теперь в сияющий сгусток бледного золота и серебра. Тишина была столь глубока, что она едва ли не звучала сама по себе. Или, может быть, этот безмолвный звук исходил из глубин нашего существа. Человеческие голоса умолкли. Никто даже не шелохнулся.

А потом свет внезапно потух. Рыжий О'Дауд, мгновенно воспользовавшись преимуществом,— ибо он один знал все свойства и качества этого «старого шлема»,— прокричал:

— Вперед! — и наши люди рванулись в атаку, паля на ходу из мушкетов и ружей. Во мраке я разглядел бледное — почти белое — лицо Монсорбье. Я видел, как он свалился с кучи булыжника, на которой стоял. Солдаты его обратились в бегство. Я слышал, как хлюпают их сапоги по воде сточных канав, слышал влажный плеск, слышал сердитые вопли Монсорбье:

— Он не причинит вам вреда! Мы за ним и пришли!

Издав некий гортанный боевой клич, О'Дауд выстрелил в направлении Монсорбье. Потом я услышал, как кто-то вскрикнул в дальнем тоннеле. Странный, словно бы призрачный звук.

— Ну наконец-то,— проговорил О'Дауд тоном глубочайшего удовлетворения.— Моя рыбина!

Преследуя отряд Монсорбье, мы тоже вступили в сточные канавы. Мы с Либуссой старались держаться поближе к О'Дауду, у которого была лампа. Эхо гремело по влажным тоннелям. Монсорбье едва ли не слезно умолял своих воинов остановиться и возобновить атаку. Еще несколько изгибов и поворотов — и мы оказались в высоком, со сводчатым потолком сточном канале. Весь пол был залит водою, что поднималась дюйма, наверное, на четыре. Странные крики не умолкали, но доносились они из другого прохода — настойчивые и ужасные.

Рыжий О'Дауд сделал знак своим людям.

— Идите за ними до самой поверхности и посмотрите там, как удалось им войти. А я пока разберусь с рыбиной.

Мы трое свернули налево. Тоннель становился все выше и шире — теперь по нему могли бы пройти плечом к плечу человек десять, не меньше,— и впереди показался один из людей Монсорбье, выхваченный из мрака светом нашей лампы. Он кричал и как будто отбивался от кого-то невидимого. А потом он вдруг выпрыгнул из воды, взлетел в воздух, словно чья-то исполинская ручища подбросила его во тьму, и ударила со всего маху о камень стены. Безвольно обмякшее тело свалилось обратно в вонючую воду. Он еще жил, еще рыдал, но почти все кости в теле его были переломаны.

Раздался какой-то сосущий звук.

Над головою у нас шевельнулись чьи-то глазищи на длинных, покрытых чешуей отростках и уставились прямо на нас с выражением, как мне показалось, ненавязчивого любопытства. Рыжий О'Дауд с облегчением заулыбался.

— С тобой ничего не случилось плохого, моя хорошая? Что они тебе сделали?

— О, Матерья Божья! — выдохнула Либусса.— Да это ж гигантский рак!

Ничем другим это и быть не могло. Рука моя, сжимавшая Меч Парацельса, взметнулась, казалось, сама. Все инстинкты мои побуждали меня разрубить эту тварь на куски, но та, похоже, стала послушной и кроткой, едва заслышав голос Рыжего О'Дауда. Очень медленно, двигая клешнями едва ли не деликатно, гигантский рак принялся пожирать свою жертву прямо живьем. Очень скоро вопли бедняги затихли.

— Они, наверное, чем-то ее опоили,— предположил О'Дауд.— Или же приманили, чтобы отвлечь. Теперь она вроде неплохо выглядит. Как на ваш взгляд, фон Бек?

— В жизни не видел рыбины здоровее, сударь.

— Этот ваш Монсорбье — хитрый стратег,— едва ли не в восхищении заметил О'Дауд.— Он — первый, кто сумел пройти мимо нее.

— Эту кампанию он никогда не забудет.— Либусса от души забавлялась.

Исполинский рак принялся щелкать клешнями о стены тоннеля, а Рыжий О'Дауд — прищелкивать языком, причем звук, издаваемый им, казалось, в точности имитировал щелканье «рыбины». Они переговаривались таким образом где-то с минуту, может быть, две.

Потом О'Дауд глубоко вздохнул.

— Ей не причинили вреда. Они, без сомнения, направили кого-то одного вперед. Причем его так накачали опием, что даже рыба моя задремала. Недурственный план, что скажете?

Умный мужик этот француз. Отравил своего солдата, а тот в свою очередь отравил рыбину. Ха! — Ирландец задумчиво поскреб бороду.— Ну что ж, теперь нам вроде бы тут делать нечего. Придется, правда, заново отстроить стену в подвале и укрепить ее, но в остальном нам остается лишь ждать, что будет дальше. А там уж посмотрим. Я не могу остановить вашего Монсорбье, если он вновь решит отравить мою рыбину, но зато я могу приготовиться встретить его как положено в следующий раз.

— Неужели вам никогда даже в голову не приходило, что только Грааль может давать такой свет? — спросила Либусса.

— Сударь, когда мы здесь появились, тут повсюду валялись целые груды старых доспехов и оружия, что вышло из употребления не одну сотню лет назад.— Рыжий О'Дауд был явно обескуражен.— Наверное, предполагается, что я должен чувствовать себя удостоенным великой чести...

Тут раздался какой-то пронзительный звук, и несколько человек из отряда Монсорбье, отрезанные или отбившиеся от остальных, устремились прямо на нас из бокового тоннеля со шпагами наголо. Защищаясь, я поднял Меч Парацельса. Мне показалось, я слышу, как бьются в рубиновой сфере крылья орла. Я парировал удар с такой сверхъестественной быстротой, что у меня возникло впечатление, будто основную работу исполнил сам меч, а не я. Но, как бы там ни было, для рыбины О'Дауда образовались не одна еще порция свежего мяса. Когда я убирал меч в ножны, Рыжий О'Дауд в изумлении вытаращился на меня. На лице Либуссы тоже возникло какое-то странное выражение.

— Их было пятеро,— проговорила она.

— Я выучился этой технике у татар,— не без гордости похвастал я.

— Вы уложили их всех секунд за пятнадцать, не больше,— заметил О'Дауд.— Мне доводилось сражаться с татарами, сударь. Даже им, при всем их мастерстве, времени требуется побольше. Вы — выдающийся фехтовальщик, просто мастерский!

— Вовсе нет, уверяю вас.— Я почти и не помнил схватки. Однако ее подтверждение в виде пяти бездыханных тел наводило едва ли не суеверный ужас.

— Тогда, *стало быть*, это волшебный *меч*,— очень тихо проговорила Либусса.

На этот счет у меня не было никаких сомнений. Мы зашагали обратно по сточным каналам, перебрались в подвал таверны через пробитую стену. Люди Рыжего О'Дауда времени зря не теряли и занимались уже ее восстановлением.

— Рыбина там прикорнула немножко,— объявил он им.— Но теперь с ней все в порядке.

Либусса поглядела на полку, где стоял шлем. В темноте невозможно было определить, там он еще или нет. Рыжий О'Дауд хохотнул:

— Я же вам говорил, шлем этот неуловим и всегда ускользает. Никогда не знаешь, где он появится в следующий раз. Или когда.

Он жил среди таких чудес и относился к ним так небрежно, что мне даже подумалось: быть может, это моему представлению о реальности чего-то недостает. До этого времени Либусса, как мне кажется, была как-то уж слишком сдержанна.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Явные признаки безумия. «Грааль сводит все нити вместе». Попытка простить. Ярость Клостергейма. Новая атака. Вмешательство с небес. Подражание Люцифера

1

Клостергейм закончил завтрак. На тарелке его возвышалась кучка обглоданных косточек.

— Монсорбье был уверен в успехе,— небрежно заметил он.— Он призвал в свое войско всяких существ Майренбурга, от которых отказался Ад: мерзостных пожирателей опия, головорезов самого низменного пошиба, не пожелавших подчиниться правлению господина Реньярда. Достаточно гадких отбросов. Он хочет смести все преграды и потопить вас в зло-

вонной жиже.— Клостергейм покосился на искаженный предсмертной конвульсией труп фон Бресворта. — Барон был слишком слабовольным. Он был обречен на провал.— Клостергейм кивнул каким-то своим потаенным мыслям. Тело его качнулось, но он тут же взял себя в руки и, продолжая жевать, поднял глаза на меня.

— У Монсорбье был план, как действовать дальше? — спросил я его.— Вы должны понимать, что теперь это в ваших же интересах — открыть его нам.

Клостергейм вздохнул.

— Я всеми покинут! Меня все бросили — все союзники, все!

— Вы, сударь, первым стали предателем, еще тогда, когда в неуемных своих амбициях бросили вызов вашему хозяину. Но все равно: вы никогда не были достойным соперником Сатане.— Либусса так и пылала гневным презрением.— Теперь вы сыграли за тех и за этих. Но всякая карта, которую бы ни выкладывали вы на стол, всегда оказывалась слишком мелкой! Все, чем вы обладали, так это Гордыней и Глупыми Грезами, тогда как были уверены, что в руке у вас только тузы и дамы. Разве вам до сих пор не понятно, что вы проиграли?

— Он надеялся выиграть.— Клостергейм, как я понял, говорил сейчас о Монсорбье.— Он утверждал, что у него все продумано и разложенно по своим местам. Эстетическое и сверхъестественное, соразмерность и равновесие. Что до меня...

— Грааль сводит все нити вместе,— пробормотала Либусса себе под нос.

— Я обладаю великой мощью,— мечтательно проговорил Клостергейм.— Мощью, которой я пока не решался воспользоваться. Ни разу. Я делал все

от меня зависящее, чтобы быть таким, как все вы, но при этом сошел со своего пути. Больше всего я боюсь, что во мне нет некоего ядра. Стержня. Душа моя выходила из тела и возвращалась обратно такое количество раз, что, должно быть, давно уже поизносилась. Я думал, ее можно будет возродить, если я окажусь в обществе людей...

— Да неужели, Клостергейм?! Вы же стремились соперничать со всеми и каждым.— Тут я рассмеялся.

Клостергейм поджал губы.

— Не стоило мне позволять фон Бресворту убивать его тетку. Из-за этого все пришло в беспорядок...

— Вы совершили большую ошибку, сударь, убив Королеву-Козлицу. Вы пошли тогда на поводу своей дьявольской жажды крови — в тот самый момент, когда вы могли бы спастись! Вы позволили Зверю в себе одолеть человека. В этом смысле вы могли бы соперничать с Люцифером. Он знает, что это значит: быть в едином существе больше чем человеком и меньше чем человеком.— Я был угрюм и мрачен. Если когда-то я и питал к нему нечто похожее на сочувствие, то после убийства старой женщины во мне не осталось уже никакого сочувствия.

— Во мне есть изъян,— серьезно провозгласил Клостергейм.

— В каждом из нас есть изъян.— Либусса задумчиво поглядела в сторону подвала, откуда теперь доносился грохот и скрежет: люди О'Дауда восстанавливали оборонные укрепления.

Рыжий О'Дауд, потный и весь в пыли, поднялся по лестнице и вступил в зал таверны. Он окликнул нас, вытирая лицо полотенцем:

— Скоро нам ждать их назад, как вы думаете, джентльмены?

— Пока Грааль здесь, они не отступятся.— Губы Клостергейма скривились в злобной усмешке. Может быть, из-за того, что у него перехватили инициативу, он сделался прямо-таки шальным. Он пододвинул к себе еще одну тарелку с остывшими свиными ребрышками, собранными со всех столов.

Рыжий О'Дауд был раздражен и рассержен.

— Я не могу дать им то, что мне не принадлежит. Когда я пришел сюда, все уже было здесь... и шлем, и рыбина, и ручей. Это, можно сказать, атрибуты таверны.

— Неужели? — насмешливо проговорила Либусса.— Эта гостиница что — святилище? Часовня на месте явления некоего христианского чуда?

— Должен заметить вам, сударь,— с достоинством отвечал ей О'Дауд,— что вы оскорбляете чувства некоторых из нас. Тех, что остались добрыми христианами, пусть даже и не удостоены милостей Церкви.

— Бог, сударь, покинул этот мир,— возразила она.

— Похоже на то,— согласился он.— Однако я вырос в религиозной семье и получил соответствующее воспитание. И не вижу причины отказываться от религии своих отцов, ибо пусть даже Бог и покинул нас, но добродетели все же остались среди людей. И к тому же учил нас Христос, а не Отец Его.

— Стало быть, вы остаетесь добрым католиком, О'Дауд! — Клостергейм отобрал ребрышко побольше, с большим куском недожаренного мяса, и вгрызся в него зубами.— Мы все играем какие-

то роли, избранные для себя, разве нет? Мы с вами оба — дремучие анахронизмы, сударь.

Рыжему О'Дауду явно пришлось не по душе замечание о некоей общности, якобы существующей между ним и опальным прислужником Ада. Он бросил на Клостергейма сердитый взгляд.

— Вы, может быть, сударь, оставлены Сатаной, а я — Господом, но это не значит, что мы с вами едем в одной повозке. И даже — по одной дороге.

— Теперь, сударь, есть только одна дорога.— Клостергейм ухмыльнулся.— Или будет — совсем уже скоро, и дня не пройдет. И это дорога моя, О'Дауд. Не ваша.

Это мрачное заявление никак не проняло гиганта-ирландца.

— Ваше время, сударь, прошло. И я, должен заметить, не питаю к вам никаких теплых чувств. С вашей подачи был потревожен дом. Когда я все это улажу, я позабочусь о том, чтобы вы понесли наказание!

Клостергейм вперил безучастный взгляд в свою тарелку.

— Скорее я вас убью,— пробормотал он себе под нос.

Передняя стена таверны вновь затряслась от удара. Лампы и свечи закачались на стенах.

— Мушкеты на изготовку! — гаркнул О'Дауд. С улицы донесся жуткий вой, и вдруг там зажегся какой-то свет. О'Дауд выглянул в окно, и лицо его исказилось от гнева.— Они запалили свечную лавку!

Мушкетные выстрелы все еще грохотали, и мерзостные прокаженные создания падали, сраженные, друг на друга. Впечатление было такое, что

во всем мире разом распахнулись ворота всех тюрем и лепрозориев, разверзлись все могилы и «обитатели» их низверглись на нас. То, что это были живые мужчины и женщины, а не какие-нибудь упыри, немного успокаивало, но в то же время и пугало. Монсорбье собрал в свое войско всех отчаявшихся, бессильных и безвольных. Чем он завлек их? Что посулил? То же, что и Робеспьер? Царство небесное на земле? Эти рассуждения привели меня к мысли о том, что, возможно, человечество просто не сможет существовать без мечты, озаряющей его путь! Какой древний гений придумал миф о лучшем будущем?

Люди Монсорбье бездумно бросались на стены. Вопили, хихикали, выли. Обезумев от ужаса, О'Дауд рванулся по лестнице вверх, на галерею, а оттуда — на крышу. Никогда прежде таверна его не подвергалась такому натиску. Он думал, что битвы его завершились уже, и только теперь осознал, что мир, им достигнутый, был всего лишь временным затишьем.

Мы с Либуссой подхватили мушкеты и бросились к ставням, стреляя в толпу, в эту безликую толпу. Монсорбье, однако, было не видать. Его атака утратила всякие черты продуманной стратегии и обратилась в мстительную демонстрацию силы. Монсорбье, без сомнения, решил уничтожить нас, раз не сумел захватить то, что — как он полагал — мы хранили. Похоже, все происходящее забавляло Клостергейма. С каждым новым ударом, сотрясающим наши стены, он заходился неудержимым хохотом — как будто знал некий секрет, не доступный больше никому.

А потом вновь стало тихо. Осторожно выглянув в окно, мы увидели только мертвых и умира-

ющих. Бледные существа в жутких лохмотьях, многие — со страшными ранами, взбирались на груды трупов своих сотоварищей. На фоне пылающей лавки возник Монсорбье. И трое-четверо его людей. Он был до неприличия элегантен, настоящий щеголь-санкюлот. Уперев руки в боки, он прохаживался неспешным шагом туда-сюда, не сводя взгляда с таверны.

Рыжий О'Дауд угрюмо насупился. Весь его воинский пыл иссяк.

— Мы вынуждены вступить с ними в переговоры,— буркнул он.— Запасы пороха и картечи уже на исходе, и я потерял людей больше, чем считаю приемлемым. Я не намерен сложить тут голову и не позволю людям своим погибнуть, защищая питейное заведение с весьма убыточной торговлей. Я могу подыскать себе и другую гостиницу — утешение в старости.

— Что-то вы быстро запели на иной лад,— заметила Либусса.

— Я всегда поступаю так, сударь, когда меня ставят перед неумолимым фактом,— без тени стыда отозвался О'Дауд.— Один из нас должен пойти туда.

— Я пойду,— вызвался Клостергейм.— Все равно мне нечего терять.

— Вот поэтому вы и останетесь, сударь,— взбесился Рыжий О'Дауд. Он твердо решил призвать Клостергейма к правосудию.— Пусть идет герр Фольц. Он, как я понимаю, в этом вопросе нейтрален.

Либусса кивнула:

— Хорошо, мистер О'Дауд.

Ошибочная его догадка весьма меня позабавила, однако я опасался за безопасность Либуссы. Я,

впрочем, не стал возражать, поскольку ни капельки не сомневался ни в ее хитроумии, ни в способности заключить с Монсорбье наиболее выгодную для нас сделку. Я был уверен, что она справится с этим гораздо лучше меня.

Клостергейм поднялся из-за стола и подошел к двери, у которой собрались все мы.

— Теперь все сговорились против меня,— доверительно сообщил он.— Вы, однако, забыли о том, что первоначально это был мой план. Вы собрались здесь — вы все,— чтобы помочь *мне* исполнить *мое* предназначение.— Он снова принялся жевать.

— Нет у вас никакого предназначения, сударь. И не было никогда,— возразила Либусса,— кроме того, что вы сами себе навыдумывали по бедности духа. Вы сами назвали сами анахронизмом. Так оно и есть на самом деле. Время ваше закончилось, сударь, вы свое отыграли. Теперь вы такой же никчемный, как и любой оборванец из этой потасканной толпы. Люцифер отверг вас. И человечество тоже вас отвергает. Проявите достаточно такта, сударь, и примите сей непреложный факт как подобает мужчине и джентльмену! — Она выхватила из руки О'Дауда белый платок и привязала его к эспонтону, врученному ей рыжим трактирщиком.— Я заставлю Монсорбье отозвать своих дворняжек. А вы, сударь, стойте на месте и держите язык за зубами.

Бесплотный череп Клостергейма стал вдруг еще белее. В его мертвых глазах промелькнула какая-то искра — едва различимая, но тут же погасла, подобно отсыревшим углям, обещавшим разгореться.

— Не вам угрожать мне, мадам, ведь это я вдохнул в вас эти амбиции! Я вдохновил вас!

— Вдохновила меня моя кровь, сударь. Пока вы могли быть мне чем-то полезны, я позволяла вам думать все, что угодно.— В это мгновение она показалась мне такой же безумной, как и Клостергейм: готовая отринуть любой долг, моральный или какой-то иной, который — как сама она мне признавалась — имела по отношению к нему.

— Вам не стать Антихристом. Никогда! — скривился Клостергейм.— Я отрекаюсь от вас!

— Разве может Предтеча отринуть Мессию? Вы, Клостергейм, продолжаете оттенять гордыню свою непроходимою глупостью. Вы слишком многое предали. И в нас, и в себе. Поищите себе другую Соломею. Пусть она положит конец вашей истории, по крайней мере, с некоторым высоким драматизмом! — С этими словами Либусса распахнула входную дверь и прокричала: — Перемирие! Перемирие! Мы согласны на переговоры, Монсорбье!

Я наблюдал, как она пробирается между горами трупов, переступая через тела умирающих и гордо держа, точно знамя победы белый флаг. Она не знала еще поражения, не могла его знать. Монсорбье отдал своим людям приказ стоять на месте и, засунув большие пальцы обеих рук под трехцветный кушак, стал ждать Либуссу, при этом весь вид его выражал хладнокровное спокойствие.

Клостергейм издал какой-то странный звук, похожий на сдавленное причитание, и я повернулся к нему. Его буквально трясло от наплыва невообразимых, невозможных чувств.

— Все сговорились,— прохрипел он, отступая назад. Его темные глаза горели неистовым огнем.— Все меня предали. Все, кому я стремился служить! Почему?

Рыжий О'Дауд запрокинул голову и разразился раскатистым смехом.

— Вы стремились служить человечеству? Боже! Подобные заявления доводилось мне слышать не раз, мистер Клостергейм, но в ваших устах они прозвучали особенно смехотворно!

— Что вы можете знать об этом? — набросился на ирландца бывший капитан сатанинского войска.— Что?!

— Да мне, сударь, и не нужно многого знать. Я — человек простой. Я всех их послушал: и вигов, и тори, и якобитов, и якобинцев, всяких напыщенных церковников, и масонов и тех, что называют себя Детьми Божьими. Когда попытки их захватить власть заканчивались неудачей, все они, сударь, объявляли о том, что их предали те, кого они собирались «спасти». Скажу вам прямо, без обиняков: я бы скорей согласился быть спасенным одним из этих убогих созданий, что толпятся сейчас за дверьми, чем доверить решение своей судьбы кому-нибудь вроде вас!

Клостергейм, похоже, уже овладел собою и вновь обрел прежнее хладнокровие. Постепенно дрожь, сотрясавшая его тело, унялась. Его лицо вновь стало серого цвета. Пожав плечами, он уселся за стол и снова принялся за еду с ненасытной жадностью обжоры.

Все наше внимание вновь обратилось на улицу. Над кольцом покачивающихся башен и многоквартирных домов мерцание звезд обрело вдруг цвет ржавчины и потертого бархата. Либусса продолжала беседовать с Монсорбье. Оба настроены были весьма решительно.

Они, похоже, пришли к соглашению. Либусса кивнула. Монсорбье приподнял шляпу и вновь

нахлобучил ее на голову. Герцогиня Критская развернулась и, высоко подняв эспонтон с белым флагом, зашагала обратно к таверне. Монсорбье принялся отдавать распоряжения своим людям, указывая рукой то в одну, то в другую сторону.

Хмурясь, Либусса вошла в помещение.

— Его условия просты: мы освобождаем гостиницу и не берем с собой ничего ценного.

— Да тут нет ничего ценного,— отозвался О'Дауд.

— Он имеет в виду Грааль,— пояснил я.

— Если мы выполняем его условия,— продолжала Либусса,— мы вольны уйти с миром. Никто на нас больше не нападет.

— Что-то мне это напоминает одно соглашение,— нахмурился О'Дауд.— То самое, заключенное в Мунстере, когда гарнизон покинул укрепления, поверив заверениям англичан, и тут же был уничтожен солдатами короля.

— Что ж, сударь,— проговорила Либусса,— быть может, это и вправду английская честность, но, сдается мне, иного выхода у нас нет.

— Ты отказываешься от своего желания захватить Грааль? — искренне изумился я.

— Мы можем начать поиск снова,— сказала она,— когда выберемся отсюда.

— Нету времени,— усмехнулся Клостергейм,— для того, чтобы заново начинать.

— Ну, мистер О'Дауд? — обратилась Либусса к хозяину нашему, игнорируя Клостергейма.— Как вы все это решите?

— Поганые дела, сударь. Сдается мне, что гарантии наших врагов весьма сомнительны. Сколько времени у нас на то, чтобы обдумать его предложение?

Герцогиня нетерпеливо пожала плечами, словно уже выработала дальнейшую свою стратегию, и вполне объяснимая нерешительность О'Дауда теперь выводила ее из себя.

— Пять минут.

— Но этого мало! Умоляю вас, сударь, сходите еще и постарайтесь, чтобы нам дали хотя бы полчасика!

Клостергейм подхватил с пола разряженный мушкет. К концу его примкнут был штык. С пеной на губах и безумным блеском во взоре он бросился прямо на О'Дауда.

— *Все меня предали! Все сговорились!* — Вопль его подобен был боевому кличу.

О'Дауд вдруг прогнулся назад, выпятив таз и откинув плечи. Стальное лезвие вонзилось сзади, как раз над нижней пуговицей его сюртука.

— Иисус милосердный! — воскликнул ирландец, пораженный ужасом.— Господа, да этот тип — содомит!

Скалясь, точно шакал, Клостергейм вонзил штык еще глубже в зад О'Дауда.

При таких ранах, нанесенных рукою труса, люди не умирают с достоинством. Мне доводилось и прежде видеть подобное, в Америке, когда солдаты Вашингтона расправлялись с индейцами-предателями. Волоча за собою мушкет, словно какой-нибудь деревянный хвост, Рыжий О'Дауд шагнул на цыпочках вперед, пытаясь избежать боли, равно как и обеспечить приемлемое положение тела, чтобы штык не прошел дальше внутрь и не задел жизненно важных органов.

— Стойте на месте! — выкрикнул я.— Нагнитесь вперед!

— О, Матерь Божья! — Изо рта его вытекла струйка крови. Я выдернул мушкет, и из раны

хлынула кровь. Люди О'Дауда, кажется, так и не поняли, что сейчас произошло. Молча я указал рукой на Клостергейма, который уже поднимался по лестнице — сверкая бешеными глазами,— потом пробежал по галерее и скрылся на верхних этажах. Двое бросились ему вдогонку.

О'Дауд рыдал, лежа на животе на одной из стоек.

— Это же непристойная, нехристианская смерть. Немужская смерть, господа! Вы не выслушаете мою исповедь?

— Будет лучше, если вас выслушает ваш собрат по религии,— сказал я, делая знаки одному из украинцев подойти поближе.

— Вот что вы получаете, сударь, когда вы поворачиваетесь спиною к Дьяволу.— Рыжий О'Дауд выдавил бледную улыбку. Губы его были испачканы кровью, и улыбка почти потерялась в ней. Потом он обратился к подошедшему украинцу и получил свое утешение.

Перекинув через плечо мешочек с порохом и картечью, Либусса тоже взяла мушкет.

— В подвал,— прокричала она на бегу, спускаясь в подвал. Я буквально разрывался между двумя желаниями: бежать за ней и остаться с умирающим ирландцем. Пока я решал, что мне делать, она вернулась и проговорила, мотнув головой:

— Мне показалось, они снова пошли на штурм. Пойдемте, фон Бек, присмотрим за крышей. Время, данное нам Монсорбье, истекло!

И действительно, толпа снаружи снова сдвинулась в едином порыве. Стены дрожали, вся таверна грозила обрушиться прямо на нас, все вокруг сотрясалось и дребезжало. Люди О'Дауда отстреливались с четко отработанной согласованностью —

это было прекрасно вымуштрованное боевое подразделение. Я протянул эспонтон с белым флагом украинцу с квадратным лицом, который принимал исповедь О'Дауда.

— Оставляю его вам, распоряжайтесь по собственному усмотрению.

Глаза О'Дауда были закрыты. Его огромная рыжая бородища топорщилась вокруг побледневшего вдруг лица, а он продолжал бормотать громкие лозунги, которые, как он надеялся, откроют пред ним Врата Небесные или хотя бы позволят спокойно выждать у этих ворот, пока Господь с Люцифером не придут к соглашению относительно бессмертной его души. Клостергейм поступил подло, жестоко. Он, похоже, готов причинить боль всякому живому существу, наделенному тем, в чем отказано ему. Либусса была права, когда говорила, что именно неспособность противиться желанию убить и лишила его господина.

Преследуя Клостергейма, мы бросились наверх. По узеньким ступеням служебной лестницы, потом, по какой-то винтовой лесенке и, наконец, по приставной из полированных деревянных планок, нацеленной в открытое небо. Беглец, как вполне очевидно, поднялся на крышу, но его нигде не было видно. Люди О'Дауда стояли у карнизов с горючей смесью наготове. Присутствовали и те двое, что побежали за Клостергеймом. Вид у них был весьма обескураженный. Мы обследовали все скаты и трубы. Клостергейм пропал. Мы заглянули даже через перила на краю крыши, высотой по колено: его не было и на карнизах внизу. Тело его не лежало на мостовой. Отсюда, с крыши, толпа казалась куском протухшего червивого мяса. Я невольно отшатнулся.

— Я останусь здесь,— распорядилась Либусса,— а ты еще раз проверь подвал.

Я вернулся в зал таверны — по пути я еще раз тщательно осмотрел лестницу, но Клостергейма так и не обнаружил. Я даже начал склоняться к мысли, что он действительно обладает магической силой, которою так похвалялся. О'Дауд был на последнем уже издыхании и пожелал, чтобы я подошел к нему. Я поднес ухо к самым его губам, чтобы расслышать то, что он хотел мне сказать.

— Умоляю вас, сударь, не говорите никому, как я умер...

— Я не вижу бесчестия в вашей смерти, сударь. Бесчестие падет только на Клостергейма.

Глаза О'Дауда закрылись. Неровное дыхание его замерло на губах. Только теперь я заметил, что зал наполняется дымом — он проникал через щели под дверью и в ставнях.

— Они подожгли нас, как подожгли лавку! — прокричал украинец и, уронив руку мертвого своего хозяина, вновь схватился за мушкет.— Боже правый, они жгут нефть! — Судя по запаху, ничем иным это и быть не могло. В то же мгновение я услышал, как Либусса завет меня с галереи:

— Фон Бек! Наверх! Быстро!

Уверенный в том, что она нашла Клостергейма, я бросился к ней, перепрыгивая через три ступени, но она увлекла меня наверх — обратно на крышу, в прохладный воздух.

— Все вниз,— прокричала она солдатам О'Дауда.— Быстрее, ребята, вы там нужны.

Они оставили свои посты и — один за другим — скрылись в люке, ведущем на чердак. Вид у Либуссы был какой-то странный, как будто удовлетво-

ренный. Я высказал сомнения насчет того, стоит ли оставлять крышу незащищенной. Она одарила меня таким взглядом, словно я был жертвой мартовской луны.

— Нам больше нет нужды оставаться здесь.— Она указала рукою в небо.— Смотри, болван!

Я поднял голову. Какая-то громадная тень пересекала Осенние Звезды. Но не птица и даже не ведьма на помеле. То был воздушный корабль Сент-Одрана, с его аккуратными парусами и лопастями для гребли, громадным шелковым куполом и гондолой в форме летящего грифона. Теперь от него исходили специфические приглушенные звуки — треск, похожий на выстрелы из ружья, притом что никто оттуда не стрелял. Я видел искры и очень боялся, что горючий газ вспыхнет и весь корабль — ревущим шаром огня — рухнет на землю.

Корабль дернулся, покачнулся и опустился ниже. Похоже, в управлении шаром Сент-Одрану теперь помогала не только удача, ему неизменно сопутствующая. Он кричал нам в громадную медную трубу:

— Стойте на месте! Стойте на месте! Мы сбросим вам лестницу!

Здание содрогнулось под нами — толпа внизу вновь рванулась на штурм. Мушкетный огонь стал теперь сбивчивым и беспорядочным. Я надеялся, что защитникам таверны удастся выбраться отсюда прежде, чем толпа ворвется внутрь. Интересно, решатся они бросить тело своего погибшего предводителя и спастись, отступив по сточным канавам? Меня так и подмывало вернуться вниз и приказать им немедленно уходить отсюда, я даже было уже повернулся к люку, но тут — словно бы ниоткуда — раздался голос, чужой и знакомый одно-

временно. Голос этот тихонько взывал к бушующей толпе. В песне той не было слов, но мелодия убаюкала их. Постепенно толпа начала успокаиваться, словно море после бури. Голос пел, умиротворяя сей грязный поток, пока тот полностью не иссяк. Потом толпа принялась раскачиваться из стороны в сторону, издавая единый стон. Я поверить не мог в такую разительную перемену. Должно быть, сказал я себе, я пал жертвой иллюзии. А потом о поверхность крыши ударилась веревочная лестница, и Либусса, выбросив мушкет, но оставив мешочек с порохом и картечью, начала подниматься. Теперь я разглядел князя Мирослава, выглядывающего через край борта гондолы. Русский князь широко нам улыбался. Приключение это, как видно, привело его в самый искренний восторг.

Я не стал медлить, пытаясь понять, как им удалось нас разыскать, но с благодарностью поставил ногу на нижнюю перекладину лестницы и полез вверх, правда, мне немного мешал громоздкий меч у меня за поясом. Наконец я добрался до гондолы, и Сент-Одран, посмеиваясь, втащил меня внутрь. Князь Мирослав укутал Либуссу в широкий шерстяной плащ. Корабль наш дергался и раскачивался в воздухе. Мне показалось, он стал тяжелее. И сбалансирован по-другому.

— Доброе утро, Сент-Одран,— сказал я.— Похоже, вы воплотили в жизнь идеи по управлению кораблем. Весьма за вас рад. Как вы узнали, что мы в таверне?

— Не приписывайте мне славу великого изобретателя, сударь,— отозвался Сент-Одран.— Это князь Мирослав придумал, не я! И, разумеется, вы должны знать, что это рандеву устроила ваша пре-

красная дама, когда вернулась отсюда к князю Мирославу в украденной ею карете!

Я с удивлением посмотрел на Либуссу, но она укрыла лицо плащом. Таким образом, все ее странные поступки и мужской костюм нашли объяснение. Я только не мог понять, почему она не сказала мне правду. Почему она солгала мне... и не в первый раз? А потом решил, что она по-прежнему манипулирует всеми нами наиболее эффективным способом: приводя в смятение и обманывая.

Гондола вдруг резко дернулась, и Сент-Одран удивленно проговорил:

— А это еще что такое? — Он заглянул через борт и удивленно присвистнул.— Боже ты мой, я и не знал, что вы с нами, любезный! Вы только держитесь как следует! Я сейчас сброшу вам лестницу.

— Кто там? — встрепенулась Либусса, и мы с нею тоже подошли к краю гондолы.— О нет! — в ярости выдохнула она.

Теперь мы поднялись высоко над таверной, футов на сто над крышей, но на нашей прицепной веревке висел человек, раскачиваясь и брыкаясь, как обезьяна. Я слышал его отчаянный сдавленный крик:

— *Предатели! Изменники!*

Сент-Одран уже нагнулся, чтобы поднять веревочную лестницу, сложенную у его ног, но Либусса остановила его, схватив за плечо:

— Нет.

Сент-Одран не поверил своим ушам.

— Это же Клостергейм! Ваш союзник, мадам! Что? Вы считаете, благоразумнее будет опустить шар? Но если он соскользнет, то тогда... Ну хорошо...— Он потянулся к крану клапана, но Либусса мотнула головою:

— Нет.

Сент-Одран с удивлением уставился на нее.

— Мадам, я, кажется, ясно дал вам понять, что я вам не слуга! Вы что же, хотите, чтобы я совершил убийство? — Он открыл кран, выпуская газ из оболочки шара. Мы стали медленно опускаться обратно к крыше таверны, и теперь стало уже очевидно, что Клостергейм, проявив поистине демоническое упорство, сумел подняться по веревке еще на несколько футов. Я слышал даже его тяжелое сбивчивое дыхание, различал блеск черных глаз во впадинах бледного черепа.

— Боже правый! — едва ли не в восхищении воскликнул Сент-Одран.— Да он поднимется и без лестницы! Он сильней Геркулеса!

Вскоре нас с Клостергеймом разделяло лишь футов двадцать веревки. Лицо его застыло серебряной маской ненависти, граничившей с вожделением. Он продолжал подниматься. Дать ему возможность — и он непременно отомстит за себя. Он, похоже, окончательно спятил. Сент-Одран продолжал опускать шар вниз. Во взгляде его ощущалось то же громадное напряжение, что и во взоре Клостергейма, нацеленном на нас. Князь Мирослав отошел в дальний конец гондолы и занялся какой-то машиной, что тарахтела и подрагивала непрестанно. А потом шар вдруг остановился и повис, словно застыв в воздухе. Все затихло, только ветер свистел в такелаже да гудела машина князя Мирослава. Мы выглянули через борт.

Далеко внизу бешено, в такт с раскачиванием и пением толпы, сотрясалось здание таверны. Вся Сальзкахенгассе пылала в огне — казалось, мы заглянули в самый Ад.

Клостергейм поднялся еще на несколько футов. Дыхание его обратилось в скрежещущий звук

кости, трущейся о кость. Его призрачно-бледное лицо будто бы накалилось в жарких отсветах пламени. Я невольно поежился. Казалось — неумолимо приближается сама Смерть, чтобы потребовать наши души, обреченные вечному проклятию.

А потом Либусса выхватила из ножен шпагу и — прежде чем Сент-Одран понял ее намерение — единственным ловким движением перерезала веревку!

Клостергейм закричал, но крик его не был воплем ужаса. В нем звучала ярость хищника, которому помешали добраться до жертвы!

Он кричал, падая вниз, к жадному пламени и мерзкому хору проклятых. Мне показалось, что в какой-то момент, все еще продолжая кричать, завис в воздухе, замерев на невидимой точке опоры. В это мгновение я почти поверил в то, что он остановится в воздухе и возобновит свой подъем. Взгляды наши встретились — глаза его полыхали ненавистью. Меня передернуло.

Но его пальцы — костлявые, цепкие — не нашли опоры в холодной пустоте.

Клостергейм падал вниз точно так же, как бывший его господин — Люцифер, низвергнутый с Небес. С последним воплем яростного бессилия, с проклятием, застывшим на губах, он упал, корчась, в пламя, и пламя поглотило его.

Либусса, удовлетворенная, улыбнулась и убрала шпагу в ножны, безучастная к ужасу Сент-Одрана.

— Он, наверное, прятался в дымоходе,— сказала она.— Вы обратили внимание, как он испачкал сюртук?

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Знак века девятнадцатого. Либусса демонстрирует свое приобретение. Неофициальное предложение. Еще несколько Предзнаменований. Кража в ночи

Атмосфера на борту *Даноса* пропиталась напряжением. Госпожа моя принялась что-то тихонько нашептывать князю Мирославу, который склонился к ней. Его волосы и борода развевались на ветру, точно у какого-нибудь древнерусского боярина. Сент-Одран вообще не желал с ней разговаривать, но мнение шевалье ничуть не волновала Либуссу. Герцогиня просто не обращала на него внимания. Так что именно мне пришлось объяснять Сент-Одрану, почему убийство

Клостергейма было оправданным и справедливым. Друг мой принял это объяснение пожав плечами.

— Во всем этом запутанном деле каждый, похоже, вел двойную игру, так что теперь невозможно уже догадаться, кто — друг, а кто — враг!

Он смягчился в конце концов и принялся объяснять мне с нарастающим энтузиазмом, как принц Мирослав усовершенствовал конструкцию летающего корабля, оснастив его механизмом, движущим гребной винт. Мы пошли на корму осмотреть винт во всей красе: громадных размеров четырехлопастное приспособление, крутящееся на оси. Русский алхимик также снабдил Сент-Одрана газом собственного изобретения, не столь легко воспламеняющимся в отличие от водорода, названным им на русский манер «водородием».

Механизм, что приводит в движение винт, как объяснил мне Сент-Одран, работает на энергии, высвобождаемой при воспламенении серии пороховых зарядов, установленных в крошечных цилиндрах, и хотя это устройство не слишком надежно, оно позволяет направлять корабль против достаточно сильного ветра. Это чем-то похоже на опыты с паровыми двигателями, которые проводит одна новая школа британских инженеров. Только механизм не такой громоздкий.

Сама же штуковина трещала, пыхтела и время от времени содрогалась. Она представляла собою систему стержней, цилиндров и зубчатых колес, абсолютно для меня непостижимую. Русский явно гордился своим детищем и с удовольствием принялся мне объяснять принципы работы устройства. И хотя энтузиазм князя вдохновял, речь его, состоящая из одних технических терминов, звучала словно бессмысленная тарабарщина. Я испытал

несказанное облегчение, когда все внимание князя вновь обратилось к герцогине Критской.

— Все готово,— сказал он ей.

— И астрологи согласны? — спросила Либусса. Они говорили понизив голос, едва ли не шепотом.

— Все как один. Согласие Светил свершится чуть больше чем через двадцать четыре часа.

— Значит, нам остается только продумать ритуал.— Она сияла от возбуждения, улыбка ее обратилась в гримасу предвкушения. Но князь Мирослав проявлял явное беспокойство.

— Если можно достичь трансмутации без ритуала, мадам, я убежден, шансы наши на успех только повысятся...

— Чепуха! — Она отвернулась от него с рассерженным видом.

— Я все же считаю, что ритуал извращает наши идеи!

— Думайте как вам угодно, сударь!

Не прошло и четверти часа, как воздушный корабль вылетел за пределы Нижнего Града и воспарил над Верхним. Вскоре мы уже опускались на зеленую улочку, где располагалась скромная резиденция Мирослава. Туманная дымка, что просеивала звездный свет, на мгновение раздалась: мы спускались в лучах раннего рассвета. Я едва сознавал окружающую реальность. Мне до сих пор еще как-то не верилось в то, что мы спаслись. Ужас бойни переполнял мой разум, и в конечном итоге я впал в оцепенение.

Воздушный корабль мы привязали к высокой трубе дома князя Мирослава. Мы вышли на крышу, потом — через световой люк — спустились на верхнюю площадку внутренней лестницы, где нас уже ждали слуги с ромовым пуншем, нагретыми

кирпичами, пледами и полотенцами, словно мы прилетели не по воздуху, а потерпели кораблекрушение где-нибудь в океане. Мы прошли прямо в гостиную и расселись у разожженного камина, где так уютно трещало пламя. Скоро все приключившееся в таверне стало казаться кошмарным сном, от которого мы только что пробудились...

Если бы не горящий взор и не пылающие щеки Либуссы, я бы с радостью погрузился в эту уютную домашнюю атмосферу, по крайней мере — на пару часов, но Либусса моя напоминала запаленную пушку, только и ждущую того момента, когда канонир разрешит ей поразить цель. Ей не сиделось на месте. Устроившись в уголке, она разложила карты и диаграммы на рабочем столе князя Мирослава. Она то и дело задавала ему какие-то невразумительные вопросы и получала не менее таинственные ответы. Разговор шел на профессиональном жаргоне алхимиков и философов. Они вели какие-то математические расчеты, говорили об утробах и колыбелях и о соединении элементов, при этом упоминались философский камень, мужской элемент — сера и женский — ртуть, магические формулы и заклинания, тинктуры и эликсиры, горнила и тигли, и свадьба как завершение — венец всему. Мне доводилось уже присутствовать при подобных беседах, но я никогда их не понимал. Для меня это всегда звучало как смешение различных противоречивых дисциплин — когда бреши в ясной логике заполняются витиеватой абстракцией.

Я дремал, сидя в кресле рядом с Сент-Одраном, и, периодически просыпаясь, рассказывал шевалье о том, что приключилось с нами начиная с того момента, как мы расстались с ним у Обелиска. Я умолчал, правда, о встрече своей с Люци-

фером и об обстоятельствах, при которых приобрел я меч. Но сам клинок вызвал у моего друга неподдельное восхищение.

— Этот орел, он почти как настоящий, фон Бек! Действительно можно поверить, что бедная птица и вправду кричит, требуя освобождения.— Он рассмеялся.— Но я бы не рискнул ее выпустить, а как вы, фон Бек? Такая в одно мгновение клюет печень!

— Может быть, Парацельс для того ее и использовал — когда отваживал кредиторов.

Мы с шевалье всесторонне обсудили эту догадку, наслаждаясь мирной беседой, но тут Либусса поднялась из-за стола и, пройдя через комнату, положила руку мне на плечо.

— Нам пора отдыхать, сударь,— объявила она.— Мне хотелось бы, чтобы завтра был день нашей свадьбы.

— Свадьбы?! — Я был несказанно удивлен. Никогда еще герцогиня не говорила со мной так прямо. К тому же я как-то привык, что о подобных вещах объявляют не так вот с ходу, а по прошествии месяцев, может быть, лет.— К чему эта спешка? Или это необходимо?

— Сударь, я не ношу в своем чреве ноши, но все знамения предвещают благоприятный исход. По всем признакам, ничто не должно помешать нам слиться воедино.

Я, кажется, отупел от такой несказанной радости.

— Теперь у меня есть повод, мадам, заказать себе новое одеяние! Вы уже выбрали священника?

Она улыбнулась.

— Да... и хор тоже.

— Церковь?

— Все устроено.

Сент-Одран изо всех сил старался отнестись к нашей беседе с надлежащей благовоспитанностью, однако было заметно, что все это ему очень не нравится. Может быть, он ревновал, опасаясь, что женитьба моя положит конец нашей дружбе? Или, может, Сент-Одран и сам был влюблен в герцогиню? Или ему не понравилось то, с каким хладнокровием убила она Клостергейма?

— И вот эта вещь сольется с нами в нашем священном супружестве.— Либусса подняла с пола мешок, который она забрала из таверны: тяжелый мешок, заполненный порохом и картечью. Она развязала его и достала старый шлем, побитый временем *chapelle-de-fer* из железа и меди — незамысловатую полусферу с плоской каемкой по окружности. Она водрузила его на буфет. Сент-Одран молча наблюдал за ней, не делая никаких замечаний. Как я понял, Либусса считала, что завладела вожделенным Граалем. Она спустилась обратно в подвал, притворившись, что услышала шум новой атаки, и схватила первый же старый шлем, который попался ей на глаза.— Оказалось, что это вполне терпимо — прикасаться к нему,— заметила Либусса.

Мне не без труда удалось сохранить серьезное выражение на лице, и я лишь кивнул, надеясь, что мой вялый отклик удовлетворит ее. Однако странности ее и заблуждения, граничащие с помутнением рассудка, не изменили моего к ней отношения. Я любил ее.

И она выразила желание стать моей женой! Если во время свадебной церемонии мне придется нахлобучить на голову старый шлем или даже носить его вечно, я был готов сделать это, лишь бы доставить ей удовольствие!

— Что это, мадам? — невинно спросил Сент-Одран.— Какая-нибудь реликвия вашего семейства — память о славных битвах?

— Скорее, реликвия рода фон Беков,— отозвалась она.

— Он похож на те шлемы, которые были у валлийских лучников при Айинкорте,— заметил Сент-Одран.— Ему, должно быть, как минимум две сотни лет.— Шевалье притворялся беспечным.— С ним что, связана какая-то древняя церемония?

— Да, сударь, тут подразумевается некая церемония.— Милое невежество Сент-Одрана доставляло Либуссе явно немалое удовольствие. Она полагала, что обладает неким тайным знанием, и это приводило ее в восторг, тогда как я оставался в твердой уверенности в том, что «реликвия» эта не более чем старенький боевой шлем из заваленных всяким хламом подвалов О'Дауда. Вещь, испускавшая потусторонний свет, и вправду могла быть Святым Граалем... но никак уж не этот побитый шлем.

«Это уж слишком,— подумал я ,— даже для того пресловутого глубинного сродства с Граалем, которым, как предполагается, наделены мы, фон Беки». Ни этот шлем, ни все остальное, увиденное мною в подвале таверны, не затронули никаких струн души моей. Однако я не хотел портить Либуссе мгновения торжества, и особенно теперь, когда мое необдуманное вмешательство могло бы привести к тому, что она передумает насчет нашего грядущего бракосочетания. Я готов был потакать ей во всем, согласиться признать любую фантазию, вступить в любое сообщество, колдовской ковен, клику, секту извращенцев или тайное братство, лишь бы это доставило ей удовольствие. Я принадлежал ей весь, целиком. И теперь она тоже

станет моею! Союз в вечной радости! Я начал уже потихонечку привыкать к ее изменчивому легкомыслию. Все решения она принимала спонтанно, по наитию. И меня вовсе не удивляло, что она избрала такой нетрадиционный способ, чтобы объявить о желании своем стать моею женой. Сам факт, что она заявила об этом, уже отметал всяческие размышления. Я, кажется, опьянел от восторга.

— И в какой же, вы говорите, церкви произойдет церемония, мадам? — вежливо полюбопытствовал Сент-Одран.— Я так понял, что вы уже выбрали.

— Таинство совершится в плавильном тигле,— отозвалась она.

— Ага! — Он поднял бокал, словно провозглашая тост.— Гражданский брак, стало быть? Насколько я знаю, сейчас это модно во Франции?

Пошатываясь, как пьяный, я шагнул к Либуссе. Она улыбнулась.

— Вы уверены в том, что желаете стать со мной одной плотью?

— Мадам, я не смог бы придумать ничего более желанного, даже если бы прожил целую вечность!

— Сейчас я как раз рассматриваю эту возможность.— Она заговорщически мне подмигнула.

Понял ли я ее? Я так устал — буквально валился с ног от изнеможения. Не вложила ли герцогиня в незамысловатые слова мои некий глубинный смысл? Или, быть может, она так любила меня, что любые слова мои, даже самые незначительные, принимала за великолепное красноречие? Могло быть такое? Каким бы ни был я опьяненным, меня все равно одолевали сомнения. Когда нужно, я мог быть любезным и милым. Всегда отличался умом и сообразительностью. Одевался прилично. Был

достаточно мужественным человеком. Но, на мой взгляд, только этого недостаточно. Что же было во мне такого, что явилось решающим для Либуссы? Похоже, когда дело касалось моей персоны, она мыслила исключительно в алхимических терминах: она верила, что мы с ней совместимы на уровне *элементов*. Моя сера — с ее ртутью. Адам и Ева!

Или ее просто тянет к противоположности? Быть может, ее привлекает мысль о соединении рода благопристойных саксонских землевладельцев с титулованным родом интеллектуалов Средиземноморья? Мне показалось, я слышу рык Зверя, но это всего лишь прокашлялся князь Мирослав, прочищая горло.

— Еще двадцать часов,— проговорила Либусса.— Сможете вы подождать, сударь?

— Думаю, да, мадам.

Во взгляде ее читалось ликование, пока еще сдерживаемое,— безумный, подозрительный блеск. Ее губы слегка приоткрылись в предвестии вожделения, но вожделения, подразумевающего нечто большее, чем просто радости плоти. То было устремление к вышней мудрости, заключенной в самой ее крови. Мудрости новорожденной, подобно Земле в *Бытии*, и древней, как пыль погибшей вселенной, породившей Осенние Звезды. Мудрости, вызывающей восторг тела и усладу для разума. К ней, к этой мудрости, устремлялось все существо Либуссы. Поэтому губы ее приоткрылись, а дыхание стало тяжелым и сбивчивым, пока она оценивающе изучала меня из глубин своих темных и жарких глаз.

— Это будет предельно совершенный брак,— проговорила она.

Сент-Одран, либо не заметив этого едва ли не физического напряжения между нами, либо же просто игнорируя то, чего одобрить никак не мог, выступил с предложением:

— Если вам нужен шафер, фон Бек, можете рассчитывать на меня.

— Спасибо, любезный друг.— Я был искреннее ему благодарен.

Либусса покачивалась, точно змея, захваченная мелодией флейты факира. Князь Мирослав шагнул вперед и прикоснулся рукой к ее руке:

— Мадам.

Она моргнула. Чары не рассеялись, но отступили. Я тоже вернулся, нормальное состояние, хотя некая обескураженность все же осталась. Сент-Одран слегка насупился.

— Женитьба — приключение для самых храбрых,— изрек он.— Это не для меня. У меня на такое не хватит мужества. Но я желаю вам всего наилучшего.— Он отвернулся, будто бы для того, чтобы скрыть удрученное выражение.

Либусса и князь Мирослав вновь стали о чем-то шептаться, но герцогиня быстро закончила эту «тайную» конференцию, едва ли не прокричав во весь голос:

— *Это должно совершиться!* — При этом она одарила князя недовольным сердитым взглядом. Не возражал ли он против нашего соединения? Может быть, он был опекуном ее или наставником, у которого ей надлежало спросить разрешения? Нет, это просто немыслимо, чтобы Либусса моя у кого-то испрашивала благословения! Если бы Всевышний вдруг снизошел на землю, она бы, наверное, стала повелевать и им. В своей божественности она превосходила Его — богиня, которая правила еще

до того, как Юпитер швырнул первую молнию! Зверь заходился ревом в самом сердце Лабиринта, но его укротили. Она обуздала его, подчинила себе, и он стал ее могучей силой, высвобождаемой только в последний момент отчаяния. И я молился о том, чтобы этот момент не настал никогда. Разве то не измена — позволить Зверю продолжать жить? Я вдруг осознал, что у меня слипаются глаза, и, поднявшись с кресла, пожелал всем спокойной ночи. Слуга проводил меня в мою спальню.

Засыпая, я все еще предавался восторженным мечтаниям. Либусса обещала, что придет за мною и мы с нею отправимся на церемонию бракосочетания. Я буду одет в парчу и гирлянды из белых и алых цветов. Я сольюсь со своей судьбой и с герцогиней Критской. Разве это не трусость позволить Зверю жить? Надо было оставить его умирать. Там, где оставил его Тезей. Но пусть Зверь умрет в своем зловонии. Я никогда бы не поверил в то, что Зверю позволят жить. Она говорила, он — только угроза, которую никогда не приведут в исполнение, но зачем же вести его, пусть даже на золоченой веревке, привязанной к золотому кольцу, что продето сквозь алую плоть его раздувающихся ноздрей, в наш земной рай? Или она хочет таким образом защитить этот рай? Может быть, это сам Иегова подрядил Змея, чтобы тот охранял Сад Эдема?

Постичь этого я не мог. Я пребывал в смятении. И все же я знал: я пойду за нею, подобно Зверю, даже если нос мне проткнут рабским кольцом, ноги скуют цепями, а все естество мое будет биться, стремясь разорвать эти оковы. Как Предтеча — к Соломее, как Самсон — к Далиле... нет безумия сильнее, ничего нет такого, что превос-

ходило бы это стремление, чем бы ни завершилось оно: смертью или триумфом!

Лежа в постели один, я предвкушал исполнение своих мечтаний. Это будет не простая свадебная церемония. Быть может, некий языческий обряд. Или же византийский. Кто станет свидетелем нашего брака, нашего вселенского единения? Все? Или это будет тайный брак? Мне было все равно. «Ах, мадам,— бормотал я точно в бреду,— ваша алхимия изменила меня. Ваша женственность обратила весь мир в текучую ртуть». Что будет с нами, когда трансмутация совершится? Хаос ждет нас в грядущем, абсолютный хаос... *Неужели действительно нам предначертано — сотворить заново мир? Может быть, наконец все обретет совершенство. Это все, чего мы хотим. И устремление это не назовешь недостойным, ведь правда? Разве Господь не сотворил первого человека андрогином? И только потом человек разделился надвое, и так появились мужчина и женщина. А позже явился Змей, которого еще именуют Зверем. Кто принес откровение это? Бог? Сатана? Человечество?*

Зверь рванулся, натянув железную узду. Безумные алые очи его пылали. Дыхание его разносилось зловонием, заражающим Землю и отравляющим Рай. Дерево умирало. Корни его загнили.

Мы были единою плотью и не могли быть ничем иным.

В моей комнате стало холодно. Я открыл глаза. Сквозь незанавешанное окно сияли Осенние Звезды, и их свет, казалось, бледнел с каждым мгновением. И по мере убывания света нарастал холод. Меня трясло.

Надо мною со свечой в руке стоял Сент-Одран в белой ночной сорочке. Широкий полотняный

рукав открывал его руку с могучей мускулатурой. Он дышал тяжело, то и дело откидывая с лица длинные пряди волос. Был он бледен и изможден.

— Фон Бек! Во имя Господа, просыпайтесь! Вы что, напились?!

Либусса покинула меня. Но мы не можем с ней разъединиться. Никогда. Я закрыл глаза, чтобы уснуть.

— Фон Бек, убит человек! А вашу чертову невесту похитили!

Мне было так трудно оторвать голову от подушки. Она отяжелела и перекатывалась от плеча к плечу. Помогая себе руками, мне кое-как удалось принять сидячее положение. Наверное, сказывалось утомление после вчерашних приключений. И вот теперь снова кого-то убили. Мне было все равно. Убили... ну и что?

— Либуссу похитили.— Мой друг был резок.

Я не поверил ему. Либуссу невозможно похитить. Ей ничто не может угрожать. Она слишком умна и сильна духом. Она управляет своею судьбою так, как не удавалось еще никому из смертных. Она — Либусса Уганда Крессида Картагена и Мендоса-Шелперик, происходящая из самой древней на свете расы, дочь королей из династии Меровингов, чья родословная — как они заявляют — восходит к самому Иисусу Христу, который, в свою очередь, происходит по прямой линии от крови царя Соломона, Бича Духов. В ней выкристаллизовалась вся мудрость земная; чаша и меч принадлежат ей по праву. И лев, и первый адепт алхимии... То был не сон. Сент-Одран тряс меня за плечо. В бледнеющем свете звезд лицо его казалось застывшей маской ужаса. Пыль сгнившей вселенной обернулась туманом, и в нем утонула надежда...

— Она исчезла! А Мирослав убит!

— Быть не может,— резонно заметил я.

— Сударь, уверяю вас... Мирослав сейчас там, внизу, умирает на чертовом этом ковре. Его так полоснули саблей, что едва ли не перерубили надвое. И он говорит, это сделал Монсорбье!

— Выходит, негодяй все еще жив. Ну разумеется — последний из воинов Зверя. И самый упорный.— Я встал босыми ногами на холодный пол. Сент-Одран помог мне одеться. Я настоял на том, чтобы облачиться в свой лучший наряд, так еще надеялся на то, что этим утром будет моя свадьба. Белье, чулки, бриджи, жилет, туфли со шнуровкой впереди, свежий воротничок. Пока я одевался, друг мой продолжал громко взывать ко мне, тряся меня и ругаясь.

— Ради всего святого, дружище, да очнитесь же вы наконец от ваших дурацких грез. Вы что, вчера подмешали себе опия в вино?

Сюртук, парик, теперь — к зеркалу. Костюм смотрелся безукоризненно, но вот человек, в этот костюм одетый, имел вид сонный и весьма глупый, а человек у него за спиной, раздраженный медлительностью своего друга, был вне себя от ярости.

— Я должен быть в лучшем виде, Сент-Одран, сегодня ведь моя свадьба.— Меч мой смотрелся как некий церемониальный атрибут: древний клинок с алой рукоятью в синих бархатных ножнах. Из зеркала на меня глядел прилично одетый мужчина, может быть, и не по самой последней моде, но совсем старомодным я бы его назвать не решился. Сойдет. Только вот лицо у него... слишком худое и изможденное. Фон Бек это или Клостергейм? Может быть, мы слились воедино?

— Ради Бога, фон Бек. Вам что, все равно — жива она или нет?

Я потряс головой, чтобы голова моя прояснилось. Что за тупость меня обуяла? Какие-нибудь чары, насланные Монсорбье? Не стал ли я, в довершение всего, объектом некоего колдовства? Сент-Одран тоже оделся — наспех и кое-как. Он даже бриджи не застегнул, когда направился следом за мною по лестнице вниз, где толпились перепуганные насмерть слуги.

Князя Мирослава сразил могучий удар клинка, располосовавший его от плеча до талии. Он цеплялся руками за саблю, которой был нанесен смертоносный удар, как будто клинок был наделен своей собственной жизнью. Его розовое лицо казалось странно юным, но голубые глаза вылезли из орбит от боли.

— Это был ее знакомый,— медленно и осторожно проговорил он, словно опасаясь, что усилие, которое прилагает он для того, чтобы заговорить, унесет последние мгновения жизни. Он слишком любил жизнь, чтобы расставаться с ней так небрежно.— Француз. Начищенные сапоги. Трехцветная кокарда.

— Монсорбье,— подытожил Сент-Одран.— Есть у вас, сударь, какое-нибудь снадобье, что могло бы залечить эту рану?

Голос Мирослава был ровен и тих:

— Нет.— Он улыбнулся.

Я едва совладал с порывом обнять этого добродушного медведя, но знал, что любое движение приблизит момент его смерти. И хотя князь бы обрадовался утешению от прикосновения другого человека, он удержал меня на расстоянии пронзительным взглядом.

— Это неправильно,— сказал он.— Нет никакой необходимости совершать жертвоприношение. Все это — древние черные помыслы, завладевшие ею. Она призвала Зверя.— Он помедлил, переводя дыхание.— Должно быть, это было в крови у нее. Она гениальна. С самого начала я думал, что она устоит. Кто угодно сломается, но не она. Пожалуй, я все же выпью коньяку, Сент-Одран. Вы запомните принципы работы моего двигателя?

— Думаю, да, сударь.— Шевалье осторожно поднес рюмку к полным губам князя. Тот с вожделением приник к ней.

— Милорд,— я был назойлив в своем упорстве,— что Либусса решила сделать?

— Мы, алхимики, имеем обыкновение смешивать символ с реальностью. Такова наша стезя, но иногда такая метода создает отвратительные отклонения. Она решила вернуться к древним извращенным путям, и, похоже, ничто ее не удержит. Она убеждена, что это — единственный путь. Вы должны разубедить ее, фон Бек. Вы еще можете это сделать.— Он вновь глубоко вдохнул воздух, цепляясь за жизнь исключительно силой воли.

— Она добровольно ушла с Монсорбье?

— По-моему, нет. Как мне кажется, давным-давно они заключили какую-то тайную сделку, но потом разорвали всякое соглашение. Для свадьбы необязателен ритуал, но обязательно ваше присутствие. Сможете вы отказаться от ритуала, фон Бек? Отказаться от нее?

— Нет.

— Ну так притворитесь хотя бы.— Он пошатнулся, и рука его, сжимавшая шпагу, вдруг стала вялой.— Они сейчас возвращаются в Центр. Они

забрали все... чашу, тинктуру... а заклинания она знает наизусть. Но что хуже всего... они забрали мой тигель...

Князь начал заваливаться набок, но мы с Сент-Одраном подхватили его обмякшее тело, не давая ему упасть. Он поблагодарил нас бледной улыбкой и испустил дух.

— Сент-Одран,— я выпустил из рук тело князя и поднялся,— они решили вернуться в эту таверну. Мы должны их догнать.

— Если она сама пожелала пойти,— сурово и резко отозвался шевалье,— значит, она приняла решение. Я вмешиваться не стану. Видите ли, фон Бек, мне вообще очень не нравятся всякие тайны и колдовские действа. Это, сударь, темные воды, в которые я никогда не войду. Пусть Монсорбье вас заменит. Он, по-моему, вознамерился стать женихом.

— Я сумею спасти ее. Князь так сказал.— Некоторая инертность еще сковывала мои движения и искажала речь.

— Давайте-ка просто выберемся отсюда, друг мой,— предложил Сент-Одран,— и возвратимся в наш Майренбург. По мне так уж лучше столкнуться со всеми тамошними стражами порядка, чем погрязнуть здесь в черной магии. Мирослав говорил мне, что сейчас самые благоприятные условия для пересечения границы между мирами. Он объяснил мне, как совершить подобное путешествие...

— Но вы же мой шафер, сударь,— возразил я.— И для вас дело чести — сопроводить меня к свадебному алтарю!

Пожав плечами, как доброволец, вызвавшийся с достоинством подняться на эшафот, Сент-Одран без лишних слов направился вверх по лестнице и

выбрался на крышу, где, точно громадный маятник, качался в воздухе воздушный корабль.

Вскоре мы снова плыли в небесах под сенью Осенних Звезд, над шпилями и крышами, темными и блестящими от дождя. Нам приходилось постоянно следить за движущим механизмом, раза четыре он едва не отказал, и Сент-Одрану пришлось на ходу его ремонтировать. С каждой заминкой возбуждение мое нарастало. Монсорбье, возможно, уже достиг Нижнего Града. Я пожалел о том, что у меня нет коня, но в распоряжении нашем был только воздушный корабль. *Данос* едва справлялся с порывами сильного ветра. Нас швыряло из стороны в сторону, то — к широкой Фальфнерсалии, то — ко дворцу с декоративным озерцом. Мы опустились совсем низко: лошади испуганно шарахались от нависшей над ними гондолы — не более чем в двадцати футах под нами,— а горожане, застыв в изумлении и тыча пальцами вверх, провожали нас взглядом. Потом мы снова поднялись. Как объяснил Сент-Одран, он еще не привык к новому газу.

Худо-бедно, но воздушный винт все же работал, толкая корабль против ветра, который словно сговорился с нашими врагами и никак не желал пропустить нас к Центру. Он трепал нам одежду и волосы, больно хлестал по лицам. А потом — совершенно неожиданно ветер стих, корабль, словно зацепившись за воздушный поток, набрал скорость, и нас вынесло к странному спиральному спуску улиц и раскачивающихся строений, которые трещали еще сильнее, пульсируя вокруг темной центральной ямы — сердцевины Нижнего Града. Это мне по́чему-то напомнило скорбящих индейцев, которых видел я одним декабрьским утром

неподалеку от бухты Брандевин, причитающих над телом их мертвого вождя — телом, исклеванным стервятниками. Оно было возложено на похоронные носилки из березовых побегов. Мы начали спуск. Здания взметнулись ввысь, окружая нас. Мы зависли как раз над выгоревшими останками Сальзкахенгассе. «Настоящего друга» больше не существовало, на месте его остались только дым и обгорелые бревна. Толпа, наверное, в две тысячи человек — все в бледных одеждах и высоких заостренных капюшонах, как на *auto-de-fe,*— расположилась широким кругом лицами к центру. Их молчание было молчанием существ, отринувших человечность ради неведомой власти.

Они воздвигли черный крест, футов двенадцать в высоту и пять в ширину. На кресте была распята женщина, которая должна была стать мне женой. Ее руки, ноги, прибитые гвоздями к черному дереву, кровоточили лохмотья одежд, едва прикрывающих наготу все еще гордого сильного тела, обезображенного темными кровоподтеками и порезами, из которых сочилась кровь. Палачи водрузили ей на голову венец из розового шиповника, чьи шипы вонзались в искаженный мукою лоб.

А у подножия креста, точно какой-нибудь центурион, воодушевленный бездушной толпой, возложив руку на рукоять сабли, стоял Монсорбье. Другой руке, затянутой в латную рукавицу, держал он перевернутый шлем, в который — капля за каплей — стекала кровь Либуссы.

Насколько я понял, я стал свидетелем ритуала, которого так страстно стремился не допустить князь Мирослав. В нем действительно присутствовала трагическая, изуверская извращенность.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

В которой пытаюсь я противостоять невероятному и принимаю невозможное. Задача алхимии. Свадьба всех элементов. Танец древних звезд. Кое-что относительно свойств некоторых волшебных предметов. Изъян в магической формуле

Они воздвигли черный крест посреди пепелища и распяли на нем мою невесту. Она как-то говорила мне о Христе и о необходимости повторить его путь, но мне никогда даже в голову не приходило, что именно вознамерилась она совершить. Либусса умирала — в этом я был убежден. Небо над головою подернулось пылью, свет древних звезд побледнел,

мерцание их угасало. Бледные лучи упали на тело несчастной. А потом Либусса подняла глаза к небу, и взгляды наши встретились. Меня ужаснула ее радостная улыбка.

— Гермес для моей Афродиты! — выкрикнула она.— Идет мой муж!

Теперь и Монсорбье увидел, как мы спускаемся, и хотя он не мог сдвинуться с места, чтобы не проронить ни капли крови моей Либуссы, которую собирал в железный сосуд, появление наше сильно взволновало его. Его разжигала, как я понимаю, доведенная до абсурда ревность. Я прокричал ему:

— Ба! А вот и петушок, хлопает крылышками, прям хоть сейчас на убой. Улетай, маленький забияка. Ты никому здесь не нужен. Твои республиканские курочки истомились у себя в курятнике, тоскуют, бедняжки, без своего петушка!

Хотя Либусса должна была испытывать невыносимую боль, голос ее не утратил былой властности:

— Остерегайтесь, Монсорбье. Вы призваны исполнить определенную задачу. Делайте свое дело и не отвлекайтесь!

Француз сердито надулся. Кровь Либуссы стекала — капля за каплей — в перевернутый шлем. Из бормочущей толпы выступила златовласая дева, та самая, что принесла в жертву ягненка, и запела на латыни, смешанной с греческим и, насколько я понял, с древнееврейским. Толпа подхватила ее мрачный гимн, и суровый хор заглушил ответ Монсорбье, если, конечно, он пожелал ответить.

Сент-Одран побледнел. Его трясло от ужаса и омерзения.

— Нам здесь нечего делать, фон Бек. Либусса с радостью принимает свое богохульное мучениче-

ство! Если мы здесь задержимся, нам тоже придется участвовать в этом, и тогда мы уж точно погибнем.

Но теперь я был спокоен и даже умиротворен.

— Как вы не понимаете, милый друг, что это не только ее судьба, но и моя тоже?

— Этого я и боялся,— серьезно проговорил шевалье.— У вас, верно, помутился рассудок. Прошу вас, фон Бек, прислушайтесь к голосу здравого смысла.

— Я, Сент-Одран, изменился, окончательно, безвозвратно, и должен исполнить веление судьбы.— Я улыбнулся ему. Он попятился от меня, словно от прокаженного. Я протянул к нему руку, но не достал до него.

— Вы стали созданием Сатаны, фон Бек!

— Похоже, я был им всегда.— Спокойствие не покидало меня.— Но что в том дурного...

— Сударь, еще недавно в вас жила человеческая душа! Доброе сердце... А теперь вы одержимы. Я подожду вас до вечера. Но не дольше!

Перебросив веревочную лестницу через борт, я покачал головой, преисполненный жалости к неведению моего друга.

— Я должен идти, друг мой. Скоро начнется моя свадьба. Я весьма разочарован, что вы не желаете сдержать данное мне слово.

Он сделал два шага в моем направлении, как будто собирался меня удержать, но я перемахнул через борт и начал спускаться к выжженному пепелищу и сборищу забывчивых свидетелей, чьи взгляды были прикованы к черному распятию — манифестации нового мессии, того, кого пророки называют «Антихристом». Отвергая Всевышнего, мессия этот заявлял свое право на Землю именем

человечества! И как соучастник этого преступления я подчинюсь только той, чья мудрость преобразовала кровь и просветила душу. Вцепившись в лестницу, я глянул вниз, на свидетелей страданий Либуссы. Ветер бился в шелковый купол шара оглушительным пульсом, темные силуэты окрестных зданий колыхались, точно колосья пшеницы, в безбрежных просторах неба взвихренная пыль принимала странные формы, а за мутной завесой ее мерцали Осенние Звезды.

До земли оставалось лишь несколько футов. Я спрыгнул в горячий пепел «Настоящего друга». Угольки взвились у меня под ногами, глаза защипало от дыма. Не обращая на это внимания, я пробрался сквозь раскаленные обломки к жуткому сборищу свидетелей таинства. Большинство из толпы были выше меня ростом, и за их спинами я не видел креста. Я стал протискиваться через толпу жрецов, хладные, точно трупы, они не сопротивлялись моему продвижению, и вот наконец я остановился слева от златовласой жрицы. Монсорбье повернулся ко мне, поднял чашу и закричал. Гимн постепенно замер, и толпа вновь застыла в безмолвном ожидании.

Моя любимая висела распятая на кресте... Голова ее безвольно склонилась к левому плечу. Тело ее было мертвенно-белым, словно в нем не осталось ни капли крови. Мне показалось, она не дышит.

Теперь, описывая события того дня, я стараюсь припомнить каждую деталь. Воспоминания мои ярки и живы в большинстве своем, но есть и туманные смутные моменты: один мысленный образ накладывается на другой, и все они сливаются, мешая воссоздать истинную картину. Что-то, без сомнения, было иллюзией, наваждением, что-то — нет.

Но участвовать в этом жутком священнодействии мне было легко, ибо, как я ощущал тогда, я только следовал своим желаниям. И не было в мире молитвы более ревностной, чем моя молитва, обращенная к ней — ибо к кому же еще обращать мне свою мольбу? Пусть свершится ритуал и Либусса восстанет из мертвых. Теперь я понял, чего так боялся князь Мирослав, ибо, как и большинство представителей его поколения, он почитал Господа нашего и безоговорочно верил в то, что богохульство будет неизбежно наказано.

Монсорбье возвысил голос, точно епископ у алтаря:

— Вот он, Грааль! Вот кровь Антихриста, смешанная с божественною тинктурой. Вот сера и ртуть, соль и киноварь; вот злато, и серебро, и субстрат рубина. Вот камень, ставший текучим, как жидкость.— Он поднял над головою потертый шлем, словно венец Зевса.— Так говорил Мардук: *Я сделаю кровь свою твердой. Я обращу ее в кость. Из плоти своей я сотворю Человека.* Так говорил Мардук!

— *Так говорил Мардук!* — хором подхватила толпа, как и тогда, в каменном храме при принесении в жертву агнца.

— Благословен будь Святейший! Когда создал Он первое существо нашей расы, назвал Он его Андрогином,— произнесла нараспев златокудрая жрица.— Так говорил Святейший!

— *Так говорил Святейший!*

— Узрите! — выкрикнула она.— Ибо истина была явлена вам! Семя посеяно.

— *Семя посеяно.*

— Кто бы ни сеял священное златое семя, познает он возрождение в вечности. Узнает он тай-

ны священных металлов, алхимического древа, семи вод и тринадцати испарений. Древо срублено! Древо возрождено!

И пока она пела, Монсорбье — с видимой неохотой, и все же не в силах поступить по-другому — медленно приблизился ко мне и протянул мне шлем.

— Узрите! — кричала жрица.— Муж, который есть жена, соединится в священном браке с женой, которая есть муж. Брат с сестрою, мать с сыном, дщерь с отцом! Вот умирает старый король и рождается новый. Вот Кибрид восходит на ложе к сестре своей, Альбаиде, дабы она приняла его семя во чрево свое. Из тьмы рождается свет.

— *Из тьмы рождается свет.*

— Так и Гермафродит взойдет к источнику Сальмакиды, и двое станут едины. Материя живая и неодушевленная, слившись в единстве, названы будут *Ребисом.* И это — наш камень. Бессмертный, будет он цел и полон, самовоспроизводящий, наделенный великою мудростью, в которой сольется все знание веков!

— И вот наконец,— забубнил Монсорбье,— Христос, достигший предельного завершения; Христос, который есть и муж, и жена, и дитя от союза их! Так упраздняется множественность.— Он протянул мне перевернутый шлем, и я принял его в ладони. Клубящийся золотом, густо-алый и изумрудно-зеленый эликсир внутри чаши источал нежный, восхитительный аромат — тинктура, которая, согласно вере алхимиков, представляла собою субстрат божественной мудрости, будучи в то же время воплощенным естеством моей Либуссы.

— Пей! — выкрикнула мне жрица.— Ритуал должен быть завершен, и мы станем свидетелями

распятия и воскрешения женской сущности Христа — свадьбы противоположностей, последнего примирения. И тогда на Земле воцарится Гармония... Пей!

И я выпил. Крепкий, пьянящий эликсир — соленый и сладкий одновременно. Желудок мой восстал, стремясь отвергнуть питье, но я знал: для того чтобы брак совершился, я должен впитать в себя каждую каплю. Я отпил еще глоток. Свидетели начали раздеваться. В мутном свете Осенних Звезд их плоть была призрачно-бледной. Вокруг них клубилась черная пыль. Угли тлели алым свечением. Не отрываясь, смотрели они на меня, пока я не испил чашу до дна. Толпа застонала в экстазе одобрения.

Монсорбье забрал Грааль из рук моих. Жрица шагнула ко мне. Я боялся ее. Либусса возбуждала во мне мрачные подозрения, эта пособница Зверя. Она не должна была совершать свадебный ритуал. Это неправильно. Ее вообще не должно здесь быть. Как, впрочем, и Монсорбье. Но, как говорится, иных уж нет... Жрица приблизилась ко мне, и я не нашел в себе сил отшатнуться. Они с Монсорбье сняли с меня одежды, и я оказался обнаженным перед черным крестом, подняв перед собою меч, который сжимал обеими руками.

Они отошли. Я остался один пред своею возлюбленной. Лицо ее — безмятежное в отрешенной властности, пусть даже жизнь покинула раскромсанное ее тело и текла теперь в теле моем могучим потоком — сквозь каждый канал моего естества. Я был словно вселенная, населенная элементалиями. Никогда прежде не знал я подобной силы.

За спиной у меня жрица вновь затянула гимн:

— Итак, тебе стать вторым из двоих, тебе вместить в себя целостность, возродиться существом,

которого иные зовут Антихристом, но чье тайное имя, известное посвященным, *Кристос Андрогинос. Владыка, вместивший в себя оба пола.*

Толпа подхватила меня и подняла к кресту. С помощью меча отковырнул я гвозди, и Либусса упала в протянутые мои руки. Моя возлюбленная. Моя любовь. Моя Либусса, которая открыла мне суть вожделения. Ее хладное тело безвольно повисло у меня на руках.

— Сначала свершится воскрешение, потом — свадьба, потом начнется ваше вечное правление, когда справедливость и равенство станут едины с гармонией, и все обретет свою целостность. Мы достигнем Конца Боли Мира!

Меч Парацельса — дар мне от Сатаны — висел у меня за спиною. Держа в руках безвольное тело Либуссы, я стоял по щиколотку в черном пепле под черным крестом. Жрецы окружили нас снова и, воздев руки к небу, затянули новый гимн. Монсорбье и златокудрая дева, жрица и жрец жуткого ритуала, были ведущими голосами в этом тягучем хоре. Я их не видел — я смотрел в лицо своей наставницы. Я смотрел в лицо неустрашимой Вере.

— Крылатый о двух головах восстанет над погребальным костром старой надежды. Вот — Чаша, и вот — Меч. Где же Зверь?

Мне казалось, что исполинский лев шествует сквозь пепелище — лев, коронованный желтыми лилиями, с телом пеликана в разверстой пасти и змеей, обернувшейся вокруг шеи его. Свидетели расступались, давая ему дорогу. Лев встал на отроге обрушившихся камней и, уронив из пасти своей пеликана, воздел голову к небу, разразившись победным рыком. Рык его разнесся могучим

эхом среди качающихся шпилей Нижнего Града, поднялся к Осенним Звездам — скорбящий и торжествующий выкрик, слитый воедино. А потом у него из-под лап брызнул мощный фонтан серебряной воды, что смыла золу и пепел.

Лев исчез, но серебристый фонтан остался. Тот самый родник, о котором говорил О'Дауд. Древний ключ, над которым возведено было здание таверны. Прижимая к себе Либуссу, я вступил в самый центр могучего потока. Напор его был столь велик, что казалось — вода растворит нас в себе. Она омыла наши тела, придавая им безукоризненную белизну. Либусса застонала и шевельнулась в моих руках. Из ран ее потекла кровь, но кровь была тут же смыта водою. *Либусса! Либусса! Владычица моего желания. Очнись, умоляю тебя!* Она открыла глаза — и улыбнулась мне.

— Все идет как должно,— сказала она тихо-тихо. Не выпуская герцогиню из объятий, я склонил голову и поцеловал ее в губы.— Я знала, что ты придешь.— Еще слабая, она осторожно встала на ноги. Вода источника струилась по лицу ее. Мокрые волосы липли к голове. Держа меня за руку, она смотрела сквозь серебряную завесу воды.— Где тигль?

Она вышла из серебристой струи, увлекая меня за собой. Кровь больше не сочилась из тела ее. Она прошла ритуал очищения. Свидетели таинства лежали теперь уткнувшись лицами в сырую золу, но не прекращали тягучего гимна, а с другого конца площади к нам приближались обнаженные мужчины и женщины — около двадцати человек. Они тащили деревянную повозку, на которой стояло нечто, похожее на исполинский котел из желтой и красной меди: громадный цилиндр с куполо-

образной крышкой. Из крышки торчали какие-то трубки и клапаны. Я никогда в жизни не видел сосуда такого размера, но сразу понял, что это такое. Алхимический тигль — Химическое Чрево, где элементы смешиваются между собой и из смеси их создаются новые.

— Вы все сделали правильно,— обратилась к ним Либусса.— А теперь вам предстоит приготовить *Catinus Uteri*. У нас мало времени. *Nec temere, nec timide*.

Теперь кровь ее стала моею. Во мне был огонь. Я был богом. Тигль поместили прямо под черным крестом. Обнаженные адепты принялись за работу. Задышали кузнечные мехи, угли вспыхнули алым, пар и искры взметнулись к темному небу. Монсорбье и златовласая жрица наблюдали за приготовлениями. Либусса же обняла меня и прошептала — нежней, чем когда-либо прежде:

— Все идет как должно, хороший мой. Все сделано правильно. Каждый ингредиент, каждая формула реакции, каждое заклинание. В то мгновение, когда совершится Согласие Светил, мы станем едины. Ты не боишься, малыш?

— Я ничего не боюсь. Я — ваш. Всецело.

Она гладила мое тело. Сочетание тинктуры, что жгла меня изнутри, и этих настойчивых прикосновений распалило меня. Я едва не задохнулся. И если то был экстаз, то каков же тогда будет предельный экстаз, обещанный ею? Мы приблизились к медному тиглю. Меня била дрожь. Монсорбье поднял над головою шлем, в котором сияли остатки божественной тинктуры. Алый свет от громадной жаровни озарил наши лица. Жар был ужасен.

Монсорбье и златокудрая дева улыбались в сокровенном своем ликовании. Либусса обняла меня

за плечи. Такая грациозная, она стояла запрокинув голову к туманному небу. Небеса потемнели. Я обнял ее за талию, и на какое-то мгновение мы застыли, точно парочка поселян-любовников, что вышли пройтись по вечерним полям. Я не знал, что будет дальше, но мне хватало и того, что мы с нею соединимся узами брака. Для меня было не важно, какое будущее стремится она сотворить. Я стану служить ей. Сделаю все, что захочет она. Одной этой мысли было достаточно, чтобы возбудить мою кровь. Ее кровь.

— Время Льва,— прошептала золотоволосая дева.— Грядет Время Льва. Время Агнца прошло.— Перед мысленным взором моим предстало видение: ее невинные прекрасные губы, обагренные кровью жертвенного ягненка. Я вспомнил жестокое равнодушие Монсорбье, его стремление к отмщению, граничащее с вожделением. Таковы были жалкие прислужники моей госпожи.

— Зверь будет выпущен на свободу,— бормотал Монсорбье.— Все, кто откажется поклониться ему, погибнут, дабы мир был очищен от трусости.

Я поглядел на Либуссу. Но она промолчала — не стала его прерывать.

— Но Зверь должен быть изгнан,— объявил я.— Ибо он принадлежит Старому Времени. Если он пойдет с нами, в мире не будет ни истинной справедливости, ни гармонии!

Либусса поджала губы и нахмурилась, требуя от меня молчания. Монсорбье поглядел на нее, потом — на меня, потом перевел взгляд на златокудрую жрицу. Та же провозгласила:

— Мы объединили усилия, сударь, чтобы обеспечить успешное завершение ритуала. Если мы

поможем вам в трансмутации, вы поможете нам достичь цели наших стремлений.

— Но одно противоречит другому! — Я чувствовал себя глубоко задетым. Я боялся нового предательства.— Разум не может достичь примирения со Зверем!

Либусса хотела, чтобы я замолчал. Я мог только предположить, что она собиралась уладить этот вопрос позже, когда в руках ее будет сила.

— Они примирились друг с другом,— сказала она.— Мы нашли формулу, удовлетворяющую всех.

Подобные речи были хорошо мне знакомы еще по революционному прошлому. «Благодаря» таким компромиссам мы потеряли все, чего надеялись достичь. И все-таки я промолчал. Я любил Либуссу. И если она не хотела, чтобы я говорил сейчас, наших принципах, значит, я буду молчать. Однако тревога моя не унялась. И Монсорбье, и золотоволосая жрица ясно дали понять, что используют любые, даже самые зверские средства, лишь бы достичь своих целей. Извращенные, злобные люди... Либусса должна понимать это не хуже меня. Она притянула меня еще ближе к себе. Несмотря на сверхъестественную силу, разлившуюся по моим венам, я слабел при одном ее прикосновении. Я улыбнулся ей. Лицо ее было теперь не таким бледным, как прежде. Быть может, ему вернул краски жар от пламени из тигля, который с каждым мгновением становился все горячей. Она обратила мое внимание на небо:

— Ты заметил какую-нибудь перемену, малыш?

Осенние Звезды изливали на землю бледнеющий свет. Пыль, взвешенная в воздухе, кружилась теперь быстрее. Я так понял, Либусса имела в виду перемену в рисунке созвездий, но я не заметил,

чтобы что-то изменилось. Моя невеста вновь обратила взгляд к тиглю. Она протянула к нему свои возрожденные руки, чтобы почувствовать, как тепло разливается по ее плоти. Она лениво зевнула и потянулась. Она сама могла бы быть львом. Ее смуглая кожа зажглась прежней жизненной силой. Дыхание участилось. Она указала рукою на верхний отсек машины:

— Там мы обретем вечное единство. В металлическом чреве найдется место для нас двоих. Для наших тел. Мы вступим туда в момент полного совершения Согласия.

Я подумал, что мы вряд ли поместимся там вдвоем, а если даже и поместимся, то нам будет слишком жарко. От нее не укрылась моя нерешительность.

— Грааль будет с нами, фон Бек, дабы излить пламя духа, как тигль этот изливает наш бренный огонь. Я вкушу то, что должна вкусить. В тебе смешаны кровь и тинктура. Теперь мне надлежит принять эту кровь и тинктуру в себя. Это случится. Так написано во всех книгах. Шестнадцать веков и еще сорок семь лет, семь месяцев, тринадцать недель и девять дней трудились алхимики — посвященные высших ступеней, чтобы достичь этого мгновения. Воистину, шли мы путями, отличными друг от друга, и иной раз — как мы с Монсорбье — к разным целям, но все вместе скопили мы достаточно мудрости, дабы предугадать точный момент, когда звезды соединятся в особом узоре и начнется новая эра. Знание это даст нам возможность управлять судьбами мира! Мы ждали долго, фон Бек. Величайшие из мужей и жен посвятили этому целую жизнь, приняли муки и смерть, чтобы подготовить сие мгновение. Джон Ди говорил, что нас назовут *Монадой*, то есть Единым. Он посвятил себя цели-

ком поиску формулы, которая даст нам возможность создать Единство. А до него эту формулу искал великий Парацельс. И, разумеется, Клеопатра, которая посвятила себя исканиям Гармонии и Равновесия — двух высших целей алхимии. Сознаете ли вы, сударь, сколько людей на протяжении многих веков вели изыскания и проводили опыты, а потом аккуратно записывали достижения свои, дабы сегодня мы с вами соединились? — Озабоченно хмурясь, она вновь обратила внимание к небесам.

Я поежился. Мне вдруг стало холодно.

— Мы станем едины,— шептала Либусса.— Со всем этим миром! — Она раскинула руки, словно стремясь обнять всю вселенную.— С той поры, как адепты начали великую работу, свершилось два Согласия Светил. И оба раза нам не удалось воспользоваться преимуществом. Нам не хватило твердости. Корнелий Агриппа в своих *Трех Книгах* призывал нас к посвящению. Базиль Валентин настойчиво утверждал, что нам надлежит должным образом использовать это согласие, ибо может так получиться, что то будет последний наш шанс. Господин наш, Гермес Трисмегист, даже Калиостро... Каждый из них — живой ли, мертвый — будет оправдан. Так как скоро настанет Сокровенное Царствие. Все придет в равновесие! Все станут равны, и мужчины, и женщины. Всякая несправедливость будет упразднена! Понимаешь ли ты: то, что делаю я сейчас, это — правильно, ибо деянием сим установлена будет гармония?

— Зверь — не гармония. Ему надлежит умереть...— Но пылкий восторг Либуссы словно околдовал меня, и мне оставалось лишь молча принять его. Даже мне самому мои доводы показались вдруг глупыми и бессмысленными.

Пламя от тигля из алого обернулся белым. Тела наши покрылись потом. Тьма плыла и качалась в этом сиянии, и мне снова пригрезился Лев. Он беспокойно ходил туда-сюда — как недавно ходил Монсорбье перед «Настоящим другом»,— бил хвостом, с нетерпением, как и Либусса моя, ожидая *Момента*.

Меч Парацельса висел у меня за спиной, холодный, точно сосулька. Я вспомнил то, о чем так настойчиво просил меня Люцифер, и я должен использовать меч, чтобы достичь наивысшей пользы. И Либусса тоже говорила, что возлагает на меч определенные надежды...

В небе отчетливо промелькнула какая-то вспышка — некий сдвиг, словно одна тончайшая стеклянная пластинка скользнула поперек другой. Осенние Звезды остались неизменны, но среди них зажглись новые точечки света. Волнение Либуссы все нарастало.

— Вот оно.— Ее всю трясло.— Вот оно.

Златоволосая жрица и Монсорбье тоже не отрываясь глядели на звезды.

— Да.— В голосе старого моего врага слышалось угрюмое удовлетворение.— И на этот раз мы готовы.

Земля, казалось, накренилась и потеряла устойчивость, или, быть может, это была просто иллюзия, вызванная происходящим на небесах. Однако я не заметил никакого захватывающего смещения светил, которое обещано было Либуссой, и немного занервничал. Если окажется, что все расчеты ее неверны, что она станет делать тогда? Что, если я буду ей больше не нужен?

— Поддайте жару! — приказала Либусса прислужникам на ритуале. Они налегли на мехи с таким рвением, что казалось, плавильный тигль

вот-вот взорвется. В небе мелькнула еще одна вспышка, и Либусса моя обратила пылающее исступленным рвением лицо к верхнему отсеку *Catinus Ureti*.

— Мадам, мы там сгорим,— сказал я.

Она мотнула головою:

— Не бойся. Чертог вместит нас в себя ровно настолько, насколько нам необходимо. Грааль защитит нас.

Теперь мне пришлось воззвать к своей вере в герцогиню. И все же я знал: пока в жилах моих течет тинктура и ее неустрашимая кровь, мне хватит мужества пройти этот обряд. Я верил в то, что мы были неприкосновенны, и в то, что мы с нею станем единою плотью, как она обещала мне, и восстанем нетленные, дабы править над миром во имя Разума. Пока мы были вместе, все остальное уже не имело значения. Я готов был вступить в раскаленное чрево — по доброй воле, точно какой-нибудь Седрах,— и не почувствовать боли. Восхитительное онемение охватило уже мое тело, наряду с ощущением радостного восторга, который буквально распирал меня изнутри! Плоть моя стала бронею, которую ничто не могло пробить: ни оружие, ни жар, ни холод...

В третий раз полыхнули едва уловимо Осенние Звезды, и Либусса шепнула мне тихо-тихо:

— Приготовься обнажить свой меч, как я тебе прикажу. Когда ты исполнишь мое повеление, ты отдашь клинок мне.

Я послушно кивнул, чтобы она убедилась: я понял ее указания.

Земля под ногами содрогнулась. Раздался отдаленный грохот — это древнейшие здания Нижнего Града обрушились, словно сбитые дрожью Тар-

тара. Постепенно тряска утихла, а небо вспыхнуло прожилками света всевозможных цветов, и за прежним узором созвездий проступил новый. Пристально глядя на небо, я сумел распознать знакомые созвездия из царства нашей земной реальности.

— Видишь, все они сходятся вместе,— тихонько проговорила Либусса.— Миллион сфер небесных сближаются... больше чем миллион! Миттельмарх и наш мир сливаются воедино и слиянием этим соединяются с иными реальностями бытия. А когда единение свершится, фон Бек, во всех них произойдет изменение!

— А когда Танец Светил завершится,— подхватил Монсорбье спокойным, даже каким-то обыденным тоном, словно произносил речь с трибуны,— закрепится новый узор. Установится новый порядок.

Они продолжали что-то говорить, но голоса их теперь словно отдалились. Стена отделила меня от них... от всего, кроме Либуссы. Герцогиня взяла меня за руку и увлекала еще ближе к раскаленному тиглю. Кожа на лицах прислужников, что раздували мехи, и на руках их покрылась волдырями ожогов, но они продолжали свою работу с каким-то одержимым рвением, разжигая ненасытную топку.

— Еще жарче, еще! — приказала Либусса. Я видел, как эти создания идут на приступ, как они убивают себя, но я все равно жалел их, хотя, без сомнения, они почти и не чувствовали сейчас боли.

— Вон! — Златокудрая жрица воздела руку. Одна из Осенних Звезд сдвинулась наконец с места и прочертила низкую мерцающую дугу по черному бархату неба. Громадный розовый с желтым диск

был окружен мутно-лиловым ореолом.— *Astra Sultan,*— выдохнула дева, смакуя латинские слова, как иные смакуют вино, задержав его на языке перед глотком.

Лицо Монсорбье очистилось от испорченности и злобы. Жестокость и развращенность исчезли в одно мгновение, уступив место благоговению перед свершающимся чудом. Губы его приоткрылись, как у изумленного школяра. Он запрокинул голову, следя глазами за движением звезды, что величаво плыла по небу.

Еще одна звезда сдвинулась с места, словно стремясь разбиться о первую. Она была меньше первой — цвета бледной охры.

— Звезды танцуют,— сказал Монсорбье.— Как красиво!

Плавильный тигль начал сотрясаться и издавать какие-то глухие звуки, похожие на стоны.

— Жарче нельзя, госпожа! — прокричал кто-то из прислужников.

Она тихо шепнула мне:

— Приготовь меч, любимый.

Я вынул из ножен благородный клинок. Отполированная сталь сверкала, как в зеркале, словно в мече была заключена вселенная в миниатюре. Рукоять его пульсировала рубиновым мерцанием, но пока еще мутным, так что орел, бьющийся внутри камня, был виден лишь мельком. Его безумные глаза настойчиво вспыхнули, обратившись ко мне, но уже через мгновение исчезли в рубиновом мареве. При всем своем весе меч, сбалансированный с небывалою точностью, легко лег мне в ладонь. В это мгновение любовь моя к Либуссе преисполнила меня любовью к клинку. Я смотрел на него с радостным изумлением.

Всю жизнь свою стремился я к этому мгновению!

Еще две звезды сдвинулись и поплыли по темному небу, и Танец начался по-настоящему. Из какой-то далекой невидимой точки явилось темно-желтое солнце. Размеры его увеличились уже вдвое, но сияние, казалось, стало бледнее. Оно направилось к северу, на мгновение застыло на месте и поплыло в противоположную сторону. Другие звезды кружились вокруг него, сначала — крошечными скоплениями, потом — десятками и сотнями, и вот уже тысячи звезд выстроились в мерцающем хороводе, образуя правильные геометрические фигуры, двигаясь в полном согласии, как было всегда, только гораздо быстрее, с головокружительной, невообразимою скоростью. Наверное, это были их первозданные траектории, предначертанные им на небе,— то, что должно растянуться на многие миллионы лет, свершилось за считанные минуты.

Небо ожило сочными красками танцующих звезд, представляющих слаженные фигуры грандиозной космической гальярды. Оставаясь чопорными и величавыми, они как будто находили простую радость в природе движения, подобно тому, как горделивые старые люди проявляют решительное устремление сполна насладиться последними годами жизни. Иной раз они создавали таинственные узоры из подвижных и изменчивых образов и переливчатых цветов. Теперь краски их стали нежнее и утонченнее. Громадные звезды заметно сблизились.

Толпа свидетелей разразилась благоговейным стоном и сдвинулась, неуклюже подражая танцу могучих солнц. Нижний Град утратил свой сумрачный ночной облик и замерцал обещанием рассвета. Здания все еще раскачивались и дрожали, поскри-

пывали и шептали, но теперь они были не просто темными силуэтами: их стены, омытые теплым светом, приобрели индивидуальные черты и особенности. Теперь, когда стала видна их обветшалая дряхлость, они утратили зловещую таинственность. Свет обнаружил громадные трещины в стенах, облупившуюся и потрескавшуюся штукатурку, искривленные трубы, перекошенные окна и двери, ставни, свисающие под невообразимым углом. Улицы колыхались, как волны, и стекали, точно потоки воды, по крутым уклонам к Центру, где мы стояли на обломках разрушенной мечты О'Дауда. А рядом со мною замер подстрекатель сего крушения, архиподжигатель Монсорбье, глядел на подвижный небесный свод и насвистывал сквозь сжатые зубы.

От дрожащего металла тигля исходили раскаленные пары. Казалось, еще немного, и медь станет плавиться. Либусса обратилась к Монсорбье:

— Дайте мне Грааль.

Он рассеянно поглядел на нее, словно никак не мог вспомнить, кто она.

— Вчера ночью, когда заключали мы договор, вы говорили, что вам удалось захватить нечто в глубинах. Вы говорили, что я должна это оценить.

— Да.— Не сводя глаз с танцующих звезд, он небрежно протянул ей шлем.

— Что же, сударь, я хочу, чтобы вы открыли мне вашу тайну прежде, чем свершится Согласие.

Как во сне, он качнул головой:

— Нет, мадам. После.

А потом, к моему несказанному изумлению, Либусса велела мне:

— Убей их, фон Бек. Убей их обоих, быстро!

Я подчинился. Мне не оставалось ничего иного. Я принадлежал ей всецело. Меч, такой же лег-

кий, взметнулся в руке моей, едва ли не предвосхищая мое деяние. Одним ударом срубил я голову Монсорбье и почти в то же мгновение сразил златовласую жрицу. Казалось, меч сам совершил работу, как уже было однажды, в сточных канавах под таверною О'Дауда.

Клинок в мгновение ока разрубил моих врагов, точно топор в руке опытного мясника. Их члены не отделились от тел, но только при самом пристальном рассмотрении было заметно, что трупы их расчленены. Это, разумеется, был прием, выученный у татар (я больше в этом не сомневался) — проявление качеств волшебного меча. Неудивительно, что враги Парацельса панически боялись этого клинка.

Если бы я сказал, что убил Монсорбье и златокудрую жрицу, я бы соврал. Без сомнения, они заслужили смерть, но я, как и меч у меня в руке, действовал не по своему желанию. Я был лишь орудием Либуссы и не чувствовал никакого укора совести, никакого отвращения к себе. Тогда еще — нет, пусть я и свершил деяние, противоречащее моим представлениям о чести и гуманности.

Но потом я преисполнился некоей смутной тревоги, когда увидел, как Либусса весело хватает части расчлененных тел и швыряет их в топку. Вот в огонь полетела рука, вот — златовласая голова. Следом за ней — голова Монсорбье с лицом, навечно застывшим в недоуменном изумлении. Неужели нам всем суждено в скором времени обратиться в смешанный сор, который швырнут в полыхающую печь? Неужели это и есть то будущее, которое так стремится создать Либусса?

— Мадам, мне бы не хотелось больше никого убивать.— Я опасался, как бы моя брезгливость не

рассердила ее. Ведь моя любовь к ней осталась столь же сильна и безудержна, как моя ей преданность.— Вы предложили мне исцеление, но деяние сие не имеет к нему отношения. Вы, как и я, выступали против вопиющего вероломства, против безнравственного убийства. А то, что случилось сейчас, ничуть не лучше того, к чему призывали меня во Франции.

— Монсорбье был злым и безжалостным человеком. И жрица его также была виновна.

— Это веская причина, чтобы остерегаться и избегать их, мадам, но недостаточная для того, чтобы убить.

— Но вы убили их, сударь.

Кровь стекала еще по моему клинку, и я не желал убирать его в ножны, пока поток не иссякнет.

— Да,— печально ответил я.

Либусса нахмурилась.

— Это, фон Бек, вопрос Времени. У нас его мало.

— Вы заключили некий договор с этой парой, но вы не собирались его исполнять.— У меня не было никакого желания отстаивать свои доводы. Я опустил глаза и уставился на черный пепел у себя под ногами. Но и не глядя на Либуссу, я знал, что она начинает сердиться.

— Так что же, сударь? — с вызовом проговорила она.— И вы тоже меня предадите? Как Клостергейм? В этот решающий час?

— Нет, мадам, я не предам вас. Но я не могу молчать. Совершая такие деяния, мы остаемся в союзе со Зверем. Мы уступаем страху, пусть даже самую малость, но мы уступаем. Не может быть истинного становления Нового Века, если строить его на принципах и ошибках старого. Этому я

научился еще во Франции. Вот почему бежал я из Парижа и встретился с вами.

— Так было назначено вам судьбою.

— Да, мадам.

Она осталась довольной моим согласием. Мои мнения и переживания ничуть не трогали ее, пока я продолжал следовать — духом и телом — по пути, с которым связал себя. Я скорее готов был умереть, чем расстаться с Либуссой. И все же в тот момент я бы, наверное, многое отдал за вульгарную грубость Сент-Одрана. Я хладнокровно и не задумываясь убил двух людей, и от мрачного этого факта было уже не уйти.

С небес на нас лился свет, окрашенный во всевозможные цвета. Громадные звезды продолжали свой замысловатый танец. Нижний Град раскачивался и трясся, а обнаженные жрецы, явившиеся стать свидетелями нашей грядущей свадьбы, отшатнулись от нас, пятясь прочь, может быть убежденные в том, что вскоре и им предстоит пасть под ударами моего клинка. В сознании моем промелькнула тошнотворная мысль, что они, вероятно, правы.

Элегантная шляпа Монсорбье с трехцветной кокардой лежала у моих ног. Я поднял ее, чтобы вытереть кровь с клинка. Свет звезд отражался в рубиновой рукояти его, беспокойно клубящейся алой дымкой. Но вскоре марево прояснилось, и в камне вновь показался орел, бьющийся о кристальную стену. Его медные крылья трепыхались настойчивее, чем когда-либо прежде, яростные его когти тянулись вперед и судорожно сжимались.

Мы с Либуссой приблизились к дымящемуся плавильному тиглю. Пепел шевелился у нас под ногами, пропитанный жаром.

— Пойдемте, сударь,— голос ее снова стал нежен и кроток,— на этой свадьбе не нужен священник. Вместе мы уже обладаем силой большей, чем у кого-либо из ныне живущих, и вскоре мы насладимся всесилием.

И хотя я не мог ничего иного — только повиноваться ей, радость куда-то исчезла. Остались трепетное предвкушение наивысшего наслаждения, удовлетворенность тем фактом, что уже близится наш союз, стремление изведать, что ожидает нас по завершении ритуала... но она отказалась отвергнуть Зверя, и церемония для меня чистоту утратила.

— Мы стоим у Тангенциального Ядра,— возвестила она.— Ни одно из смертных созданий не занимало еще этого места в пространстве. Тот, кто удерживает его, претворит все мечтания свои в жизнь и сможет влиять на любой из грядущих моментов истории человечества. Мы сами определим все условия, фон Бек. Даже сам Господь Бог вряд ли смог бы просить больше. Мы установим условия, на которых будет строиться жизнь человечества!

Сверху донесся рев, словно океан разорвал небеса и хлынул на землю, чтобы нас поглотить. Этот могучий грохот исходил от самих звезд, движущихся в заключительных тактах грандиозного танца. Каждый оттенок цвета, когда-либо существовавшего во вселенной, теперь был представлен на небосводе: точки интенсивного света, клубящиеся вихри мягкого свечения — точно пристальные глаза за исполинскими боевыми знаменами, рвущимися на ветру. Но танец уже замедлялся.

Либусса заговорила — быстро, настойчиво, сбивчиво. Кровь моя и сознание закружились вихрем,

воспоминания отступили, исчезли. Убежденность герцогини вызывала во мне благоговейный страх.

— Вы, сударь, без колебаний исполнили повеление мое и доказали тем самым, что я не ошиблась, избрав вас. Для человека вы наделены величайшим мужеством. У вас есть желание и воля увидеть мир новым. Вы обладаете богатым воображением. А теперь, сударь, скажите, что вы готовы приступить к последнему этапу нашей свадебной церемонии.

— Я всегда был готов, Либусса.

Она провела рукой по моему обнаженному телу.

— Скоро мы соединимся, любимый. Станем единою плотью, единым сознанием, единой душой. Величайшее из предречений будет исполнено, и устремление всех могучих адептов обретет наконец совершение. К моменту этому привел благородный труд многих, начавшийся тысячи лет назад, когда предки мои только вступили на этот путь.— Она подняла побитый шлем высоко над головою.— И вот он — ключ, без которого мы никогда не пришли бы к успеху. Но с ним мы просто не можем потерпеть неудачу. Разве это не есть самая сущность гармонии?

— Ты должна разрешить мне поразить Зверя.

Но Либусса либо не слышала моих слов, либо отказывалась их услышать. Краски в небесах побледнели и вновь смешались в едином мареве света. Громадные звезды, утратив блеск, постарели. Сквозь них проступил абрис новых созвездий — четких и ярких в туманной черноте. Диск громадного солнца соскользнул за горизонт, и во время падения сама материя его распалась, растворившись во тьме, точно пар от дыхания в морозном воздухе. Второе светило просто померкло и стало неви-

димым. Но танец еще продолжался — медленней, медленней,— и с каждым мгновением звезды исчезали, выпадая из хоровода светил. Казалось, Осенние Звезды — те, что остались еще на небесной тверди,— теперь дрожали от напряжения. Утомленные, они всеми силами старались продлить свое существование.

— Уже скоро.— Либусса сжала мою ладонь.— Когда это действо закончится, настанет Согласие. Фон Бек, у вас не пропало еще желание?

— Совершить свадебную церемонию?

— Да. Исполнить свое предназначение.

Теперь мы почти вплотную приблизились к тиглю. Я понял, что она собирается нырнуть в то пламя. Она была одержима. Безумна. Но я полностью доверился ей. Если она решила умереть, я умру вместе с нею, ибо так лучше, чем жить без нее.

В сумраке за плавильным тиглем шествовал лев. Я видел, как отблески света ложатся на золотистую его шкуру. Я слышал его рев: наполовину — вопрошающий вой, наполовину — грозный рык. Может быть, он боялся потерять хозяйку? Или она была ему сестрою? Я вспомнил жуткий сон про Минотавра.

Благородные древние звезды меркли и исчезали. Снова мне показалось, что небо дрожит, сдвигаясь, но в этот раз оно обрело небывалую глубину, в которой, слой за слоем, открывались мерцающие точки света и сияющие вихри — галактики. Они все еще двигались, но уже было ясно: они приближались к своему окончательному положению на небе. Похоже, единственной закрепленной в неподвижности точкой во всей вселенной было то самое место, где сейчас стояли мы, словно Земля или даже малая часть ее, ограничен-

ная пределами Нижнего Града, отвергали грандиозное это перемещение. Быть может, поэтому здания, нас окружающие, не прекратили качаться: они сопротивлялись вселенскому тяготению.

Лев издал глухой беспокойный рык. Плавильный тигль, добела раскаленный, стонал и потрескивал. Либусса сама взялась за мехи. Один рывок — и пламя вспыхнуло с новой силой. Теперь рев его стал непрерывен. Улыбнувшись, Либусса шагнула еще ближе к плавильному тиглю и протянула мне руку.

— Быстрее. Мы должны соединиться в тот самый момент, когда совершится Согласие. Быстрее, фон Бек.— Алые губы ее приоткрылись, как будто Либусса впивала в себя огонь. Ее сильное тело дрожало в предвкушении наивысшего наслаждения плоти... или была только ее алчность? — Идите же!

— Либусса,— сказал я ей,— я люблю тебя такой, какая ты есть. Я люблю тебя как человеческое существо.

— Я знаю.

— Ты — совершенная женщина. Твоя женственность преисполнена утверждающей мощи. Дух твой смел и решителен, разум — скор, тело — прекраснейшее на земле. Я люблю тебя, Либусса Критская, и всего себя отдаю я тебе, соединяясь с тобой узами брака.

— Тогда, сударь, пойдемте. Пойдемте. Пусть обряд совершится.— Она чуть не прислонялась спиною к раскаленному металлу тигля. Я смотрел на ее обнаженное тело и готов был заплакать. В левой руке держала она шлем, а правой манила меня. Она улыбалась, и губы ее звали. Она влекла меня.— Пойдемте же, сударь...

— Решение это далось мне не просто, Либусса.

Она улыбнулась.

— Гордость ваша всегда остается при вас, дорогой мой фон Бек. Ну что ж, если вам так угодно, я признаю вашу мужскую щедрость.

— Я отдаю тебе всего себя.— Медленно, как во сне, я приблизился к ней. Ее губы вновь приоткрылись... ее алые губы. Белые зубы блестели, а глаза затуманились поволокою вожделения.

— Пойдемте, мой маленький...

Тигль исходил обжигающим жаром, угли шипели. Черная обуглившаяся рука корчилась в топке, словно Монсорбье махал мне в язвительном прощании. Либусса распахнула дверцу тигля, не обращая внимания на невыносимый жар. Внутри полыхал белый огонь.

— Сюда, мой хороший. К последнему единению. Мы станем единою плотью, единым телом. Двое станут Одним. Ты понимаешь, маленький мой фон Бек?

Я подошел к ней вплотную. Моя обнаженная плоть касалась тела герцогини. Жар был ужасен, но я, как и Либусса, его не чувствовал. Похоже, мы стали действительно неуязвимы. Она поцеловала меня в губы — долгим, восхитительным поцелуем, как будто припадала к губам моим в первый раз.

— О, сударь,— вздохнула она,— вы даже представить себе не можете, какую радость завоевали вы вашим мужеством. Но вознаграждения ждать недолго. Дайте мне меч, мой хороший.

Я хотел было отдать ей клинок, но — независимо от меня — рука моя отказалась повиноваться.

— *Отдайте мне меч!*— В глазах ее зажглись огоньки недовольства.

Неимоверным усилием воли заставил я свою руку подняться и передать ей клинок, заключенный в ножны. Тяжело дыша, она подняла на меня томный взгляд.

— О, мой милый. Клянусь, я тоже сдержу обещание.— Ладонь ее легла на рубиновую рукоять, и Либусса вскрикнула от боли.— Ай! Что это? Я и забыла. Это хуже, чем Грааль!

— Это *мой* меч,— ответил я,— я уверен: он не должен тебе причинить вреда, ведь даже теперь мы почти что едины с тобою.

Держа Грааль в левой руке, герцогиня решительно взялась за рукоять меча и, испытывая невыносимую боль, нарочито медленно обнажила клинок. Она снова улыбнулась мне, и тогда во мне в первый раз шевельнулся страх.

Только тут я понял: она собиралась разрубить меня на куски, точно так же, как я разрубил Монсорбье. Она, может быть, искренне верила в то, что сумеет потом возродить меня, поместив останки мои в пламя плавильного тигля. Или она собиралась *вкусить* плоти моей? Я обладал некоторыми, пусть и поверхностными, познаниями в области алхимии, и мне было известно утверждение адептов, что они могут достичь бессмертия для себя и для любого другого при помощи расчленения плоти. Они полагали, что расчлененное тело обретает вторую жизнь через воду и — иногда — огонь. Или через смешение двух стихий. Я поглядел прямо в глаза Либуссе и узрел в них правду.

— О, мадам! Это что — моя казнь?

Она все еще улыбалась.

— То будет истинное бессмертие, фон Бек. Скоро станем мы единым существом — гермафро-

дитом. Король Гермафродит будет царить на Земле. Все это правда, мой маленький. Не теряй веры, как я не теряла ее на кресте, и мы достигнем вечной жизни. Воистину так. Просто поверь мне, и все. Пойдем. Не будем терять время. Наступает Астральное Соответствие...

Ножны упали в золу у нее под ногами. Либусса стояла, обрамленная жарким сиянием меди Химического Чрева, с Чашей в одною руке и Мечом — в другой. Ее губы раскрылись в застывшей улыбке, зубы блестели в отблесках пламени. Ее смуглая кожа всегда излучала сияние, но теперь мне казалось, что она сделана из металла, ибо тело ее отражало свечение, исходящее от плавильного тигля.

И она улыбалась. Я шагнул к ней. Это прекрасное тело, омытое жарким сиянием, влекло меня. Тело ее, ее пол, красота ее и властная сила... Чтобы меня убедить, ей не нужна была никакая логика. Рука, сжимавшая меч, вибрировала от мучительной боли

— Иди же...

Я вспомнил икону, которую видел в доме князя Мирослава, потом — самого Мирослава, сраженного могучим ударом клинка и с таким упорством цеплявшегося за жизнь. Я вспомнил, как сначала он предостерегал Либуссу, а потом меня. Встретившись, я отступил.

Ее улыбка стерлась в одно мгновение. Лицо выражало теперь смесь неверия и боли.

— Маленький мой! Иди. Быстрее.

Я открыл было рот, но не сумел произнести ни слова. Я как будто оцепенел.

— Малыш! — Казалось, герцогиня вот-вот разрыдается. Она не верила в то, что я готов отступиться.— Ты же поклялся!

Я заставил себя снова шагнуть вперед. Либусса стояла, раскинув руки, как будто распятая на кресте.

— Иди! — с облегчением выдохнула она.

Дыша тяжело и часто, я пытался заставить свое тело двигаться вперед. К ней. Я чувствовал: мука ее отражается в моей боли. Я стонал. Задыхался.

— Что с тобой, мой хороший? Что мешает тебе подойти ко мне?

— Зверь...— хрипло выдавил я.— Откажись от него. Убей его первым. Он нам не нужен.

Она рассмеялась.

— Он будет нашей силой. Зачем отвергать его — такую могучую силу,— если можно его обуздать. Я приручила Зверя, фон Бек. Иди же. Иди ко мне.

— Откажись от Зверя, Либусса. Убей его, заклинаю тебя. Пусть гармония будет достигнута только нашей любовью и верой! Убей Зверя, и я обещаю: я позволю тебе сделать все, что ты хочешь. Риск велик, но мы должны рисковать на равных, Либусса!

— Что?! — В своей одержимости она не желала меня понимать.— Значит, и ты меня предаешь?

— Ты сама себя предаешь, Либусса. Ты предаешь нас всех. Отрекись от Зверя.

— Грааль должен быть защищен. Зверь защитит его. Глупец! Или все это лишь предлог, а причина — трусость?

Я застыл на месте, не сводя глаз с ее тела. Теперь нас разделяло лишь несколько футов. Если мне предстоит принять смерть, то пусть это будет сейчас. Здесь.

— Убей Зверя, Либусса. И тогда можешь убить и меня. Пусть Минотавр навсегда будет изгнан из нашего мира! Это единственный путь, Либусса!

— Я предлагаю тебе возрождение, фон Бек, и вечную жизнь!

Топка, принявшая в чрево свое плоть и кровь, утробно завыла. Мне показалось, что она требует новой жертвы. Я плакал — тихо, беспомощно. Но ноги мои словно приросли к земле. Я чувствовал: лев ждет в сумраке, готовый убить меня, если не сможет герцогиня. Мне хотелось приблизиться к ней — ни обещания ее, ни угрозы мои не имели уже значения,— но тело мое было сковано ужасом. Неимоверным усилием воли я заставил себя сделать еще один шаг.

В дымном мареве неба погасла последняя из Осенних Звезд.

В черном безмолвии мерцали теперь лишь холодные точки белого света, точно глаза разгневанного Бога. Движение их прекратилось. На Земле воцарилась великая тишина. Глухое напряжение овладело вселенной. Словно все бытие застыло, ожидая моего решения. Согласие готово было свершиться.

Согласие всех сфер небесных, всех запредельных миров и всех царств реальности... От звезды к звезде потянулись лучи света, и вскоре небесная твердь обернулась беспредельной паутиной золотых и серебряных нитей. Я замер. В жизни не видел я зрелища красивее. Нити света струились вниз, стремясь коснуться нас. И все же тьма оставалась. Постепенно я начал сознавать, что тьма наполняется криком, яростным свечением Химического Чрева, словно все пламя Ада слилось воедино, сосредоточившись здесь.

— Еще есть время,— прошептала Либусса. Она была точно молящее изваяние с Мечом и Чашей в руках.— Я хочу тебе только добра, фон Бек. Я предлагаю жизнь, силу и единение. Я предлагаю

гармонию. Лекарство от Боли Мира. Ты выпил тинктуру мою и мою кровь. Разве это ничто для тебя не значит, возлюбленный мой, мой жених? Пожалуйста, не предавай моей веры в тебя.

— Мадам, это вы предаете меня, не желая отторгнуть Зверя.— Нити света вились вокруг нас, точно стремясь к шлему. К Граалю.

Похоже, даже мое предательство не смогло бы нарушить ее сокровенные замыслы. Я покачнулся. И снова — одним лишь усилием воли — заставил тело свое сдвинуться с места.

— Ах! — Она запрокинула голову, глядя на жаркую топку. Волосы ее взметнулись сияющей короной. Ее била дрожь от мучительной боли, которую вызывало прикосновение к моему мечу.— Быстрее! Быстрее! — Она отступила к распахнутой дверце тигля.— Быстрее.— Ее голос разнесся оглушительным грохотом: — Еще немного — и будет поздно!

За спиною у нас в вышине сиял хладный свет новых звезд. Впереди полыхала раскаленная топка. И все это должно было слиться в вышнем супружестве, соединиться узами священного брака. Мне предстояло стать частью чего-то целого. Эта мысль помогла мне вдохнуть жизнь в онемевшие ноги. Я сделал еще пару шагов по направлению к плавильному тиглю — испепеляющий жар, от него исходящий, не обжигал меня. Раскаленное добела сияние не ослепляло меня. И вот я стоял перед Либуссой — моей невестой. Неуязвимый для пламени, я все еще чувствовал тепло и восторг ее плоти. Я прикоснулся к телу ее, склонился, чтобы поцеловать ее губы, но она не смотрела уже на меня. Глаза ее обернулись расплавленной медью!

— Не теперь.— Голос ее стал точно шепот пробуждающегося вулкана.

Я, наверное, никогда не смогу объяснить то, что случилось потом. Я больше не колебался. Не смотря на все мои доводы, меня словно притянуло к ней. Некая сила влекла меня в шипящую огненную утробу — Химическое Чрево. Тело мое окунулось в ужасающий жар и ужасающий холод. Они поглощали меня. Растворяли в себе.

— *Либусса!*

Там, внутри, серебряная вселенная воспылала, застыла, охваченная всепроникающей стужей, и вспыхнула вновь. Меня била дрожь. Тело мое охватила слабость. Но вера моя — ибо ни пламень, ни хлад пока еще не причинили мне боли — с каждым мгновением укреплялась. Я давно должен был умереть... но я жил, и в венах моих струился жидкий металл, глаза стали сталью, что плавилась и застывала, наверное, тысячу раз, обретая очищение. Все неясные, смутные мысли ушли из сознания. Все образы стали прозрачны и ясны, словно чистейшей воды бриллианты. Я вскинул руку. Моя кожа текла, точно ртуть. Я поднял глаза и узрел Грааль.

Либусса держала чашу у меня над головой.

— Мы станем Новым Мессией! — Ее голос звенел, как золоченый колокол.— Скоро начнется правление наше на Земле. Пусть называют нас как угодно: Антихристом, Демоном или любым иным именем. Этого не миновать. Согласие принимает нас. Преклони колена!

Я повиновался.

— Итак, сочетаются Браком Сера и Ртуть, дабы вкусили они крови и плоти друг друга. И единение их отразит единение Миллиона Царств и при-

ведет нас к Разрешению и Мастерству. К Могуществу и Главенству! Вот оно — высшее исполнение нашего Искусства. Невеста соединяется с Женихом, и Двое становятся Едины!

Я смотрел на ее ослепительную красоту. Она же занесла меч. Губы мои раскрылись сами, и я выкрикнул ей слова любви — моей божественной любви к ней! Во мне бурлил металл. Металл бурлил в моем Чреве. Я жил полной, истинной жизнью!

И теперь я отдаю ей кровь свою и плоть. Либусса! Я отдаю тебе свою жизнь. Ты пьешь из Чаши и улыбаешься мне, а тигль покачивается и стенает. Ты погружаешь острие Меча в чашу, и разгорается новый огонь. Черты твои — это мои черты. Они сливаются, сплавляются вместе и, застыв на мгновение, растекаются снова, искажаются и дымятся. Но ты хмуришься, взгляд твой становится недоуменным...

Теперь дрожь сотрясает тигль. Чрево наше наполняется иным светом. Я пытаюсь подняться, но, кажется, члены мои в самом деле отделены от торса. Это Грааль источает свет, и свет его холоден, словно свет звезд снаружи. Он противостоит тому жаркому свету, что расплавляет нас и соединяет в супружестве! Грааль издает странный звук — точно приглушенный звон исполинского колокола. Гнев заключен в этом звоне. Гнев и протест!

Отбрось Меч, сестра моя. Невеста моя, умоляю тебя: изгони Зверя. Отрекись от него, и тогда совершится наш истинный брак!

— Отбрось Меч. Отрекись от Зверя!

Гнев обуял Либуссу, и она закричала в агонии, но не разжала руки с Мечом. Ее разметавшиеся волосы напоминали языки пламени. Бронзовые губы

раскрылись в яростном вопле боли, а медные глаза обратились в огненную погибель.

— Нет!

Никому не дано ей указывать. Никому не дано удержать ее: ни мне, ни какой-либо потусторонней силе... ни ей самой, если на то пошло! Только не в это мгновение — величайшее мгновение ее силы.

— Нет!

Плавильный Тигль — колыбель наша, наше чрево — раскачивался и трещал. Постепенно он наполнялся светом Грааля. Герцогиня пыталась отшвырнуть его от себя, но он не желал падать. Нет — он завис прямо над нами, и в полногласном вопле его слышен гнев и испуг. Вопль его разъяснил нам, как случилось, что мы сотворили лишь пародию на великую Гармонию. Как вместо того, чтобы слиться с ним, противостояли ему. Он не вступит в союз со Зверем. Не вступит в союз с Мечом.

Но Либусса не отпустила Меч. Она схватилась за рукоять обеими руками и стала бить по измятому металлу шлема, при этом кричала от боли. Но удары порождали лишь оглушительный звон. Из глаз Либуссы хлынули золотые слезы. Губы ее обратились в текучую медь, и серебряная слюна растворилась паром в ауре света. Клинок выгибался. Либусса зашлась криком бессильного разочарования, и только теперь я понял, как непреклонен Грааль, как глубока и совершенна назначенная мне судьба. Я и не предполагал, насколько она глубока. А Либусса все еще не выпускала скривившийся клинок, ударила рукоятью по Чаше. Еще удар! Но Чаша оставалась неподвижна. Казалось, она впаяна в пространство, как звезды снаружи — в ноч-

ное небо. Либусса пыталась сокрушить непоколебимый утес! Все богаче и гуще становится колокольный звон, все быстрей, быстрей, и вот завибрировало Химическое Чрево... В третий раз ударила герцогиня рубиновой рукоятью по краю Грааля. Нет!

— Нет! — закричала Либусса. Она не позволит себя одурачить. Это было бы несправедливо — обмануть ее чаяния. Моя кровь, моя плоть, сталь во чреве моем... все утратило плотность. В плавильном тигле смешивались металлы, клубясь и шипя в величайшем противостоянии. Капли золота и серебра падали на меня.

Капли золота и серебра падали на мою расчлененную плоть, и теперь — наконец — пришла боль. Но тело мое исцелилось. Раны затянулись, не успев раскрыться. Но какую же муку принесло это исцеление! Брак еще не осуществился. Я приблизился к Либуссе, превозмогая боль. Лицо ее — лик Медузы. Отбрось Меч, Либусса. Я потянулся к ней. Все ближе и ближе. За боль ее нет вознаграждения!

— Либусса! Брось Меч, и тогда мы соединимся!

— Нет!

И снова рубиновая рукоять ударилась о край Грааля.

Алый кристалл взорвался таким оглушительным ревом, что он поглотил даже звенящий набатом голос Грааля. Я испугался, как бы у меня не лопнули барабанные перепонки. Либусса замерла. Она испугалась тоже. Губы ее раскрылись, но она ничего не сказала. Звон Грааля умолк. Теперь он не излучал, а вбирал в себя свет, а потом свет померк и сияющая Чаша вновь обратилась в заурядный старенький шлем. Либусса бросила его на землю. Застыла, рассеянно глядя то на него, то на

меня. Я попытался подняться на ноги. Тело мое болело — израненное, истерзанное, все в крови от каких-то странных ран: на горле, на плечах и на бедрах. Я застонал. Страх мой и отчаяние переплелись в этом стоне.

Повернувшись ко мне, Либусса вскинула руку с покрившимся Мечом. Глаза ее больше не пылали жаром, а прекрасные груди вздымались и опадали в такт тяжелому, учащенному дыханию. Я шагнул ей навстречу, чтобы обнять ее или же быть убитым ею... мне было уже все равно.

— Ты упорствовал в малодушии своем слишком долго,— сказала она.— Из-за тебя мы упустили момент.

— Нет, Либусса. Тебе надо было покончить со Зверем. Убить его. Уж не его ли призвал Монсорбье перед смертью?

— Я не видела ничего и не знаю, кого он призвал.

— Ты не видела льва?

Она мотнула головою.

— Здесь был Зверь,— объявил я.— Грааль восстал, не желая принять его.— Теперь я заметил, что стало ужасно холодно.— Те, кто сподобится обуздать силу Зверя, чтобы править миром, будут ею же и уничтожены. Во всех писаниях своих Мария-Иудейка предостерегала об этом. И ты должна это знать.

Герцогиня напряглась, точно раскаленная сталь, нырнувшая в лед. Она нахмурилась, глядя на осколки рубиновой рукояти у себя под ногами. Что-то зашевелилось в этом кристальном крошеве. Крошечное, трепещущее существо. Феникс...

Нет, то был орел, освободившийся наконец из рубиновой темницы. Зверь, пребывавший внутри Меча! Теперь я понял, как сложился узор судьбы,

и мне стало страшно. Я раскрыл объятия Либуссе, но она, казалось, не видела меня. Должно быть, теперь, поскольку я не исполнил данного ей обещания, я был ей больше не нужен. Она улыбнулась, выпустила из рук меч и склонилась, взяв птицу в чашечку ладоней. Та пронзительно вскрикнула. Птица сопротивлялась. Заключив бьющееся существо в клетку сложенных ладоней, Либусса долго разглядывала его сквозь щели между пальцами, потом, поднеся руки к уху, прислушалась.

— Либусса!

Неужели я теперь совсем ничего для нее не значил? Неужели герцогиня окончательно отвергла меня? Почему бы и нет... ведь в глазах ее я был тем, кто не сумел принять величайший вызов, брошенный человечеству.

Плавильный тигль остыл. Я отошел. Темнота вокруг казалась теплее, нагретая обычным жаром, исходящим от огня и золы. Но огонь уже иссякал.

В небесах нити света образовали правильный геометрический узор. Я застыл в изумлении, глядя на это безупречное совершенство. По сравнению с этими небесами все, чего мы пытались достичь, казалось грубой дикостью.

— Либусса! — Я хотел, чтобы она посмотрела на небо, и поняла, и приободрилась.— Либусса!

Но она оставалась в утробе тигля и что-то шептала крошечному царю птиц.

Не отрываясь смотрел я в могучий покой вселенной, познавшей предельный порядок. Я не сумел сдержать слез.

А потом герцогиня вдруг закричала:

— Еще есть время!

Выбравшись из тигля, она рванулась по вздымающимся волнам пепла к черному кресту. Мерзос-

тное орудие казни стояло там же, где мы оставили его. Из пыли одна за другою начали подниматься фигуры — остатки свидетелей ритуала. Пыль липла к обнаженному телу Либуссы. Я позвал ее, но герцогиня не слышала. Теперь она больше не станет меня слушать. Для нее я уже умер. Меня просто не существовало.

— Либусса! Остановись!

Я все еще любил ее.

Ее приспешники начали медленно подбираться к кресту. Кто-то шел, кто-то полз. Их мерзкие тела, искаженные лица, страшные, безвольные глаза навели меня на мысль о том, что теперь я, должно быть, похож на них. Неужели предназначение мое заключалось в этом?

Герцогиня развернулась лицом к толпе, спиною — к кресту. Что замышляла она? Начать заново ритуал? Но было уже слишком поздно. Согласие Светил совершилось.

— Идите же! — позвала она.

За спиной у меня вдруг раздался крик — крик, исполненный одержимою жаждою мести. Сколько времени птица пребывала заключенной в камень? То ли Парацельс обуздал Зверя, то ли Меч его был выкован в период предыдущего Согласия? Птица вскрикнула снова. Ее вопль напомнил мне крик Клостергейма, когда он падал с небес в раскаленный ад пожарища. Неужели мой старый враг возродился так скоро?

Я повернулся к тиглю. Металл остыл, могучее пламя иссякло, но внутри медной сферы — обрамленный на миг дымкою убывающего свечения, с глазами безумными и оскорбленными, точно как у Либуссы теперь,— восстал величавый золотой орел. Он расправил громадные крылья, и перья на кры-

льях его громыхнули. А потом, ни секунды не медля, орел взмыл в воздух. Теперь он был сияющим существом. Словно сотворенный из бронзы и меди, поднялся он в мерцающую ночь. Он был рожден и достиг зрелости благодаря, быть может, последней частице магии нашего Тигля!

Тело Либуссы было распластано на черном обуглившемся кресте. Взглядом следила она за полетом орла. Он же поднимался ввысь, к правильной паутине звездного света — все выше и выше, пока не пропал из виду. Я с облегчением вздохнул, хотя и не знал, почему я боюсь его так, как никогда ничего не боялся.

— Либусса, я люблю тебя. Уйдем отсюда, из этого места. У нас еще есть надежда...— Как я хотел быть с нею. Даже теперь я был готов умереть за нее.— Еще есть работа, которую можем мы совершить, Либусса. Грааль нам поможет, если мы будем следовать его...

— Я буду следовать только собственным желаниям, фон Бек! Я сама создам их. Ты колебался. Ты подвел нас обоих.

— Я лишь предостерег тебя против Зверя. Уйдем отсюда, Либусса. Прошу тебя, умоляю. Прими любовь мою...

— Что это значит, фон Бек? — Ее била дрожь. Она вся посинела от холода. Потом она потянулась, пытаясь достать кончиками пальцев горизонтальную перекладину креста.— Если ты все еще хочешь служить мне, тогда ты должен распять меня! Докажи мне свою любовь — сделай это!

— Я сделаю все, что ты хочешь, Либусса.— Я был беспомощен.— Как ты не можешь понять.

— Хорошо. Тогда помоги мне!



— Какой теперь в этом смысл? — мягко сказал я ей.— Момент упущен. Ты сама так сказала.

Голос ее обрел теперь всю былую властность:

— Если ты, фон Бек, любишь меня так, как ты говоришь, ты сделаешь то, о чем я прошу.

Я повиновался тебе. Я всегда буду повиноваться ей. По указаниям ее слуги перенесли плавильный тигль на повозку и подвезли его к подножию креста. Взобравшись на тигль, мы подняли герцогиню. В руке моей — гвозди. Ты являешь свои стигматы. Дыры в плоти твоей. Но они уже не кровоточат. Мне нетрудно было вбить гвозди на прежнее место, и вот герцогиня — распятая на кресте — повисла вновь. Она дышала тяжело и часто. Ее голова упала на плечо, глаза уставились в небо.

«Спасибо, фон Бек,— говоришь ты.— Теперь оставь меня».

Но — только в этом — я не подчинился герцогине. Я расцеловал ее щеки, губы и груди, ее живот и сосредоточие пола. Плоть ее оказалась холодной. Своим дыханием я пытался согреть ее.

Либусса рассмеялась, но это был не смех, а насмешка, преисполненная такой муки, что действительно можно поверить: боль ее сильнее всей боли мира! Я отступил, закрыв руками уши. Страшный, невыносимый звук — ужаснее всего, что довелось мне услышать в последнее время. Я закричал тоже, не в силах сдержаться. Я упал с крыши тигля в испепеленный сор.

Медленно поднялся я на ноги. А Либусса все еще смеялась. Теперь она смотрела прямо мне в лицо. Боль ее и цинизм отзывались во мне неизбывною мукой. Расшвыряв свидетелей мрачного таинства, я ударился всем телом в плавильный тигль. Я толкал его и раскачивал, пока он не свалился с

повозки. Ударившись о землю, медная сфера треснула и зашлась паром. Я принялся лихорадочно рыться среди кусков искореженного металла в поисках шлема. Грааль спасет Либуссу — в этом я был убежден. Грааль исцелит нас обоих, ибо он исцеляет любую боль. Смех герцогини оборвался. Воцарилась жуткая тишина — тишина ожидания. Что еще могло бы произойти? Я неистово продолжал свои поиски.

А потом из темноты донеслось хлопанье исполинских крыльев. Я поднял глаза. Орел устремлялся к земле — словно это изначально была его цель. Изогнутый клюв его разверзся в жутком крике; страшные когти угрожающе нацелились. Он падал прямо на нас, как будто мы были его добычей. Взгляд его, предательские глаза замерли на кресте. Я безотчетно попятился, уверенный, что пасть его жертвой предстоит мне.

Но я ошибся. Орел нацелился на женщину, распятую на кресте! В чудовищном смятении бьющихся крыльев и рвущих когтей он набросился на герцогиню, и крик его стих, когда мощный клюв вонзился в ее плоть.

— Либусса! Либусса, любимая!

Герцогиня вновь рассмеялась — тем же ужасным, леденящим смехом. Она дернулась на кресте, но не смогла освободиться. Каждое движение ее лишь приближало смерть. Такого конца она не желала, и все же мрачная ирония происходящего забавляла ее!

Теперь я отчаянно искал хоть какое-нибудь оружие.

Вот — искореженные остатки Меча Парацельса. Подхватив обломок клинка, я бросаюсь к кресту. А орел продолжал вкушать человеческой плоти, женщина продолжала смеяться — еще живая,

хотя уже съеденная наполовину. Заливаясь слезами, бью я гигантскую птицу, исступленно, безумно. Это мое тело клевала она. Птица завопила, забила крыльями. Мгновение — и тело крылатого гиганта покрыли ужасные раны, но тварь не желала оставить Либуссу. Он жаждала вкусить живой плоти. Она была одержима. Все тело герцогини было обагрено жаркой кровью, и наконец смех ее стал слабеть. Я рубил птицу, бил по горлу, по глазам. Теперь смех Либуссы стих...

Когти птицы рвут ее груди. Зайдясь невнятным победным криком, орел полоснул когтем по телу на кресте, открывая мне сердце моей возлюбленной. Бьющееся, живое! Человеческое сердце!

Либусса! Я люблю тебя!

Последний взрыв смеха. Поток крови. Орел уставился на меня. Он словно благословлял меня. А потом взмыл ввысь. Все выше и выше поднимался он, к новому Соединению Звезд, в слепящие небеса. Последний выкрик его сливается с замирающим смехом Либуссы. Мертвое тело герцогини обвисает на черном кресте, и теперь у меня нет надежды на воскрешение. Она — Антихрист, которого предали. Каким совершенным был ритуал возвращения, который она позаимствовала у Монсорбье! Ведь Либусса даже не понимала, каким он был совершенным!

Обезумев от горя, стоял я на обломках плавильного тигля, пытаясь вновь вытащить гвозди из дерева, но не мог ухватить их — мои пальцы скользили в крови Либуссы. Я выл и стонал в непомерной скорби и не сразу сообразил, что облизываю ее тело, очищая с него кровь языком, как это делают дикие звери. Мне вдруг пришло в голову, что можно попробовать снова разжечь огонь под плавильным

тиглем, поместить останки ее в Алхимическое Чрево и вернуть ее к жизни. Я попытался разыскать серебристый источник, что недавно еще бил фонтаном из-под земли. Тот самый источник, который однажды уже вернул ее мне. Теперь он был завален грудой камней. Пока мы свершали обряд неудавшегося бракосочетания в пылающем тигле, здания Нижнего Града не прекращали трястись, осыпаясь. Многие из них были разрушены, но и немало осталось стоять, раскачиваясь и стеная, величаво кренясь ко дну ямы — словно падая в ту точку пространства, где я застыл, уткнувшись лицом в окровавленный живот Либуссы и обхватив руками обугливщийся дубовый крест. Здесь все было кончено. Мы подступили к самому краю времени.

— Либусса, скажи мне, что должен я делать! Скажи мне, чего ты хочешь! Я — твой слуга. Единственное мое желание — это служить тебе.

Еще больше строений Амалорма закачалось в последней судорожной джиге, прежде чем обрушиться. Здания осыпались, обваливаясь с многочисленных террас. Камни, и кирпичи, и куски шифера летели к моим ногам. Повсюду вокруг клубились тучи пыли. Оглушительный скрежет камня о камень разогнал всех живых созданий, чтобы не было свидетелей этому унижению. Остался один лишь я. Свидетели таинства и обитатели Амалорма — те, кому удалось уцелеть,— неслись что есть духу наверх по разрушенным улицам, надеясь обрести спасение в Малом Граде.

Либусса, ты никогда не была злодейкой. Если ты и творила зло, то не хуже, чем совершенное по отношению к тебе. Ты приняла страдание и муку, как принимает страдание и муку любая женщина, если она ищет власти. Неужели и вправду мне в

последний момент не хватило мужества, когда я добровольно преклонил пред тобою колени и предложил тебе свою жизнь? Теперь я понимаю, что ты не хотела причинить мне вреда и все, что я испытал, было, возможно, не более чем воплощением безумия, вдохновленного тобою, властью твоей воли над моею. Ты действительно верила в то, что сумеешь воссоздать нас двоих в едином существе — бессмертном гермафродите. Не я убил тебя, помнишь? Ты понимаешь, должна понять... Не ты убила себя. Не ты подстроила так, чтобы обряд завершился твоей смертью. Это наследие прошлого погубило нас. Ни ты, ни я все равно не сумели бы отказаться от прошлого. И оно погубило тебя, как всегда будет губить — плененный Зверь Параллельна, создание колдовства и ненасытной животной алчности. Все мы так или иначе жертвы коварного Люцифера. Силу Зверя нельзя обуздать. Ее надлежит уничтожать. Грааль воспротивился потому, что ты пыталась извратить его назначение. В гневе своем ты освободила Зверя, и он вырвал твое сердце из груди и унес его к звездам. Быть может, Либусса, тебе суждено — в некоей иной вселенной — вечно терпеть муку? Или же сердце твое теперь вечно будет биться в Аду? «Сейчас нельзя колебаться! — прокричала ты мне, когда звезды соединились. Ты велела мне вступить в Химическое Чрево.— Я вверяю тебе мое будущее. Я вверяю тебе мой дух. Ты только не подведи меня, фон Бек».

Сколько лет и веков женщина верит в мужчину, и, как всегда, он предает ее веру.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

В которой я становлюсь очевидцем конца эпохи и встречаю старых знакомых. Некоторые размышления относительно устремлений человечества

Я сидел посреди остывших обломков плавильного тигля и нес скорбную стражу у тела Либуссы. Время от времени поднимал я глаза к небесам, наблюдая узор новых созвездий и нити света, протянувшиеся от звезды к звезде. Все застыло: светила и линии света. Может быть, этот небесный узор установился уже навечно? Когда теперь сдвинутся они снова? Я спрашивал у Либуссы, но она не могла мне ответить.

Терпеливо в безумной надежде на волшебство, которое исцелит ее. Но даже если герцогиня оживет, я не знал, что будет дальше: не возвратится ли золотой орел, чтобы снова вырвать сердце из ее груди. В одном старом труде, посвященном магической практике, я читал об опасностях, сопряженных с ритуалами воскрешения. Я лихорадочно пытался вспомнить, как Прометей избежал подобной судьбы.

Почти весь Нижний Град обратился теперь в руины, лишь немногие здания еще стояли, отрицая все законы природы, но — не в силах больше сопротивляться — они одно за другим осыпались с усталым ревом, превращаясь в пыль у меня на глазах.

Лев исчез. Как я подозреваю, в тот самый момент, когда дух Либуссы покинул тело. И все же, чем дольше я ждал у подножия креста, тем увереннее становился в том, что сейчас я услышу фырканье и шаги Зверя. Один раз — я ни на мгновение не усомнился в том — я различил звук гневных ударов исполинской булавы.

Я так и не узнал, какова природа тайны, извлеченной Монсорбье из глубин прошлого. Может, все дело в миносских предках Либуссы? И моих предках. (*Либусса, кровь твоя — моя кровь. Она бьется в венах моих — живая, дивная кровь. Больше мне ничего не нужно. Я твой, Либусса, все еще твой. И теперь ты моя навечно.*)

Холод воцарился среди руин. Юным звездам не хватало тепла, чтобы согреть этот мир. Я вдыхал копоть и дым. Могло ли быть так, что нам все-таки удалось, пусть частично, изменить ход истории? Может быть, мы сумели установить хотя бы одно из условий... и теперь человечество будет

жить по-другому и по-другому станет поиск исцеления боли мира? Или, может быть, мы открыли врата и впустили в мир Хаос?

Разорванное тело Либуссы безвольно свисало с черного креста. Герцогиня была выдающейся женщиной, которая верила, что сумеет переделать мир, отлить его в новой форме, отрицающей безумие. Она не была мученицей и умерла из-за стремления к власти, но власти она желала лишь потому, что осознавала царящее в мире неравенство. А эти две вещи всегда несовместимы.

Пока я размышлял, по изломанному горизонту Нижнего Града разлилось какое-то бледное свечение: полоска серого света. Это дало мне надежду. Может быть, случится новое чудо. Если бы только было возможно вернуться назад во времени к счастливым и радостным дням, но обладая опытом, что открылся нам в будущем... Мы никому бы не причинили вреда, ничего не изменили — только себя самих. Но чудо, предстающее перед нами, было не для нас.

Долгая ночь старого Майренбурга приближалась к концу. Осенние Звезды погасли, и тьма волшебной ночи навсегда покинула город. Пора безвременья закончилась, и теперь этот город узнает правление принцев не таких отрешенных и равнодушных, как Себастократор.

Я наблюдал первый настоящий майренбургский рассвет. Странные тени поползли по раскрошенным камням Амалорма. Маленькие зверьки и громадные жуки бежали сквозь бледнеющий сумрак и прятались в трещинах опрокинутых каменных плит — это был великий исход ночных тварей. Рассеянные лучи восходящего солнца упали на тело Либуссы. На мгновение во мне всколыхнулась на-

дежда, что солнечный свет возвратит ее к жизни. Я смотрел — пристально, напряженно — на лучи, омывающие ее тело. Я надеялся, что Либусса поднимет голову, и улыбнется мне, и скажет, что это была просто игра, что она собиралась лишь преподать мне урок. Но в груди ее, в том месте, где было сердце, зияла кровавая рана. Из раны поползла капелька крови и упала на обломки. Никакого движения. Лишь ветерок шевелил волосы герцогини и ошметки разорванной плоти.

Теперь солнце встало по-настоящему. На какое-то время золотой его свет ослепил меня. Я оставался на месте, не мог бросить тело моей возлюбленной. И мне некуда было идти.

Свет оставался таким же ярким. Руины Нижнего Града как будто подернулись дымкой. Прошло еще какое-то время, а потом мне почудилось, что я вижу высокую фигуру, бредущую по пепелищу. Незнакомец останавливался то и дело как будто искал что-то среди обломков. Вот он остановился совсем-совсем близко и повернулся ко мне. Все еще ослепленный сиянием солнца, я не сумел разглядеть черты. Я даже не понял, мужчина то был или женщина. Но потом я узнал абрис фигуры.

— Можете вы спасти ее? — спросил я тогда.— Можете вы воскресить ее для меня, сударь? Или открыть мне, как приказать Граалю, дабы он вернул ее к жизни? — К своему несказанному изумлению я понял, что все это время я плакал.

Сияющая фигура покачала головой и печально развела руками.

— Отныне у меня нет подобной власти, фон Бек. Во всяком случае, здесь, на Земле. И никто: ни вы и ни я, ни одно из живых существ, ни одна

сила, потусторонняя ли, природная, не властны повелевать Граалем. Как я вам однажды уже говорил, Грааль — сам по себе. Он приводит все в равновесие. Но им нельзя управлять. Он и есть воплотившаяся Гармония!

— И поэтому вы мне дали этот ужасный меч?

— Дар мой, если вы помните, не ограничен был никакими условиями. Вы стали его полновластным хозяином. Как им воспользоваться, выбирать было вам. Я же не возлагал на него никаких надежд...

— Стало быть, вы все тот же Люцифер? Такой же хитрый и изворотливый — повелитель лжи!

— Вы меня обижаете, сударь.

— Тогда скажите, чего вам от нас надо? Прощения? Жалости? Чего?

— Победного торжества! — с искренним пылом проговорил правитель Ада.— Только оно возвратит мир к Благодати.

— А что возвратит мне Либуссу?

— Она внутри вас.

— Я не могу оценить по достоинству вашу шутку, сударь.

— Это уже вам решать, сударь.

Он что, намекал на возможную сделку?

— Я вам не слуга, Люцифер.— Было холодно, и я весь дрожал, но нарастающий гнев вернул моему застывшему телу жизнь.— Я был готов служить герцогине. Я хотел ей служить. И я не оправдал ожиданий ее не из-за недостатка желания...

— И не из-за моральных сомнений?

— Все дело в ней самой... Я не хотел видеть, как она сама разрушает то, чем так дорожила. Мне не хватило мужества. Я испугался Зверя. Вместе

мы превзошли бы вас, сударь... Куда орел унес ее сердце?

Размытые очертания сияющей фигуры Люцифера обрели на мгновение четкость черт. Лицо его — невыразимо прекрасное, запечатлившее вышнюю красоту андрогина — было мягким и нежным в искреннем сострадании.

— Ну что же,— проговорил Люцифер,— по крайней мере, вы все еще служите Истине. И за это я благодарен вам. И суд ваш...

— Сударь, я никому не судья! Я не могу никого судить!

— Нет, вы судите, сударь, и других, и себя самого.— Он улыбнулся.— Что же касается заданного вами вопроса...— Тут выражение его лица изменилось.— Могу только сказать, что существуют иные реальности, еще менее приятные, нежели Ад.

Люцифер встал в том самом месте, где этой ночью полыхало пламя плавильного тигля. Он вдруг резко нагнулся к земле, потом столь же порывисто выпрямился и поднял над головою старый побитый шлем. Я не питал ни малейшего благоговения перед Граалем, ибо он уничтожил женщину, которую я любил. То, что семейству фон Беков назначено оберегать его, я воспринимал теперь не как фамильный наш долг, но как мое проклятие.

Едва ли не торжествующе Люцифер поднял шлем к небесам, и — длилось это какой-то миг — миллион разноцветных лучей вырвались из глубин страшного шлема и устремились ввысь, к новым созвездиям.

— Он был здесь, на этом самом месте? Когда совершилось Согласие? — спросил Князь Света.

— Да.

— Тогда, фон Бек, у нас еще, может быть, есть надежда.

Я не желал никаких сделок с Люцифером, не желал никаких новых загадок.

— Заберите его с собой в Преисподнюю, сударь. Там ему самое место

— Что же, я постараюсь его удержать,— ответил мне Люцифер.

И вновь Грааль излил свет, затмевающий солнце, и ослепил меня. Когда же я снова смог видеть, и чаша, и Люцифер исчезли.

То утро провел я, свершая скорбный ритуал.

Я снял тело Либуссы с креста и сложил погребальный костер из сохранившихся реликвий ее разбитой мечты, а поверх этой груды бережно возложил растерзанное тело моей любимой. Среди остывшей золы разыскал я несколько тлеющих угольков и разжег костер. Он хорошо разгорелся. И снова во мне шевельнулась надежда, что пламя костра воскресит ее, но мертвая плоть обгорала, источая запах жареного мяса, и вскоре тело герцогини обратилось в золу и пепел. Однако Люцифер был прав: она пребывала внутри меня.

Потом я ушел прочь от этого остывающего погребального костра. Я плохо помню, что было дальше... Кажется, я собирался покончить с жизнью, как вдруг с небес донеслось знакомое клацание, фырканье и дребезжанье порохового двигателя.

Я поднял глаза. Ко мне приближался *Данос* Сент-Одрана. Корабль летел очень низко в полуденной дымке, механизм управления его изрыгал клубы бурого дыма. Зеленый с золотом Грифон выглядел нелепо — такой серьезный, не без налета некоего драматизма, висел он в воздухе под куполом шара, алый с белым шелк уже повыцвел и пообтрепался.

Я обнаружил, что снова плачу. Меня шатало. Я даже и предположить не мог, с какой радостью встречу я владельца его, и как мне дорога его дружба.

Мой франтоватый шотландец, перегнувшись через борт гондолы, глядел в подзорную трубу. Он держал ее одной рукой, а вторая лежала на кране клапана.

— Эй, на земле! Пожалуйте на посадку, сударь! Сегодня мы отбываем из Миттельмарха!

А потом Сент-Одран прищурился и ошеломленно уставился на меня, словно только сейчас заметил в моем облике некую странность.

Он широко улыбнулся:

— Боже мой, сударь, да вы же совсем голый!

Я опустил глаза, глядя на свое возрожденное тело.

— Боже мой, сударь,— ответил я.— А ведь и вправду!



ЭПИЛОГ



В тот же день мы отбыли из Миттельмарха с твердым намерением никогда больше не возвращаться в эти волшебные пределы. Неоценимую помощь оказали нам карты, инструкции князя Мирослава, равно как и изобретенный им пороховой двигатель,— мы без труда отыскали проход в наш мир и направили туда воздушный корабль.

По моему настоянию вернулись мы в Майренбург. Я собирался отдать все деньги, кото-

рые мы получили с акционеров нашей воздушно-навигационной компании, их законным владельцам. Горожане встретили нас как героев, даже сам принц пожелал принять нас у себя. Как обнаружилось, сам он ни пфеннинга не вложил в наше начинание, зато ландграфиня в своем завещании отписала обоим нам по значительной сумме (как теперь выяснилось, это и было причиной ярости барона, ее племянника). Также выяснилось, что почти все полученное нами золото поступило из казны герцогини Критской и, по закону, переходило теперь в наше полное распоряжение. Мы вдруг сделались невообразимо богаты, причем — законным путем!

Сент-Одран едва ли не с подозрением отнесся к такой удаче, тогда как я испытывал по этому поводу самые противоречивые чувства. Я не задумываясь отдал бы все свое золото, лишь бы вернуть Либуссу.

Только старый мой друг и боевой товарищ, сержант Шустер (который, как оказалось, вовсе и не пребывал в блаженном неведении относительно первоначального нашего плана), недвусмысленно выражал свою радость по поводу того, что все удачно сложилось. Он настоял на том, чтобы дать в нашу честь праздничный ужин в большом зале «Замученного Попа». Атмосфера радушия и дружелюбия немного развеяла безысходность мою, печаль и напомнила мне о вполне заурядных радостях, существующих в мире. В скором времени отбыл я в Бек, оставив Сент-Одрана в Майренбурге, где он вместе с учеными мужами города вознамерился всесторонне изучить секреты порохового двигателя князя Мирослава и построить воздушный корабль, который до недавнего времени существовал лишь в безудержном воображении шевалье.

Вскоре я уже наслаждался уютным покоем родимого Бека и родительскою любовью. Оба — отец и матушка — приняли меня с радостью, отметив при этом, что я изменился (в лучшую сторону), а батюшка, мучимый к тому времени всевозможными хворями, начал даже поговоривать о том, что пора уже мне потихонечку браться за управление имением, которое мне предстоит унаследовать, поскольку старший мой брат, судя по всему, долго не задержится на этом свете.

Мятежный дух мой больше не отвергал притягательной прелести мирной и упорядоченной жизни, этой провинциальной гармонии, этих устоев неукоснительного здравомыслия и строгой морали, которые являлись нашей семейной традицией. Библиотека в имении Бек по праву считается лучшей во всей Германии, и вскоре я начал искать — поскольку теперь уже знал, что мне нужно,— немалое количество книг, освещающих те вопросы, которые занимали меня тогда больше всего. Но не смотря на покой и уют, изобилие толковых и умных книг, трогательную обо мне заботу и любовь моих домашних, несмотря на внимательное изучение истории семейств Картагена, Мендоса и Шилперикoв и ту особую ветвь, которая свела все три рода вместе, я вскоре обнаружил, что неимею ни подходящего склада характера, ни, сказать честно, особенной склонности для того, чтобы стать следующим хозяином Бека.

Говоря по правде, я вообще не годился на то, чтобы стать чьим-нибудь господином; а постоянные речи матушки о ее надеждах оженить меня — хотя я понимал, что она хочет мне только добра,— уже начали раздражать меня и сердить. В жизни и смерти невестой моею, моей нареченной осталась Либус-

са, хотя я вовсе не предавался мрачному отчаянию и не был подвержен ни приступам черной меланхолии, ни припадкам внезапного бешенства, ни наплывам таинственных страхов. Либусса жила во мне, в моем теле, как живет она и теперь, и знание это отнюдь не ложилось мне на сердце тяжким грузом. В отличие от героинь, скажем, *Замка Вульфенбах* или *Рейнской сиротки*, я, как и Либусса, едва ли способен был испытывать длительное отчаяние и оставался натурою деятельной и активной. Чего мне действительно не хватало, так это легкого, беззастенчивого и доверительного общения с женщинами, чья восприимчивость и уязвимость были, как мне представлялось тогда, весьма близки к моему состоянию.

Каким бы образом ни сработала эта алхимия — было ли то результатом смешения тинктуры и крови в ужасающем ритуале либо тех восхитительных переживаний, которые мне довелось испытать, соединяясь с Либуссою на любовном ложе,— она, безусловно, необратимо изменила дух мой и тело. Но интересы мои остались неизменны (никогда не питал я особой склонности к геройству на поле брани, охоте и прочим забавам подобного рода), но постепенно круг их расширялся, вбирая в себя и то, что Общество наше относит исключительно к Женской Сфере и что, тем не менее, не являлось пустым и простым времяпровождением, так как предполагало наличие определенного взгляда на мир. Много сил и энергии посвящал я тогда садоводству — и музыке.

Может быть, ту перемену во мне лучше всего объясняли замечания моей доброй матушки о моей «нежной и преданной натуре», искренней готовности — почитающейся весьма необычной в мужчи-

не — ухаживать за больным братом, умирающим от чахотки. Но при всем том я не избегал и «ночных посиделок», сугубо мужских разговоров на всевозможные экстравагантные, а подчас не совсем приличные темы с приятелями моего батюшки и с моим младшим братом, которого поспешно призвали домой в ожидании скорой кончины Ульрика. Я также часто приезжал к барону Карсовину, чью супругу нашел очаровательной и умнейшей женщиной, хотя и несколько чересчур благоговейшей перед своим велеречивым мужем, и эти визиты доставляли мне истинное удовольствие. Но что меня сильно разочаровывало, так это разделение полов, и часто случалось, что я не мог подобрать необходимую мне компанию, ибо теперь сочетались во мне черты, присущие и Мужчине, и Женщине, порой мне трудно было разобраться, как должно себя вести в каждом конкретном случае. После кончины брата я стал все чаще и чаще выезжать за границу — развеять скуку и дать пищу уму. В конце концов частые эти поездки начали беспокоить моих домашних, и я понял, что мне предстоит принимать окончательное решение гораздо скорее, чем я рассчитывал.

Я устроил так, чтобы батюшка принял меня у себя в кабинете, располагавшемся на нижнем этаже в восточном крыле особняка. Стоя у окна, я смотрел на искусно постриженную живую изгородь сада и на цветочные клумбы, на всю эту красоту, которую сотворил своими руками не далее как в прошлом году, доставив тем самым несказанное удовольствие батюшке, который ценил все красивое, но всегда заявлял, что у него «не хватает ума, чтоб самому нечто подобное соорудить». Батюшка

с радостью согласился поговорить со мною. Я так думаю, он надеялся разузнать, чем я все-таки занимаюсь во время поездок своих за границу.

В назначенное время — в понедельник, ровно в полдень — батюшка уселся в свое любимое кресло и, не проявляя ни малейшего нетерпения, раскурил старую трубку. Он молча попыхивал ею, глядя на сад. Лето уже подходило к концу. То был год 1797-й (второй год Директории; в предыдущем году Наполеон стал генералом итальянской армии и одержал победу у моста Лоди и при Арколе). Сначала мы, по обыкновению, обсудили новости из Франции, и батюшка выразил удовольствие тем, что «дела наконец-то улаживаются». А потом я, как говорится, взял быка за рога. Поначалу нерешительно принялся объяснять ему, почему не считаю себя пригодным к тому, чтобы принять ответственность, какая неминуемо ляжет на плечи следующего графа фон Бека, и что наиболее подходящей для этого кандидатурой считаю своего младшего брата Рихарда. Он, к тому же, сумеет дать Беку наследника. При последнем замечании батюшка мой нахмурился и деликатно осведомился, нету ли у меня каких «трудностей» в этом плане — быть может, ранение, предположил он. Но я уверил его, что здоровье мое здесь ни при чем, просто во Франции и Америке я вел достаточно разгульную жизнь и мне женщины надоели, так что я решил остаться холостяком.

Но это вовсе не значит, что я хочу стать каким-нибудь иезуитом, поспешно добавил я. Я сказал отцу, что верю в семейные наши предания относительно того, как Господь передал полномочия Люциферу, и посему я не вижу особого смысла в строго религиозной жизни. Тем не менее я

склонен вступить в какое-нибудь из мирских братств, посвятившее себя трудам праведным,— например, к моравским братьям.

В конце концов батюшка дал мне благословение, и на глаза его навернулись слезы. Я, понимая его состояние, сделал вид, что не заметил их.

— Управляться с землей,— сказал он, когда мы с ним вышли в сад,— дело нелегкое. Оно налагает на человека определенные обязательства и требует от него дисциплины подчас, быть может, бессмысленной. Человек, можно даже сказать, принимает на себя тяжкий груз. Я не думаю, Манфред, что я — этакий патриарх по натуре, и тем не менее вот он я: добропорядочный старый землевладелец, типичный саксонский *Vaterstadter*, ничем, без сомнения, не отличающийся от сотни других. Но я сам себе выбрал такую жизнь и не скажу, что очень об этом жалею. Я просто хочу, чтобы ты знал, сын мой, твое решение мне импонирует. Правда, Рихард, вне всяких сомнений, будет счастлив пойти по моим стопам, ведь он даже и не надеялся на такой поворот событий.

Мы вышли из сада и через луг направились к развалинам старого аббатства, которое построено было еще в восьмом веке. Теперь от него мало что сохранилось; развалины густо заросли диким плющом. Располагалось аббатство в роще, на другом берегу узкой реки, через которую был перекинут обветшалый мост.

У моста батюшка остановился, глядя на вялый, заросший травою поток и на пескарей, что плескались у самой поверхности.

— Говорят, это Всевышний определил, что относится к долгу мужчины, что к долгу женщины.

Но если Господь и вправду покинул нас... а согласно девизу нашего рода, так оно и есть... тогда почему бы нам не отказаться от его заповедей, точно так же, как Он отказал нам в утешении Уверенности?

Он всегда был хорошим отцом и интуитивно определил, в чем именно заключается основная моя проблема, не выдвигая при этом никаких поверхностных догадок.

— Я не знаю.

— Дело, сдается мне, в деньгах,— улыбнулся он.— Все упирается в вопросы наследия и, само собой, власти, поскольку всласть переходит вместе с землей.— Он оглядел поля.— Ты уверен, мой мальчик, что действительно хочешь отказаться от этой власти?

— Всем сердцем,— отозвался я с улыбкой. Батюшка сдавленно хохотнул. Мы перешли через мост и вступили под сень руин древнего аббатства. Здесь было полно комаров, и отец раскурил трубку, чтобы дым отогнал насекомых.

— Мы вступаем в Эпоху, которая ценит все это больше, чем ценил я,— сказал он,— и в то же самое время стремится все это уничтожить. В мире полно подобных парадоксов.

— Мне кажется, да,— отозвался я.

В скором времени я получил письмо от Сент-Одрана. Он написал, что не только не преуспел в изучении порохового двигателя Мирослава, но еще и истратил половину всех своих средств, пытаясь создать газ под названием «водородий», но и здесь потерпел полную неудачу. Теперь он собирался приехать к нам, но не один. Он познакомился с одной дамой, англичанкой, поразительно умной женщиной, которая к тому же проявляет искрен-

ний интерес к научным изысканиям. Ему бы очень хотелось, чтобы и я тоже с ней познакомился. Зовут ее леди Сюзанна Вернон. Шевалье мой не смог устоять и не добавить в письме, что он поднялся на несколько степеней в научном Обществе — и это он, человек из шотландских трущоб, начинавший с того, что «едва не кончил на виселице». Я с нетерпением ждал их визита и договорился с отцом, что, когда придет время им отбывать в Майренбург, я уеду вместе с ними.

Как в скором времени выяснилось, Сент-Одран ничуть не преувеличил достоинств Сюзанны Вернон. Больше того, она оказалась настоящей красавицей с черными вьющимися волосами и сияющими голубыми глазами — великолепное сочетание. Мы почти сразу же стали друзьями.

Сент-Одран сказал мне, что Майренбург начал его утомлять, по сравнению с Англией все страны, даже новая Франция, теперь безнадежно отстали.

— Это страна инженеров, друг мой! — с жаром вещал шевалье. Одет он был по последней моде: ткань в полоску, воланы, шляпа, лихо заломленная на затылок.— Пусть даже кухня там отвратительная, погода мерзейшая и вообще не хватает комфорта. Пусть, в основном, это страна пьяных грубиянов и чванливых филистеров, лицемерных ханжей и самодовольных невежд, но зато там столько сырья для моего ремесла! И, разумеется, это родная страна Сюзанны. Меня принимали в ее семье. Отец ее — выдающийся экспериментатор. Очень милый человек. А она — просто гений! Меня сочли подходящим женихом. А вы обязательно будете моим шафером.

Пытаясь скрыть от него глубокую печаль, которая вдруг охватила меня при последних его сло-

вах, я принял предложение шевалье, проявив, я надеюсь, подобающий такт и воспитанность. Потом я спросил его в шутку:

— А что за сырье такое? Я всегда полагал, что это — колода игральных карт и набор пистолетов! — Уж я никак не позволю ему позабыть наше не столь, скажем так, респектабельное прошлое. Он, однако, всегда находил в том забаву, даже гордился своими былыми похождениями и ничего не скрывал от своей невесты.

— Другая кровь, дорогой мой,— проговорил Сент-Одран, растягивая слова на манер английских денди,— а у вас, кажется, есть чувство юмора, словно вы и не германец вовсе!

Он продолжал с воодушевлением рассказывать об экспериментах с паром, новыми металлами и механизмами, которые в скором времени превратят Англию в одну громадную мануфактуру. После Майренбурга, где ему нужно еще привести в порядок дела и перечислить деньги, он первым делом собирался отправится в Глазго, а потом — в Лондон, где его будет ждать Сюзанна Вернон. Он намерен достичь великих свершений, но начинать ему придется на Севере. Потом, когда мы остались с ним наедине, Сент-Одран сказал мне, что даже если кто-то и узнает в нем бывшего дезертира и узника Нью-Гейта, теперь для него это не будет большой проблемой.

— Клянусь, мне это вышло в сотню гиней! Пришлось дать взятку самому принцу!

Я поведал ему о своем решении и о том, что со мной приключилось. Он обдумал мои слова, потом кивнул и обнял меня:

— Так значит, она все еще пребывает в вас?

— Да. И от этого не уйдешь.

Мы стояли на крепостной стене старого замка Бек (все, что осталось от древнего мрачного шлосса), глядя на осенние поля, раскинувшиеся внизу, где у извилистого ручья под сенью громадных деревьев мирно паслись коровы; на вековые дубы и ели, чьи стволы заросли лишайником; на луга полевых цветов. Вдалеке, над деревнею, струился дымок — поселяне растопили печи. В воздухе чувствовался уже первый намек на грядущую зимнюю стужу. День близился к вечеру, солнце медленно клонилось к горизонту.

Сент-Одран обнял меня за плечи.

— Мужество — качество непостоянное, дорогой друг. То оно есть, то его нет — все зависит от обстоятельств. Точно вода в колодце: то поднимается, то убывает. Его нельзя закрепить, как не закрепишь ртуть.

Утро следующего дня выдалось мрачным и пасмурным, солнце едва пробивалось сквозь завесу туч, но мне унылое это утро предвещало исполнение самых заветных желаний. Мы — Сент-Одран, леди Сюзанна и я — отправлялись в путь. Матушка поцеловала меня на прощание, а батюшка обнял с неожиданной силой. Я сказал им, что со мной можно будет связаться через сержанта Шустера у «Замученного Попа». Сент-Одран приподнял шляпу и очаровательно произнес «Добрый день» по-английски, к вящему восторгу ребятишек младшей моей сестры, которые находили «дяденьку» таким невозможно забавным.

Из Бека мы отбыли в дилижансе под громким названием «Пражский Экспресс». Кучер с остервенением нахлестывал шестерку лошадей — они неслись быстрым галопом, точно стремились побить рекорд.

В Майренбурге я себя чувствовал неуютно — слишком болезненно, на мой взгляд, сплелись с этим городом воспоминания мои и несбывшиеся мечты — и с радостью принял предложение Сент-Одрана поехать с ним в Глазго. В этом миленьком городке друг мой обнаружил, что нежданно-негаданно стал представителем новой элиты. Люди эти, называемые в английской прессе «котлы, а не головы», интересовались практическим использованием усовершенствованных паровых двигателей. Некоторым уже нашлось применение, и кареты, на которых подобные двигатели стояли, развивали скорость больше пяти миль в час! Я скромно держался в тени Сент-Одрана, но и сам вскорости приобрел некоторую — и заслуженную — известность, ибо искренне разделял энтузиазм шевалье и подходил ко всем этим машинам с позиций предельного освобождения человека от тяжелого и примитивного труда. Сент-Одран решил построить новый воздушный корабль на паровом двигателе, пытался создать движущие механизмы для морских кораблей и мельниц. Вскоре машины его приобрели такую широкую известность, что шевалье моему стало весьма затруднительно разыскать подходящее варьете, где он мог бы достойно проматывать свои прибыли. Я также извлек неплохую выгоду из предприятия нашего и начал уже подумывать о том, чтобы на средства сии основать некое идеальное поселение — крошечную вселенную, где хотя бы некоторые из этих новых рабочих мужчин и женщин обрели настоящее равенство и покой. Сент-Одран же лелеял замыслы построить железную дорогу для паровых карет, по которой могло бы ходить несколько экипажей одновременно, приспособив, быть может, под это

какой-нибудь буксир, подобный тем, что применяются на каналах.

Однажды в присутствии леди Сюзанны Сент-Одран признался, что ему — жулику с многолетним стажем — было трудно поверить в то, что у людей есть мечты, которые и могут быть воплощены в жизнь при помощи научного эксперимента и тщательного изучения Природы. Он продолжал говорить, точно этакий ловкач, совершивший грандиозное мошенничество и избежавший лап Закона.

— Я долго думал над этим вопросом и пришел к выводу, что сам я ни капельки не изменился, точно и людские мечтания... что же тогда изменилось? Сама Реальность, скажу я вам! — Оба они рассмеялись, и я тоже присоединился к ним, но про себя я задался вопросом: быть может, Либусса все же чего-то достигла? А что, если нам с нею было позволено только подойти к этой черте — закончить работу за Дьявола? И не более того? Я часто задумывался об этом. Люцифер утверждал, будто он нами не управлял, но ведь у нас было на то только слово его и все. Впрочем, с другой стороны, мой недостаток мужества и отказ Либуссы изгнать Зверя неминуемо должны были воспрепятствовать воплощению грандиозных алхимических замыслов. Или же просто мы оба слишком упрощенно смотрели на вещи.

В последние годы алхимия стала излюбленной темой низкой комедии: никто теперь не боялся ее тайной силы, как было это в мое время. Инженеры и техники вроде Сент-Одрана неожиданно поднялись в общественном мнении, хотя не так давно та же самая публика считала их фиглярами и помешанными. Стало быть, и в этом Либусса не пре-

успела. Жизнь и судьбу свою поставила она на одну-единственную карту. И не только свою. Она рисковала судьбами и жизнями многих. И проиграла. День Льва так и не пришел. Вместо него настал День Парового Двигателя. Выходит, она все-таки была мученицей — мученицей изменяющихся времен. Хотя, может быть, именно ее смерть вызвала изменение.

Я так и остался в Лондоне, хотя изредка наезжал в Бек и в Майренбург, где — через некую таинственную персону — обмениваюсь письмами и посылаю книги Филархию Гроссесу, чей маленький томик храню у себя до сих пор. Я всегда останавливаюсь у «Замученного Попа». Старый Шустер передал постоялый двор своей дочери, но и сам от дела не отошел. Мы беседуем с ним часами. О былых наших битвах в Америке, о судьбе Франции, о замечательных достижениях юного Красного, который регулярно шлет письма Ульрике. Он нашел наконец себя в Южной Америке, став пламенным соратником Боливара. Иногда, по дороге в Бек, но не так часто, как, например, в Майренбург, заезжаю я в Прагу. Я бываю в доме неподалеку от Шато-ле-Бланк, где собираются старые люди, которые вспоминают дни былой своей мощи и строят планы на будущее в ожидании времен, когда им снова представится случай потрясти мир. Там обсуждаем мы законы древней мудрости, тайные знания алхимии, таинства Химической Свадьбы, Великое Соответствие и прочие вещи подобного рода. Меня почитают там как Верховного Магистра и выказывают моей скромной персоне самое почтительное уважение. Если я в чем-то и не оправдываю их ожиданий, то лишь в том, что упорно отказываюсь поддержать их мечтания о

возобновлении того, что они определяют как «золотую работу». Есть среди них и такие, которые чрезмерно мне льстят. Они говорят, будто я совсем не состарился. Что я все тот же герцог Критский — последний на земле человек, в чьих жилах течет чистая кровь Тельца, что древнее самой человеческой расы,— что я ни капельки не изменился, что я все такой же, каким они знали меня с четверть века назад. И если я улыбаюсь при этом и отшучиваюсь, то вовсе не потому, что насмехаюсь над ними. В наши дни всего лучше относиться к другим людям с вниманием и уважением. Если мы не сумеем хотя бы этого, то можем ли мы вообще надеяться на обретение истинной Гармонии: Лекарства от Боли Мира?

— Разгадка сей тайны заключена в Граале,— говорят они мне.— А Грааль сокрыт в Преисподней. Теперь Люцифер оберегает его.— Так объясняют они все неудачи, несостоятельность истощившейся своей силы. Я же в данном вопросе не выказываю скептицизма.

Былой наш идеализм приносит немалые прибыли, и в плане материальном все мы процветаем. Как-то я выразил Сент-Одрану свою озабоченность по поводу некоторой двусмысленности данного положения, на что он ответил, что мне вовсе незачем терзаться относительно моральной стороны дела. Придет Новый Век, и пусть народится он не без боли и мук, он все же настанет — слишком сложный и всеобъемлющий для человеческого разумения.

— Опасность в другом,— сказал мне как-то Сент-Одран.— В том, что многие будут пытаться все упростить.

По настоянию леди Сюзанны летом года 1817-го сел я за эти записки. Опыт мой, настойчиво утвер-

ждала она, непременно должен быть запечатлен на бумаге. В конце концов я поддался ее уговорам, и мы порешили, что рукопись я отдам на хранение ей и она сможет распорядиться записками этими по своему усмотрению, но лишь после моей смерти. (Леди Сюзанна на несколько лет меня младше, и здоровье у нее получше моего.) В случае ее смерти рукопись — по завещанию — переходит к ближайшей ее родственнице женского пола. В этой рукописи я умолчал о дальнейших своих приключениях и открытиях, ибо то совершенно другая история, которую, если только я буду в силе, я обязательно опишу. В скором времени намереваюсь я переехать в Майренбург, где я купил себе скромный домик на Розенштрассе, рассудив, что раз уж боль моя все равно не пройдет, то лучше мне поселиться в городе, где когда-то мы были вместе. С Либуссой — моею любимой.

Я уже предвкушаю, как сяду в открытый экипаж и ясной октябрьской ночью проедусь по берегу Рютта, когда осенний Майренбург становится сонным и кротким. Мы выедем вместе с возницей перед самым рассветом, когда в небе видны еще звезды. Потом я попрошу его остановиться на мосту Радоты. Воздух, наполненный запахом дыма, осенних листьев и летних цветов, как всегда, будет чист и свеж. В утренней дымке по водам Рютта медленно поплывут баржи. Их матросы, вставшие спозаранку, будет кричать, приветствуя друг друга.

А потом взойдет солнце! По бледно-синему небу разольется золотой майренбургский рассвет, омоет тихие воды реки, зажжет бликами света сияющие купола и серебряные шпили, и голуби взовьются в утреннюю высь, точно белое облако, оживленное светом солнца.

А потом Майренбург потихоньку начнет просыпаться. Откроются кафе и лавки, тележки покатятся по мостовым, детишки отправятся в школу, а мы поедем обратно на Розенштрассе. Майренбург — дивный город, прекраснее и спокойней многих, но люди, живущие в нем, мало чем отличаются от людей из любого другого города. Майренбург — древний уютный город, испокон веков терпимый к чужакам...

Она всегда пребывает во мне, моя Либусса. Если алхимия ее и не изменила мир, то в чем-то другом она совершила все же необратимую трансформацию. Я же предпочитаю вспоминать более ранние времена, когда мне казалось, что мы обретем покой в обычном супружестве. Мне нравится представлять себе, как мы с нею едем в карете и она вместе со мною наслаждается утренней панорамой Майренбурга.

Мы будем счастливы — правда, Либусса? — во дни нашей Осени.



СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора 7

Глава первая 9
Глава вторая 38
Глава третья 83
Глава четвертая 114
Глава пятая 160
Глава шестая 205
Глава седьмая 234
Глава восьмая 256
Глава девятая 287
Глава десятая 308
Глава одиннадцатая 324
Глава двенадцатая 355
Глава тринадцатая 402
Глава четырнадцатая 439
Глава пятнадцатая 464
Глава шестнадцатая 488
Глава семнадцатая 512
Глава восемнадцатая 532
Глава девятнадцатая 551
Глава двадцатая 598
Эпилог 606

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

Муркок Майкл

ГОРОД В ОСЕННИХ ЗВЕЗДАХ

Составитель *Александр Тишинин*

Перевод с англ. *Татьяна Покидаева*

Обложка *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художники *Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*
Технический редактор *Елена Шараева*
Верстка *Елена Посадова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.10.97.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная.
Бумага типографская. Усл. печ. л. 32,76. Тираж 11 000 экз.
Заказ 2155.

Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380
от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infopro. spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 от 09.02.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

fantasy



•Северо-Запад•®